

Иосиф Виссарионович
СТАЛИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

7-й год издания **№ 3-4 март-апрель 1937 г.**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

О НЕДОСТАТКАХ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ И МЕРАХ ЛИКВИДАЦИИ ТРОЦКИСТСКИХ И ИНЫХ ДВУРУШНИКОВ

Доклад т. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.

Товарищи!

Из докладов и прений по ним, заслушанных на Пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Таковы три бесспорных факта, естественно вытекающих из докладов и прений по ним.

I

Политическая беспечность

Чем объяснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?

Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние

10 лет, начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкистско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации.

Судебный процесс «Ленинградского центра», равно как судебный процесс «Зиновьева—Каменева», дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс «Зиновьевско-троцкистского блока» расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты об'единяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охранки, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обывательского ротозейства. В закрытом письме сказано:

> «Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто-бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства, как единственные средства обреченных в их борьбе с советской властью. Надо помнить это и быть бдительным».

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока Центральный Комитет ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано:

> «Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги об'единяют в борьбе против советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны, — шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани, — все наши партийные организации, все члены партии

должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неот'емлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

Значит, сигналы и предупреждения были.

К чему призывали эти сигналы и предупреждения?

Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-организационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник.

Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго.

Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов.

Чем об'яснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия?

Чем об'яснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет!

Может быть они стали перерождаться? Опять же нет! Такое предположение лишено всякого основания.

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных фактов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика.

II

Капиталистическое окружение

Что это за факты, о которых забыли или которых просто не заметили наши партийные товарищи?

Они забыли о том, что советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется

одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охранки оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью.

III

Современный троцкизм

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7—8 тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Что такое политическое течение в рабочем классе? Политическое течение в рабочем классе — это такая группа или партия, которая имеет свою определенную политическую физиономию, платформу, программу, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно, на глазах у рабочего класса, которая не боится показать свое политическое лицо рабочему классу, не боится демонстрировать своих действительных целей и задач перед рабочим классом, а наоборот, с открытым забралом идет в рабочий класс для того, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Троцкизм в прошлом, лет 7—8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением.

Можно ли сказать, что нынешний троцкизм, троцкизм, скажем, 1936 года, является политическим течением в рабочем классе? Нет, нельзя этого говорить. Почему? Потому, что современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что, если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их, как людей чуждых, и прогонит их от себя. Этим, собственно, и об'ясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подобострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов.

На судебном процессе 1936 года, если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы. Теперь даже слепые видят, что у них была своя политическая платформа. Но почему они отрицали наличие у них какой-либо политической платформы? Потому что они боялись открыть свое подлинное политическое лицо, они боялись продемонстрировать свою действительную платформу реставрации капитализма в СССР, опасаясь, что такая платформа вызовет в рабочем классе отвращение.

На судебном процессе в 1937 году Пятаков, Радек и Сокольников стали на другой путь. Они не отрицали наличия политической платформы у троцкистов и зиновьевцев. Они признали наличие у них определенной политической платформы, признали и развернули ее

в своих показаниях. Но развернули ее не для того, чтобы призвать рабочий класс, призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть и заклеймить ее, как платформу антинародную и антипролетарскую. Реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплоатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и, как средство достижения этих задач, — вредительство, диверсия, индивидуальный террор против руководителей советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил, — такова развернутая Пятаковым, Радеком и Сокольниковым политическая платформа нынешнего троцкизма. Понятно, что такую платформу не могли не прятать троцкисты от народа, от рабочего класса. И они прятали ее не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но даже от руководящей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки людей в 30—40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения на созыв маленькой конференции троцкистов в 30—40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил им это, сказав, что нецелесообразно говорить о действительном характере платформы даже маленькой кучке троцкистов, так как такая «операция» может вызвать раскол.

«Политические деятели», прячущие свои взгляды, свою платформу не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но и от руководящей верхушки троцкистов, — такова физиономия современного троцкизма.

Но из этого вытекает, что современный троцкизм нельзя уже называть политическим течением в рабочем классе.

Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств.

Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет.

Такова разница между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем.

Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей родине, лишь бы напакостить советскому государству и советской власти. Они не заметили этого и не сумели поэтому во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно.

Вот почему мерзости троцкистов за последние годы явились для некоторых наших партийных товарищей полной неожиданностью.

Дальше. Наконец, наши партийные товарищи не заметили того, что между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница.

Во-первых. Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми

нам людьми. Это были большей частью бывшие владельцы предприятий, бывшие управляющие при старых хозяевах, бывшие компаньоны старых акционерных обществ, либо просто старые буржуазные специалисты, открыто враждебные нам политически. Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ. Да и сами шахтинцы не скрывали своего неприязненного отношения к советскому строю. Нельзя то же самое сказать о нынешних вредителях и диверсантах, о троцкистах. Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты,— это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане,— стало быть, люди формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная.

Во-вторых. Сила шахтинцев и промпартийцев состояла в том, что они обладали в большей или меньшей степени необходимыми техническими знаниями, в то время, как наши люди, не имевшие таких знаний, вынуждены были учиться у них. Это обстоятельство давало вредителям шахтинского периода большое преимущество, давало им возможность вредить свободно и беспрепятственно, давало им возможность обманывать наших людей **технически.** Не то с нынешними вредителями, с троцкистами. У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены, чем нынешние вредители, чем троцкисты. За время от шахтинского периода до наших дней у нас выросли десятки тысяч настоящих технически подкованных большевистских кадров. Можно было бы назвать тысячи и десятки тысяч технически выросших большевистских руководителей, в сравнении с которыми все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Мураловы и Дробнисы являются пустыми болтунами и приготовишками с точки зрения технической подготовки. В чем же в таком случае состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями советской власти, они обманывали наших людей **политически,** злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза. «Преимущество» сомнительное по своей политической и моральной ценности, но все же «преимущество». Этим «преимуществом» и об'ясняется, собственно, то обстоятельство, что троцкистские вредители, как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств.

Ошибка некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами, и, не заметив этого, не сумели во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому.

IV

Теневые стороны хозяйственных успехов

Таковы основные факты из области нашего международного и внутреннего положения, о которых забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи.

Вот почему наши люди оказались застигнутыми врасплох событиями последних лет по части вредительства и диверсий.

Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом?

Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодушие?

Не есть ли это органический порок в работе наших людей?

Нет, это не органический порок. Это — временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей.

В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом,— забыли обо всем другом, забросили все остальное.

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т. п.— не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело.

Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого,— появляется политическая слепота.

Тут я должен сказать несколько слов об опасностях, связанных с успехами, об опасностях, связанных с достижениями.

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту. Вот уже несколько лет ведем борьбу с такого рода опасностями и, надо сказать, не без успеха. Опасности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают нередко настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там, где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят из борьбы действительно твердокаменными большевиками. Такова природа опасностей, связанных с трудностями. Таковы результаты преодоления трудностей.

Но есть другого рода опасности, опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением,— порождает настроения беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах.

Неудивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых

самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами и т. п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой,— какого рожна еще нам нужно? Странные люди сидят там в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...

Вот вам наглядный пример того, как легко и «просто» заражаются политической слепотой некоторые наши неопытные товарищи в результате головокружительного увлечения хозяйственными успехами.

Таковы опасности, связанные с успехами, с достижениями.

Таковы причины того, что наши партийные товарищи, увлекшись хозяйственными успехами, забыли о фактах международного и внутреннего характера, имеющих существенное значение для Советского Союза, и не заметили целого ряда опасностей, окружающих нашу страну.

Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты.

Таковы корни недостатков нашей хозяйственной и партийной работы.

V

Наши задачи

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы?

Что нужно сделать для этого?

Необходимо осуществить следующие мероприятия.

1) Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязающих в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства,— в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера.

2) Необходимо поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поставив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров.

3) Необходимо раз'яснять нашим партийным товарищам, что хозяйственные успехи, значение которых бесспорно очень велико и которых мы будем добиваться и впредь, изо дня в день, из года в год, — все же не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства.

Раз'яснять, что теневые стороны, связанные с хозяйственными успехами и выражающиеся в самодовольстве, беспечности, в притуплении политического чутья, могут быть ликвидированы лишь в том случае, если хозяйственные успехи сочетаются с успехами партийного строительства и развернутой политической работы нашей партии.

Раз'яснять, что сами хозяйственные успехи, их прочность и длительность целиком и полностью зависят от успехов партийно-организационной и партийно-политической работы, что без этого условия хозяйственные успехи могут оказаться построенными на песке.

4) Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства.

Раз'яснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

5) Необходимо раз'яснить нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов.

Раз'яснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома.

6) Необходимо раз'яснить нашим партийным товарищам разницу между современными вредителями и вредителями шахтинского периода, раз'яснить, что если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей.

. Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду.

Могут спросить: разве нельзя было лет десять тому назад, в период шахтинских времен, дать сразу оба лозунга, и первый лозунг об овладении техникой, и второй лозунг о политическом воспитании кадров? Нет, нельзя было. Так у нас дела не делаются в большевистской партии. В поворотные моменты революционного движения всегда выдвигается один какой-либо основной лозунг, как узловой, для того, чтобы, ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ухватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и итти вперед. История революционного движения показывает, что эта тактика является единственно правильной такти-

кой. В шахтинский период слабость наших людей состояла в их технической отсталости. Не политические, а технические вопросы составляли тогда для нас слабое место. Что касается наших политических отношений к тогдашним вредителям, то они были совершенно ясны, как отношения большевиков к политически чуждым людям. Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров. Другое дело теперь, когда мы имеем уже технически подкованные большевистские кадры и когда в роли вредителей выступают не открыто чуждые люди, не имеющие к тому же никаких технических преимуществ в сравнении с нашими людьми, а люди, обладающие партийным билетом и пользующиеся всеми правами членов партии. Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы. Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет.

Такова коренная разница между узловым вопросом в деле борьбы за кадры в период шахтинских времен и узловым вопросом настоящего периода.

Вот почему мы не могли и не должны были давать лет десять тому назад сразу оба лозунга, и лозунг об овладении техникой, и лозунг о политическом воспитании кадров.

Вот почему старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности.

7) Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплоататорских классов, тем скорее будут они итти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР неодиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть на-чеку.

8) Необходимо разбить и отбросить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот,

кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе.

Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу.

Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших раз'яснениях.

9) Необходимо разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на-нет вредительство и результаты вредительства.

Подобная теория может преследовать лишь одну цель: пощекотать ведомственное самолюбие наших работников, успокоить их и ослабить их борьбу с вредительством.

Что значит — «систематическое выполнение наших хозяйственных планов»?

Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо они не учитывают огромных резервов и возможностей, таящихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям так же выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже перевыполнивших годовые хозяйственные планы, систематически не выполняет планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства.

В-третьих, не может быть сомнения в том, что если бы вредители не были разоблачены и выброшены вон, с выполнением хозяйственных планов дело обстояло бы куда хуже, о чем следовало бы помнить близоруким авторам разбираемой теории.

В-четвертых, вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о «систематическом выполнении хозяйственных планов» и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о «систематическом выполнении хозяйственных планов».

Не ясно ли, что теория о «систематическом выполнении хозяйственных планов» есть теория, выгодная для вредителей?

10) Необходимо разбить и отбросить прочь четвертую гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства.

Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей.

Тов. Молотов в своем докладе демонстрировал целый ряд фактов, говорящих о том, как троцкистские и не-троцкистские вредители в Кузбассе и Донбассе, злоупотребляя доверием наших политически беспечных товарищей, систематически водили за нос стахановцев, ставили им палки в колеса, искусственно создавали целый ряд препятствий для их успешной работы и добились, наконец, того, что расстроили их работу. Что могут сделать одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе привело к разрыву между подготовительными работами

по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь?

Я думаю, что вопрос этот так же ясен и не нуждается в дальнейших раз'яснениях.

11) Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры.

Это неверно, товарищи. Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть свои резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых эксплоататорских классов в СССР. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу.

Взять, например, троцкистский контрреволюционный IV интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов. Чем это не резерв? Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов?

Или еще, взять, например, группу пройдохи Шефло в Норвегии, приютившую у себя обер-шпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?

Или еще, взять, например, другую группу такого же пройдохи, как Шефло, группу Суварина во Франции. Чем она не резерв? Разве можно отрицать, что эта группа пройдох также будет помогать троцкистам в их шпионско-вредительской работе против Советского Союза?

А все эти господа из Германии, всякие там Рут Фишеры, Масловы, Урбансы, продавшие душу и тело фашистам,— чем они не резерв для троцкистской шпионско-вредительской работы?

Или, например, известная орда писателей из Америки во главе с известным жуликом Истменом, все эти разбойники пера, которые тем и живут, что клевещут на рабочий класс СССР,— чем они не резерв для троцкизма?

Нет, надо отбросить прочь гнилую теорию о том, что троцкисты добирают будто бы последние кадры.

12) Наконец, необходимо разбить и отбросить прочь еще одну гнилую теорию, говорящую о том, что так как нас, большевиков, много, а вредителей мало, так как нас, большевиков, поддерживают десятки миллионов людей, а троцкистских вредителей лишь единицы и десятки, то мы, большевики, могли бы и не обращать внимания на какую-то кучку вредителей.

Это неверно, товарищи. Эта более чем странная теория придумана для того, чтобы утешить некоторых наших руководящих товарищей, провалившихся на работе ввиду их неумения бороться с вредительством, и усыпить их бдительность, дать им спокойно спать.

Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей — это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред. Для того, чтобы напакостить и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется может быть несколько десятков чело-

век, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах.

Так обстоит дело с вопросом о том, как ликвидировать недостатки нашей работы, общие для всех наших организаций, как хозяйственных и советских, так и административных и партийных.

Таковы меры, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки.

Что касается специально партийных организаций и недостатков в их работе, то о мерах ликвидации этих недостатков достаточно подробно говорится в представляемом на ваше усмотрение проекте резолюции. Я думаю, поэтому, что нет необходимости распространяться здесь об этой стороне дела.

Хотелось бы только сказать несколько слов по вопросу о политической подготовке и усовершенствовании наших партийных кадров.

Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу до верху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач.

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии?

В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3 — 4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал,— генералитет нашей партии.

Далее идут 30 — 40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100 — 150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство.

Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров,— вот задача.

Что требуется для этого?

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям, от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций, подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и во-время выдвигать, чтобы они не перестаивали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные **«Партийные курсы»**. На эти курсы надо направлять секретарей

всех первичных партийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки первых секретарей районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10-ти наиболее важных центрах, восьмимесячные **«Ленинские курсы».** На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные **«Курсы по истории и политике партии».** На эти курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное **«Совещание по вопросам внутренней и международной политики».** Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо и это должно быть сделано.

Я кончаю, товарищи.

Мы изложили таким образом основные недостатки нашей работы, как те, которые общи для всех наших организаций, хозяйственных, административных, партийных, так и те, которые свойственны лишь специально партийным организациям, недостатки, используемые врагами рабочего класса для своей диверсионно-вредительской и шпионско-террористической работы.

Мы наметили, далее, основные мероприятия, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки и обезвредить диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов.

Спрашивается, можем ли осуществить все эти мероприятия, есть ли у нас для этого все необходимые возможности?

Безусловно, можем. Можем, так как у нас есть в нашем распоряжении все средства, необходимые для того, чтобы осуществить эти мероприятия.

Чего же нехватает у нас?

Нехватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость.

В этом загвоздка.

Но неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?

У нас нет оснований сомневаться в том, что безусловно разделаемся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделаемся не просто, а по-большевистски, по-настоящему.

И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом. **(Аплодисменты.)**

Заключительное слово товарища СТАЛИНА на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г.

I

Товарищи!

Я говорил в своем докладе об основных вопросах обсуждаемого дела. Прения показали, что у нас имеется теперь полная ясность, имеется понимание задач и есть готовность ликвидировать недостатки нашей работы. Но прения показали также, что есть некоторые конкретные вопросы нашей организационно-политической практики, по которым нет еще у нас вполне ясного понимания. Таких вопросов я насчитал семь.

Разрешите сказать несколько слов об этих вопросах.

1) Теперь, надо полагать, все поняли, осознали, что чрезмерное увлечение хозяйственными кампаниями и хозяйственными успехами при недооценке и забвении партийно-политических вопросов — ведет к тупику. Необходимо, стало быть, повернуть внимание работников в сторону партийно-политических вопросов с тем, чтобы успехи хозяйственные сочетались и шли рядом с успехами партийно-политической работы.

Как практически осуществить задачу усиления партийно-политической работы, задачу освобождения партийных организаций от хозяйственных мелочей? Как видно из прений, некоторые товарищи склонны делать из этого неправильный вывод о том, что теперь придется будто бы отойти вовсе от хозяйственной работы. По крайней мере были голоса: ну, теперь, слава богу, освободимся от хозяйственных дел, теперь можно заняться и партийно-политической работой. Правилен ли этот вывод? Нет, неправилен. Когда наши партийные товарищи, увлекаясь хозяйственными успехами, отходили от политики, это была крайность, стоившая нам больших жертв. Если теперь некоторые наши товарищи, берясь за усиление партийно-политической работы, вздумают отойти от хозяйства, то это будет другая крайность, которая будет нам стоить не меньших жертв. Нельзя шарахаться от одной крайности к другой. Нельзя отделять политику от хозяйства. Мы не можем уйти от хозяйства так же, как не можем уйти от политики. Для удобства изучения люди обычно отделяют методологически вопросы хозяйства от вопросов политики. Но это делается лишь методологически, искусственно, только для удобства изучения. В жизни, наоборот, на практике политика и хозяйство неотделимы. Они существуют вместе и действуют вместе. И тот, кто думает в нашей практической работе отделить хозяйство от политики, усилить хозяйственную работу ценой умаления политической работы или, наоборот, усилить политическую работу ценой умаления хозяйственной работы,— тот обязательно попадает в тупик.

Смысл известного пункта проекта резолюции об освобождении партийных организаций от хозяйственных мелочей и усилении партийно-политической работы состоит не в том, чтобы отойти от хозяйственной работы и хозяйственного руководства, а только лишь в том, чтобы не допускать больше практики подмены и обезличения хозяйственных органов, в том числе и особенно земельных органов, нашими партийными организациями. Необходимо, стало быть, усвоить метод большевистского руководства хозяйственными органами, состоящий в том, чтобы систематически помогать этим органам, систематически укреплять их и руководить хозяйством не помимо этих органов, а через них. Нужно дать хозяйственным органам и прежде всего земельным органам лучших людей, нужно укомплектовать эти органы новыми лучшими работниками, способными выполнять возложенные на них задачи. Только после того, как будет проделана эта работа, можно будет рассчитывать на то, что партийные организации будут полностью освобождены от хозяйственных мелочей. Понятно, что дело это серьезное и требует известного времени. Но пока это не сделано, партийным организациям придется и впредь, на определенно короткий срок, заниматься вплотную сельскохозяйственными делами со всеми их мелочами, пахотой, севом, уборкой и т. д.

2) Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших раз'яснений.

Но вот вопрос: как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывания японо-германских агентов троцкизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере такие голоса раздавались здесь на пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. В этом вопросе, как и во всех других вопросах, необходим индивидуальный, дифференцированный подход. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами.

Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма. Было бы глупо опорачивать теперь таких товарищей.

Среди наших товарищей есть и такие, которые идеологически стояли всегда против троцкизма, но, несмотря на это, поддерживали личную связь с отдельными троцкистами, которую они не замедлили ликвидировать, как только стала для них ясной практическая физиономия троцкизма. Не хорошо, конечно, что они прервали свою личную приятельскую связь с отдельными троцкистами не сразу, а с опозданием. Но было бы глупо валить таких товарищей в одну кучу с троцкистами.

3) Что значит — правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе?

Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, т. е. заслуживают ли они политического доверия и, во-вторых, по деловому признаку, т. е. пригодны ли они для такой-то конкретной работы.

Это значит не превращать деловой подход в делячеcкий подход, когда люди интересуются деловыми качествами работников, но не интересуются их политической физиономией.

Это значит не превращать политический подход в единственный и исчерпывающий подход, когда люди интересуются политической физиономией работников, но не интересуются их деловыми качествами.

Можно ли сказать, что это большевистское правило выполняется нашими партийными товарищами? К сожалению, нельзя этого сказать. Здесь на пленуме уже говорили об этом. Но не сказали всего. Дело в том, что это испытанное правило нарушается в нашей практике сплошь и рядом и при том самым грубым образом. Чаще всего подбирают работников не по об'ективным признакам, а по признакам случайным, суб'ективным, обывательски-мещанским. Подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов — безотносительно к их политической и деловой пригодности.

Понятно, что вместо руководящей группы ответственных работников получается семейка близких людей, артель, члены которой стараются жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сора из избы, восхвалять друг друга и время от времени посылать в центр пустопорожние и тошнотворные рапорта об успехах.

Не трудно понять, что в такой семейственной обстановке не может быть места ни для критики недостатков работы, ни для самокритики руководителей работы.

Понятно, что такая семейственная обстановка создает благоприятную среду для выращивания подхалимов, людей, лишенных чувства своего достоинства и потому не имеющих ничего общего с большевизмом.

Взять, например, товарищей Мирзояна и Вайнова. Первый из них является секретарем краевой партийной организации Казахстана, второй — секретарем Ярославской областной партийной организации. Эти люди в нашей среде — не последние работники. А как они подбирают работников? Первый перетащил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он раньше работал, 30—40 «своих» людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетащил с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал, свыше десятка тоже «своих» людей и расставил их тоже на ответственные посты. Есть, стало быть, своя артель у товарища Мирзояна. Есть она и у товарища Вайнова. Разве нельзя было подобрать работников из местных людей, руководствуясь известным большевистским правилом о подборе и расстановке людей? Конечно, можно было бы. Почему же они этого не сделали? Потому, что они нарушают большевистское правило подбора работников, которое исключает возможность обывательски-мещанского подхода, исключает возможность подбора работников по признакам семейственности и артельности. Кроме того, подбирая в качестве работников лично преданных людей, эти товарищи хотели, видимо, создать для себя обстановку некоторой независимости как в отношении местных людей, так и в отношении ЦК партии. Допустим, что товарищи Мирзоян и Вайнов в силу тех или иных обстоятельств будут переведены из места нынешней их работы в какие-либо

другие места. Как они должны поступать в таком случае в отношении своих «хвостов»? Неужели им придется снова перетаскивать их в новые места своей работы?

Вот к какому абсурду приводит нарушение большевистского правила о правильном подборе и расстановке работников.

4) Что значит — проверять работников, проверять исполнение заданий?

Проверять работников, это значит проверять их не по их обещаниям и декларациям, а по результатам их работы.

Проверять исполнение заданий, это значит проверять их не только в канцелярии и не только по формальным отчетам, но прежде всего проверять их на месте работы по фактическим результатам исполнения.

Нужна ли вообще такая проверка? Безусловно, нужна. Нужна, во-первых, потому, что только такая проверка дает возможность распознать работника, определить его действительные качества. Нужна, во-вторых, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки исполнительского аппарата. Нужна, в-третьих, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки самих заданий.

Некоторые товарищи думают, что проверять людей можно только сверху, когда руководители проверяют руководимых по результатам их работы. Это неверно. Проверка сверху, конечно, нужна, как одна из действительных мер проверки людей и проверки исполнения заданий. Но проверка сверху далеко еще не исчерпывает всего дела проверки. Существует еще другого рода проверка, проверка снизу, когда массы, когда руководимые проверяют руководителей, отмечают их ошибки и указывают пути их исправления. Этого рода проверка является одним из самых действительных способов проверки людей.

Партийные массы проверяют своих руководителей на активах, на конференциях, на с'ездах путем заслушивания их отчетов, путем критики недостатков, наконец, путем избрания или неизбрания в руководящие органы тех или иных руководящих товарищей. Точное проведение демократического централизма в партии, как этого требует устав нашей партии, безусловная выборность партийных органов, право выставления и отвода кандидатов, закрытое голосование, свобода критики и самокритики, — все эти и подобные им мероприятия необходимо провести в жизнь для того, между прочим, чтобы облегчить проверку и контроль руководителей партии со стороны партийных масс.

Беспартийные массы проверяют своих хозяйственных, профессионалистских и иных руководителей на беспартийных активах, на массовых совещаниях всякого рода, где они заслушивают отчеты своих руководителей, критикуют недостатки и намечают пути их исправления.

Наконец, народ проверяет руководителей страны во время выборов в органы власти Советского Союза путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Задача состоит в том, чтобы соединить проверку сверху с проверкой снизу.

5) Что значит — обучать кадры на их собственных ошибках?

Ленин учил, что добросовестное вскрытие ошибок партии, изучение причин, породивших эти ошибки, и намечение путей, необходимых для исправления этих ошибок, является одним из вернейших средств правильного обучения и воспитания партийных кадров, правильного обучения и воспитания рабочего класса и трудящихся масс.

Ленин говорит:

«Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение класса, а затем и массы».

Это значит, что обязанностью большевиков является не замазывание своих ошибок, не увиливание от вопроса об их ошибках, как это бывает у нас часто, а честное и открытое признание своих ошибок, честное и открытое намечение путей для исправления этих ошибок, честное и открытое исправление своих ошибок.

Я бы не сказал, чтобы многие из наших товарищей с удовольствием пошли на это дело. Но большевики, если они действительно хотят быть большевиками, должны найти в себе мужество открыто признать свои ошибки, вскрыть их причины, наметить пути их исправления и тем помочь партии дать кадрам правильное обучение и правильное политическое воспитание. Ибо только на этом пути, только в обстановке открытой и честной самокритики можно воспитать действительно большевистские кадры, можно воспитать действительных большевистских лидеров.

Два примера, демонстрирующие правильность положения Ленина.

Взять, например, наши ошибки с колхозным строительством. Вы помните, должно быть, 1930 год, когда наши партийные товарищи думали разрешить сложнейший вопрос перевода крестьянства на колхозное строительство в какие-нибудь 3 — 4 месяца и когда Центральный Комитет партии оказался вынужденным осадить увлекающихся товарищей. Это был один из самых опасных периодов в жизни нашей партии. Ошибка состояла в том, что наши партийные товарищи забыли о добровольности колхозного строительства, забыли, что нельзя переводить крестьян на колхозный путь путем административного нажима, забыли, что колхозное строительство требует не нескольких месяцев, а нескольких лет тщательной и продуманной работы. Они забыли об этом и не хотели признавать своих ошибок. Вы помните, должно быть, что указание ЦК о головокружении от успехов и о том, чтобы наши товарищи на местах не забегали вперед, игнорируя реальную обстановку,— было встречено в штыки. Но это не удержало ЦК от того, чтобы пойти против течения и повернуть наших партийных товарищей на правильный путь. И что же? Теперь ясно для всех, что партия добилась своего, повернув наших партийных товарищей на правильный путь. Сейчас у нас имеются десятки тысяч великолепных кадров из крестьян по колхозному строительству и колхозному руководству. Эти кадры обучались и воспитались на ошибках 1930 года. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Другой пример уже из области промышленного строительства. Я имею в виду наши ошибки в период шахтинского вредительства. Наши ошибки состояли в том, что мы не учитывали всей опасности технической отсталости наших кадров в промышленности, мы мирились с этой отсталостью и думали развернуть широкое социалистическое промышленное строительство при помощи враждебно настроенных специалистов, обрекая наши хозяйственные кадры на роль плохих комиссаров при буржуазных специалистах. Вы помните, должно быть, как неохотно признавали тогда наши хозяйственные кадры свои

ошибки, как неохотно признавали они свою техническую отсталость и до чего туго усваивали они лозунг — «овладеть техникой». И что же? Факты показывают, что лозунг «овладеть техникой» возымел свое действие и дал свои благие результаты. Теперь у нас имеются десятки и сотни тысяч великолепных большевистских хозяйственных кадров, уже овладевших техникой и двигающих вперед нашу промышленность. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия спасовала перед упорством хозяйственников, не желавших признать свою техническую отсталость, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Некоторые товарищи говорят, что нецелесообразно говорить открыто о своих ошибках, так как открытое признание своих ошибок может быть расценено нашими врагами, как наша слабость, и может быть использовано ими. Это пустяки, товарищи, сущие пустяки. Открытое признание наших ошибок и честное их исправление, наоборот, может лишь усилить нашу партию, поднять авторитет нашей партии в глазах рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, поднять силу и мощь нашего государства. А это главное. Были бы с нами рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, а все остальное приложится.

Другие товарищи говорят, что открытое признание наших ошибок может привести не к обучению и укреплению наших кадров, а к их ослаблению и расстройству, что мы должны щадить и беречь свои кадры, что мы должны щадить их самолюбие и спокойствие. Для этого они предлагают замазывать ошибки наших товарищей, ослабить силу критики, а еще лучше — пройти мимо этих ошибок. Такая установка является не только в корне неправильной, но и в высшей степени опасной, опасной прежде всего для кадров, которые хотят «щадить» и «беречь». Щадить и сохранить кадры при помощи замазывания их ошибок, — это значит наверняка погубить эти самые кадры. Мы бы наверняка загубили свои колхозные большевистские кадры, если бы не вскрыли ошибок 1930 года и не обучили их на этих ошибках. Мы бы наверняка загубили свои промышленные большевистские кадры, если бы мы не вскрыли ошибок наших товарищей в период шахтинского вредительства и не обучили наши промышленные кадры на этих ошибках. Кто думает щадить самолюбие наших кадров путем замазывания их ошибок, тот губит и кадры, и самолюбие кадров, ибо он замазыванием их ошибок облегчает повторение новых, может быть более серьезных ошибок, которые, надо полагать, приведут к полному провалу кадров в ущерб их «самолюбию» и «спокойствию».

6) Ленин учил нас не только учить массы, но и учиться у масс. Что это значит?

Это значит, что мы, руководители, не должны зазнаваться и должны понимать, что, если мы являемся членами ЦК или наркомами, то это еще не значит, что мы обладаем всеми знаниями, необходимыми для того, чтобы правильно руководить. Чин сам по себе не дает знаний и опыта. Звание — тем более.

Это значит, что одного лишь нашего опыта, опыта руководителей недостаточно для того, чтобы правильно руководить, что необходимо, стало быть, дополнять свой опыт, опыт руководителей, опытом масс, опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом народа.

Это значит ни на минуту не ослаблять, а тем более не разрывать наших связей с массами.

Это значит, наконец, чутко прислушиваться к голосу масс, к голосу рядовых членов партии, к голосу так называемых «маленьких людей», к голосу народа.

Что значит правильно руководить?

Это вовсе не значит сидеть в канцелярии и строчить директивы.

Правильно руководить — это значит:

во-первых, найти правильное решение вопроса. А правильное решение невозможно найти без учета опыта масс, которые на своей собственной спине испытывают результаты нашего руководства;

во-вторых, организовать исполнение правильного решения, чего, однако, нельзя сделать без прямой помощи со стороны масс;

в-третьих, организовать проверку исполнения этого решения, чего, опять-таки, невозможно сделать без прямой помощи масс.

Мы, руководители, видим вещи, события, людей только с одной стороны, я бы сказал — сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал — снизу, их поле зрения тоже, стало быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо об'единить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным.

Вот что значит не только учить массы, но и учиться у масс.

Два примера, демонстрирующие правильность этого положения Ленина.

Это было несколько лет тому назад. Мы, члены ЦК, обсуждали вопрос об улучшении положения в Донбассе. Проект мероприятий, представленный Наркомтяжем, был явно неудовлетворительный. Трижды возвращали проект в Наркомтяж. Трижды получали из Наркомтяжа все разные проекты. И все же нельзя было признать их удовлетворительными. Наконец, мы решили вызвать из Донбасса несколько рабочих и рядовых хозяйственных и профессиональных работников. Три дня беседовали с этими товарищами. И все мы, члены ЦК, должны были признать, что только они, эти рядовые работники, эти «маленькие люди» сумели подсказать нам правильное решение. Вы помните должно быть известное решение ЦК и Совнаркома о мерах усиления добычи угля в Донбассе. Так вот это решение ЦК и Совнаркома, которое признано всеми нашими товарищами правильным и даже знаменитым решением, подсказали нам простые люди из низов.

Другой пример. Я имею в виду пример с тов. Николаенко. Кто такая Николаенко? Николаенко — это рядовой член партии. Она — обыкновенный «маленький человек». Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной организации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам, зажим самокритики, засилье троцкистских вредителей. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от нее, взяли и исключили ее из партии. Ни Киевская организация, ни ЦК КП(б)У не помогли ей добиться правды. Только вмешательство Центрального Комитета партии помогло распутать этот запутанный узел. А что выяснилось после разбора дела? Выяснилось, что Николаенко была права, а Киевская организация была неправа. Ни больше, ни меньше. А ведь кто такая Николаенко? Она, конечно, не член ЦК, она не нарком, она не секретарь Киевской областной организации, она даже не секретарь какой-либо ячейки, она только простой рядовой член партии.

Как видите, простые люди оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения.

Можно было бы привести еще десятки и сотни таких примеров.

Выходит таким образом, что для руководства нашим делом одного лишь нашего опыта, опыта руководителей, далеко еще недо-

статочно. Для того, чтобы правильно руководить, необходимо опыт руководителей дополнить опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом трудящихся, опытом так называемых «маленьких людей».

А когда это возможно?

Это возможно лишь в том случае, если руководители связаны с массами теснейшим образом, если они связаны с партийными массами, с рабочим классом, с крестьянством, с трудовой интеллигенцией.

Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс, — вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства.

Можно признать, как правило, что пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимыми. И наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку.

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой — Антей, который был, как повествует мифология, сыном Посейдона — бога морей и Геи — богини земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил — этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки свое слабое место — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли. Враги учитывали эту его слабость и подкарауливали его. И вот нашелся враг, который использовал эту его слабость и победил его. Это был Геркулес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял на воздух, отнял у него возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе.

Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства.

7) Наконец, еще один вопрос. Я имею в виду вопрос о формальном и бездушно-бюрократическом отношении некоторых наших партийных товарищей к судьбе отдельных членов партии, к вопросу об исключении из партии членов партии, или к вопросу о восстановлении исключенных в правах членов партии. Дело в том, что некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают членов партии, не знают чем они живут и как они растут, не знают вообще работников. Поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо хвалят их огулом, без меры, либо избивают их также огулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас двухмиллионная и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но

так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела, глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, к членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии, а троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства.

Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии. Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало тогда 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов — 4 тысячи членов партии, то-есть около полпроцента, и воздержалось 2600 членов партии. Не приняло участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в от'езде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам, голосовавших за троцкистов, прибавить всех воздержавшихся, — полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам, — и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а пять процентов не участвовавших, то-есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила господ троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил. И если, несмотря на это, троцкистские вредители все же имеют кое-какие резервы около нашей партии, то это потому, что неправильная политика некоторых наших товарищей по вопросу об исключении из партии и восстановлении исключенных, бездушное отношение некоторых наших товарищей к судьбе отдельных членов партии и отдельных работников искусственно плодят количество недовольных и озлобленных и создают, таким образом, троцкистам эти резервы.

Исключают большей частью за так называемую пассивность. Что такое пассивность? Считают, оказывается, что ежели член партии не **усвоил** программу партии, то он пассивен и подлежит исключению. Но это же неправильно, товарищи. Нельзя же так буквоедски толковать устав нашей партии. Чтобы усвоить программу партии, надо быть настоящим марксистом, проверенным и теоретически подготовленным марксистом. Я не знаю, много ли найдется у нас членов партии, которые уже усвоили нашу программу, стали настоящими марксистами, теоретически подготовленными и проверенными. Если итти дальше по этому пути, то нам пришлось бы оставить в партии только интеллигентов и вообще людей ученых. Кому нужна такая партия? У нас имеется проверенная и выдержавшая все испытания ленинская формула о членстве в партии. По этой формуле членом партии считается тот, кто **признает** программу партии, платит членские взносы и работает в одной из ее организаций. Обратите внимание: в ленинской формуле говорится не об **усвоении** программы, а о **признании** программы. Это две совершенно различные вещи. Нечего и доказывать, что прав здесь Ленин, а не наши партийные товарищи, всуе болтающие об усвоении программы. Оно и понятно. Если бы партия исходила из того, что членами партии могут быть только такие товарищи, которые уже усвоили программу и стали теоретически подготовленными марксистами, то она не создавала бы в партии тысячи партийных кружков, сотни партийных школ, где членов партии обучают марксизму и помогают им усвоить нашу программу. Совершен-

но ясно, что если партия организует такие школы и кружки среди членов партии, то это потому, что она знает, что члены партии не успели еще усвоить партийную программу, не успели еще стать теоретически подготовленными марксистами.

Стало быть, чтобы выправить нашу политику по вопросу о членстве в партии и об исключении из партии, необходимо покончить с нынешним головотяпским толкованием вопроса о пассивности.

Но у нас есть еще другая погрешность в этой области. Дело в том, что наши товарищи не признают середины между двумя крайностями. Стоит рабочему, члену партии слегка провиниться, опоздать раз—два на партийное собрание, не заплатить почему-либо членских взносов, чтобы его мигом выкинули вон из партии. Не интересуются степенью его провинности, причиной неявки на собрание, причиной неплатежа членских взносов. Бюрократизм в этих вопросах прямо невиданный. Не трудно понять, что именно в результате такой бездушной политики оказались выброшенными из партии замечательные кадровые рабочие, великолепные стахановцы. А разве нельзя было, раньше чем исключить из партии, сделать предупреждение, если это не действует — поставить на вид или вынести выговор, а если и это не действует — поставить срок для исправления или, в крайнем случае, перевести в кандидаты, но не исключать с маху из партии? Конечно, можно было. Но для этого требуется внимательное отношение к людям, к членам партии, к судьбе членов партии. А этого-то именно и нехватает у некоторых наших товарищей.

Пора, товарищи, давно пора покончить с этим безобразием. **(Аплодисменты.)**

* * *

ПОДГОТОВКА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР ПО НОВОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. ЖДАНОВА, принятая 27 февраля 1937 года

Введение новой Конституции Союза ССР означает поворот в политической жизни страны. Существо этого поворота заключается в проведении дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов в советы равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми.

Если до введения новой Конституции существовали ограничения избирательного права для служителей культа, бывших белогвардейцев, бывших людей и лиц, не занимающихся общеполезным трудом, то новая Конституция отбрасывает всякие ограничения избирательного права для этих категорий граждан, делая выборы депутатов всеобщими.

Если раньше выборы депутатов являлись не равными, так как существовали разные нормы выборов для городского и сельского населения, то теперь необходимость ограничения равенства выборов отпала и все граждане имеют право участвовать в выборах на равных основаниях.

Если раньше выборы средних и высших органов Советской власти были многостепенными, то теперь, по новой Конституции, выборы во все советы от сельских и городских вплоть до Верховного Совета будут производиться гражданами непосредственно путем прямых выборов.

Если раньше выборы депутатов в советы производились открытым голосованием и по спискам, то теперь голосование при выборах депутатов будет тайным и не по спискам, а по отдельным кандидатурам, выдвигаемым по избирательным округам.

Наконец, Конституцией вводится всенародный опрос (референдум).

Эти изменения в избирательной системе означают усиление контроля масс в отношении советских органов и усиление ответственности советских органов в отношении масс.

Следствием введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании будет дальнейшее усиление политической активности масс, вовлечение новых слоев трудящихся в управление государством. Тем самым диктатура пролетариата становится более гибкой, а, стало быть, более мощной системой государственного руководства рабочего класса обществом, база диктатуры рабочего класса расширяется, ее основа становится более прочной.

Чтобы встретить этот поворот во всеоружии, партия должна стать во главе этого поворота и обеспечить полностью свою руководящую роль в предстоящих выборах верховных органов страны.

Готовы ли партийные организации к такого рода руководству?

Что требуется от партии для того, чтобы она могла стать во главе этого поворота, во главе новых, до конца демократических выборов?

Для этого требуется, чтобы партия сама проводила последовательную демократическую практику, чтобы она

проводила до конца во внутрипартийной жизни основы демократического централизма, как этого требует устав партии, чтобы она сама имела необходимые условия, в силу которых все органы партии являлись бы выборными, чтобы критика и самокритика развивалась в полной мере, чтобы ответственность партийных органов перед партийной массой была полная и чтобы сама партийная масса была полностью активизирована.

Можно ли сказать, что все партийные организации уже готовы выполнить эти условия, что они уже перестроились полностью на демократический лад?

К сожалению, нельзя этого сказать с полной уверенностью.

Об этом говорит имеющаяся в некоторых организациях практика нарушения устава партии и основ внутрипартийного демократизма.

Каковы эти нарушения?

Выборность партийных органов, установленная уставом партии, в ряде организаций нарушена. Установленные уставом партии сроки выборов парторганов парторганизациями не соблюдаются. Широкое распространение получила ничем не оправдываемая практика кооптации различных руководящих работников в члены пленумов райкомов, горкомов, крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий.

Установленный уставом партии порядок утверждения вышестоящими партийными органами секретарей парткомитетов в ряде парторганизаций фактически превращен в назначенство. Утверждение секретарей парткомов нередко происходит до избрания их в местных парторганизациях, а это на практике приводит к тому, что местные парторганизации не имеют возможности обсудить кандидатуру рекомендуемого работника.

Утверждение на выборных должностях и снятие с работы часто происходит в порядке опросных решений парторганов и без рекомендации новых работников пленуму партийного комитета, а также без раз'яснения парторганизациям мотивов снятия того или иного партийного руководителя.

Что касается выборов парторганов, то все еще существует практика, в силу которой обсуждение списков кандидатов происходит лишь на предварительных совещаниях, советах старейшин, собраниях делегаций, причем, как правило, прения по кандидатурам на самых пленумах и конференциях не открываются, голосования производится списком, а не персонально, и, таким образом, выборная процедура превращается в простую формальность.

Все эти факты нарушения основ демократического централизма наносят партии вред, так как они тормозят рост активности членов партии, лишают актив, имеющий особое политическое значение в жизни нашей партии, возможности участия в руководящей работе, лишают членов партии их законных прав контроля над деятельностью парторганов и тем самым нарушают правильные взаимоотношения между руководителями и партийными массами.

Яркими примерами такой практики являются вскрытые ЦК ВКП(б) за последнее время факты вопиющей запущенности партийно-политической работы в Азово-Черноморском крайкоме, Киевском обкоме и ЦК КП(б)У и других парторганизациях, выражающиеся в грубых нарушениях устава партии и принципов демократического централизма в смысле отхода от выборности парторганов и введения нетерпимой практики кооптации.

Пленум ЦК ВКП(б) подчеркивает, что примеры неправильного руководства, вскрытые в Киевском обкоме и Азово-Черноморском крае, не единичны, а присущи в той или иной мере всем краевым и областным парторганизациям.

Пленум ЦК ВКП(б) считает, что ликвидация этих и подобных им недостатков является тем необходимым условием, без которого не могут быть выполнены новые задачи партии, возникшие в связи с фактом поворота в политической жизни страны, с принятием новой Конституции и с предстоящими выборами верховных органов страны на началах всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Необходимо, поэтому, перестроить партийную работу на основе безусловного и полного проведения в жизнь

начал внутрипартийного демократизма, предписываемого уставом партии.

Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым осуществить и обязывает все парторганизации провести в жизнь следующие мероприятия:

1. Ликвидировать практику кооптации в члены парткомитетов и восстановить, в соответствии с уставом партии, выборность руководящих органов парторганизаций.

2. Воспретить при выборах парторганов голосование списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом за всеми членами партии неограниченное право отвода кандидатов и критики последних.

3. Установить при выборах парторганов закрытое (тайное) голосование кандидатов.

4. Провести во всех парторганизациях выборы парторганов, начиная от парткомитетов первичных парторганизаций и кончая краевыми, областными комитетами и ЦК нацкомпартий, закончив выборы не позже 20 мая.

5. Обязать все парторганизации строго соблюдать в соответствии с уставом партии сроки выборов парторганов: в первичных парторганизациях — 1 раз в год, в районных и городских организациях — 1 раз в год, в областных, краевых и республиканских — 1 раз в 1½ года.

6. Обеспечить в первичных парторганизациях строгое соблюдение порядка выборов парткомов на общезаводских собраниях, не допуская подмены последних конференциями.

7. Ликвидировать имеющую место в ряде первичных парторганизаций практику фактической отмены общих собраний и подмены общего собрания цеховыми собраниями и конференциями.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Принятием новой Сталинской Конституции наша страна осуществляет великий исторический переход к новому этапу в развитии подлинной всенародной, социалистической демократии. Сталинская Конституция СССР, вводящая всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании, приобщает новые слои населения к управлению государством, расширяет базу диктатуры рабочего класса, укрепляет ее основу. Все это еще больше повышает руководящую роль нашей партии в системе диктатуры пролетариата, по-новому ставит перед ней вопросы практической деятельности и требует максимального оживления, подлинно большевистских методов в пропаганде, агитации, организаторской деятельности.

Предстоящие выборы Верховного совета СССР по новой избирательной системе подымут политическую активность нашего народа на высшую ступень, вызовут небывалое движение всех слоев населения. Наша партия в качестве передового отряда трудящихся призвана возглавить этот поворот в политической жизни нашей страны, а это значит, что наша партия должна сама прежде всего показать образцы последовательной демократической практики и проводить до конца во внутрипартийной жизни основы демократического централизма, записанные в уставе партии.

Пленум ЦК ВКП(б) (февраль—март 1937 года) в своих решениях со всей силой подчеркивает необходимость в условиях новой Сталинской Конституции проведения до конца основ демократического централизма, проведения на деле последовательной демократической практики во всех звеньях внутрипартийной жизни.

Полное и последовательное воплощение проверенных в исторической борьбе ленинских начал демократического централизма подымает активность, самодеятельность партийных масс, развертывает внутрипартийную демократию, имеющую огромное воспитательное значение.

Проведение в жизнь внутрипартийной демократии на определенных исторических этапах деятельности нашей партии после Великой пролетарской революции осуществлялось по-разному, в зависимости от конкретной обстановки. В период гражданской войны, когда наша страна оборонялась с оружием в руках от полчищ белогвардейцев и интервентов, внутрипартийная демократия была в известной степени по необходимости свернута. Но партия и в этих условиях, как всегда, продолжала оставаться тесно связанной с широчайшими трудящимися массами нашей страны, организуя эти массы и руководя ими в тот тяжелый период великих классовых битв. С окончанием гражданской войны и с переходом к мирному строительству встал вопрос о разворачивании внутрипартийной демократии, т. е. о более полном осуществлении демократизма «партийных масс, рвущихся к самодеятельности и к активному участию в деле партийного руководства» (Сталин).

Ведя борьбу за эту перестройку, товарищ Сталин писал: «...В головах одной части наших работников живут еще пережитки старого военного периода, когда у нас партия была милитаризована, — пережитки, которые порождают некоторые немарксистские взгляды о том, что партия наша является, якобы, не самодеятельным организмом, живущим самостоятельной идейной и практической жизнью, а чем-то вроде системы учреждений, низ-

ших, средних и высших. Этот абсолютно немарксистский взгляд, правда, законченного вида нигде еще не получил, законченно нигде не высказывался, но элементы этого взгляда живут в головах одной части наших работников, несущих партийные обязанности, и они мешают им последовательно провести внутрипартийную демократию» [1].

Таким образом, после окончания гражданской войны, с изменением обстановки, наша партия переходит к решительному проведению демократизма во внутрипартийной деятельности, вовлекая в активную работу широкие слои рядовых членов партии, ставя вопрос о широкой самокритике невзирая на лица, сверху донизу, ибо «...развернутая самокритика и колоссальная активность партийных масс являются проявлением действительной и подлинной внутрипартийной демократии» [2].

Внутрипартийная демократия является основным условием, обеспечивающим широкое развертывание самокритики, которой партия всегда придавала решающее значение. Самокритика — не временный лозунг, тем более не кампания на определенный период. Самокритика — это постоянный метод воспитания преданных революционных кадров, это — средство укрепления пролетарской диктатуры. По этому поводу товарищ Сталин в своей статье «Против опошления лозунга самокритики» в 1928 году писал: «Что касается самокритики в нашей партии, то начало самокритики восходит к началу появления большевизма в нашей стране, к первым же дням его зарождения как особого революционного течения в рабочем движении... самокритика есть неот'емлемое и постоянно действующее оружие в арсенале большевизма, неразрывно связанное с самой природой большевизма, с его революционным духом».

Крупнейшим недостатком партийной работы, осужденным Пленумом ЦК, было то, что в ряде партийных организаций самокритика была совершенно забыта, — в таких организациях партийные собрания и пленумы райкомов превратились из арены большевистской критики и самокритики в арену нескончаемых парадов, шумливых рапортов об успехах, никому ненужных приветствий по адресу руководителей партии.

С присущей большевикам-ленинцам остротой Пленум сталинского ЦК подверг самой жестокой и резкой критике недостатки и извращения в партийной работе. Пленум ЦК ВКП(б) резко осудил существующую в ряде партийных организаций практику нарушения устава партии, нарушения принципов большевизма, и показал всю вредность и опасность этих нарушений.

Пленум ЦК ВКП(б) с предельной ясностью и силой указал на тот огромный вред, который наносится партии нарушением ленинского принципа демократического централизма. Вред этот прежде всего заключается в том, что сковывается активность партийных масс, задерживается рост актива и его участие в руководящей работе, нарушается законное, гарантированное уставом нашей партии право контроля каждого члена партийной организации над деятельностью партийных органов, а это нарушает правильные взаимоотношения между руководителями и партийной массой.

Все эти недостатки в партийной работе постепенно привели к тому, что часть партийных руководителей, подменяя сплошь и рядом хозяйственные органы, стала постепенно отходить от партийно-политической работы, терять вкус к пропаганде марксизма-ленинизма, к политическому воспитанию масс, стала свертывать критику недостатков и самокритику, стала отходить от прямой ответственности перед партийными массами, стала отрываться от масс и нарушать выборность парторганов, предусмотренную уставом партии.

Наша партия устами Ленина и Сталина призывала к тому, чтобы руководители не только учили массу, но и учились у масс, умели использовать

---

[1] И. Сталин «Об оппозиции», стр. 55—56.
[2] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 419.

огромный жизненный опыт масс, были всегда подконтрольны массам. Постоянная, систематическая отчетность перед массами—вот прекрасная традиция нашей партии. Наша большевистская партия всегда и везде отчитывалась перед рабочим классом, перед советским народом. Выступления Ленина и Сталина, выступления Центрального комитета ВКП(б) всегда были точнейшим и внимательнейшим отчетом партии перед лицом трудящихся, отчетом вождей и руководителей перед партийными массами, перед всей Советской страной.

Большевистская партия требует от своих организаций, от каждого коммуниста максимальной боеспособности. Эта боеспособность, острота в борьбе с врагами, большевистская бдительность укрепляются непрерывным идейно-политическим ростом, теснейшими связями с массами.

Забвение основных требований партийности, нарушение внутрипартийной демократии, основанной на принципе демократического централизма, неизбежно приводят к отрыву партийных органов от масс, создают обстановку, когда партийные руководители окружают себя людьми, которые в подхалимском, тошнотворном усердии создают удушливую атмосферу лести, притупляют большевистскую бдительность. А этим пользуются враги народа, японо-немецкие троцкистские агенты фашизма и их правые сообщники. И не случайно, что именно в тех организациях, где особенно грубо попирались основы внутрипартийной демократии и где глушилась самокритика, эти враги легко сумели окопаться.

Решения Пленума ЦК ВКП(б), доклад и заключительное слово товарища Сталина на нем являются крупнейшей вехой в истории нашей партии, в истории борьбы рабочего класса за победу социализма.

Коренной задачей, поставленной перед нашей партией Пленумом ЦК ВКП(б) и товарищем Сталиным, является полное обеспечение ведущей роли нашей партии на новом политическом повороте в жизни нашей страны, связанном с введением Конституции, и превращение нашей партии в неприступную крепость большевизма, абсолютно недосягаемую для врагов социалистического пролетариата, несмотря на все их формы двурушнической маскировки.

В своем выступлении на последнем Пленуме ЦК товарищ Сталин дал подлинно ленинский образец научного анализа новой исторической обстановки и ее специфических особенностей, вскрыв наряду с этим с большевистской прямотой и бесстрашием конкретные недостатки партийно-политической работы нашей партии.

Этим самым Пленум и товарищ Сталин вооружили нашу партию ясным, глубоким пониманием исторической обстановки данного ближайшего этапа в жизни нашей страны, для того чтобы наша партия могла во всеоружии вступить в новый исторический этап. Пленум и доклад товарища Сталина с предельной ясностью наметили и ближайшие конкретные цели и средства их достижения.

Наши успехи огромны, победы наши велики, но это ни в малейшей степени не должно вызывать у нас головокружения от успехов, зазнайства, ослабления большевистской бдительности. Об этом всегда говорил Ленин. Этому беспрестанно нас учит товарищ Сталин, ибо чем серьезнее наши успехи, тем бешеней становится враг, тем острее становится его сопротивление. Однако многие партийные руководители «забыли о том, что советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств,—говорил товарищ Сталин в своем докладе. — Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и

имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его». Они проглядели, что буржуазия непрестанно засылает и будет засылать к нам своих шпионов и диверсантов. Они «не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе», что он «превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств». Они проглядели, что корни троцкизма, опора его, теперь за пределами нашей страны, в капиталистическом окружении, что классовая борьба против социализма, вредительство, шпионаж будут продолжаться, пока существует капиталистическое окружение. Товарищ Сталин в своем докладе на Пленуме ЦК подчеркивал, что надо решительно покончить с гнилой теорией, будто по мере нашего продвижения вперед, с каждым нашим успехом классовые враги становятся все более «ручными» и перестают сопротивляться. Наоборот, ненависть к социализму осколков разгромленных эксплоататорских классов и их агентуры возрастает по мере наших успехов, их борьба против социализма ведется более утонченными средствами, становится все более ожесточенной. Тем более, что этих врагов подкрепляют, натаскивают и организуют против нашей социалистической родины фашистские штабы.

Врагов нашей партии, врагов нашего народа: троцкистов-зиновьевцев, правых отщепенцев, убийц, шпионов, диверсантов — численно немного, но то, что создается тысячами рук и в течение многих месяцев творческого, созидательного труда нашего народа, может быть разрушено при отсутствии большевистской бдительности и большевистского уменья раскрывать врагов, при идиотской болезни — беспечности, двумя — тремя парами грязных рук от'явленных негодяев японо-германских фашистских наемников — злейших врагов нашей родины.

«Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей — это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред,— подчеркивал в своем докладе товарищ Сталин. — Для того, чтобы напакостить и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется может быть несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику».

Партийные организации должны вплотную заняться подготовкой кадров, овладевших не только техникой, но и большевизмом, отточивших свое идейно-политическое оружие, овладевших искусством распознавать врага, где бы он ни был, под какой бы маской он ни укрывался.

Чтобы разрешить задачу овладения большевизмом, надо знать кадры и знать не вообще, а конкретных людей, знать каждого индивидуально. Подбор кадров должен производиться на основе ленинско-сталинского принципа политической проверки людей, их преданности партии, ее ЦК и их деловой пригодности. Чтобы разрешить задачу овладения большевизмом, необходимо поднять на большую высоту пропаганду и особенно печать, для чего она должна быть укреплена лучшими работниками.

Таковы требования великой партии Ленина — Сталина, Пленума ее сталинского Центрального комитета.

* * *

Исключительно значительны решения Пленума ЦК для всей жизни пар-

тии. Нынешний период проходит под знаком выборов партийных органов, под знаком широчайшей суровой, большевистской самокритики. Особенно большую роль играет закрытое (тайное) голосование кандидатов при выборах партийных органов: оно усиливает чувство ответственности каждого руководителя перед партийной массой; оно создает во всех парторганизациях благоприятные условия для наиболее полного проявления широкой самокритики; оно активизирует всю партийную массу и усиливает ее политическую бдительность.

Бдительность есть то качество, которое теперь особенно необходимо большевикам. Об этом еще раз наглядно свидетельствует факт контрреволюционной, двурушнической деятельности как троцкистских бандитов, так и их правых пособников.

Так же, как троцкисты-зиновьевцы, правые давно уже превратились из политического течения в рабочем классе в банду наемных убийц, диверсантов, вредителей, в агентуру фашизма, которая прячет свои политические взгляды, боится их открыто изложить. Ибо они знают, что их гнусная, преступная деятельность вкупе с фашистами и белогвардейцами, направленная на борьбу против социализма и на реставрацию капитализма путем террора, вредительства, диверсий и развязывания контрреволюционной войны против Советского союза, может встретить сочувствие и прямую поддержку лишь у заклятых врагов социализма. Главари правых: Бухарин, Рыков и др. — имели полную возможность честно исправить свои ошибки, встать на правильный путь. Партия неоднократно им эту возможность предоставляла. Но они не прекращали своей антипартийной и контрреволюционной борьбы против партии Ленина — Сталина, против социализма. Разбитые в открытой борьбе против партии, Томский и Рыков выступают на XVI с'езде партии с покаянными заявлениями, в которых «признают» свои ошибки и преступления перед партией, заявляют о своем якобы полном разоружении перед партией, охарактеризовавшей их борьбу как борьбу против социализма, за реставрацию капитализма в нашей стране. Однако и на сей раз все это оказалось опять-таки не чем иным, как новой попыткой правых еще раз обмануть нашу партию для того, чтобы под прикрытием этих двурушнических заявлений продолжать свою борьбу против генеральной линии партии

Правые — Бухарин, Рыков, Томский, Угланов — в своей преступной борьбе против большевистской партии и нашей родины перешли от открытой борьбы к заговорам, к террору и вредительству вместе с злейшими врагами советской власти и в первую очередь с троцкистско-зиновьевскими контрреволюционерами. Теперь удалось раскрыть более или менее полно организацию правых, их приемы борьбы, их гнусную тактику и программу.

За антипартийную, предательскую деятельность, направленную на уничтожение социалистических завоеваний рабочих и крестьян и на восстановление капитализма, Бухарин и Рыков исключены из рядов ВКП(б).

* * *

В своем докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин указывал, что «вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные». К числу этих организаций относятся и организации идеологического фронта.

Троцкистские диверсанты и шпионы орудовали и на историческом участке этого фронта. Здесь в течение ряда лет руководящую роль, особенно на участке истории СССР, играла так называемая «историческая школа» Покровского, которая, по сути дела, стремилась ликвидировать историю как науку и протаскивала в нее ряд антимарксистских, антиленинских, глубоко враждебных пролетариату «идеек» и «теорий». Совершенно не слу-

чайно поэтому, что под ее знаменем группировались и прямые враги народа. В среде представителей этой «школы» оказались такие двурушники и террористы, как Фридлянд, Ванаг, Дубровский, Анатольев, Невский, Зайдель, Далин и другие. Пользуясь политической близорукостью и беспечностью коммунистов, работающих на фронте истории, эти лица сумели нанести немалый вред как советской исторической науке, так и преподаванию истории в наших школах.

Между тем ЦК нашей партии и лично товарищ Сталин не раз предупреждали историков о наличии у них серьезнейших недостатков и прорывов. Уже в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» товарищ Сталин со всей силой указал историкам большевизма на необходимость самой серьезной борьбы с гнилым либерализмом, благодаря которому троцкистским контрабандистам и «историкам» в кавычках облегчается деятельность, направленная к фальсификации истории большевизма. Товарищ Сталин поставил перед большевистскими историками задачу: «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставив дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы».

В мае 1934 года ЦК ВКП(б) и Совнарком приняли решение «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором констатировалась неудовлетворительность преподавания истории в школах СССР, где вместо конкретной истории с изложением важнейших событий в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей давались абстрактные схемы и определения, т. е., по сути дела, не было истории.

В этом же постановлении давалась резкая критика учебников истории и была поставлена задача — составить к июню 1935 года новые учебники.

8 и 9 августа 1934 года товарищи Сталин, Жданов, Киров дали свои замечания по поводу конспектов учебников по «Истории СССР» и «Новой истории»; в этих замечаниях были подвергнуты тщательнейшему разбору и суровой большевистской критике оба представленных конспекта, причем указывалось, что особенно неудовлетворителен учебник, составленный группой Ванага, ныне разоблаченного троцкиста-террориста. В этих замечаниях были даны исчерпывающие указания о том, в каком направлении эти учебники должны быть переработаны. Эти замечания представляли собой целую программу работ для наших историков.

26 января 1936 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) опять приняли важнейшее постановление по вопросам истории, так как выяснилось, что во вновь представленных и переработанных учебниках авторы продолжают настаивать на неоднократно уже вскрытых партией, явно ошибочных, по сути дела, ликвидаторских, антинаучных исторических взглядах. СНК и ЦК ВКП(б) подчеркнули, что «эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского». Совнарком и ЦК приняли ряд конкретных мер, которые должны были обеспечить просмотр и коренное улучшение и переделку учебников по истории. Задача разоблачения антимарксистских взглядов Покровского была поставлена, таким образом, перед историками во весь рост. Опубликование замечаний на конспекты давало руководящие указания для ее выполнения.

Из всего этого видно, во-первых, какое исключительное значение наша партия, ее ЦК и лично товарищ Сталин придают истории и ее преподаванию; во-вторых, что историкам был дан ряд совершенно конкретных указаний и задач, что выполнение этих задач им всемерно было облегчено и в-третьих, что вопрос о серьезнейших ошибках, о бдительности специально на участке исторического фронта ставился партией неоднократно.

Историки, однако, не поняли задач, поставленных перед ними партией, зараженные идиотской болезнью беспечности, они не поняли и той опасно-

сти, которая угрожала советской исторической науке со стороны антинаучной исторической концепции Покровского. Они проглядели ту вредительскую деятельность, которой на фронте истории занималась так называемая «историческая школа Покровского», состоявшая из нескольких десятков молодых историков, культивировавших зажим самокритики и подхалимство. Атмосфера этих антипартийных нравов, как это теперь выяснилось, многим из них была нужна для усиленной вредительской деятельности в области истории. Эти, так называемые «историки» при попустительстве коммунистов, стоящих во главе исторического фронта, тормозили развитие исторической науки, заполняя страницы книг и журналов своими антимарксистскими, вредительскими теориями.

Всего этого не заметили наши историки. В этом отношении редакция «Исторического журнала» отнюдь не является исключением, ибо и она проявила политическую беспечность и близорукость по отношению к классовому врагу, орудовавшему на фронте истории. В составе редакции «Исторического журнала» находился ныне разоблаченный как враг народа Дубыня, которому звание члена редколлегии служило дополнительным прикрытием его подлой, вредительской деятельности. Троцкистские двурушники пролезли и на страницы нашего журнала в 1934—1935 году в качестве авторов (статья Ванага, статья Невского, статьи Фридлянда, Анатольева, Парадизова, Зельцера и других). Редакция «Исторического журнала» не разоблачила антипартийных писаний этих агентов фашизма. За исключением критики на книгу Пионтковского, критики, далеко не соответствующей вредительскому значению этой книги, редакция «Исторического журнала» ничего не дала в этом направлении.

Что касается работы «Исторического журнала» по разоблачению ложной, антиленинской концепции Покровского, то она также была недостаточна. Хотя редакция и дала за 1936 год и за 2 месяца 1937 года в общей сложности около десятка статей с критикой взглядов Покровского, из которых более половины посвящено было разработке конкретных вопросов истории СССР (о Минине и Пожарском, о Лжедмитрии, о польской интервенции начала XVII века, об Иване Болотникове, о реформах Петра I, о Богдане Хмельницком, о войне 1812 года и др.), эта критика в ряде случаев была недостаточно развернута. Были случаи, когда эта критика велась на низком идейно-политическом уровне. Примером может служить статья Н. Рубинштейна «Классовая борьба на Украине в XVII в.» (№ 4 «Борьбы классов» за 1936 год), где хотя критике Покровского и была отведена целая глава, но самая критика политически не заострена. Автор не только не критиковал «учеников» Покровского в вопросе о вредительском замалчивании тяготения рядового украинского казачества и крестьянства к союзу с русским народом для совместной борьбы против польских панов в период восстания Богдана Хмельницкого, но сам полностью его обошел. Редакция же автора не выправила.

Ряд важнейших проблем, особенно острых и актуальных сейчас, проблем, по которым имелись грубейшие вредительские искажения со стороны «исторической школы Покровского», редакцией не разрабатывался и не ставился еще вовсе. Так например ни одной статьи не было по вопросу о татарском иге, статья о борьбе русского народа против меченосцев дается лишь в настоящем номере.

Нельзя обойти молчанием и тот факт, что в статьях «Борьбы классов» имелись и ошибки, целиком идущие в направлении лженаучной концепции Покровского. Так например в статье Звягинцева («Борьба классов» № 2 за 1936 год) великий Ломоносов назван «угодливым ученым», писавшим льстивые оды Екатерине. Ясно, что эта ошибка идет на пользу тем «теоретикам», которые всячески снижали таких великих гениев русского народа и его истории, как Ломоносов и др.

Вопросы истории партии, истории ее борьбы с антипартийными течениями, контрреволюционным троцкизмом и с правыми отщепенцами нашли свое

отражение примерно в 10 статьях журнала за 1936 год и начало 1937 года. Однако и здесь надо признать, что уровень работы редакции резко отстает от поставленных партией задач. Целый ряд важнейших вопросов, имеющих остро актуальное значение для преподавателей школ, пропагандистов и вообще партийного актива, остался не освещенным. Затронуты лишь отдельные моменты борьбы партии с правыми. Совсем остался не освещенным журналом вопрос о вредительской деятельности троцкистов и правых на международной арене. Вне поля зрения редакции остался и такой важнейший вопрос, как борьба партии с уклонами по национальному вопросу, и еще ряд других вопросов. Одним из коренных недочетов по этому разделу является то, что проблемы истории партии трактовались вне связи с историей страны, трактовались по датам, от с'езда к с'езду, без необходимого анализа борющихся сил в стране, расстановки классов и партий.

Слабо освещались редакцией вопросы новой истории. Помимо статей по истории Испании, Абиссинии, Монголии тематика остальных статей была случайной. И в этом отношении остались далеко не выполненными указания товарищей Сталина, Кирова и Жданова, данные в замечаниях на конспект учебника по «Новой истории», которые должны были стать программой работы журнала по новой истории.

Да и те 5—6 статей, которые редакция дала об Испании, по охвату вопросов далеко не соответствуют тому исключительному интересу, который к этим вопросам проявляют широкие массы читателей. Почти ничего не было дано за это время по борьбе трудящихся масс с фашизмом, по истории колониальных стран. Это крупнейший недостаток работы журнала.

Из всего этого видно, как остро стоит перед нашим журналом вопрос о поднятии своей работы на уровень современных задач. Редакция коренным образом должна перестроить свою работу. Редакция приложит все силы к тому, чтобы покончить с политической близорукостью и беспечностью, скорейшим образом ликвидировать последствия вредительства на историческом фронте и в преподавании истории и включиться в творческую работу всей страны по осуществлению того исторического поворота, который обусловлен победой социализма в СССР и знаменем которого является Сталинская Конституция.

Перестройка эта не может быть осуществлена без широкого разворота большевистской самокритики.

В отношении развития самокритики на всем историческом фронте был, по сути дела, полный застой. Больше того, благодаря той роли, которую на этом участке играли «ученики» Покровского, самокритика здесь усиленно зажималась.

Самокритика в нашем журнале означает не только критику в печати: нужна и чрезвычайно важна критика со стороны читательской массы, которая до сих пор не находила своего отражения на страницах журнала. В этом вина лежит полностью на редакции, ибо она должна была проявить инициативу как в созыве авторских активов, так и широких читательских конференций, на которых должна была подвергнуться критике работа журнала. Такого рода самокритика, снизу, несомненно, смогла бы помочь разоблачению вредительской работы врагов народа в раскрытии недочетов журнала и в их предупреждении.

Редакция все сделает, чтобы добиться решительного перелома в этом отношении. Активы редакции, читательские конференции, широкая переписка с читателем должны занять первенствующее место в работе журнала, причем они должны проводиться не в порядке кампаний, а в порядке систематической работы.

Важнейшей задачей такого первоочередного актива должны стать критика работы журнала за 1936 год и прошлые годы и обсуждение его плана на 1937 год, причем особо должен быть выделен план статей по вопросам,

связанным с 20-летием Великой пролетарской революции. Статьи по этим вопросам должны занять основное место в журнале. Наметив план статей по этим вопросам еще во второй половине 1936 года, редакция не поставила его на обсуждение авторского и читательского коллектива и сумела в первых номерах реализовать лишь часть намеченной тематики. Опубликовывая в настоящем номере этот план, редакция просит читателей высказать свои соображения по нему и включиться в работу по его осуществлению. Редакция обращается и к авторскому коллективу с призывом принять более активное участие в работе редакции в целом. В порядке самокритики надо сказать, что ряд авторов не осведомлен о работе нашего журнала, пишет поэтому свои статьи, совершенно не учитывая ни задач, ни характера журнала.

Статья «Правды» о нашем журнале — под названием «Политическая близорукость и ее плоды» (3 апреля 1937 года) — правильно указывает на все основные недостатки работы нашего журнала.

Указания ЦО нашей партии мобилизуют нас и всю массу работников исторического фронта — партийных и беспартийных большевиков — на подлинное, большевистское развертывание самокритики, на поднятие работы нашего «Исторического журнала» на требуемую Советской страной и нашей партией высоту.

Доклад товарища Сталина и его заключительное слово на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) ставят перед историческим фронтом новые задачи, обязанность и честь выполнения которых должен взять на себя и берет на себя и наш «Исторический журнал».

В. Гиндин

БОРЬБА ЛЕНИНА ПРОТИВ ГРУППЫ БУХАРИНА—ПЯТАКОВА

в годы империалистической войны

Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в феврале — марте 1937 года, принял решение об исключении Бухарина и Рыкова из партии. Уже на январском процессе антисоветского троцкистского центра ярко выявилась картина «дружбы» и совместной контрреволюционной работы двух групп подлых реставраторов капитализма. Фашистско-троцкистские бандиты, предатели социалистической родины Пятаков и Радек, бегали на «дружеские» переговоры к правому реставратору капитализма Бухарину и встречали у него полное сочувствие и поддержку в своих контрреволюционных, шпионских, диверсионно-вредительских и террористических делах.

Дружба Бухарина с Пятаковым и Радеком не случайна: они «старые друзья» по совместной борьбе против Ленина и Сталина, против большевистской партии. Свою совместную борьбу против партии большевиков Бухарин и Пятаков начали в годы империалистической войны. Уже тогда они выступили против Ленина, об'единившись под меньшевистско-троцкистскими и полутроцкистскими лозунгами.

1

Когда грянули первые выстрелы войны 1914 года, Ленин выступил с тезисами, в которых сформулировал задачи революционной социал-демократии в империалистической войне и заклеймил позором шовинистическую позицию вождей II интернационала, перешедших на сторону своих буржуазных правительств.

Тезисы о войне («Задачи революционной социал-демократии») написаны были Лениным в первые дни сентября 1914 года. По приезде Владимира Ильича, после освобождения из галицийской тюрьмы, в Берн (Швейцария) 6—7 сентября, эти тезисы были обсуждены и приняты бернской группой большевиков, от имени которой за подписью «Группы социал-демократов — членов РСДРП» тезисы были разосланы отдельным заграничным секциям большевиков и посланы для обсуждения в Россию большевистским организациям, русской части ЦК и большевистской фракции Государственной думы. В сентябре тезисы были посланы итальянской социалистической партии, остававшейся на интернациональных позициях, а также обсуждались и на итало-швейцарской социалистической конференции в Лугано (27 сентября), в резолюциях которой они частично отразились.

Помимо этого Ленин пропагандировал точку зрения большевиков по вопросу наступившей войны в ряде своих выступлений. 11 октября (28 сентября) Ленин выступал в Лозанне, где подверг жесточайшей критике социал-шовинистическую позицию Плеханова.

Вслед за этим 14 (1) октября Ленин читал в Лозанне реферат на тему «Пролетариат и война» и 15 (2) октября в Женеве — на тему «Европейская война и социализм».

Впервые тезисы Ленина были напечатаны 1 ноября 1914 года в № 33 «Социал-демократа» (ЦО большевиков) в форме политического манифеста ЦК партии под заголовком «Война и Российская социал-демократия». 4 ноября (старого стиля) происходили обсуждение и принятие тезисов Ленина в России, на конференции российских большевистских организаций в Озерках, близ Петрограда.

Давая в тезисах оценку происходящей войне как войне империалистической, грабительской, Ленин выдвинул единственно правильные для пролетариата, единственно революционные лозунги в этой войне — лозунги превращения империалистической войны в войну гражданскую и поражения «своего» правительства в империалистической войне. Необходимым условием для того, чтобы провести эти лозунги в жизнь, Ленин считал полный разрыв революционных социал-демократов с социал-шовинистами и центристами и создание на этой основе III интернационала.

Уже в этих тезисах Ленин выдвинул лозунг самоопределения народов в качестве одного из основных лозунгов революционной социал-демократии, подчеркнув его особое значение для России.

Ленинские лозунги, с самого начала войны принятые большевиками как в России, так и в эмиграции, стали лозунгами всей нашей партии. Среди большевиков нашлись лишь очень немногие, кто выступил против Ленина по этим вопросам. Наиболее организационно оформленной оказалась оппозиция со стороны божийцев (группы эмигрантов, проживавших в местечке Божи). В эту группу входили Н. Бухарин, Ю. Пятаков, Е. Бош и некоторые другие.

Борьба партии с антиленинскими, меньшевистско-троцкистскими установками божийцев развернулась по важнейшим стратегическим и тактическим лозунгам партии, по важнейшим программным вопросам большевизма, по которым эта группа атаковала партию в ответственнейший период — канун Великой октябрьской революции 1917 года, когда вызванный войной кризис всей капиталистической системы приблизил и поставил в порядок дня борьбу мирового пролетариата за власть, за диктатуру пролетариата.

2

В начале 1915 года (27 февраля) в Берне была созвана конференция заграничных секций большевиков. На ней присутствовали представители парижской, цюрихской, лондонской, женевской, бернской, лозаннской и божийской секций. Сплочение всех действительно интернационалистских элементов среди заграничных большевистских секций нашей партии на том этапе являлось исторической заслугой Бернской конференции.

В. И. Ленин. 1914 год.

Еще перед созывом Бернской конференции божийская группа представила в ЦК свой «Проект резолюции о задачах партии». В этом проекте божийцы писали, что якобы солидаризируются с лозунгом превращения империалистической войны в войну гражданскую, но считают необходимым сделать к нему «небольшую поправку». В «поправке» же божийцы указывали, что этот лозунг неспособен мобилизовать массы. Революционному лозунгу, выдвинутому Лениным, лозунгу превращения империалистической войны в войну гражданскую, они противопоставили пацифистский лозунг мира, солидаризуясь полностью в этом вопросе с центристско-меньшевистской позицией Троцкого, который тоже считал, что единственным лозунгом, способным мобилизовать массы, является лозунг мира.

В специальной статье — «Вопрос о мире» — Ленин прямо писал относи-

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

Политический манифест ЦК РСДРП «Война и социал-демократия», напечатанный в № 33 «Социал-демократа». 1914 год.

тельно лозунга мира: «Лозунги надо ставить для того, чтобы в пропаганде и агитации раз'яснять массам непримиримое различие между социализмом и капитализмом (империализмом), а не для того, чтобы п р и м и р я т ь два враждебных класса и две враждебные политики посредством такого словечка, которое «об'единяет» самые различные вещи» [1].

Выставляя лозунг мира, группа Бухарина—Пятакова становилась на буржуазные позиции примирения классов, сглаживания классовых противоречий.

Бернская конференция в соответствующей резолюции указала, что абстрактная проповедь мира является одной из форм одурачения рабочего класса. «Пропаганда мира в настоящее время, — говорилось в резолюции,— не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций» [2].

Резолюция Бернской конференции, таким образом, разоблачила скрытое поползновение божийцев протащить

[1] Л е н и н. Т. XVIII, стр. 226.

[2] Т а м ж е, стр. 127—128.

и навязать партии и рабочему движению пацифистские лозунги, выгодные исключительно только буржуазии.

На Бернской конференции Бухарин и Пятаков выступили с особой резолюцией-платформой, в которой высказали свое несогласие с лозунгом поражения «своего» правительства и стали на защиту лозунга «Соединенные штаты Европы» как лозунга, якобы имеющего огромное агитационное и организующее значение.

Лозунг поражения означал упорную борьбу за завоевание армии на сторону революции, революционное воспитание масс, продолжение и обострение революционной борьбы пролетариата в новых условиях — империалистической войны. Только стоя на позициях поражения «своего» правительства, можно было вести практическую подготовку к превращению империалистической войны в войну гражданскую.

Лозунг поражения «своего» правительства являлся водоразделом между революционной тактикой большевизма и шовинистической тактикой международного меньшевизма и в первую очередь его гнуснейшей разновидностью — троцкизмом, в настоящее время скатившимся в лагерь фашизма.

И по этому вопросу божийцы оказались вместе с Троцким, против Ленина. Они категорически заявляли, что отвергают «какое-либо выставление в качестве лозунга для России» так называемого «поражения России» [1].

Против «пораженчества» божийцы выставляли в своем проекте резолюции аргументы, заимствованные у центристов - троцкистов, доказывая якобы абсолютную «невозможность практической агитации в этом духе» [2].

Бернская конференция четко определила в своей резолюции, против чего на деле боролись Бухарин и Пятаков, отрицая лозунг поражения:

«Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов» [3].

Этим определением сущности лозунга поражения Бернская конференция разоблачила Бухарина и Пятакова, их завуалированную тактику борьбы против ослабления царского правительства, против освобождения порабощенных царизмом народностей и, в основном, против главного в лозунге—против развязывания гражданской войны. По отношению к России конференция особенно подчеркнула необходимость поражения, указав, что «Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях» [4].

В выступлениях божийцев на Бернской конференции с защитой лозунга «Соединенные штаты Европы» также обнаружилось коренное расхождение божийской группы с партией и Лениным в понимании этого лозунга.

В написанном Лениным в октябре 1914 года манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» был выдвинут лозунг создания Соединенных штатов Европы. По мысли Ленина, Соединенные штаты должны были быть об'единением только республиканских государств, то есть этот лозунг выдвигался как политический лозунг, мобилизующий массы на борьбу за демократическую революцию в трех наиболее реакционных монархиях, участвующих в империалистической войне.

«В отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут раз'яснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской» [5],— подчеркивал Ленин.

Ленин считал, что через борьбу за демократическую революцию пролетариат подведет народные массы к революции социалистической. Вне этого понимания Ленин считал лозунг «Со-

[1] Проект резолюции божийской группы. См. «Пролетарская революция» № 5 (40) за 1926 год, стр. 172.
[2] Там же.

[3] Ленин. Т. XVIII, стр. 128.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 65.

единенные штаты Европы» бессмысленным и лживым.

На Бернской конференции дискуссия по этому вопросу приняла односторонне политический характер, в силу чего вопрос, по предложению Ленина, был снят до обсуждения в печати его экономической стороны. После конференции и многократного обсуждения этого вопроса Ленин в августе 1915 года выступил со статьей «О лозунге Соединенных штатов Европы», в которой доказал неправильность этого лозунга как лозунга самостоятельного.

«Как самостоятельный лозунг, — писал Ленин, — лозунг Соединенные Штаты мира был бы однако едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным» [1].

В этом, одном из самых величайших документов XX столетия Ленин впервые сформулировал, исходя из закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма, свою идею победы социализма в одной, отдельно взятой капиталистической стране — идею, которая явилась величайшим достижением научной теории марксизма-ленинизма, дальнейшей и новой ступенью в развитии гениального учения Маркса — Энгельса.

Статья Ленина была целиком направлена против подлейших предателей социализма из лагеря II интернационала, в том числе и Троцкого, создавших в угоду буржуазии «теорию» о невозможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране и утверждавших, что победоносная социалистическая революция возможна лишь в мировом масштабе и только тогда, когда пролетариат составит большинство населения.

Ленин показал, что создание Европейских соединенных штатов в эпоху империализма с экономической точки зрения либо невозможно либо глубоко реакционно. Невозможно, так как не мыслимо мирное соглашение между империалистическими державами по вопросу о дележе колоний; реакционно потому, что если бы даже такое об'единение временно и состоялось, оно означало бы «соглашение европейских капиталистов... о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии против Японии и Америки» [2].

Ленин писал, что кто настаивает на лозунге «Соединенные штаты Европы», тот не признает империализма как эпохи, «гораздо более порывистой, скачкообразной, катастрофичной, конфликтной», тот отрицает специфические особенности закона неравномерного развития капитализма в эпоху империализма. Ленин указывал, что из неравномерности развития капитализма «следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» [3].

Товарищ Сталин в своей работе «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии» писал:

«Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы уже поделенного мира в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах» [4].

Божийцы стали на защиту лозунга «Соединенные штаты Европы», исходя как раз из троцкистских позиций.

Не веря в возможность победы социалистической революции, не веря в творческую мощь пролетариата, отрицая революционную роль крестьян-

---

[1] Ленин. Т. XVIII, стр. 232.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 178.

ства, божийцы настаивали на этом лозунге именно потому, что он мог быть понят как утверждение о невозможности победы социализма в одной стране.

С другой стороны, группа Бухарина — Пятакова настаивала на этом лозунге и потому, что она, подобно Троцкому и другим центристам, затушевывала обострившиеся до крайности противоречия империализма и допускала возможность прочного экономического союза капиталистов и уничтожения войн при капитализме. Бухаринская теория организованного капитализма, выдвинутая им впоследствии, имела глубокие корни в его взглядах периода империалистической войны.

Ленин еще тогда разоблачил меньшевистско-троцкистские установки Бухарина—Пятакова, их неверие в силы пролетариата, их отрицание победы социализма в одной, отдельно взятой стране, их смыкание с Троцким, выступавшим тогда от лица международного меньшевизма, их нежелание подымать массы на революцию.

3

Божийцы также выступили против ленинской теории империализма. Ленин в начале империалистической войны по приезде в Берн (сентябрь 1914 года) приступил к разработке вопроса о характере эпохи империализма, изучая для этого все имеющиеся об этом материалы. В середине января 1915 года Ленин начал писать свою работу «Империализм, как высшая стадия капитализма», переехав для этого в феврале из Берна в Цюрих, чтобы использовать цюрихскую библиотеку. За 5 месяцев (к 1 июля) бессмертная работа Ленина об империализме была окончена.

В своей научной работе об империализме Ленин выступил с резкой критикой социал-прохвостов из II интернационала и в первую очередь каутскианцев и троцкистов — этих гнуснейших представителей оппортунизма, прикрывавших социал-шовинистическую позицию «левыми» фразами и якобы научной терминологией.

В этой работе Ленин показал, что империализм есть новая эпоха капитализма — эпоха господства монополий, эпоха, когда закончен территориальный и экономический передел мира между крупнейшими капиталистическими странами и капиталистическими трестами. Империализм, как это доказал Ленин, явился не только высшей, но и последней стадией в развитии капитализма, когда все противоречия капиталистического общества до крайности обострились, когда история в порядок дня поставила пролетарскую революцию. Но вместе с тем Ленин, говоря об эпохе империализма, подчеркивал: «Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и не типичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам» [1]. Другими словами, Ленин указывал на то, что в эпоху империализма не уничтожается старый капитализм, что наряду с империализмом продолжают существовать и домонополистический капитализм и докапиталистические формы хозяйства, что еще больше обостряет и усложняет клубок капиталистических противоречий в эпоху империализма.

Всех этих положений Ленина не хотела признавать группа Бухарина—Пятакова, изображавшая империализм как «чистый», как некую всеохватывающую систему без единого пятнышка прошлого, как систему, принципиально отличную от эпохи домонополистической, сглаживающую и устраняющую противоречия старого капитализма. Пятаков в своей характеристике империализма повторял каутскианское определение, об'являя его «системой внешней политики» [2].

Бухарин в брошюре «Мировое хозяйство и империализм» (написанной в конце 1915 года и известной Ленину) писал, что народное хозяйство при империализме превращается в «одно гигантское комбинированное предприятие под началом финансовых королей». Этот антиленинский взгляд

---

[1] Ленин. Т. XIX, стр. 202.
[2] Там же, стр. 206.

Бухарин впоследствии развивал и на VIII с'езде партии, на котором он выступил с контрдокладом против Ленина по вопросу о программе партии.

Из этой, по существу буржуазной теории божийцы делали практические выводы: раз империализм стал сплошным, «чистым», то и будущая революция будет «чисто» социалистической революцией — революцией, в которой пролетариат непосредственно и один будет противостоять буржуазии.

Не удивительно поэтому, что божийцы игнорировали национально-революционное движение, проходили мимо крестьянства — важнейшего союзника пролетариата в его революционной борьбе. На Бернской конференции Бухарин выступал против того, чтобы «звать демократическую буржуазию».

К этой же позиции примыкал ныне разоблаченный как агент фашизма враг народа Радек, входивший тогда в польскую социал-демократическую партию.

Бухарин и Пятаков отрицали ленинское положение о том, что «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» [1].

Сводя нанет огромную роль в пролетарской революции демократических союзников пролетариата в лице угнетенных народов и крестьянства, Бухарин и Пятаков снимали задачу руководства со стороны пролетариата демократическим национальным движением и, таким образом, обрекали социалистическую революцию на изоляцию и поражение.

Ленин разоблачил псевдореволюционность теории «чистой» социалистической революции. «Кто ждет «чистой» социальной революции, — писал он, — тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции» [2].

---

[1] Ленин. Т. XIX, стр. 221.

[2] Там же, стр. 269.

Исходя из антиленинского понимания характера империалистической эпохи и отрицания революционной роли демократических резервов (крестьянства и угнетенных народов) в пролетарской революции, Бухарин и его соратники по борьбе против партии выступили и против лозунга «Право наций на самоопределение, вплоть до отделения», хотя этот вопрос был уже к тому времени со всей научной полнотой разработан Лениным и Сталиным.

Неправильные взгляды божийцев по этому вопросу нашли свое выражение в двух документах: 1) в «Платформе» из 15 пунктов и 2) в тезисах «О лозунге права наций на самоопределение», посланных божийцами в ЦК в середине ноября 1915 года.

Борьба божийцев против партии и Ленина по этому вопросу особенно остро развернулась в середине 1916 года. В это время Пятаков под псевдонимом «Киевский» выступил со статьей «Пролетариат и право наций на самоопределение в эпоху финансового капитала». Эта статья Пятакова, изобиловавшая грубейшими меньшевистско-троцкистскими ошибками, была первым наиболее полным изложением взглядов божийцев со всей путаницей и шатаниями мыслей, им свойственными.

Разбор коренных отступлений божийцев от марксизма, их измену основам марксизма Ленин дал в своем замечательном произведении «О карикатуре на марксизм». Называя извращение марксизма божийцами карикатурой на марксизм, Ленин констатировал, что на всех исторических этапах в жизни партии карикатура на марксизм являлась формой борьбы против всякого побеждающего или победившего положения марксизма, причем эта дискредитация марксизма в форме карикатуры на марксизм исходила всегда со стороны якобы друзей марксизма.

Исходя из антиленинской теории «чистого» империализма, группа Бухарина — Пятакова считала, что империализм уже окончательно поглотил мелкие государства, что национальные государства уже изжили себя и поэтому неправильно выставлять якобы из-

жившее себя демократическое требование права наций на самоопределение. На деле «теория» божийцев, отрицающая национально-освободительные войны в эпоху империализма, являлась прикрытым пособничеством буржуазии, так как означала раз'единение пролетариата метрополий с крестьянством колоний и зависимых стран и ослабляла позиции пролетариата.

Бухарин и Пятаков говорили, что при империализме самоопределение наций реализовать невозможно, а в социалистическом обществе, которое будет интернациональным, оно излишне. Отсюда, рассуждали они, требование самоопределения наций реакционно. Поэтому задачей социалистов, дескать, не может быть восстановление разрушенных империализмом границ и единственно якобы правильным, реальным требованием социалистов к своим правительствам может быть требование «Вон из колоний!»

Ленин жестоко высмеял эту позицию. Он показал, что лозунг «Вон из колоний!» является красивой, но пустой фразой.

Ленин указывал, что самоопределение наций неосуществимо без ряда революций в колониальных и зависимых странах, без социалистической революции в странах капиталистических. Ленину приходилось многократно повторять, что только на основе полного осуществления права наций на самоопределение возможно «с в о б о д н о е, добровольное сближение и слияние» народов различных национальностей.

Этим самым Ленин бил и Радека, который солидаризировался в борьбе против партии с Пятаковым и атаковал партию со страниц польской «Газеты роботничей», крикливо провозглашая, что «самоопределение при капитализме невозможно, при социализме излишне» [1].

Теперь, когда ленинско-сталинская национальная политика одержала такую блестящую победу у нас в Советском союзе, особенно отчетливо раскрывается контрреволюционная сущность позиции Бухарина и Пятакова по национальному вопросу.

Не умея мыслить диалектически, не умея разобраться во всем многообразии событий и дать научный анализ каждого переживаемого исторического периода, Бухарин, Пятаков и иже с ними напрасно старались всеми способами прикрыть свой «шовинизм наизнанку». Но шовинизм сказывался особенно ярко в их выступлениях, направленных против защиты отечества в национальных войнах. «Как это можно, — вопрошал Пятаков, — быть одновременно против защиты отечества и за него?» Ленин, разоблачая их, писал, что быть против национальных войн, отрицать право угнетенных народов на защиту отечества от чужеземцев — это значит фактически помогать империалистическим правительствам сохранять свою власть в колониях и полуколониях, это значит оправдывать аннексии.

Исходя из своей теории «чистого» империализма и «чистой» социалистической революции, группа Бухарина—Пятакова отрицала необходимость вообще всякой борьбы за демократические требования в эпоху империализма, ибо при империализме демократия-де неосуществима.

Абсолютное отрицание значения демократических и национально-освободительных движений для пролетарской революции со стороны группы Бухарина—Пятакова Ленин назвал «империалистическим экономизмом» [2].

Отрицание демократии на том этапе было у Бухарина и Пятакова, ныне полностью разоблачивших себя как подлые реставраторы капитализма, прикрытой формой их отрицания гегемонии и диктатуры пролетариата.

Разоблачая их, Ленин писал: «Этот взгляд есть непонимание значения демократии. Социализм невозможен без демократии в двух смыслах: 1) нельзя пролетариату совершить революцию, если он не подготовляется к ней борьбой за демократию, 2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии» [3].

---

[1] Цитирую по Л е н и н у. Т. XIX, стр. 233.

[2] Л е н и н. Т. XIX, стр. 233.

[3] Т а м ж е, стр. 234.

Вся глубина этого гениального ленинского положения особенно раскрывается перед нами сейчас, когда дальнейшая демократизация избирательной системы в СССР, введенная новой, Сталинской Конституцией, расширяет и укрепляет базу пролетарской диктатуры, делает ее более мощной и гибкой системой государственного руководства рабочего класса обществом. В то же время в капиталистических странах под лозунгом борьбы за демократию, против фашизма, войны и наступления капитала сплачивается единый пролетарский фронт, единый фронт трудящихся, мобилизуются широчайшие резервы назревающей мировой пролетарской революции.

Впротивовес этому троцкисты всех капиталистических стран, эти гнуснейшие из гнусных агенты фашизма, борются против единства рабочего класса, против создания единого народного фронта.

Так, выставленный бандой троцкистов в Испании лозунг создания «правительства профсоюзов» в целях немедленного осуществления «социальной революции» означает не что иное, как борьбу за раскол пролетариата, борьбу за изоляцию пролетариата от его союзников — мелкой буржуазии (главным образом крестьянства), борьбу за то, чтобы подвести пролетариат под разгром и обеспечить победу над ним буржуазии.

4

В годы империалистической войны полуцентристская, меньшевистско-троцкистская позиция у группы Бухарина — Пятакова переплеталась с их полуанархическими взглядами. Это особенно ярко сказалось в их высказываниях по вопросам о государстве и переходном периоде от капитализма к коммунизму.

В статье «О каррикатуре на марксизм» Ленин разоблачил извращения Пятакова и по этим вопросам.

В своих высказываниях Пятаков сделал попытку протащить свою антимарксистскую идейку в вопросе об отмирании государства в переходный период. «Мы мыслим, и всегда мыслили себе социалистический строй, как строго демократическую (!!?) централизованную систему хозяйства, при которой государство, как аппарат господства одной части населения над другой, исчезает» [1],— цитирует Ленин Пятакова, отмечая восклицательными и вопросительным знаками его путаницу в вопросе об отмирании государства.

Разоблачая в этом Пятакова, Ленин подчеркивал, что «демократия есть тоже форма государства, которая должна исчезнуть, когда исчезнет государство, но это будет лишь при переходе от окончательно победившего и упрочившегося социализма к полному коммунизму» [2].

Действительная позиция Пятакова как приверженца и защитника капитализма сказалась в его высказываниях об отношении пролетариата в момент социалистической революции к государству, где он целиком и полностью проводил идеи Иуды-Троцкого. «Этот процесс (социальный переворот), — писал Пятаков, — мы мыслим, как об'единенное действие пролетариев всех (!!) стран, разрушающих границы буржуазного (!!) государства, сносящих пограничные столбы (независимо от «разрушения границ»?), «взрывающих (!!) национальную общность и устанавливающих общность классовую» [3].

Помимо явного проповедывания концепции Троцкого о перманентной революции, Пятаков в этих словах обнаружил также свой анархистский взгляд на государство, проповедуя в момент социалистической революции взрыв национальной, то есть государственной, общности.

Пятаков в борьбе с партией накануне пролетарской революции по вопросу о государстве не был одинок.

В 1916 году в журнале «Интернационал молодежи» № 6 выступил за подписью «Нота Бэнэ» Бухарин со статьей, направленной, по существу, также против Ленина. В этой статье Бухарин

---

[1] Ленин. Т. XIX, стр. 220.
[2] Там же, стр. 37.
[3] Цитирую по Ленину. Т. XIX стр. 220.

писал: «Совершенно ошибочно искать различия между социалистами и анархистами в том, что первые сторонники, вторые — противники государства... Для социал-демократии теперь более чем когда-либо необходимо подчеркивать принципиальную враждебность к государству...»

Это безоговорочно отрицательное отношение Бухарина к государству было повторено им в другой статье, написанной в том же, 1916 году, «К теории империалистического государства», которая не была принята к печати редакцией «Социал-демократа» (то есть Лениным), но которую Бухарин все же счел возможным в 1925 году полностью перепечатать, снабдив только клеветническим примечанием, что Ленин, мол, пришел впоследствии к бухаринской «теории» в вопросе о государстве.

Из этой «теории» о принципиальной враждебности пролетариата к государственной власти вытекала и «теория» «взрыва государства», взятая Бухариным напрокат у левого голландского социал-демократа Паннекука.

Теория «взрыва государства» противопоставлялась Бухариным и Пятаковым марксистско-ленинской теории слома старой, буржуазной государственной машины и построения нового типа государства — государства диктатуры пролетариата.

Политический смысл всей путаной концепции по вопросам о государстве у Пятакова и Бухарина был вскрыт еще в то время Лениным. Впоследствии Сталин, продолжая ленинское дело защиты марксизма и разоблачения этих искажений, писал относительно Бухарина, что он «проглядел целый переходный период, когда рабочий класс не может обойтись без своего собственного государства, если он действительно хочет подавлять буржуазию и строить социализм» [1].

Известно, что ныне разоблаченный двурушник и враг народа Пашуканис в своем стремлении подорвать государственную мощь страны победившего социализма усиленно развивал эти антиленинские взгляды Бухарина и Пятакова, проповедуя антипартийные, вредительские «теории» отмирания государства и права.

В годы империалистической войны у Бухарина сложилась и «теория» мгновенного краха классового общества сразу после «обуздания» пролетариатом буржуазии. По-бухарински, классовая борьба должна прекращаться чуть ли не на другой день после захвата пролетариатом власти.

Именно отсюда и выросла проповедываемая впоследствии Бухариным правооппортунистическая «теория» затухания классовой борьбы в советских условиях.

5

Как видно из всего вышесказанного, группа Бухарина—Пятакова расходилась с Лениным по основным вопросам теории и тактики, стоявшим перед партией в годы империалистической войны.

Острота разногласий с партией, острота организационной борьбы божийцев нарастала постепенно. Первая попытка божийцев начать фракционную борьбу против партии была сделана на Бернской конференции, где они обратились к ЦК с требованием разрешить им издавать свою газету. Это требование было решительно отклонено Бернской конференцией. Группа тогда еще не достаточно сорганизовалась и поэтому сделала вид, что согласилась с этим решением без особого протеста.

Когда в феврале—марте 1915 года Бухарин выступал на Бернской конференции, то за ним, по существу, не было еще никакой сплоченной группы. Среди самих божийцев были крупные разногласия. Позиция только что приехавших Ю. Пятакова и Е. Бош не была еще вполне ясна. Поэтому Бухарин выступал тогда еще от своего имени, а не от имени группы. Кроме того нужно иметь в виду, что это первое выступление Бухарина против линии партии происходило до Циммервальда, т. е. тогда, когда процесс об'единения левых в международном масштабе только начинался, когда вопрос об

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 274. 10-е изд.

организации III интернационала еще только ставился.

Вот почему Ленин тогда считал возможным попробовать, не «удастся ли преодолеть «товарищески» колебания Бухарина?» [1]. Исходя из этого, Ленин пошел тогда на издание совместно с группой Бухарина—Пятакова сборника «Коммунист».

«Коммунист» имел целью также помочь преодолеть колебания левых социал-демократов в Западной Европе. Ленин и расценивал «Коммунист» как временный блок редакции «Центрального органа партии «Социал-Демократа» с двумя группами или элементами: 1) Бухариным и К°; 2) Радеком и К°. Пока можно было итти вместе с ними, это следовало делать» [2].

Таким образом, бухаринская группа вела свою борьбу против партии в период, когда большевики развертывали сложную работу по сплочению всех интернационалистских элементов в международном рабочем движении, по преодолению их колебаний.

Осенью 1915 года на сторону Бухарина окончательно перекочевывают Ю. Пятаков и Е. Бош; все они переезжают в Стокгольм. Пользуясь тем, что через Стокгольм проходила переписка Ленина и ЦК с русским центром большевиков, группа потребовала от ЦК ее утверждения в качестве «особой комиссии по сношениям с Россией». На это требование заграничный центр ответил составлением «провизорного» устава, в котором группе предлагалось быть только передаточным звеном между заграничными и российскими организациями большевиков. Право иметь самостоятельные сношения с Россией группе не предоставлялось и всю переписку предлагалось пересылать на просмотр в ЦК. Работать так, как предлагал устав, группа не согласилась и об'явила о своем якобы «самороспуске».

После этого борьба принимает более острый характер. Если в № 1—2 «Коммуниста» статьи Бухарина, Пятакова и Радека в общем не касались основного спорного вопроса — о самоопределении, то теперь Бухарин требует открытия широкой дискуссии по национальному вопросу. Пятаков и Бош, пользуясь тем, что у них были денежные средства, потребовали предоставления им полного «равноправия» с редакцией центрального органа в сборнике «Коммунист» и права помещать в дискуссионном отделе сборника все, что им вздумается. Бухарин, Пятаков и Бош хотели предоставить трибуну «Коммуниста» для направленных против Ленина оппортунистических статей Радека. По существу это была попытка группы Бухарина — Пятакова организовать вокруг журнала «Коммунист» фракцию своих единомышленников.

В 1916 году, когда была уже создана «циммервальдская левая», это было вдвойне опасно. Божийцы пытались выйти в борьбе против партии на международную арену, стремясь противопоставить свои взгляды взглядам партии большевиков, взглядам Ленина. Бухарин провозгласил «новый большевизм», «большевизм в западно-европейском масштабе» [3].

«Коммунист», таким образом, стал вреден, так как мог превратиться в знамя борьбы бухаринской фракции против большевизма, против ленинской линии, в международных и русских делах.

Необходимо было организационно размежеваться с бухаринской группой, повести решительную борьбу с ее антимарксистскими взглядами. «Журнал, как орган польско-бухаринских колебаний, вреден» [4], — писал Ленин.

Будучи близкими по своим тактическим лозунгам к центристам, божийцы не могли бороться за создание III интернационала: они только мешали партии в ее борьбе за сплочение всех истинно революционных элементов международного рабочего движения.

Ленин потребовал теперь, чтобы вместо «Коммуниста» издавался «Сборник Социал-Демократа» под редакцией центрального органа партии (которым был тогда «Социал-демократ»). Этот «Сборник» должен был являться офи-

---

[1] Ленин. Т. XXIX, стр. 264.
[2] Там же, стр. 263.

[3] Цитирую по Ленину. Т. XXX, стр. 256.
[4] Ленин. Т. XXIX, стр. 264.

циальным теоретическим органом большевистской партии. «Партийное и международное положение теперь таково, — писал Ленин в мае 1916 года, — что ЦК должен продолжать итти вперед самостоятельно, не связывая себе руки ни в русских, ни в международных делах «Издатели» никуда негодные как литераторы и как политики... хотят связать нас договором о равноправии, т. е. мы должны согласиться дать равноправие даме (Е. Бош. — *В. Г.*), ни одной строчки не написавшей и ничегошеньки не понимающей, и «молодому человеку» (Пятакову. — *В. Г.*), всецело находящемуся под ее влиянием. А они используют это равноправие для игры на наших разногласиях с Радеком, с Бухариным и пр.!» [1].

В этот решающий момент на сторону Бухарина и Пятакова переметнулся и Зиновьев.

Примиренческая позиция Зиновьева обусловливалась его принципиальным согласием в основных вопросах с антиленинскими теориями Бухарина и Пятакова, направленными против гегемонии и диктатуры пролетариата.

В августе 1915 года Зиновьев выступил с критическими замечаниями против статьи Ленина «О брошюре Юниуса».

В своем ответе Зиновьеву Ленин показал, что Зиновьев полностью защищает вреднейшую ошибку Р. Люксембург, подхваченную божийцами.

Приводя цитату из замечаний Зиновьева («Маленькие страны не могут в нынешнюю эпоху защищать отечество»), Ленин писал: «Неверно!! Это и есть ошибка Юниуса (Р. Люксембург), Радека, «разоруженцев» и японцев!! [2] (вульгаризаторы).

Гримм [3] повторяет ошибку вульгаризаторов, а Вы потакаете ему, давая неверную формулировку» [4].

Зиновьев и Шляпников требовали от Ленина восстановления «Коммуниста», восстановления блока с группой Бухарина. Шляпников в ряде своих писем пробовал «об'яснить» глубоко принципиальные разногласия Ленина с Бухариным и Пятаковым ленинской «неуживчивостью» и «нетактичностью». «У многих товарищей,— писал он в марте 1916 года, — выплыли всякие сомнения насчет «ленинской» неуживчивости с товарищами, его нетактичности и т. д. При нашем безлюдии — нам следует быть бережнее с нашими единомышленниками» [5].

Приехав в Скандинавию в 10-х числах марта 1916 года, Шляпников сразу взял на себя роль «примирителя» в конфликте Ленина с группой Бухарина, Пятакова и Бош.

«Споры и спевки» тянулись в течение трех месяцев, во время которых Зиновьев, списываясь с Лениным и договариваясь с ним по отдельным вопросам, одновременно за спиной его слал письма Шляпникову, в которых давал «директивные указания», с какой стороны «давить» на Ленина, чтобы добиться тех или иных уступок с его стороны.

Таким образом, Зиновьев, двурушнически поддерживая Бухарина и Пятакова в их борьбе против Ленина, выступая против разрыва с группой Бухарина — Пятакова, против прекращения издания «Коммуниста», стоял также на антибольшевистских позициях.

Вся эта закулисная работа Зиновьева была тогда же разоблачена Лениным [6].

В конфликте Ленина с группой Бухарина — Пятакова партия в лице Бюро ЦК партии в России, руководимого тов. Молотовым, была целиком на стороне Ильича.

Бюро ЦК в России «вполне солидаризировалось с основной линией ЦК, проводимой в Ц. О. «Социал-Демократ», и высказывалось «против превращения изданий ЦК в дискуссионные» [7].

---

[1] «Пролетарская революция» № 4 за 1934 год, стр. 77.

[2] «Японцы» — кличка Пятакова и Е. Бош. Ленин здесь имеет в виду всю божийскую группу.

[3] Гримм — в годы войны лидер центристского крыла в швейцарской социалистической партии.

[4] «Большевик» № 22 за 1932 год, стр. 81—82.

[5] Цитирую по Ленину. Т. XXIX, стр. 231.

[6] См. «Пролетарская революция» № 4 за 1914 год, стр. 75.

[7] Цитирую по Ленину. Т. XXIX, стр. 255. Примечание 4-е.

Вместо «Коммуниста» редакция ЦО стала издавать «Сборник Социал-Демократа». В «Сборнике» были помещены статьи с обстоятельной критикой ошибок Розы Люксембург и К. Радека по национальному вопросу, статьи против ошибок голландских и скандинавских левых по вопросу о разоружении. Была помещена также статья Ленина («Интернационал Молодежи»), направленная против анархических взглядов Бухарина на государство.

В № 3—4 предполагалось дать обстоятельный разбор позиции Бухарина и Пятакова. Ленин готовил для этого ряд статей, в том числе и статью «О каррикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» [1]. Однако этому сборнику не пришлось увидеть свет: «помешала» февральская революция.

[1] См. соч. Ленина. Т. XIX, стр 191—235.

* * *

В годы империалистической войны партия, вооруженная научной теорией марксизма, разработанной Лениным и Сталиным, разбила «лево»-оппортунистический уклон группы Бухарина—Пятакова и их двурушнических пособников — Зиновьева и Шляпникова. Группа Бухарина—Пятакова распалась, но, как в дальнейшем показала история, вожди этой группы не сложили оружия. В условиях диктатуры пролетариата Бухарин, Пятаков, Радек продолжали борьбу против партии Ленина—Сталина, против первой страны социализма. В своей борьбе за реставрацию капитализма они об'единились на новых, троцкистско-фашистских позициях, став непосредственными агентами германской и японской разведок.

В. Жебровский

ПУТЬ ПРАВЫХ РЕСТАВРАТОРОВ КАПИТАЛИЗМА — БУХАРИНА и РЫКОВА

Пленум ЦК ВКП(б) за антипартийную деятельность исключил из партии Бухарина и Рыкова—правых ренегатов, презренных двурушников, сообщников троцкистско-зиновьевских фашистских убийц, агентов фашистских интервенционистских кругов, подготовляющих войну против СССР.

Отнюдь не случайно, что лидеры правых отщепенцев Бухарин и Рыков оказались в стане заклятых врагов социализма: вся история их борьбы против партии неопровержимо свидетельствует о том, что они по сути дела никогда не были большевиками. В течение ряда лет Бухарин и Рыков, еще задолго до того, как сложилась правооппортунистическая, антипартийная группировка, возглавляемая ими вместе с Томским и Углановым (1928 — 1929 годы), вели ожесточенную борьбу против большевистской партии по самым коренным вопросам революции. В этой борьбе они не раз группировались со злейшим врагом большевизма Троцким и не раз выступали против вождей нашей партии — Ленина и Сталина.

И нынешний контрреволюционный блок правых реставраторов с троцкистскими убийцами явился лишь завершением их многолетней борьбы против большевизма.

1

Еще в годы реакции, в период борьбы с богостроителями и эмпириокритиками, Бухарин в своих «теретических» работах извращал марксистско-ленинскую диалектику, выступал как эклектик, схоластик-механицист. Общетеоретические философские взгляды Бухарина складывались под влиянием Авенариуса, Маха, Богданова.

В 1909 году Ленин, отстаивая философию марксизма от антиматериалистических наскоков и извращений Маха, Авенариуса и Богданова, выпускает гениальную философскую работу «Материализм и эмпириокритицизм». Вот как товарищ Сталин характеризовал эту ленинскую работу: «Может быть, наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «Материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм» [1].

К этой замечательнейшей работе Ленина исключительно враждебно отнесся Бухарин: выступая против ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», Бухарин брал под защиту Маха, Авенариуса, Богданова.

В тот же период, в 1909 году, Бухарин совместно со Смирновым (будущим сапроновцем) и Осинским выступает против ленинской линии в вопросе о революции, утверждая, что в России буржуазно-демократическая революция уже завершена, что проблемы этой революции, в том числе такие проблемы, как демократия и крестьянское движение, уже сняты с повестки дня. В 1913 году Бухарин выступает против ленинского лозунга конфискации помещичьих земель в пользу крестьянства.

●

Борьба Бухарина против Ленина особенно сильно развернулась в годы империалистической войны. Ленинскому лозунгу «превращения империали-

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 13 — 14. 10-е изд.

стической войны в войну гражданскую» Бухарин так же, как Каутский и Троцкий, противопоставил пацифистский и полуцентристский лозунг «мира» и «разоружения», который означал на деле отказ от революции.

Ленин охарактеризовал бухаринский лозунг мира как лозунг «поповский», а не революционный, указав, что проповедь возможности добиться мира в империалистической войне без революции есть «одна из форм одурачения рабочего класса».

Бухарин тогда же выступил и против другого важнейшего лозунга большевизма — лозунга поражения своего правительства в империалистической войне.

«Отказываться от лозунга поражения, — писал Ленин, — значит превращать свою революционность в пустую фразу или одно лицемерие» [1].

Бухарин так же энергично отстаивал и защищал вопреки Ленину политику сближения с меньшевистской группой Троцкого «Наше слово», которая стояла на позициях единства с социал-шовинистами.

Оппортунистическую платформу Бухарина, развернутую и противопоставленную им линии партии на Бернской конференции 1915 года, Ленин тогда охарактеризовал как «верх нелепости; срам; полу-анархизм».

В эти же годы Бухарин вел активную борьбу против ленинского учения об империализме, против ленинской теории о неравномерности развития капитализма и о возможности победы социализма в одной стране.

Бухарин защищал теорию так называемого «чистого» империализма, явно игнорируя конкретную обстановку развития мирового капиталистического хозяйства, отрицая наличие старого капитализма и докапиталистических форм хозяйства. Бухарин утверждал, что империализм полностью уничтожил конкуренцию, рынок, кризисы, анархию производства и т. п.

Эта бухаринская теория «чистого» империализма совпадала с известной теорией «ультраимпериализма» Каутского. В соответствии с этой теорией Бухарин и Пятаков в борьбе против Ленина защищали так называемую теорию «чистой социальной революции», по существу отрицавшую революционное значение крестьянства и национально-колониальных движений. Разоблачая эту антимарксистскую теорию, Ленин писал: «Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции» [2].

Основываясь на этой враждебной ленинизму «теории», Бухарин вместе с Пятаковым отрицал возможность всякого демократического движения в эпоху империализма, выступал против ленинско-сталинского учения по национально-колониальному вопросу, боролся против большевистского лозунга «о праве наций на самоопределение вплоть до отделения». Эта позиция Бухарина была, по существу, прямой поддержкой империалистов, ибо означала отказ от борьбы за резервы революции. Ленин тогда же, в 1916 году, квалифицировал позицию Бухарина в национальном вопросе как «не большевизм и не марксизм».

Бухаринско-пятаковские «теории» того времени («теория» «чистого» империализма, «чистой» социальной революции, позиция Бухарина и Пятакова по вопросу о программе-минимум, отрицание ими необходимости борьбы за демократию в эпоху империализма) Ленин называл «империалистическим экономизмом». Именно о Бухарине и Пятакове Ленин писал тогда, что «они залезли в болото, что их «идеи» ничего общего ни с марксизмом, ни с революционной социал-демократией не имеют» [3].

Известно, что Бухарин в эти годы выступил против одной из самых гениальных и проникновенных ленинских статей — «О национальной гордости великороссов», нагло и клеветнически об'явив ее социал-патриотической. Недавние пасквильные писания Бухарина о России и русском народе как о нации Обломовых берут свои истоки в тех лживых нападках, которым он ранее подверг пламенные

[1] Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 171.

[2] Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 269.

[3] Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 251.

ленинские строки, посвященные великому русскому революционному народу.

В таком решающем и коренном вопросе марксизма-ленинизма, каким является вопрос о государстве и диктатуре пролетариата, Бухарин также боролся против Ленина. Еще в 1916 году он занял полуанархическую позицию враждебного, отрицательного отношения ко всякому государству, в том числе и пролетарскому. Бухарин выступал против ленинских позиций разрушения буржуазного государственного аппарата и создания новой, пролетарской государственности — диктатуры пролетариата.

В статье, помещенной Бухариным в 1916 году в журнале «Интернационал молодежи» под псевдонимом «Нота Бене», он утверждал: «Для социал-демократии, которая является или по крайней мере должна быть воспитательницей масс, теперь более чем когда-либо, необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству» [1].

С резкой критикой этой статьи выступил Ленин. «От анархистов, — писал он,—нас отличает (α) использование государства теперь и (β) во время революции пролетариата («диктатура пролетариата») — пункты, важнейшие для практики, тотчас. (Их то и забыл Бухарин!).

...Бухарину было писано в VIII. 1916: «дай дозреть твоим мыслям о государстве». Он же, не дав дозреть, полез в печать, как «Nota Bene», и сделал это так, что вместо разоблачения каутскианцев помог им своими ошибками!!» [2].

Известно также, что Бухарин в своей статье «Мировое хозяйство и империализм», написанной им в 1915 году, защищал лозунг «уничтожения государственных границ». Из этого видно, что Бухарин не понимал того, что между капитализмом и социализмом лежит переходный период, что для этого периода нужна будет диктатура рабочего класса.

[1] Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 364.

[2] Ленинский сборник XIV, стр. 257, 259.

Выступая против антимарксистских, полуанархистских взглядов Бухарина по вопросу о государстве, Ленин писал: «Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, тоже государством, является диктатура пролетариата» [3].

Защищая позицию анархистов о необходимости «взрыва» всякого вообще государства, Бухарин еще тогда, в 1916 году, двурушничая, интриговал вместе с Зиновьевым против Ленина.

В конце 1916 года Бухарин об'единился вместе с Троцким и вошел в редакцию ньюйоркской газеты «Новый мир». В этой газете Бухарин продолжал свою антиленинскую линию, углублял свои ошибки в вопросах о государстве и национальном вопросе, отрицал борьбу за демократию. Бухарин вместе с Троцким выступил против ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране.

И вот об этих своих антимарксистских, антиреволюционных взглядах Бухарин в 1925 году, после смерти Ленина, нагло об'явил, что они являются единственно правильными и что Ленин в борьбе с ним, Бухариным, был неправ.

К этому же периоду относится искажение Бухариным оценки большевизма. Общеизвестно, что большевизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с оппортунизмом на Западе, что большевизм уже с 1903 года вышел на мировую арену «как марксизм эпохи империализма» (Сталин).

Впротивовес этой единственно правильной оценке большевизма Бухарин в 1915 году выступил со статьей, в которой клеветнически отрицал международный характер ленинизма и выдвинул свой, новый «большевизм» — «большевизм в западно-европейском масштабе», противопоставляя его ле-

[3] Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 296.

нинизму. По этому поводу Ленин писал: «Могу лишь сказать, что прокламируемый автором «большевизм в западно-европейском масштабе», по моему глубокому убеждению, не большевизм и не марксизм, а маленький вариант того же старенького «экономизма» [1].

После февральской революции Бухарин выступил с троцкистской оценкой революции и ее перспектив. «Может ли пролетариат, численно слабый, организовать отсталое российское хозяйство?» — вопрошал он и глубокомысленно вещал: «Один он не в состоянии был бы этого сделать», а только при помощи западноевропейской революции. «Пролетариат, захвативший власть в европейских странах, своей поддержкой сделает невозможным возврат капиталистического режима в России. С другой стороны высокоразвитые страны Запада рассосут хозяйственную отсталость России».

Эта позиция Бухарина абсолютно ничем не отличается от пораженческой, капитулянтской позиции Троцкого. Что эта позиция Бухарина была не случайною, а вытекала из всей сущности бухаринской концепции революции, видно далее из того, что эту же позицию он защищал и на VI с'езде партии, где он выступил с критикой доклада товарища Сталина. В своем выступлении Бухарин утверждал, что союзником российского пролетариата в борьбе за социалистическую революцию будет лишь международный пролетариат, и развил теорию двух этапов грядущей революции: первый, с крестьянством,— не социалистический, второй — социалистический, на котором пролетариат внутри страны выступает один.

Товарищ Сталин подверг резкой критике эту «схему» Бухарина, которая была близка к взглядам, защищавшимся на Апрельской конференции Каменевым. Товарищ Сталин назвал бухаринскую схему «игрушечной».

В великие Октябрьские дни Бухарин в московском «Социал-демократе» набрасывал следующую перспективу развития нашей революции: «Оборванные войной экономические связи восстанавливаются. Победа пролетариата на Западе дает возможность планомерно лечить хозяйственные раны в России высокоразвитой западноевропейской техникой. Хозяйственная отсталость России возмещается высоким экономическим уровнем Европы, а русское хозяйство быстро втягивается при победе пролетариата на Западе в общеевропейскую социалистическую организацию» [2].

Эту же позицию Бухарин отстаивал и в период Бреста в своей статье в петроградском «Коммунисте» № 7 за 1918 год, где утверждал: «Изолированная русская рабоче-крестьянская революция не в состоянии спастись. Она или перекинется через пределы России или погибнет. Погибнет не только от военных ударов капитализма, а от собственного экономического и органического бессилия».

В своей работе «Классовая борьба и революция в России» уже в 1919 году Бухарин указывал, что «прочная победа российского социалистического строя невозможна без пролетарской революции в Европе». А по вопросу о строительстве социализма в нашей стране Бухарин прямо писал: «Эта задача, которая ставится на очередь и в России, не может быть разрешена внутри национальных границ».

На IV конгрессе Коминтерна в 1922 году, защищая свою контрреволюционную, троцкистскую идею о невозможности победы социализма в нашей стране, Бухарин утверждал, что «мы можем совершенно открыто сказать, что российский социализм по сравнению с другими будет выглядеть по-азиатски».

Из этого видно, что в этом решающем вопросе Бухарин последовательно стоял на троцкистской позиции отрицания возможности победы социализма в одной стране.

В критические дни Бреста, когда обессиленной, разоренной молодой Советской республике угрожала опас-

[1] Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 256.

[2] «Социал-демократ» № 194 за 1917 год.

ность быть раздавленной вооруженным до зубов германским империализмом, Бухарин в ожесточенной борьбе против Ленина и Сталина, опять-таки исходя из этой троцкистской теории, отстаивал авантюристский лозунг «революционной войны».

По-троцкистски отрицая всякую самостоятельную ценность Октябрьской социалистической революции в СССР и рассматривая революцию в России лишь как сигнал к международной революции, «левые коммунисты» договорились в резолюции Московского областного бюро до контрреволюционных выводов: «Мы считаем целесообразным идти на утрату советской власти, становящейся теперь чисто формальной».

Выступая вместе с Троцким против ленинской политики заключения сепаратного мира с Германией, направленной на то, чтобы спасти самое существование Советской страны, Бухарин оказал неоценимую услугу германским империалистам и внутренней контрреволюции, ослабил силы рабочего класса, силы революции. «Если маневрировать по-бухарински, — писал тогда Ленин, — тогда можно хорошую революцию загубить» [1].

Потерпев поражение в Центральном комитете партии, Бухарин поступил как дезертир: он заявил о выходе из состава ЦК партии и организовал собственную, антипартийную фракцию. В целях срыва ленинской политики он создал фракционные газету и журнал, в которых клеветал на Ленина и травил его.

В своей фракционной газете «Коммунист» Бухарин в статьях, помещаемых им в этой газете, подвергал бешеным нападкам и травле Ленина.

Именно в этот период исключительно острой борьбы Бухарина с Лениным к Бухарину обратились левые эсеры с предложением организовать контрреволюционный заговор, арестовать Ленина и весь Совет народных комиссаров и назначить на место Ленина главой советского правительства ныне расстрелянного террориста, шпиона и диверсанта Пятакова.

Это все он скрыл от партии и рассказал об этом заговоре только после смерти Ленина, в 1924 году.

Когда после заключения Брестского мира Советская страна под руководством большевистской партии приступила к хозяйственному строительству, Ленин разработал план хозяйственного восстановления страны. Решающими звеньями этого плана были: борьба за производительность труда и производственную дисциплину, система сдельной оплаты труда, организация учета и контроля, единоначалие, привлечение к работе буржуазных специалистов.

«Левые коммунисты» и их главарь Бухарин развернули и здесь ожесточенную борьбу против ленинского плана. Эту борьбу «левых коммунистов» и их вожака Бухарина Ленин квалифицировал как защиту мелкобуржуазной распущенности: «Они обнаруживают свою мелкобуржуазность именно тем, что **не видят** мелкобуржуазной стихии, как **главного** врага социализма у нас» [2]. На VIII с'езде партии Бухарин совместно с Пятаковым снова выступил против ленинско-сталинской национальной программы партии, против лозунга «право наций на самоопределение вплоть до отделения», против лозунга защиты социалистического отечества, против ленинского учения об империализме, отрицая многоукладность тогдашней нашей экономики и защищая свою пресловутую теорию «чистого» империализма.

Антиленинская деятельность Бухарина продолжалась и в дальнейшем. В период X с'езда РКП(б), наметившего основы новой экономической политики в связи с переходом к задачам мирного строительства, Бухарин и Троцкий вопреки Ленину и Сталину навязывают партии дискуссию о роли и задачах профессиональных союзов. Эта дискуссия принесла партии огромный вред, создав кризис партии. Защищая так называемую «буферную» позицию, Бухарин на самом деле все время выступал в защиту троцкистской платформы и боролся с платформой Ленина и Сталина.

Ленин в то время говорил о группе Бухарина, что она «больше всех на-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 335.

[2] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 513.

вредила и напутала» и что «это пособники худшей, вреднейшей фракционности». Бухарин своей «буферной» позицией защищал и троцкизм и анархо-синдикализм. Он предлагал, по существу, ликвидировать руководящую роль партии в хозяйственном строительстве страны.

Бухаринскую позицию о профсоюзах Ленин характеризовал как полный разрыв с коммунизмом. По существу «буферная» позиция Бухарина была лишь маскировкой в борьбе против партии. На самом X с'езде Бухарин об'единился с Троцким и голосовал против Ленина.

В 1922 году у Бухарина опять возникли разногласия с Лениным и партией по трем серьезнейшим вопросам: о госкапитализме, о пролетарской культуре и о монополии внешней торговли. Ленин в своем письме к товарищу Сталину писал по поводу бухаринских ошибок в последнем вопросе: «Вопрос состоит в том, будет ли наш Н.К.В.Т. работать на пользу нэпманов, или он будет работать на пользу пролетарского государства... Все рассуждения Бухарина о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного с'езда... На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли» [1].

Известно, что уже после смерти Ленина, в 1925 году, на одном из собраний Бухарин заявил, что он попрежнему расходится с Лениным в вопросах о госкапитализме и о пролетарской культуре. Следовательно, Бухарин считал, что в этих вопросах прав был он, а не Ленин.

[1] Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 379 и 381.

Учитывая эти постоянные идейно-политические шатания Бухарина, его, по существу, антимарксистские позиции во всех важнейших вопросах марксизма-ленинизма, Ленин сделал следующий вывод о Бухарине: «в политике дьявольски неустойчив», «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [2]. Теоретик без диалектики, теоретик-схоластик—так характеризовал Ленин Бухарина, впоследствии целиком сомкнувшегося с оголтелой, разбойничьей троцкистской бандой фашистских мерзавцев и убийц.

После смерти Ленина Бухарин организовал вокруг себя антипартийную «школку», которую воспитывал на противопоставлении себя Ленину и партии. Обрабатывая своих выучеников, Бухарин внушал им подленькую мысль, что, несмотря на то что в своих спорах с Лениным прав был он, однако победы одерживал Ленин только потому, дескать, что у Ленина были кадры, а у Бухарина таких кадров не было. Отсюда он делал вывод, что для будущих боев с ленинизмом, с партией нужно создать свои собственные кадры, свою «школку». Известно, что в эту пресловутую «бухаринскую школку» входили вчерашние кадеты и эсеры; банду бухаринских выучеников составляли Слепков, Марецкий, Айхенвальд, Радин, Зайцев, Сапожников и другие презренные двурушники и враги народа.

2

Такую же ожесточенную борьбу с Лениным и партией вел и другой лидер правых сообщников троцкистской банды — Рыков.

Известно, что Рыков до вступления в нашу партию входил в саратовскую об'единенную организацию эсеров и социал-демократов. Еще в годы первой русской революции, в годы формирования нашей партии, когда

[2] Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б) Т. III, стр. 363.

Ленин и Сталин вели героическую борьбу за создание большевистской партии, партии нового типа, Рыков совместно с Каменевым и другими примиренцами выступал против ленинской линии. Рыков и Каменев изо всех сил боролись против организации большевистской партии, свободной от оппортунистов, ликвидаторов, троцкистов. Известны оппортунистические выступления Рыкова еще в 1905 году, на III с'езде РСДРП, против ленинских установок в таких важнейших для того времени вопросах, как вооруженное восстание, роль интеллигенции и рабочих в партии, место рабочих в комитетах партии. Рыков был выбран в ЦК на III с'езде партии вопреки Ленину, не голосовавшему за избрание Рыкова.

На всех крупнейших этапах истории большевизма, еще в годы подполья, Рыков и Томский совместно с ныне расстрелянными предателями Зиновьевым и Каменевым выступали против Ленина, в защиту ликвидаторов, троцкистов, богостроителей, борьба с которыми была в то время вопросом жизни и смерти большевистской партии. Когда в июне 1909 года в Париже было созвано расширенное совещание редакции большевистской газеты «Пролетарий», основным вопросом которого была борьба с отзовизмом, ультиматизмом и богостроительством, Каменев, Томский и Рыков не только отказались голосовать против богостроителей и отзовистов, но за спиной Ленина вели борьбу против него.

Это они: Рыков, Каменев, Зиновьев и Томский — требовали тогда от Ленина заключения соглашения с ликвидаторами и троцкистами.

В важнейший период истории партии, когда Ленин и Сталин, опираясь на таких преданных большевиков, как Серго Орджоникидзе, готовили созыв Пражской конференции, примиренцы, находившиеся в русской коллегии ЦК, в том числе Рыков, продолжали искать соглашения с ликвидаторами, впередовцами, троцкистами и выступали против ленинской линии борьбы на два фронта. Против Ленина тогда боролись Рыков, Томский, Каменев, Зиновьев, Сокольников.

Еще в 1911 году Рыков, тайно помогая ликвидаторам, написал вместе с Зиновьевым и Л. Тышко документ о «соглашении» в партии, по которому в ЦК приглашались голосовцы и бундовцы. Разоблачая эту антипартийную линию Рыкова, Ленин писал, что Рыков год с лишним «ухаживает за антипартийной фракцией «Голоса» и «Вперед», тормозя нашу работу (в партийном духе)».

Тогда же Ленин потребовал от Рыкова, чтобы он в русской коллегии ЦК проводил твердую, большевистскую линию. Рыков в ответ на это ленинское требование начал угрожать отставкой. Разоблачая политическое значение ухода Рыкова из ЦК, Ленин писал: «Если вы выйдете из Ц.К., это будет бегством с поля сражения, предательством большевизма в трудный момент» [1].

В то самое время, когда Рыков, Каменев, Томский и другие примиренцы усиленно «ухаживали» за Троцким, Ленин разоблачал беспринципный и бессовестный обман рабочих со стороны Троцкого. В своей статье «О новой фракции примиренцев или добродетельных» Ленин писал: «Примиренцы называют себя большевиками, чтобы 1½ года спустя повторять разоблаченные большевиками (и притом с специальным заявлением, что это делается от имени всего большевизма!) ошибки Троцкого. Ну, разве это не злоупотребление установившимися партийными кличками? Разве не обязаны мы после этого заявить всем и каждому, что примиренцы отнюдь не большевики, что они не имеют ничего общего с большевизмом, что они просто непоследовательные троцкисты?» [2].

●

Наступила февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года. Буржуазия стала у власти. В этот переломный этап революции, когда меньшевики и эсеры впряглись в буржуазную колесницу, только большевистская партия, руководимая Лениным и Сталиным, твердо и неуклон-

---

[1] Ленинский сборник XVIII, стр. 33.
[2] Ленин. Соч. Т. XV, стр. 231.

но проводила подлинно революционную политику, готовила и мобилизовала массы к новому этапу революции, к штурму капитализма, к социалистической революции.

И в этот ответственнейший для партии момент Рыков продолжает свою борьбу против Ленина. Знаменитые апрельские тезисы Ленина были встречены в штыки Каменевым и Рыковым. На Всероссийской апрельской конференции партии, сыгравшей выдающуюся роль в истории нашей революции, нацелившей партию на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, Рыков совместно с Каменевым и ему подобными вел самую ожесточенную борьбу против ленинского стратегического плана перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. В своем выступлении на Апрельской конференции в 1917 году Рыков отрицал возможность победы социализма в нашей стране, предлагал ограничить задачи партии в революции рамками буржуазно-демократической революции.

Именно против этой меньшевистской установки Рыкова резко выступил Ленин: «...Рыков говорит, что социализм должен прийти из других стран с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм» [1].

На VI с'езде большевистской партии, с'езде подготовки Великой октябрьской социалистической революции, Каменев, Ногин, Бухарин, Преображенский и другие снова выступили против ленинско-сталинских установок в важнейших и решающих вопросах пролетарской революции. На том же, VI с'езде партии Рыков в полном согласии с позицией Каменева и Троцкого по этому вопросу предлагал с'езду высказаться за явку Ленина на суд Временного правительства, что означало передачу вождя революции в руки палачей буржуазной военной диктатуры. С'езд высказался против явки Ленина на суд, подтвердив тем самым непреклонную позицию Сталина и Орджоникидзе, категорически выступивших против предложения Рыкова, Каменева и Троцкого.

Совершенно не случайно то, что капитулянт Рыков оказался в великие октябрьские дни 1917 года в одних рядах с гнусными штрейкбрехерами Каменевым и Зиновьевым, саботировавшими линию Ленина и Сталина на вооруженное восстание.

Так же, как Бухарин, Рыков на Московской областной конференции в декабре 1917 года заявлял: «Не может удержаться чисто большевистская власть в этой отсталой стране в то время, как в Европе не произошло социалистической революции».

На второй день после победы Великой социалистической революции в СССР Рыков вместе с Каменевым и Зиновьевым повел предательскую, соглашательскую политику: он вступил в переговоры с меньшевиками и эсерами, для того чтобы фактически ликвидировать диктатуру пролетариата и восстановить власть буржуазии. В эти решающие, критические для партии и революции дни Рыков вместе с Каменевым и Зиновьевым подал заявление о выходе из состава ЦК партии. Рыков, Шляпников и другие сложили с себя звание наркомов. Центральный комитет нашей партии заклеймил их ренегатство в резолюции, написанной Лениным: «дезертирский поступок нескольких человек из верхушки нашей партии не поколеблет единства масс, идущих за нашей партией, и, следовательно, не поколеблет нашей партии» [2].

На IX с'езде партии Рыков и Томский поддерживали антипартийную группу «демократического централизма» в ее беспринципной борьбе против Ленина. В начале 1921 года Рыков выступил против единого хозяйственного плана и против ленинского плана электрификации. Эта позиция в вопросах государственного хозяйственного планирования, в вопросах электрификации страны еще тогда была охарактеризована товарищем Сталиным как «обывательский реализм» (на самом деле маниловщина)

---

[1] Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП (большевиков), стр. 76. Госиздат. Истпарт. 1925.

[2] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 59.

Рыкова, все еще «критикующего» ГОЭЛРО и по уши погрязшего в рутине...»

3

Когда партия вскоре после XV с'езда перешла к развернутому социалистическому наступлению по всему фронту, в качестве главной опасности выступает правый уклон — агентура кулачества в рядах ВКП(б). К этому времени и относится создание антипартийной, правооппортунистической группировки Бухарина — Рыкова — Томского — Угланова.

Это был важнейший, переломный период в жизни страны: Советский союз переходил от восстановительного к реконструктивному периоду. В 1928 году народное хозяйство СССР далеко уже перешагнуло довоенный уровень. Промышленность дала продукции в 1,5 раза больше чем в 1913 году. Невиданными темпами росла крупная промышленность, широко развернулось новое промышленное строительство. Посевная площадь на 8 миллионов га превысила довоенный уровень и достигла 113 миллионов га.

Основными производителями и продавцами хлеба были середняки и бедняки. В сельском хозяйстве уже создавалась новая техническая база. Несмотря на эти несомненные достижения ни уровень промышленной продукции, ни промышленная техника не могли удовлетворить растущей потребности социалистической страны. В сельском хозяйстве преобладало мелкотоварное, раздробленное и распыленное индивидуальное крестьянское хозяйство с низкой товарностью. Низкая товарность сельского хозяйства, равно как и нехватка сырьевых ресурсов, тормозила дальнейшее развитие всего народного хозяйства. В товарообороте еще значительную роль играл частный капитал.

Победоносно разрешив задачу восстановления народного хозяйства, партия, руководимая Сталиным, должна была решать коренной вопрос—о дальнейших путях развития страны, вопрос о дальнейших судьбах социализма. Товарищ Сталин еще на XV с'езде ВКП(б), говоря о задачах нового этапа революции, указывал:

«Задачи партии: расширять и укреплять наши социалистические командные высоты во всех отраслях народного хозяйства как в городе, так и в деревне, держа курс на ликвидацию капиталистических элементов в народном хозяйстве»[1].

Именно в этот период товарищ Сталин гениально разработал и отстоял в борьбе с троцкистами и правыми капитулянтами великий план развертывания генерального наступления на капиталистические элементы города и деревни. Развертывание социалистического наступления вызывало бешеное сопротивление со стороны правых капитулянтов, которые уже в то время превратились в открытую кулацкую агентуру, со стороны остатков капиталистических классов города и деревни и всех классово враждебных, антисоветских элементов, имеющихся в стране.

Кулачество повело отчаянную борьбу против хлебозаготовок, спекулируя хлебом, организуя саботаж и проводя контрреволюционную агитацию. На этот кулацкий саботаж партия ответила чрезвычайными мерами. Против кулачества были мобилизованы бедняцкие и середняцкие массы деревни.

Этот труднейший период лидеры правых: Бухарин, Рыков, Томский, Угланов—выбрали для открытой вылазки против партии, для бешеной борьбы против ее генеральной линии. Впротивовес сталинскому стратегическому плану перехода в развернутое социалистическое наступление правые выдвинули свою капитулянтскую программу с требованием отказа от этого наступления, отказа от индустриализации, от строительства колхозов и совхозов.

Правые активно выступили в защиту кулачества, за предоставление полной свободы кулацкому хозяйству, выступили против применения к кулакам чрезвычайных мер. В этот же период правые выдвигают свою платформу реставрации капитализма. В этом документе они отходят от

[1] XV с'езд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 53.

Ленина по всем основным вопросам большевизма, ревизуют ленинское учение о союзе рабочего класса и крестьянства и о руководящей роли рабочего класса в этом союзе, о классовой борьбе в условиях диктатуры пролетариата, ревизуют ленинскую генеральную линию партии на индустриализацию и коллективизацию страны. Правые капитулянты требуют свертывания промышленного строительства, требуют отказа от быстрых темпов индустриализации, защищают равнение на узкие места и особенно острую борьбу ведут против развития тяжелой индустрии.

Теоретической основой всех капитулянтских установок правых являлись бухаринские «теория равновесия» и «теория самотека».

Товарищ Сталин уже тогда, разоблачая сущность правых капитулянтов, говорил: «В чем состоит опасность правого, откровенно оппортунистического уклона в нашей партии? В том, что он недооценивает силу наших врагов, силу капитализма, не видит опасности восстановления капитализма, не понимает механики классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата и потому так легко идет на уступки капитализму, требуя снижения темпа развития нашей индустрии, требуя облегчения для капиталистических элементов деревни и города, требуя отодвигания на задний план вопроса о колхозах и совхозах, требуя смягчения монополии внешней торговли и т. д. и т. п. Несомненно, что победа правого уклона в нашей партии развязала бы силы капитализма, подорвала бы революционные позиции пролетариата и подняла бы шансы на восстановление капитализма в нашей стране» [1].

Известно, что Бухарин выдвинул и защищал лозунг о том, что капиталисты города и деревни — кулаки и концессионеры — врастают в социализм. Бухаринская «теория» потухания классовой борьбы и врастания капитализма в социализм, так же как и его лозунг «Обогащайтесь!», являлась полнейшим отходом от марксистско-ленинской теории классовой борьбы, от ленинско-сталинской генеральной линии партии: это был полный переход на позиции кулачества.

Позиция правых означала отрицание возможности вовлечь основные массы крестьянства в строительство социализма и, по сути дела, отрицание возможности построения социализма в нашей стране.

Разоблачая капитулянтскую сущность правых, товарищ Сталин еще на ноябрьском Пленуме ЦК 1928 года говорил: «Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что значит дать ему волю? Это значит дать ему власть» [2].

Ожесточенная борьба правых капитулянтов против партии была неразрывно связана с классовыми сдвигами, с обострением классовой борьбы в стране. Правые капитулянты, выражавшие надежды и чаяния классовых сил, враждебных революции,—кулачества, городской нэпманской буржуазии,—были рупором контрреволюционного сопротивления наступающему социализму. Встретив сокрушительный отпор со стороны партии, руководимой Сталиным, правые уклонисты развернули ожесточенную фракционную, антипартийную деятельность.

В этой антипартийной, раскольнической работе правых капитулянтов особенно прославилась так называемая «бухаринская школка». Рыков в то время мобилизовывал вокруг себя правых оппортунистов, работавших в советском аппарате. Томский вел антипартийную работу в профсоюзах, группируя правооппортунистические элементы из профработников. Угланов со своими приспешниками: Рютиным, Котовым, Куликовым — собирал силы в Московской организации для подпольной борьбы против Центрального комитета партии.

Летом 1928 года, в период июльского Пленума ЦК партии, правые окончательно оформились как законченная антипартийная фракция со своим центром в составе Бухарина, Рыкова и Томского. Уже в этот период правые начали выступать как сообщники

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 234. 10-е изд.

[2] Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 329.

троцкистско-зиновьевской контрреволюции.

Тогда же Бухарин при посредничестве гнусного двурушника, контрреволюционера Сокольникова, вел от имени правых переговоры с контрреволюционером Каменевым с целью об'единения правых и троцкистов в борьбе против партии.

Еще задолго до VI конгресса Коммунистического интернационала Бухарин начал сколачивать в Коминтерне правооппортунистические элементы. На VI конгрессе Коминтерна Бухарин пытался протащить правооппортунистическую оценку капиталистической стабилизации и задач Коминтерна. Дальнейшее экономическое и политическое развитие капиталистических стран показало, что принятая конгрессом Коминтерна сталинская оценка стабилизации капитализма как стабилизации непрочной, неустойчивой и гнилой была единственно верной и правильной.

Осенью 1928 года правые оппортунисты, пользуясь затруднениями с хлебозаготовками, снова атакуют партию. Бухарин публикует свои «Заметки экономиста», в которых выступает против генеральной линии партии, против темпов социалистической индустриализации, против политики ЦК. «Заметки экономиста» были фактически «манифестом» правых. К правым ренегатам потянулись все контрреволюционные силы. Вредители Рамзин, Кондратьев, Чаянов, Громан целиком солидаризировались с правыми и поддерживали их.

Исключительную роль в деле разоблачения капитулянтской сущности правых сыграла речь товарища Сталина на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 году «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)». Эта речь завершила идейный разгром правых капитулянтов и вскрыла перед всей страной антиленинское, кулацко-реставраторское содержание их платформы.

Ноябрьский Пленум ЦК в своих решениях подчеркнул, что главной опасностью в партии в период развернутого социалистического наступления по всему фронту и разгрома кулачества является опасность правого, откровенно оппортунистического уклона.

1929 год явился годом великого перелома, исторического поворота основных масс крестьянства в сторону социализма. Генеральная линия партии Ленина — Сталина победила. Однако правооппортунистическая агентура, пользуясь временными трудностями, являвшимися трудностями роста, снова делает попытку атаковать партию и выступает с платформой, направленной против социалистического строительства.

В своей пресловутой капитулянтской статье «Теория организованной бесхозяйственности» Бухарин пишет: «Проблема рынка, цен, конкуренций, кризисов становится все больше проблемой мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организации». Нужно указать, что с этой архибуржуазной теорией «организованного капитализма» Бухарин выступил именно в тот период, когда мировой экономический кризис уже стучался в двери капиталистических стран. Впоследствии эта бухаринская, типично буржуазная теория «организованного капитализма» стала и для троцкистов и для правых ренегатов важнейшим оружием в борьбе против строительства социализма в СССР, основой их полного перехода к фашизму.

На апрельском Пленуме ЦК и ЦКК в 1929 году товарищ Сталин дал глубокую оценку классовых сдвигов в стране, вскрыл социально-классовые корни правой оппозиции, проанализировал разногласия между партией и правыми по линии Коминтерна и в области внутренней политики.

Свой доклад товарищ Сталин закончил следующими словами:

«Борьба с правым уклоном не есть второстепенная задача нашей партии. Борьба с правым уклоном есть одна из решающих задач нашей партии. Если мы в своей собственной среде, в своей собственной партии, в политическом штабе пролетариата, который руководит движением и который ведет вперед пролетариат,—если мы в этом самом штабе допустим свободное существование и свободное функционирование правых уклонистов, пытаю-

шихся демобилизовать партию, разложить рабочий класс, приспособить нашу политику ко вкусам «советской» буржуазии и спасовать таким образом перед трудностями нашего строительства,—если мы все это допустим, то что это будет означать? Не будет ли это означать, что мы хотим спустить на тормозах революцию, разложить наше социалистическое строительство, сбежать от трудностей, сдать позиции капиталистическим элементам? Понимает ли группа т. Бухарина, что отказаться от борьбы с правым уклоном значит предать рабочий класс, предать революцию»[1].

Правые из «школки Бухарина» выступают почти одновременно в ряде крупнейших городов: Слепков — в Самаре, Зайцев—в Саратове, Айхенвальд—в Казани, Угланов со своим сбродом—в Москве. Они яростно защищают свою капитулянтскую, реставраторскую платформу. Тогда же появляется контрреволюционная листовка, призывающая к поддержке Бухарина, Рыкова и Томского.

XVI с'езд партии об'явил взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б).

На XVI и XVII с'ездах партии лидеры правых: Бухарин, Рыков, Томский,—двурушнически продолжая обманывать партию, заявляли на словах о своем якобы согласии с партией, на деле помогая самым заклятым врагам советского народа.

В 1932 году партией была разоблачена подпольная, контрреволюционная группа Рютина, Угланова, Слепкова, Марецкого. Эта антисоветская, террористическая группа в своей платформе требовала восстановления в СССР капитализма, открытия доступа в страну иностранному капиталу, роспуска совхозов и колхозов, сдачи социалистических предприятий в аренду капиталистам. Рютин и его приспешники были исключены из партии как люди, ставшие врагами коммунизма и советской власти, как предатели партии и рабочего класса, как организаторы подпольной буржуазной, кулацкой организации, боровшейся за восстановление в СССР капитализма.

Угланов, Рютин, а также бухаринские гаденыши Слепков и Марецкий были теснейшим образом связаны с предателями и изменниками, ныне расстрелянными главарями троцкистско-зиновьевской террористической банды — Зиновьевым и Каменевым. Только теперь выяснилось, что контрреволюционная, террористическая, белогвардейская платформа Рютина, против которой, двурушничая, выступали тогда Бухарин, Рыков и Томский, в действительности была ими одобрена. Она являлась программой всех групп правых реставраторов и только по конспиративным соображениям выдавалась в то время за платформу рютинской группы.

Рыков, Бухарин и Томский поддерживали связь с антисоветской группой Эйсмонта — Толмачева — Смирнова и вдохновляли ее на контрреволюционную работу.

Центральный комитет нашей партии неоднократно предупреждал правых реставраторов, требовал от них коренного изменения поведения, но они продолжали защищать свою антисоветскую платформу. Озлобленные против страны социализма, против ленинско-сталинской партии, правые ренегаты не только не прислушивались к предупреждениям партии, но все дальше и дальше скатывались в лагерь заклятых врагов социализма. Блокируясь с троцкистско-зиновьевскими японо-немецкими фашистскими бандитами, правые реставраторы сделали двурушничество и обман партии основой своего существования, методом прикрытия своих контрреволюционных действий.

Как показали процессы «об'единенного троцкистско-зиновьевского террористического центра» и «троцкистского антисоветского центра», между троцкистскими террористами, шпионами и диверсантами и правыми реставраторами была установлена тесная связь. Правые не только были осведомлены о переходе троцкистско-зиновьевской фашистской банды к методам террора, вредительства, шпио-

[1] Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 376.

нажа и диверсий, но и сомкнулись с троцкистами в своей вредительской, контрреволюционной, подрывной работе.

В своем докладе на Пленуме ЦК товарищ Сталин говорил: «Троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе... из политического течения в рабочем классе, каким он был 7 — 8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств». Правые тоже перестали быть политическим течением, превратились в банду злейших врагов советского народа, изменников и предателей социалистической родины.

Правые реставраторы во всех вопросах политики партии, в том числе и в вопросах политики партии на фронте культурного строительства, защищали и проповедывали взгляды, враждебные ленинизму и марксизму.

Впротивовес Ленину, утверждавшему, что пролетариат строит сам свою социалистическую культуру, критически овладевая всем культурным наследием прошлого, Бухарин утверждал, что строительство пролетарской культуры — дело «особо избранных» лиц и учреждений. Ленин жестоко высмеивал и бичевал эти барские бредни Бухарина, его попытки протащить богдановскую теорийку об «особой пролетарской культуре».

Исходя из своей антиленинской теории о затухании классовой борьбы и мирном врастании капиталистов и кулаков в социализм, Бухарин в своей брошюре «Политическое завещание Ленина» утверждал, что процесс культурной революции у нас в стране протекает не в обстановке ожесточенной классовой борьбы, а как «аполитичный», «культурнический» процесс. Понятно, что эта гнилая, насквозь капитулянтская «теория» Бухарина представляла большую опасность, ибо разоружала пролетариат в его руководстве процессом культурного строительства в стране.

Еще совсем недавно Бухарин выступил с клеветой на великий русский народ: этот подлый изменник называл великую русскую нацию, нацию, совершившую три величайших революции, давшую миру величайших титанов человеческого гения: Ленина, Пушкина, Толстого, Горького, Павлова, Менделеева, — «нацией Обломовых». Эти клеветнические заявления Бухарина перекликались с установками фашистских каннибалов—Геббельса и Розенберга, призывающих к организации крестового похода против СССР во имя насаждения фашистского мракобесия.

Каждый партийный и непартийный большевик должен знать историю эволюции троцкизма и правых от политического течения в рабочем классе к банде оголтелых врагов советского народа, к банде японо-немецких наемных агентов. Это они, троцкисты и правые, превратились теперь в шпионов, диверсантов, вредителей, террористов. Нужно помнить, что «...нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родины» (Сталин).

Изучение всех этапов борьбы партии с троцкистами и правыми реставраторами капитализма еще в большей мере вооружит партию и широкие массы трудящихся в деле разоблачения последышей контрреволюционного троцкизма и их бухаринско-рыковских сообщников.

В. Суздальцева

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ С. М. КИРОВА

Сталинская Конституция, свидетельствуя о гигантской мощи диктатуры пролетариата, об активном участии в ней широчайших народных масс, подымает новую, сильнейшую волну творческой и боевой активности трудящихся как внутри СССР, так и за его пределами.

Тем яростнее становится заклятый враг пролетариата и всех трудящихся — фашизм.

Готовя интервенцию против СССР, фашизм посылает немало своих шпионов, диверсантов и террористов в нашу страну, стремясь подорвать мощь социалистической промышленности, ослабить обороноспособность страны социализма.

Для германского фашизма и японских империалистов ценной находкой явились троцкисты, которые охотно идут на службу в фашистские охранки.

Лишенная какой бы то ни было опоры в массах, ненавидимая и презираемая великой семьей народов нашей родины, гнусная кучка изменников и предателей стремилась сорвать дело строительства социализма в нашей стране.

На известных участках, в известные периоды происки врагов народа тормозили строительство, снижали производительность труда. Как правило, это было на тех предприятиях, где слабо велась партийная работа, где отсутствовала внутрипартийная демократия и была заглушена самокритика, где партийные организации забыли, что значит большевистская бдительность в нынешних условиях.

Администрирование вместо партийной работы, зазнайство и аллилуйщина, подхалимство и угодливость, кумовство и боязнь самокритики — вот враги большевистской бдительности и пособники тщательно маскирующегося врага.

Опираясь на примиренцев и гнилых либералов и используя элементы приспособленчества, карьеризма и подхалимства, враги партии, для того чтобы творить свою гнусную, диверсионную и вредительскую работу, пытаются прежде всего разложить наши организации и разрушить большевистскую партийность, притупить большевистскую бдительность.

В этой связи особое значение приобретает изучение борьбы партии с троцкистами и правыми в Ленинграде в период 1928—1931 годов. В эти годы под руководством тов. Кирова на основе под'ема партийной работы, применения могучего средства внутрипартийной демократии и развертывания большевистской самокритики Ленинградской парторганизации удалось разгромить троцкистско-зиновьевское охвостье и разоблачить правых оппортунистов в самый момент их появления и этим обеспечить выполнение пятилетнего плана в три года.

Вместе с тем путем развертывания пролетарской демократии и самокритики были укреплены и более близко связаны с массами и выборные органы советов, профсоюзов и кооперации.

1

В конце 1927 года на XV с'езде партии товарищ Сталин говорил: «Мы переживаем теперь период поворота от восстановления промышленности и сельского хозяйства к реконструкции всего народного хозяйства, к перестройке его на новой технической базе, когда строительство социализма является уже не перспективой только, а живым практическим делом, требующим преодоления серьезнейших трудностей внутреннего и внешнего порядка»[1]. И Ленинграду, главнейшему в те времена центру машиностроения, богатому большевистскими партийными кадрами, история предназначала роль опорного пункта в борьбе за разрешение проблемы реконструкции народного хозяйства всей страны.

Не случайно в 1924 — 1926 годах зиновьевцы-троцкисты сосредоточили именно в Ленинграде свою дезорганизаторскую деятельность. Они стремились разложить ряды ленинградских большевиков и таким образом сорвать мобилизацию масс на борьбу за социалистическую реконструкцию.

Великая заслуга тов. Кирова состоит в том, что, разгромив идейно-политически зиновьевцев-троцкистов в 1926—1927 годах, он об'единил ленинградских большевиков вокруг Сталина и ЦК и повел всех трудящихся Ленинграда на победоносное выполнение стоявших перед ними исторических задач.

Между XIV и XV с'ездами партия провела огромнейшую работу в массах по раз'яснению контрреволюционной сущности троцкизма-зиновьевщины, стремившегося к реставрации капитализма в СССР. В Ленинградской организации проводилась кропотливейшая раз'яснительная работа на каждом предприятии, в каждой партячейке. Партия разгромила оппозиционные группы в своих рядах с помощью прежде всего партийных масс, опираясь на широкие беспартийные массы трудящихся.

В конце 1927 года остатки троцкистской оппозиции, потеряв всякие связи с массами, сомкнулись в своей борьбе против партии с явными контрреволюционерами.

С. М. Киров.

«То, что предпринимали по адресу нашей партии непосредственные враги пролетарской диктатуры, — на этот путь становится сейчас троцкистская оппозиция»[2], — говорил тов. Киров на 1-й ленинградской областной партконференции 15 ноября 1927 года.

Решением XV с'езда партии от 18 декабря 1927 года верхушка троцкистско-зиновьевской оппозиции была исключена из партии.

За период с ноября 1927 года по февраль 1929 года (между 1-й и 2-й областными конференциями) в Ленинграде наблюдались полное разложение троцкистских группировок, отход от них их сторонников из среды обманутых ими рабочих, превращение оставшихся осколков зиновьевщины в прямую антисоветскую организацию меньшевистского типа.

В связи с нарастающими трудностями борьбы за первую пятилетку и обострением сопротивления классового врага оживилось и это контрреволюционное троцкистско-зиновьевское

[1] XV с'езд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 379.

[2] 1-я ленинградская областная конференция ВКП(б). Бюллетень № 1, стр. 5.

охвостье. Во время перезаключения колдоговоров 1928—1929 годов троцкисты пробовали разбрасывать среди беспартийных свои листовки и выступать с антисоветскими требованиями. Когда происходили перевыборы в советы, они попытались вылезть перед рабочими и служащими на 18 различных собраниях. Эти выступления политических банкротов представляли собой смесь клеветнических нападок на партию и советскую власть и грубо демагогическое подыгрыванье под настроения отсталых групп рабочих. Но, как и ранее[1], они встретили дружный отпор со стороны всей рабочей массы, обычно даже не желавшей дослушивать до конца клеветников и единогласно проваливавшей троцкистские «наказы».

Ноябрьский Пленум Центрального комитета 1928 года определил задачи внутрипартийной работы в условиях наступившего периода социалистической реконструкции и обостряющейся классовой борьбы. Выдвигая задачу борьбы на два фронта — как против правого, откровенно оппортунистического уклона, так и против социал-демократического, троцкистского, «левого» уклона, — подчеркивая в то же время, что на том этапе главной опасностью являлся правый уклон, резолюция Пленума ЦК указывала, что «успешное преодоленье этих уклонов предполагает широкое развертывание самокритики, максимальное вовлечение масс в хозяйственное и партийное строительство, серьезное и последовательное развертывание внутрипартийной демократии, широкое массовое обсуждение вопросов хозяйственного строительства»[2].

Пленум ЦК, далее, подчеркивал, что партия должна с особым вниманием проверять свою работу и повести решительную борьбу с имеющимися в ее органах недостатками. «Для этого необходимо повести действительно решительную борьбу с чиновничьими методами и проявлениями бюрократического зажима в партийной работе на основе внутрипартийной демократии, правильного и неуклонного осуществления выборности, а следовательно и смещения любого секретаря и любого руководящего парторгана (бюро, комитета) в соответствии с действительной волей организации. Для этого необходимо, чтобы руководящий партийный кадр значительно усилил свою связь с массами путем участия в рабочих собраниях, отчетности перед рабочими и крестьянами о своей работе (партийной, советской, профсоюзной, кооперативной, хозяйственной), выездов на места для практического руководства низовыми органами, переходом с руководящих постов на длительную работу на производство и в низовых органах и усиленным выдвижением новых кадров рабочих с производства на руководящую работу во всех органах и т. п. Для этого тем более необходимо ударить по таким явлениям и язвам в коммунистической среде, как факты «бытового загнивания», распущенности и пьянства, угодничества и подхалимства перед «верхами», замазывания прямых безобразий и фактов сращения с кулацко-капиталистическими слоями населения отдельных элементов из наших органов. Все это требует смелого и неуклонного проведения лозунга самокритики и в самих партийных организациях. Последние должны быть в этом отношении примером. Поэтому всякой боязни развертывания самокритики—творческой критики масс снизу — партия даст сокрушительный отпор, как одному из наиболее ярких проявлений бюрократизма»[3].

2

Ленинградская организация под руководством тов. Кирова дала образцы выполнения этих директив ЦК.

Изолированные от рабочей массы, потерявшие всякую надежду получить в открытой борьбе поддержку рабочих, троцкисты нашли себе опору среди всякого политического сброда, используя его для вылазок против

[1] О предыдущем, более раннем этапе этой борьбы см. нашу статью в «Борьбе классов» № 9 за 1936 год.

[2] «ВКП(б) в резолюциях и решениях с'ездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 2-я, стр. 304.

[3] «ВКП(б) в резолюциях и решениях с'ездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 2-я, стр. 307.

С. М. Киров на заводе «Красный треугольник» выступает с докладом о работе Ленсовета (январь, 1929 год).

партии и диктатуры пролетариата, для подрыва производства.

Тов. Киров, вскрывая перед партийными организациями изворотливость классового врага, потребовал перестройки партработы, потребовал такой реорганизации партийно-массовой работы, чтобы массы, руководимые партией, сами помогли изловить врага, разоблачая его под любым прикрытием, чтобы массы сами пошли на преодоление всех трудностей.

В соответствии с указанием ЦК о необходимости руководящим партийным кадрам усилить свою связь с массами и практическое руководство низовыми органами своим «переходом с руководящих постов на длительную работу на производство и в низовых органах» райкомы и обком ставили это дело практически. Кое-кто из работников обкома заявил тов. Кирову о желании перейти на низовую работу. Сергей Миронович с необычайным вниманием отнесся к этим росткам нового в партийной жизни, и под его руководством они становятся показательными образцами партийно-массовой работы.

Таков, например, опыт работы, проведенной на телефонном заводе «Красная заря» в Выборгском районе. На этом заводе уже тогда было более 6 тысяч рабочих с парторганизацией в тысячу человек. Завод с прекрасным оборудованием и опытными, квалифицированными рабочими кадрами оказался в глубоком прорыве. Ни партячейка, ни райком партии не могли вывести завод из тупика. Киров посылает на этот завод трех членов обкома (А. Угарова, Фролова, Суздальцеву), чтобы они выяснили, в чем дело. Комиссия установила, что заводское партийное руководство потеряло авторитет в массах. И тогда тов. Киров проводит ряд мероприятий, чтобы помочь местной партийной организации ликвидировать это положение. На этот завод идет работать слесарем один из инструкторов обкома партии, один бывший директор идет туда токарем в инструментальный цех. Одновременно парторганизация завода переизбирает секретаря парткома.

При помощи этих товарищей парторганизация изучает людей каждого цеха, кто кем был в прошлом, откуда

и почему попал на завод, чем дышит теперь, чем недоволен.

Выяснилось, что находившиеся на заводе осколки троцкистов, выброшенных из партии, ожили и зашевелились вместе с общим обострением классовой борьбы в стране. Они сомкнулись с правооппортунистическими, кулацкими элементами с целью разложить через них изнутри заводскую парторганизацию. Троцкисты сблокировались и с осколками контрреволюционного меньшевизма и эсеровщины и об'единили вокруг себя значительную часть исключенных из нашей партии за разложение и другие порочащие проступки. Троцкисты нашли себе поддержку в инструментальном цехе завода среди элементов бывшей рабочей аристократии из мещан-домовладельцев и старых инструментальщиков — рабочих ремесленного типа.

Парторганизация сосредоточила свое внимание на этом цехе, стала выявлять прошлое этой группы рабочих. Выяснилось, что кое-кто из них имел надому кустарные мастерские с наемными рабочими, будучи одновременно «рабочим» на заводе. Некоторые имели крепкое, зажиточное хозяйство в деревне. Кое-кто выполнял так называемые колпинские заказы, т. е. попросту тащил сырье и детали с завода для работы надому. В инструментальном цехе оказались и соратники Гвоздева, вышедшего из рабочей аристократии этого завода, бывшего министра труда буржуазного, меньшевистского Временного правительства. Оставались здесь и соратники лидера так называемой рабочей оппозиции Шляпникова [1], в свое время рабочего-аристократа инструментального цеха. Были тут и сподвижники Плеханова, которых тот инспирировал в 1906 году на выступление против Ленина от имени якобы беспартийных рабочих [2]. Здесь же подвизались сподвижники Церетелли и Чхеидзе, входившие в состав военно-промышленного комитета, а позднее служившие (в февральские дни 1917 года) в качестве помощников «демократических» приставов при Государственной думе. Удалось обнаружить и бывших членов ЦК РСДРП меньшевиков, перешедших на подпольную борьбу против советской власти после ликвидации меньшевистской партии, а также членов Смоленского обласкома партии эсеров, участников активной борьбы против советской власти.

Ко времени прихода в цех посланных обкомом товарищей эти антисоветские элементы имели в своих руках профкомитет союза металлистов инструментального цеха.

Враги широко использовали эту «легальную возможность». Заводилами были троцкист Санаталов, исключенный из нашей партии, меньшевик Алексеев и эсер Григорьев; они срывали отработки на коллективизацию, на помощь бойцам Дальневосточной Красной армии, на создание авиоэскадрильи и другие мероприятия, проводившиеся по решениям общезаводских и цеховых собраний рабочих. В инструментальном цехе широко велась контрреволюционная агитация против индустриализации и коллективизации. «Зерносовхозы сразу хлеба не дадут!», «В колхозах лодыри сами себя не прокормят!», «Хлеб кулаком не пахнет, лишь бы он был, а его не хватает!» — таковы были лозунги их контрреволюционной агитации.

Не осмеливаясь открыто выступать против помощи Красной армии, они срывали эту помощь разными маневрами. Так например брали на себя инициативу организации этой помощи и фактически проваливали ее. Одновременно с этим, рассчитывая на политическую неграмотность молодых рабочих, даже комсомольцев, они вели по углам агитацию против защиты нашего социалистического отечества: «Большевики, мол, Маркса забыли, который писал, что у рабочих нет отечества, и зовут нас защищать родину». В «доказательство» даже подсовывали «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса, прикрывая те места, которые ясно

---

[1] Позднее примкнул к троцкистам и исключен из партии.

[2] Речь идет об одном из совещаний рядовых рабочих, которые В. И. Ленин проводил в 1906 году перед созывом военно-боевой конференции большевиков. Это совещание было демагогически использовано меньшевистским ЦК с целью ложно информировать Ленина об отношении рабочих к вооруженному восстанию.

С. М. Киров на постройке стадиона. С карт. Бобровского.

показывают, что Маркс говорил это о капиталистических странах, а не о стране диктатуры пролетариата.

Из газет троцкисты систематически делали вырезки о наших недочетах и неполадках в отдельных местах; отбрасывая все то, что говорит о грандиозности наших достижений, они распространяли эту сугубо подтасованную информацию среди отсталых рабочих.

Ловко использовывали они и отдельных членов цеховой партийной организации. Отсталые и политически неграмотные элементы из ее среды нередко попадали к ним в плен. Через них они влияли при перевыборах даже на состав бюро цеховой партячейки, вводя в бюро угодных им членов и дискредитируя неугодных.

Одновременно они были связаны с вредительскими элементами завода и треста, получая от них «информационные» материалы для дискредитации перед рабочими хозяйственного руководства завода.

Под видом борьбы за ленинский лозунг соревнования троцкистам удавалось иногда срывать социалистическое соревнование в цехе. Для «нашего цеха», говорили они, соревнование не подходит: оно возможно в цехах массового производства, но не в таких, как инструментальный.

В производственном отношении в цехе творилась полная вакханалия: царила фиктивная сдельщина, между тем как наличное оборудование цеха не использовывалось и на одну треть, цех работал в одну смену. «Инструментальную нельзя пустить в две смены», — заявляла чванливо верхушка лекальщиков, претендуя на непогрешимость своих производственных суждений. Их поддерживали в этом «колпинские» кустари, работающие надому, и консервативные элементы инженерно-технического персонала.

При помощи присланных обкомом товарищей партактив цеха разобрался прежде всего в этих людях, в их тактике. Вокруг парторганизации были об'единены лучшие элементы цеха и изолированы хвостисты. Вскоре организация совсем освободилась от них путем досрочной чистки. Была развернута в цехе массовая работа среди всех прослоек рабочих. Ожила работа вокруг газеты, массовая работа в обеденный перерыв и т. п. Члены партии стали на конкретных фактах разоблачать перед рабочими замаскированных классовых врагов.

Большая борьба была проведена

против тех, кто отступал перед трудностями по разоблачению классового врага, скрывавшегося под рабочей блузой или прятавшегося за свой авторитет специалиста, и кто требовал применения просто административных мер и притом тогда, когда огромному большинству рабочих не виден был еще классовый враг. Применение только административных мер в таких условиях должно было неизбежно оттолкнуть от партии ряд честных рабочих, а возможно, и озлобить некоторых из них. Надо было не только об'единить всех рабочих вокруг партии, но привлечь их самих к делу чистки рабочих рядов от классовых врагов, показав им нутро каждого скрытого врага. Одновременно надо было срочно наладить обучение молодых рабочих инструментальному делу на случай необходимости заменять уволенных проходимцев и врагов.

Эта проделанная в цехе работа дала огромнейший опыт всей парторганизации завода и подняла авторитет членов партии не только в цехе, но и на заводе.

Оживилась в связи с этим работа и в партячейках других цехов завода. На опыте инструментального цеха парторганизации научились не замыкаться в свою скорлупу, а привлекать и беспартийный актив к массовой работе. Научились учитывать указания беспартийных на недочеты партийной работы.

Своей преданной работой посланные обкомом товарищи в течение 3—4 месяцев завоевали подлинное доверие многотысячной массы рабочих завода. В борьбе против меньшевистско - троцкистско - эсеровско - правооппортунистического блока рабочие единогласно выбрали одного из посланных товарищей (путем закрытой подачи голосов) председателем заводского комитета союза металлистов. А через некоторое время многотысячная масса рабочих всех цехов завода потребовала изгнать из профсоюза и убрать с завода кучку разоблаченных врагов, засевших в инструментальном цехе. И подавляющее большинство рабочих того же, инструментального цеха открыто поддержало это требование.

На заводе «Красная заря» одновременно с укреплением партийной работы обкомом было укреплено и хозяйственное руководство. Новый директор с помощью широких рабочих масс вскрыл огромные неиспользованные производственные возможности завода, занижавшиеся до этого вредителями и смыкавшимися с ними оппортунистами из хозяйственников завода и треста. Это дало заводу возможность увеличить пятилетнюю программу завода более чем вдвое.

В результате завод, вчера позоривший Ленинград, вышел на передовую линию и выполнил первым в СССР свой новый, более чем вдвое увеличенный план первой пятилетки в 2½ года, за что был награжден орденом Ленина.

3

Реконструкция промышленности в стране требовала большого напряжения сил. Строились новые гиганты. Заново перестраивались старые предприятия. Индустриализация страны требовала от Ленинграда, старого индустриального центра, помощи оборудованием и людьми. В связи с этим Киров прежде всего поставил себе целью довести до сознания партийных и непартийных большевиков, какое огромное значение имеет этот город в индустриализации страны. Преданный до конца делу революции, глубоко верящий в победу социализма, Киров своим энтузиазмом умел увлечь на большое дело строительства социализма не только актив, но и широчайшие массы партийных и беспартийных рабочих.

«— Мы должны... потребовать от Центрального Комитета, когда нужно будет на том или ином фронте двинуть новые кадры... чтобы за нами оставили самые ответственные, самые трудные и самые опасные места»[1]. Эти слова тов. Кирова были подхвачены всей парторганизацией и всей пролетарской массой Ленинграда. Каждый не только осознал, но и прочувствовал вдохновенные речи Кирова о строительстве социализма, о роли Ленинграда в этом строительстве.

[1] 24-я ленинградская губернская конференция ВКП(б). Бюллетень № 5, стр. 236.

Члены Ленинградской организации оказались в первых рядах строителей социализма в нашей великой стране. Только с марта 1929 года по май 1930 года Ленинградская организация отправляет на фронт индустриализации и коллективизации 13 тысяч партийных и непартийных большевиков. Сотни и тысячи организаторов выделил Ленинград для деревни и новых строек.

Текстильщики на предприятиях, работающих на высших, импортных сортах хлопка, берутся освоить русский хлопок, едут в Туркмению, берут шефство над хлопководами, помогают коллективизации хлопководческих хозяйств, агитируют за посев лучших египетских сортов хлопка. Ленинградцам принадлежит честь проявления инициативы в деле сближения рабочих и крестьян путем шефства рабочих-текстильщиков над хлопководческим дехканством. Эту инициативу фабрики «Красная нить», Выборгского района, подхватывают с помощью «Правды» текстильщики всего союза, организуя такую же связь с хлопководами Узбекистана и Азербайджана.

Вдохновленные сталинскими лозунгами партии и организованные Кировым на полную реализацию их, ленинградские большевики становятся в число инициаторов социалистических методов работы по выполнению решений партии и правительства.

Вместе с тем гигантская работа по строительству социализма развертывается и в самом Ленинграде. Наряду с новым строительством развертывается борьба за полное использование старых предприятий, старого оборудования, борьба за сырье. Рабочие от протестов против недостатков производства, жалоб на плохое сырье переходят к активному участию в организации промышленности, к помощи тем хозяйственным звеньям, от которых зависит производство и качество сырья.

Вдохновленный Кировым, комсомол заводов Ленинграда создает ударные сквозные бригады, показывает возможность образцовой работы на любом оборудовании и на любом сырье.

Выборгский район под руководством С. М. Кирова дал исключительные образцы творческой рабочей инициативы; соцсоревнование, встречный план — все это зачиналось на предприятиях Выборгской стороны. Инициатива эта подхватывалась всеми заводами Ленинграда.

Продолжая вести большевиков Ленинграда на борьбу против троцкистских осколков, Киров одновременно мобилизует силы большевиков и на борьбу против правого уклона в Ленинградской организации.

Среди хозяйственников Ленинграда правыми культивировалась такая «идеология»: «Я вот работаю, а вы: партийцы, агитаторы, пропагандисты, организаторы — болтаете». Были и такие настроения: «Наше дело — хозяйственников — выполнять промфинплан, а заботиться о жилищах для рабочих, о снабжении, яслях и т. п.— это дело не наше». Это была попытка правых отвести кадры хозяйственников от общей линии партии.

Как раз в этот период, когда партия сосредоточивала огонь самокритики на неполадках в производстве, мобилизуя массы на досрочное выполнение планов, добиваясь максимального использования рабочей инициативы и критики снизу, — в это время Рыков на ленинградском партактиве взял под защиту тех хозяйственников, которые испугались самокритики. Самокритика, мол, самокритикой, но руководитель предприятия имеет право на ошибку, и, пожалуйста, не дергайте его.

Для того чтобы не оттолкнуть от себя ленинградских рабочих грубым опорочиванием самокритики, правые в Ленинграде прибегали к более «тонким» аргументам: они становились якобы на защиту дисциплины и утверждали, что самокритика, мол, расшатывает дисциплину, что «неуч» квалифицированному рабочему — не указка, рабочие предложения нужны, но инженер и директор не меньше знают, и т. п.

Тщательно заботясь о живых людях, бережно сохраняя кадры, подбирая каждому наиболее подходящую работу, не допуская ненужной дискредитации и трепки, Киров развернул большую работу по укреплению партруководства в районах в обстановке широкой внутрипартийной демократии и самокритики снизу.

Во время октябрьских перевыборов 1929 года по рабочим ячейкам было переизбрано 58% секретарей, также были переизбраны некоторые секретари райкомов и обновлен значительно состав областного комитета партии.

Еще до ноябрьского Пленума ЦК 1928 года, на октябрьском пленуме Ленинградского обкома, Киров ставил вопрос о решительной борьбе с правой опасностью и примиренческим отношением к ней.

На 2-й областной партийной конференции (март 1929 года) накануне 16-й всесоюзной партконференции ленинградские большевики широко развернули критику правого оппортунизма. На этой конференции тов. Ворошилов К. Е., докладчик ЦК, подчеркнул, что Ленинградская парторганизация является прочной опорой ЦК в борьбе против правых. В своем заключительном слове он сказал: «Я думаю, что та оценка, которую давали Бухарину и Томскому выступавшие с этой трибуны делегаты конференции, явится оценкой всей нашей партии» [1].

«— В отношении нашей организации, — говорил тов. Киров, подытоживая в своем отчетном докладе на этой конференции пройденный этап работы, — я думаю, мы поступили совершенно правильно, что повели систематическую раз'яснительную работу среди широких слоев членов нашей партии, которым дали возможность понять сущность как «левого», так и правого уклона и примиренческого отношения к этим уклонам... За исключением отдельных единиц, которые есть, за исключением, может быть, скрытых уклонистов, которые не могут еще или не хотят определиться в ту или другую сторону, в общем и целом наша организация безусловно едина. В этом, по-моему, нет ни малейшего сомнения. Свидетельством служит не только официальная сторона работы, но и та работа, которую мы проделываем,— все эти перевыборы, ряд обновлений по всей нашей партийной линии, широкая полоса партконференций. В обстановке широко развернутой демократии, глубокого внедрения в ряды нашей партии самокритики думать о том, что возможно каким-то внутрипартийным зажимом или режимом создать почву для того или иного партийного течения, это значит не знать ни партии, не знать ни нашей работы» [2].

Получив под руководством Кирова сокрушительный удар при первых же попытках открыто выступить с защитой своих капитулянтских теорий «врастания», «затухания» и т. п., правые изменили свою тактику. Тихой сапой начали они срывать темпы социалистической индустриализации и коллективизации. В земельных органах их деятельность проявлялась в растранжиривании советской копейки, в выдачах ссуд зажиточным крестьянам, т. е. кулакам, под видом охраны государственных интересов, так как эти заемщики являются, мол, «кредитоспособными». На таких заводах, как «Красный Путиловец», правые пытались доказывать «об'ективную» невозможность выполнения программы тракторостроения, одновременно пытаясь срывать выпуск запасных частей к тракторам, изготовляемых на других заводах. Вместо борьбы за мобилизацию внутренних ресурсов предприятий путем рационализации производства и улучшения организации труда, полного использования наличного оборудования заводов они добивались, по существу, растраты золотой валюты на покупку импортных частей и деталей. Так, на Путиловском заводе только благодаря большевистской бдительности, своевременно мобилизованной Кировым, удалось вовремя разоблачить подобные махинации правых оппортунистов, сомкнувшихся с вредителями.

Правые шли на смычку с вредителями особенно на таких производствах, которые должны были обеспечить стране важнейшее оборудование для строительства гигантских электростанций (на заводе имени Сталина, треста Котлотурбины и др.).

Правые, засевшие в трестах, стре-

[1] 2-я ленинградская областная партконференция. Бюллетень № 4, стр. 9.

[2] 2-я ленинградская областная партконференция ВКП(б). Бюллетень № 7, стр. 24—25.

О. М. Киров и М. И. Калинин на Ленинградском металлургическом заводе имени товарища Сталина (февраль 1932 года).

мились дезорганизовать промышленность, работая с прохладцей и часто идя на поводу у вредителей. Когда же рабочая общественность направляла на них оружие самокритики, они прикрывались ссылками на «об'ективные причины», утверждая, что выполнить планы и выдержать темпы невозможно, так как оборудование плохое, получение его из-за границы тормозится «всякими лимитами», с сырьем тоже, мол, перебои, и т. п. Так пытались эти оппортунисты окольным путем опорочить политику партии как в вопросах взаимоотношения с капиталистическими странами (кредиты, внешняя торговля), так и в отношении к крестьянству сырьевых районов.

Правооппортунистические «невозможники» из хозяйственников смыкались с оппортунистами из партработников. Последние, пасуя перед трудностями перестройки партийной работы и борьбы за улучшение организации труда, упорядочение системы заработной платы и максимальное использование наличного оборудования путем рационализации, подменяли хозяйственников, администрировали, сбивались на «штурмовщину». Они организовывали «штабы ликвидации прорывов». Срывая единоначалие, снимая ответственность с начальников и дезорганизуя таким образом аппарат производства, они становились, по существу, на путь ликвидации партийно-политической работы в массах.

Большевики Ленинграда под руководством тов. Кирова развернули работу против таких методов партруководства и добились нового под'ема в производстве.

Благодаря развертыванию партийно-массовой работы организациям удалось политически поставить вопросы улучшения организации труда: добиться установления на производствах постоянных по составу смен рабочих, обеспечения смен постоянным начсоставом, закрепления за бригадами определенных агрегатов, введения планового, предупреждающего аварии, ремонта.

Вскоре шесть исторических условий товарища Сталина помогли осознать это начавшееся движение рабочих за правильную организацию труда и

придали ему еще более массовый размах.

4

В деле разоблачения оппортунистических элементов, прятавшихся в дебрях трестовских, городских и областных аппаратов Ленинграда, огромную помощь Ленинградской парторганизации оказал Центральный комитет в лице своего органа — «Правды».

«Правда» подхватила снизу критику, разоблачающую конкретных носителей правого уклона. Она вскрыла очаги гнили и разложения, семейственности и круговой поруки, свитые в Севзапсоюзе, горкомхозе, ЛСПО и других учреждениях.

Тов. Киров сумел широко использовать такое могучее средство, как печать. Сергей Миронович стал во главе этой волны самокритики. Разогнаны были оппортунисты, сомкнувшиеся со спекулянтами и темными дельцами. На рабочих собраниях был разоблачен ряд руководящих работников трестов и директоров заводов, которые упорно сопротивлялись проведению генеральной линии партии. Разоблачили себя и примиренцы — беспринципники.

Партийцы Ленинграда писали в «Правду»: «В аппарате Комхоза выявились элементы разложения. Прокуратура привлекла к суду за злоупотребления 70 сотрудников. Вскоре еще 36. Прокуратура добралась до верхушки отдела. Зам. зав. Комхозом был арестован и посажен на длительный срок. Затем возникло дело о хищениях строительных материалов. Сознательную вредительскую роль играли бывшие белогвардейцы — братья Виноград. Коммунисты-руководители выдавали им сотни тысяч рублей по разным поводам, и эти белогвардейцы расходовали их на темные предприятия. Когда в одной из ленинградских газет появилось разоблачение этих врагов, член президиума Обл. КК Алексин на страницах той же газеты призвал рабочую печать к порядку. Вскоре эти белогвардейцы все же были арестованы и лишены избирательных прав. Однако бывший начальник Откомхоза, теперь зам. пред. обл. Исполкома Иванов принял меры и восстановил в правах всю семейку» [1].

В Севзапторге, где также при помощи «Правды» были разоблачены оппортунисты, пробравшиеся к руководству в этом крупнейшем учреждении, партийцы начали борьбу за очищение аппарата, но натолкнулись на сопротивление потерявших политическое чутье руководителей парторганизации.

На фабрике «Красная нить» хозяйственник, злоупотребляя своими связями в облКК, повел борьбу с общественными организациями фабрики, возглавившими самокритику рабочих, и по-барски относился к рабочим. Несмотря на энергичные протесты и рабочих и райкома, несмотря на решение комиссии по чистке о снятии этого директора руководители облКК поддерживали «своего человека». И только вмешательство Кирова помогло убрать этого бюрократа. Партийные руководители фабрики писали: «Считая образ действий облКК не только неправильным, но и возмутительным фактом потворства бюрократизму, просим «Правду» и ЦКК заняться этим делом и осадить бюрократов и их прикрывателей» [2].

Предоставляя трибуну этой самокритике снизу, редакция «Правды» указывала: «Публикуемые сегодня материалы о зажиме самокритики в Ленинградской организации показывают, что даже среди лучших кадров партии могут найти себе место бюрократические и перерожденческие элементы, если эту коросту вовремя не раздробить тяжелым молотом пролетарской самокритики.

На должной высоте находится руководство Ленинградской организации, но отдельные звенья этого руководства ослабли» [3]. И, указывая на облКК, глушившую самокритику, на «Ленинградскую правду», не прислушивавшуюся к сигналам рабочих, на руководителей Центрального городского райкома, превратившихся в игрушку в руках врагов, ставивших под удар наших людей, редакция «Правды» призывала: «Коммунары Ленинграда, смелее развертывайте самокри-

[1] «Правда» от 1 сентября 1929 года.
[2] Там же.
[3] Там же.

тику! Двигать вперед дело социализма, предупреждать буржуазное вредительство и четко проводить генеральную линию партии возможно только на рельсах смелой пролетарской самокритики»[1]. Вместе с тем ЦО предупреждал всех партруководителей: «Задача партруководства заключается в том, чтобы быстро реагировать на самокритику снизу, принимать решительные меры для реализации этой критики, на конкретных уроках воспитывать массы, сплачивать и закалять организацию в борьбе с проявлением оппортунизма на практической работе. В противном случае лозунг самокритики может превратиться в пустую фразу. Надо бороться за действенность самокритики снизу»[2].

Вопросы, поставленные ЦО «Правда» от 1 сентября относительно случаев зажима самокритики и искривлений классовой линии, нашли живейший отклик во всей Ленинградской организации. Организация со всей серьезностью обсудила поставленные «Правдой» вопросы, с беспощадностью и большевистской прямотой вскрыла промахи и ошибки, бюрократические язвы, случаи искривления классовой линии в работе отдельных учреждений и решительно встала на путь исправления и ликвидации всех этих зол, выбивая враждебные элементы и их пособников со всех позиций. Бюро и пленум обкома ВКП(б) обратились ко всей парторганизации и рабочим с призывом вскрывать все ошибки руководителей с большевистско-ленинской непримиримостью, невзирая на лица, разоблачать происки классовых врагов, бить носителей правого уклона на практике, исправлять находу последствия хозяйничанья явных и скрытых пособников кулацко-капиталистической клики.

На местах происходили собрания коммунистов, на которых обсуждались вскрываемые «Правдой» язвы и новые факты. На этих собраниях даже «молчальники» начинали говорить. Большевистская самокритика вдохнула новую энергию в массы партийных

С. М. Киров с ленинградской делегацией голосуют на XVII с'езде ВКП(б) за предложение по докладу И. В. Сталина.

и беспартийных рабочих. Люди не только заговорили, но и потребовали от органов КК РКИ немедленного разбора фактов, сообщаемых на собраниях, не дожидаясь письменных заявлений от рабочих.

Для расследования материалов, опубликованных в ЦО, в областной и местных газетах, а также фактов, указанных на рабочих и партийных собраниях, областным комитетом партии и облКК было выделено 17 комиссий; райкомами и райКК — 55 комиссий с привлечением членов партии из фабрично-заводских организаций.

Огромное большинство фактов подтвердилось, и Ленинградская организация под руководством тов. Кирова быстро выправила положение. За нарушение директив партии о самокритике был обновлен руководящий состав облКК и Центрального городского райкома партии, облисполкома и других органов. Областным комитетом было проведено выдвижение свыше 500 рабочих от станка и приняты меры к выдвижению рабочих и в дальнейшем.

По постановлению обкома, для обсуждения вопроса о самокритике на предприятиях были проведены район-

[1] Лозунг «Правды» от 1 сентября 1929 года.
[2] «Правда» от 1 сентября 1929 года.

ные собрания партийного актива и открытые партийные собрания при широком участии рабочих масс. Так, в Московско-Нарвском районе на открытых пленумах коллективов присутствовало 38 тысяч человек, из них 47% беспартийных рабочих. Выступало 3900 человек; эта цифра вдвое превышает среднее число выступлений на обычных собраниях.

В советских коллективах Центрального района, где вообще самокритика была слаба, имелись факты прямого зажима ее. В результате обсуждения этого вопроса на партийных собраняих было переизбрано 22 бюро коллективов (парткомы), в 10 коллективах была проведена повторная чистка партии, 54 ответственных секретаря партколлективов были переизбраны. Единичные факты зажима самокритики были вскрыты также в отдельных рабочих коллективах. Так, был установлен факт зажима самокритики и скрытого гонения на рабкоров на фабрике «Возрождение», в результате чего был переизбран секретарь партколлектива.

Ряд руководящих работников областных хозяйственных учреждений был снят с работы, 26 человек из них привлечены к ответственности органами КК РКИ, некоторые были отданы под суд.

А те руководители КК РКИ, которые не умели использовать для очищения организации от правых и разложившихся эту волну здоровой большевистской активности, сами были снесены этой волной. «— Ну, что, полегче дышится!» — говорил Сергей Миронович уже потом при встречах. Благодаря широко развернувшейся самокритике Ленинград был основательно очищен от правооппортунистических гнезд и беспринципных глушителей рабочей инициативы. Растущие снизу новые, кировские кадры возглавили энтузиазм широких масс, и это обеспечило новый разворот творчества в борьбе за пятилетку.

Товарищ Сталин говорил на XV с'езде: «Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития.

Не отмечая и не выявляя открыто и честно, как это подобает большевикам, недочеты и ошибки в нашей работе, мы закрываем себе дорогу вперед. — Ну, а мы хотим двигаться вперед. И именно потому, что мы хотим двигаться вперед, мы должны поставить одной из своих важнейших задач честную и революционную самокритику. Без этого нет движения вперед. Без этого нет развития» [1].

Опыт борьбы Ленинградской организации против зиновьевщины помог ей распознать правый уклон в самом его зародыше, и, применяя такое оружие, как внутрипартийная демократия и сталинская самокритика, ленинградским большевикам под руководством Кирова удалось разгромить всех оппортунистов, срывавших мобилизацию масс на выполнение первой пятилетки. «Трудно найти, — говорил тов. Киров 5 июня 1930 года, открывая 3-ю областную партконференцию,— более решающую в деле социалистического строительства полосу, чем истекшие 2½ года. За это время, товарищи, мы проводили в жизнь, осуществляли на практике грандиозную программу строительства социализма, ради которой жил, над которой работал и во имя которой сгорел преждевременно тот, кто основал, выпестовал нашу партию, кто принадлежит к плеяде гениальных людей, рождению которых предшествуют века...» [2]. Так, подытоживая пройденные трудности, напоминая еще и еще раз о Ленине, Киров призывал большевиков на преодоление новых трудностей того времени.

Весь смысл перестройки партийной работы в первые годы пятилетки заключался в том, чтобы найти такие ее формы и методы, которые в наибольшей степени обеспечили бы мобилизацию партийных и беспартийных масс на выполнение задач реконструкции и выполнение планов.

Широко развернувшейся самокритикой была вызвана к жизни такая форма активного участия рабочих в контроле за работой советского аппарата, как шефство. Около 100 крупнейших предприятий шефствовало над советскими учреждениями.

---

[1] Стенографический отчет XV с'езда ВКП(б), стр. 71. Партиздат. 1928.

[2] 3-я ленинградская областная конференция ВКП(б). Бюллетень № 1, стр. 1.

Рост политической активности рабочих выразился и в том, что на чистке руководящего состава парторганизаций присутствовало 37 тысяч беспартийных, а на 3763 собраниях по чистке советского аппарата присутствовало 383 194 человека, в прениях выступало 18 582 человека, было задано 11 668 вопросов и подано 7487 заявлений.

Ярким свидетельством этого успеха кировского руководства массами явился рост тиража фабрично-заводских газет. Месячный тираж газет с 271 тысячи экземпляров в конце 1928 года достиг в конце 1929 года 1625 тысяч экземпляров: из этого числа 760 тысяч экземпляров заводских газет принадлежало металлистам.

Тов. Киров поднял на большую высоту всю партийную работу в Ленинграде. Неизмеримо повысилась авангардная роль коммуниста на предприятии. В своих глубоких, ярких, неповторимых речах, красочность которых стенограммы не в состоянии передать, Сергей Миронович показывал, каким должен быть коммунист на своем посту, где бы он ни работал.

В основе работы тов. Кирова были заложены сталинская принципиальность, большевистский размах, высокоидейная партийность, неустанная борьба за идейно-политическое вооружение партийной организации, за воспитание сталинской непримиримости к открытым и скрытым врагам партии и рабочего класса.

Лозунг товарища Сталина о самокритике превратился в могучую силу в руках тов. Кирова. И в речи на XVII с'езде партии Киров еще и еще раз подчеркивает, как необходима партии сталинская самокритика: «Рассуждения некоторых товарищей о том, не слишком ли много самокритики,— очень вредная штука. На самом деле, если плохо, если не годится, так где же об этом говорить, как не в среде нашей партии? Если я сегодня как будто ничего, смазливенький, а завтра стал неказистый,— куда же мне итти кроме партии за лечением? (аплодисменты). Только таким порядком можно мобилизовать партию... У нас, большевиков, так ведется: если самокритика — доводи до конца. И ничего тут не случится, никто никуда тут не провалится.

Это только поможет исправить дело, и это предохранит партию от опасности зазнайства, о чем предупреждал товарищ Сталин» [1].

* * *

Так воспитывал этот лучший из лучших людей победившего социализма — Сергей Миронович Киров — Ленинградскую партийную организацию, поднимая с ее помощью весь ленинградский рабочий класс на великие подвиги в борьбе за победу социализма.

[1] XVII с'езд Всесоюзной коммунистической партии (б) Стенографический отчет, стр. 258. Партиздат. 1934.

К 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Б. Волин

ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В МАРТЕ—АПРЕЛЕ 1917 ГОДА

1

В то время когда в России разразилась февральская буржуазно-демократическая революция, Ленин находился в далекой Швейцарии — в этой «нейтральной» клетке. Он днями и ночами обдумывал самые разнообразные способы, как пробраться сквозь окопы и проволочные заграждения империалистической войны в революционную Россию.

Одновременно он посылает в Петроград письма, дающие политическую оценку происходящих в России событий, и директивные указания.

Вслед за письмами к Коллонтай и Ганецкому, в которых содержались первые высказывания Ленина о характере февральской буржуазно-демократической революции и задачах в ней партии, Ленин пишет свои «Письма из далека». Таких писем Ленин написал пять, но только первое из них — под названием «Первый этап первой революции» — дошло до Петрограда и было напечатано в «Правде» 21—22 марта (3 — 4 апреля) 1917 года. Остальные остались в рукописи и были опубликованы только после смерти Ленина, в 1924 году, в «Ленинском сборнике II».

В своих «Письмах из далека» Ленин дает гениальный анализ причин и движущих сил революции. В первом из них он останавливается подробно, в исключительно ясных и точных выражениях, на «условиях всемирно-исторической важности», которые сделали возможной победу над царской монархией в несколько дней.

Первое из них — опыт революции 1905—1907 годов. Ленин писал:

«Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее н а ч а л ь н о г о этапа, в несколько дней,

вторая революция»[1]. Революция 1905 года, как указывает Владимир Ильич, «...глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг-другу—и всему миру—в с е классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей»[2].

Именно это обстоятельство очень многому научило трудящиеся массы тогдашней России и определило характер развития и развертывания февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

Второе условие заключалось в том, что налицо имелся «могучий, всесильный «режиссер». «Этим всесильным «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистская война»[3], которая крайне обострила все противоречия и ускорила взрыв.

«Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории, нужны были особо крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью Романовской монархии могла опрокинуться с р а з у»[4].

Наконец, третий фактор, определивший ускорение февральских событий, — это то обстоятельство, «что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации с л и л и с ь вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, с о в е р ш е н н о р а з н о р о д н ы е классовые интересы, с о в е р ш е н н о п р о т и в о п о л о ж н ы е политические и социальные стремления»[5]. Ленин имеет здесь в виду, с одной стороны, заговор англо-французских империалистов с русской буржуазией, которые стремились к дворцовому перевороту в интересах подавления революции и продолжения войны, с другой — революционную борьбу народных масс против буржуазии, за хлеб,

В. И. Ленин. 1917 год.

за мир, за настоящую свободу, борьбу, которая должна была «превратиться в гражданскую войну между враждебными классами»[6].

К этим основным факторам, определившим разворот событий в февральскую революцию, следует отнести также, как указывает Владимир Ильич в своем первом «Письме из далека», и то, что

«...если поражения в войне сыграли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то с в я з ь... англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис»[7].

Ленин раскрывает империалистический характер Временного правительства, которое будет продолжать империалистическую войну, ибо оно составлено «...в интересах еще более ярого и упорного ведения ее»[8], оно составлено из представителей капиталистических помещиков и буржуазии, которые заинтересованы в завоевательной, грабительской войне.

---

[1] Л е н и н. Соч. Т. XX, стр. 13.
[2] Т а м ж е, стр. 13—14.
[3] Т а м ж е, стр. 14.
[4] Т а м ж е.
[5] Т а м ж е, стр. 15.

[6] Т а м ж е.
[7] Т а м ж е, стр. 16.
[8] Т а м ж е, стр. 17.

Владимир Ильич, будучи в Швейцарии, мог пользоваться сведениями почти исключительно заграничной буржуазной прессы и телеграммами из Петрограда, тщательно контролировавшимися правительством Милюкова и Гучкова. Как он позже говорил на петроградской общегородской конференции РСДРП(б), заграницу левее милюковской кадетской «Речи» не доходила ни одна газета.

Следовательно, источники информации, находившиеся в его распоряжении, извращали действительное положение вещей.

Несмотря на это Владимир Ильич сумел дать исключительный по своей глубине гениальный анализ событий, происходящих в России. Уже в первом «Письме из далека» он пишет: «Рядом с этим правительством, — в сущности, простым приказчиком миллиардных «фирм»: «Англия и Франция», с точки зрения данной войны, — возникло новое, неофициальное, неразвитое, еще сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это — Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в Питере»[1].

Уже в этом письме Владимир Ильич указывает на двоевластие как на своеобразную особенность февральской буржуазно-демократической революции, в результате которой возникли Советы, опиравшиеся на вооруженных рабочих и солдат и фактически обладавшие реальной властью. Известно, что военный министр Гучков боялся отправляться куда-либо без охраны представителей Совета.

На эту особенность февральской буржуазно-демократической революции Ленин указывает и в следующих своих статьях, написанных также до приезда в Россию. Так, в статье «Революция в России и задачи рабочих всех стран», написанной 12 марта, примерно тогда же, когда писалось четвертое «Письмо из далека», Владимир Ильич указывал, что даже самые верные друзья Гучкова и Милюкова — сотрудники крупнейших французских и английских буржуазных газет — вынуждены признать, что в России два правительства.

«Одно—«всеми» признанное (то-есть на деле всеми богатыми людьми признанное) правительство помещиков и капиталистов, Гучковых и Милюковых. Другое — «никем» (из богатых классов) не признанное, правительство рабочих и крестьян: Петербургский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, стремящийся во всей России учредить Советы Рабочих и Советы Крестьянских Депутатов»[2].

В своих последующих статьях, написанных уже в России, Ленин вскрывает и классовое содержание этого правительства. Владимир Ильич указывал, что двоевластие представляет собой «переплетение вместе, воедино двух диктатур: диктатуры буржуазии... и диктатуры пролетариата и крестьянства»[3].

В первом «Письме из далека» Владимир Ильич определяет положение в России как переходное от одного этапа революции к другому.

В связи с этим Владимир Ильич выдвигает перед партией и страной следующие задачи:

«Для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснобаев либерализма, не рабочие должны поддержать новое правительство, а это правительство должно «поддержать» рабочих! Ибо единственная гарантия свободы и разрушения царизма до конца есть вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов»[4].

Вот первое, на что Ленин «из далека» обращает внимание нашей партии.

Основной тактической задачей дня в этот момент перехода от первого ко второму этапу революции должна быть подготовка победы второго этапа революции.

«...Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, на-

[1] Ленин. Соч Т. XX, стр. 18.

[2] Там же, стр. 49—50.
[3] Там же. стр. 114.
[4] Там же, стр. 18.

родного героизма в гражданской войне против царизма, — писал Владимир Ильич, — вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции»[1].

Владимир Ильич ставит перед партией задачу — организовать широчайшие массы, сплотить их под лозунгами партии и двигать революцию дальше, идти «...используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу»[2].

2

Товарищ Сталин к моменту февральской революции находился в далекой сибирской ссылке, куда его после многократных побегов из Сибири и новых арестов загнало царское правительство. Какая это была глушь и даль, можно видеть из переписки Сталина с Лениным. 27 февраля 1915 года товарищ Сталин послал из этой ссылки письмо Владимиру Ильичу (это письмо было опубликовано летом 1936 года в «Пролетарской революции»), в котором он писал: «Читал я недавно статьи Кропоткина»[3]. А статьи Кропоткина были опубликованы в «Русских ведомостях» еще 7 сентября — 5 октября 1914 года!

Из этого видно, что нужны были месяцы, для того чтобы почта из России достигла места ссылки товарища Сталина. Вот куда запрятало царское правительство своего смертельного врага!

Вернувшись из ссылки в Петроград и руководя Бюро ЦК и «Правдой», товарищ Сталин в своих статьях в «Правде» поставил ряд важнейших задач перед большевистской партией. Он указывал на необходимость двигать революцию дальше, а для этого крепить союз рабочих и крестьян, уничтожать влияние меньшевиков и эсеров, создавать крепкие организации на местах, особенно организации партийные, большевистские. Товарищ Сталин указывал на Советы как на органы революционной борьбы, а затем и революционной власти.

В своей статье «О Советах Рабочих и Солдатских Депутатов» товарищ Сталин 14 марта, т. е. тогда, когда еще в Петрограде не были известны ленинские директивы, данные в «Письмах из далека», писал: «...для того, чтобы сохранить добытые права и развернуть дальше революцию — для этого одного лишь временного союза рабочих и солдат отнюдь недостаточно.

Для этого необходимо союз этот сделать сознательным и прочным, длительным и устойчивым, достаточно устойчивым для того, чтобы противостоять провокаторским вылазкам контр-революции. Ибо ясно для всех, что залог окончательной победы русской революции — в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом.

Органами этого союза и являются Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

И чем теснее сплочены эти Советы, чем крепче они организованы, тем действительнее выраженная в них революционная власть революционного народа; тем реальнее гарантии против контр-революции»[4].

Товарищ Сталин дает тот же лозунг, что и Владимир Ильич.

---

[1] Ленин. Соч. Т. XX, стр. 19.

[2] Там же, стр. 20.

[3] «Пролетарская революция» № 7 за 1936 год, стр. 167.

Между прочим, Кропоткин за свои шовинистические, оборонческие статьи заслужил от товарища Сталина крайне нелестный отзыв: «Старый дурак, совсем из ума выжил».

В этом же письме упоминается и Плеханов, о котором в связи с его статьей, напечатанной в кадетской газете «Речь» от 2 октября 1914 года, товарищ Сталин пишет: «старая неисправимая болтунья-баба! Эх-ма... А ликвидаторы с их депутатами-агентами вольно-экономического общества? Бить их некому... Неужели так и останутся они безнаказанными?! Обрадуйте нас и сообщите, что в скором времени появится орган, где их будут хлестать по роже, да порядком, да без устали».

[4] Сталин «На путях к Октябрю», стр. 1—2. 1925. 2-е изд.

И. В. Сталин. 1917 год.
С автолитографии Н. Шухаева.

«Укрепить эти Советы,— пишет товарищ Сталин,— сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с Центральным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, как органом революционной власти народа— вот в каком направлении должны работать революционные социал-демократы» [1].

Товарищ Сталин особое внимание обращал на военные силы нашей партии. После его приезда дважды были специальные совещания наших военных организаций: 22 марта и 4 апреля 1917 года. Сталин указывал на необходимость организовать повсеместно наши собственные вооруженные силы ввиде Красной гвардии, так как это единственная гарантия защиты завоеванной свободы.

«Нужна,— говорит он в своей статье от 18 марта 1917 года,— другая вооруженная сила, армия вооруженных рабочих, естественно связанных с центрами революционного движения. И если верно положение, что революция не может победить без вооруженной силы, всегда готовой к ее услугам, то наша революция не обойдется без своей собственной рабочей гвардии, кровно связанной с интересами революции» [2].

И товарищ Сталин дает лозунг: «Немедленное вооружение рабочей гвардии».

Товарищ Сталин срывает маску с буржуазного Временного правительства, указывая на его империалистический характер, подчеркивая, что крики буржуазии о том, что свобода в опасности, что на нее-де прет немец, вызваны стремлением буржуазии продолжать империалистическую войну.

Бюро Центрального комитета партии под руководством товарища Сталина в своей резолюции указало, что центр сплочения масс — это советы как в городе, так и в деревне и что именно советы являются зачатком будущей государственной власти. Линия партии была за дальнейшее развитие революции, за единовластие советов, за подготовку пролетарской, социалистической революции.

Против этой линии выступил Каменев, стертый ныне диктатурой пролетариата с лица земли как фашистский убийца, двурушник и изменник. Февральская революция застала Каменева в Сибири, в Ачинске. При первых известиях о февральской революции он вместе с именитым ачинским купечеством, чиновничеством и буржуазией выступил на собрании, где торжественно заявил о необходимости классового мира и необходимости продолжать войну, полностью проявив свою оппортунистическую натуру. От имени собрания он вместе с другими послал приветственную телеграмму председателю Государственной думы Родзянко и ставшему на один час царем Михаилу Романову, которого он приветствовал как «благородного рыцаря» за то, что тот отказался взять царскую власть впредь до решения Учредительного собрания.

Владимир Ильич незадолго до своей смерти указывал, что колебания, ошибки и измены Каменева и Зиновьева были не случайны.

Вернувшись в Петроград, Каменев продолжал линию, взятую в Ачинске.

[1] И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 2, 1925. 2-е изд.

[2] Там же, стр. 3.

Вопреки линии партии на продолжение революции, на превращение буржуазно-демократической революции в социалистическую, Каменев в своих выступлениях утверждал, что пролетариат в России не созрел для социалистической революции, что борьба за буржуазно-демократическую революцию остается задачей сегодняшнего дня для партии, что надо поддерживать Временное правительство. Каменев писал, что «русские войска должны стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом».

Каменев утверждал, что, поскольку Россия связана союзом с Англией, Францией и другими странами, она не может действовать в вопросах мира помимо них. Таким образом, Каменев пропагандировал взгляды, прямо противоположные тем, которые излагал Ленин в своих «Письмах из далека».

Партия под руководством товарища Сталина дала решительный отпор Каменеву.

Февральским переворотом был завершен первый стратегический этап революции в России. С момента свержения самодержавия начался второй стратегический этап революции. «Это был величайший перелом в истории России и небывалый поворот в истории нашей партии... — писал товарищ Сталин по поводу победы февральской буржуазно-демократической революции. — ...Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы» [1].

Партия вела борьбу за второй этап революции — за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую — в оригинальной и сложной обстановке, которая получилась в результате двоевластия. «Это был период крутой ломки старых позиций», — подчеркивает товарищ Сталин.

К этой новой ориентировке партия была подготовлена всей своей предыдущей историей. Партия большевиков

[1] И. Сталин. Сборник «Об Октябрьской революции», стр. 58.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія

ПРАВДА

ОРГАНЪ
Центральнаго Комитета
Петербургскаго Комитета
Р. С.-Д. Р. П.

14-го марта 1917 г.

О Совѣтахъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

И. Сталинъ.

Статья И. В. Сталина «О Советах Рабочих и Солдатских Депутатов» в газете «Правда» от 14 марта 1917 года.

закалила свои ряды, выросла и окрепла в многолетней и успешной борьбе со всеми разновидностями меньшевизма и эсерства, в борьбе на два фронта с оппортунизмом и уклонами в своих собственных рядах. Партия еще с 1905 года была вооружена ленинским планом перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, учением Ленина об империализме как новейшем этапе капитализма, партия была вооружена ленинским учением о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Поэтому партия после свержения самодержавия разоблачала буржуазный характер Временного правительства, боролась против империалистической войны, призывала пролетариат бороться за укрепление советов как органов власти, к вооружению, вела огромную работу по подготовке следующего этапа революции.

У революционных масс и у нашей партии опыт был огромный. Нужно было на основе этого опыта сформулировать новые задачи, новые лозунги, наметить конкретную программу борьбы в новых условиях. Это и было сделано ленинскими «апрельскими тезисами».

«Понадобились, — говорит товарищ Сталин, — знаменитые «апрельские тезисы» Ленина для того, чтобы партия смогла одним взмахом выйти на новую дорогу» [1].

3

Ленин приехал в Петроград ночью 3 (16) апреля, преодолев большие трудности на своем пути. Изыскивая всякие способы, чтобы попасть в революционную Россию, Владимир Ильич, наконец, остановился на маршруте, проходившем через Германию. По этому пути еще во время войны, при царском правительстве, приехал из-за границы в Россию известный буржуазный либерал, профессор М. М. Ковалевский, которого встретил тогда торжественно на вокзале в Петрограде Милюков. По этому-то пути через Германию приехал в Россию Ленин вместе с группой эмигрантов в 32 человека, застрявшей в Швейцарии (приехало 19 большевиков, 6 бундовцев и 7 представителей от разных других партий и групп).

Буржуазия, конечно, понимала значение приезда Владимира Ильича в Россию и учитывала роль, которую он сыграет в борьбе против Временного правительства. Всполошились и англо-французские капиталисты. Английский посол сэр Джордж Бьюкенен в записке министру иностранных дел Временного правительства писал:

«Ленин — хороший организатор и крайне опасный человек, и, *весьма вероятно*, он будет иметь многочисленных последователей в Петрограде» [2].

Один из меньшевиков, Суханов, описывая момент приезда Владимира Ильича, торжественно встреченного на вокзале народом, рассказывает, как меньшевик Чхеидзе вместе с другими меньшевиками из Петроградского совета, приехавший встречать Ленина, произнес нравоучительную речь, в которой говорил: мы надеемся, что вы вместе с нами будете вести работу.

Владимир Ильич, не обращая внимания на назойливого меньшевистского наставника, обратился к встречавшим его рабочим, солдатам и матросам со словами, призывавшими их к дальнейшим действиям.

«Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! — говорил Владимир Ильич. — Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Грабительская империалистская война есть начало войны гражданской во всей Европе... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплоататоров-капиталистов... Заря всемирной социалистической революции уже занялась... В Германии все кипит... Не нынче — завтра, каждый день — может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую

---

[1] Сталин «На путях к Октябрю», стр. VIII. 1925.

[2] Цит. по «Истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 98.

Приезд В. И. Ленина в Петроград. 1917 год. **С картины Моравова.**

эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»[1].

С этим же лозунгом и приветствием Владимир Ильич обратился с броневика у Финляндского вокзала к встречавшим его огромным массам народа.

Приезд Ленина поднял революционное движение на высшую ступень.

«Революции нужен был необыкновенной силы ум, чтобы разобраться быстро в сложнейшем переплете противоречий и безошибочно указать массам их ближайшую цель.

Нужна была необыкновенной твердости воля, чтобы повести массы верным путем к этой цели.

Таким гигантом мысли и воли, впитавшим в себя опыт революционной борьбы трудящихся всех стран, стоявшим на высоте научного понимания задач пролетариата, и был Владимир Ильич Ленин. Вождь революции занял свое место»[2].

Владимир Ильич взял в свои крепкие руки руководство революционным движением. На следующий день после своего приезда Владимир Ильич опубликовал свои исторические «апрельские тезисы», которые дали партии необходимую в новых условиях новую ориентировку, наметили новую тактику, дали новые лозунги. Новое, данное Лениным в его тезисах, означало не разрыв со старой теорией и практикой большевизма, нет: «Новизна заключалась в том, что тезисы явились исчерпывающей программой действий пролетарской партии в переходный этап, созданный февральской буржуазно-демократической революцией»[3].

В «апрельских тезисах» Владимир Ильич ясно сформулировал все основные вопросы революции. Тезисы стали осью, вокруг которой сгруппировались все силы нашей партии и разбуженные революцией огромные миллионные силы рабочих и крестьян.

Ленин не оставил ни одного основного вопроса революции без ответа и без точной, четкой, ясной формулировки.

В отношении войны в тезисах говорилось:

«Недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству», война и при новом правительстве... остается грабительской империалистской войной...»[4].

---

[1] Цит. по «Истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 100.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 101.

[4] Ленин. Соч. Т. XX, стр. 87.

Автограф В. И. Ленина. «Апрельские тезисы». 1917 год.
Центральный музей В. И. Ленина.

Ленин особо дал характеристику так называемому революционному оборончеству масс, которые были за войну не ради завоеваний, а потому, что, обманутые буржуазией и социал-оборонцами, они верили, что война теперь, после падения царизма в России, идет ради защиты революции от монархической Германии. Поэтому лозунг братанья на фронтах, выдвинутый им в начале империалистической войны, остается —указывал Ленин — в силе.

Ленин указывал, что «своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [1].

Ленин в категорической форме высказался в тезисах против какой бы то ни было поддержки Временного правительства. Он требовал от партии, чтобы она раз'яснила полную лживость всех обещаний Временного правительства, не допускала никаких иллюзий по отношению к правительству, иллюзий о том, что якобы это правительство может перестать быть империалистическим правительством.

Владимир Ильич призывал партию отдать себе ясно отчет в том, что данный период есть переходный период и что наша партия в меньшинстве в совете рабочих и солдатских депутатов.

Мы должны, говорил он, раз'яснять массам, что единственным правитель-

[1] Ленин. Соч. Т. XX, стр. 88.

ством, способным разрешить вопросы революции, может быть только правительство советов рабочих и солдатских депутатов. «Пока мы в меньшинстве (в советах. — *Б. В.*), мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок» [1].

Лозунг «Вся власть советам» был на том этапе, т. е. в период двоевластия (с февраля по июль 1917 года), лозунгом «мирного движения революции вперед» (Ленин). Советы опирались на вооруженный народ, и не было никого, ни одной серьезной силы, которая могла бы воспротивиться их приходу к власти.

«Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата, — писал товарищ Сталин, — но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он ставил у власти меньшевиков и эсеров и вынуждал их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс» [2].

Ленин, далее, в своих «апрельских тезисах» гениально набрасывает перспективу дальнейшего развертывания событий и говорит о новом типе государства, которое должно быть построено. «Не парламентарная республика... — подчеркивает Владимир Ильич, — а республика Советов...» [3].

Ленин указывает, что в аграрной программе, в которой остается старое требование партии—конфискация всех помещичьих земель,—необходимо в связи с переходом к социалистическому этапу революции перенести центр тяжести на совет батрацких депутатов.

Он подчеркивает, что в его тезисах речь идет не о «введении» социализма. Не немедленное введение социализма, «...а переход тотчас лишь к контролю со стороны СРД за общественным производством и распределением продуктов» [4].

В тезисах Лениным ставятся внутрипартийные вопросы: о необходимости созыва с'езда партии, о перемене программы и названия партии. Необходимость перемены названия партии мотивируется тем, что название «социал-демократическая» неправильно, так как оно не соответствует самой сущности учения Маркса и Энгельса, которые в свое время только вынуждены были терпеть это название ввиду особых условий, создавшихся после распада I интернационала; что подлинное название, соответствующее задачам и целям партии большевиков,— это название «Коммунистическая партия».

Ленин говорит об обновлении Интернационала. Партии большевиков должна принадлежать «инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против «центра» [5].

Ленин неоднократно в тезисах подчеркивает, что, организуя массы вокруг новых лозунгов, «в виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества... надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо раз'яснять им их ошибку...» [6].

4

«Апрельские тезисы» Ленина, в высшей степени сжатые и краткие, охватили все основные вопросы, стоявшие перед партией, стали в течение нескольких дней боевым ленинским знаменем всех наших партийных организаций, всей нашей партии.

Уже на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), происходившей 14 — 22 апреля, эти тезисы Ленина были приняты и легли в основу всех ее решений.

VII Апрельская всероссийская конференция, которая происходила 24 — 29 апреля и на которой представлено было 80 тысяч организованных членов партии, сплотила «вокруг единой пар-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XX, стр. 88.
[2] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 94. 10-е изд.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 89.
[5] Ленин. Соч. Т. XX, стр. 89.
[6] Там же, стр. 87.

тийной позиции девять десятых партии» [1].

На конференции «апрельские тезисы» господствовали безраздельно. Еще до конференции и на самой конференции против ленинских тезисов выступил Каменев. Он заявил, что не может согласиться с этими тезисами потому, что они вкорне неправильно ставят вопрос о существе власти и о существе революции, которая, по его — Каменева — мнению, являлась еще не закончившейся буржуазно-демократической революцией.

Ленин неоднократно напоминал партии известное указание Маркса и Энгельса, что марксизм — не догма, а руководство к действию. Давая оценку момента, Ленин со всей силой обрушился на тех, кто не хотел понять все своеобразие, всю сложность и всю многогранность создавшейся обстановки, вытекающей из наличия двоевластия, он издевался над заскорузлостью этих людей, не могущих понять живую жизнь и делать из нее все необходимые выводы.

Владимир Ильич любил повторять известное место из «Фауста» Гете: «Теория, друг мой, сера, а зелено вечное дерево жизни». Он подчеркивал, что надо глубоко вдумываться в сущность происходящего, учитывать события, с тем чтобы, пользуясь неизменно острым оружием марксистской диалектики, делать необходимые выводы, определять стратегию и тактику партии на каждом особом этапе революции.

Владимир Ильич разоблачал и бичевал Каменева за то, что тот сеял в массах ложную надежду на способность буржуазии решать задачи революции. Ленин говорил:

«Вопрос о «законченности» буржуазно-демократической революции поставлен неверно. Этому вопросу придана та абстрактная простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, которая не соответствует об'ективной действительности» [2].

Владимир Ильич дал должную оценку выступлению Каменева на VII Апрельской конференции, охарактеризовав его как проявление «беспомощной мелко-буржуазной революционности».

Ленин со всей резкостью осудил искажение Каменевым его мыслей относительно якобы стремления Ленина установить социализм на данном этапе революции, указав, что Каменев повторил только приемы буржуазии, также пытавшейся извратить сущность «апрельских тезисов», утверждая, что будто бы большевики призывают к немедленному введению социализма в России.

Против ленинских «апрельских тезисов» выступил на конференции и Рыков, сейчас вместе с Бухариным как враг народа изгнанный из рядов партии за свою антипартийную деятельность, направленную к восстановлению в нашей стране капитализма. Рыков утверждал, что в России невозможна победа социализма, что социализм может придти только с Запада, что русский пролетариат неспособен взять на себя инициативу социалистического переворота. Ленин дал заслуженно резкую оценку его выступления.

«Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм» [3], — говорил Владимир Ильич.

Суть всех выступлений правых оппортунистов сводилась к отрицанию учения Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Они отвергали самую возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране, целиком становясь на точку зрения Троцкого.

Вскрывая позиции правых оппортунистов в вопросе оценки февральской революции и стоявших перед пролетариатом задач, Ленин в то же время со всей резкостью разоблачил и позицию нынешнего обербандита, кровавого агента германского фашизма Троцкого. Последний вел в это время (как и всегда) борьбу с большевиками, продолжал отстаивать свою меньшевистскую теорию «перманентной революции», утверждал, что революционная Россия не сможет устоять

[1] И. Сталин. Сборник «Об Октябрьской революции», стр. 59.

[2] Ленин. Соч. Т. XX, стр. 105

[3] Там же, стр. 253

перед консервативной Европой. Следовательно, нечего было, по его мнению, и говорить о социалистической революции. Ленин еще и еще раз со всей силой подчеркивал, что лозунг Троцкого «Без царя, а правительство рабочее» ведет к отказу от революции, так как он сбрасывает со счетов крестьянство.

«Вот если бы мы, — говорил Ленин на конференции, имея в виду Троцкого, — сказали: «без царя, а диктатура пролетариата» — ну, это был бы скачок через мелкую буржуазию» [1].

Вместе с Лениным решительную борьбу против оппортунистов справа и «слева» вел товарищ Сталин. В своих статьях в «Правде», выступлениях на VII партийной (Апрельской) конференции и во всей своей революционной работе он последовательно отстаивал и проводил ленинскую линию в революции.

Партия большевиков на VII всероссийской конференции во главе с Лениным и Сталиным разгромила правооппортунистическую группу Каменева и приняла ленинскую линию.

Наряду с борьбой против правых оппортунистов партия вела непримиримую борьбу и с «левыми» оппортунистами. На VII конференции группа «левых» выступила против ленинской линии в национальном вопросе. Докладчиком по национальному вопросу от Центрального комитета партии был товарищ Сталин, который вместе с Лениным создал и разработал основы национальной политики большевиков. «Левые» (Пятаков и другие), отстаивая свою оппортунистическую позицию, занятую ими еще в годы империалистической войны, пытались доказать, что лозунг «право наций на самоопределение» является буржуазным лозунгом, так как пролетариат-де не заинтересован в самоопределении наций.

С особым антиленинским контрдокладом по национальному вопросу выступил ныне расстрелянный как бандит, террорист, вредитель, шпион и враг народа троцкист Пятаков, утверждавший, что новая эпоха империализма будто бы требует борьбы под лозунгом «прочь границы», требует уничтожения всяких границ [2].

Борясь с группой «левых», Ленин и Сталин подчеркивали, что революционная партия пролетариата обязана бороться за право наций на самоопределение. Ленин, выступая на конференции против установок Пятакова, говорил, что лозунг «прочь границы» есть полная путаница, что большевики стоят «за необходимость государства, а государство предполагает границы». Отвергать право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения — это значит «...продолжать политику царя Николая... Это — отказ от тактики интернационализма, это шовинизм худшей марки» [3].

Возражая Пятакову и другим «левым», товарищ Сталин вместе с Лениным бичевал этот николаевский шовинизм худшей марки: «Сейчас имеется движение в Финляндии, направленное в сторону обеспечения национальной свободы, имеется также борьба с ним Временного правительства. Возникает вопрос, кого поддерживать. Либо мы за политику Временного правительства, за насильственное удержание Финляндии и доведение ее прав до минимума, и тогда мы аннексионисты, либо мы льем воду на мельницу Временного правительства, либо мы за независимость Финляндии» [4].

Товарищ Сталин указывал на то, как поддерживали Маркс и Энгельс Ирландию в ее борьбе за независимость, поскольку национально-освободительное движение угнетенных народов направлено против империализма. «Мы должны поддерживать всякое движение, направленное против империализма» [5], — говорил он.

Ведя борьбу против национального гнета, большевистская партия тем самым привлекает, говорили Ленин и Сталин, угнетенные народы в качестве союзников российского пролетариата в его борьбе за власть.

Конференция разоблачила и отверг-

[1] Протоколы VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), стр. 98. Партиздат. 1934

[2] Там же, стр. 197.

[3] Ленин. Соч. Т. XX, стр. 277.

[4] Протоколы VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), стр. 209. Партиздат. 1934.

[5] Там же.

ла оппортунистическую, троцкистскую позицию Пятакова и других «левых» и приняла ленинско-сталинскую линию в национальном вопросе.

VII всероссийская конференция 1917 года имела огромное значение в истории большевистской партии и в истории мирового революционного движения. Она дала «материал к движению ко второму этапу нашей революции» [1]. Конференция эта протекала не только в условиях развивающейся российской революции, но и нарастающей международной революции. Она наметила конкретный план борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, нацелила партию большевиков на эту борьбу, дала основные стратегические лозунги в вопросе о резервах революции, приняла решение по вопросам о войне и власти, о пересмотре программы партии, создании III интернационала. Конференция наметила лозунги, под которыми партия мобилизовала массы для свержения господства капитализма, установления диктатуры пролетариата и осуществления программы твердых и неуклонных шагов к построению социализма в нашей стране.

[1] Ленин. Соч. Т. XX, стр. 283.

Руководимая Лениным и его ближайшим соратником товарищем Сталиным, наша партия все шире организовывала массы, ведя их к Великой октябрьской социалистической революции, которая дала власть в руки пролетариата и определила дальнейший ход событий, приведших в нашей стране к величайшим победам социализма, одержанным под руководством великого и мудрого вождя народов товарища Сталина и гениально записанным его рукой в Конституции СССР.

А. Шестаков

КРЕСТЬЯНСТВО
В БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1

Уже первая русская революция 1905—1907 годов показала всему миру, какую могучую революционную силу представляет собой поднявшееся под руководством пролетариата и его партии против помещиков и царского самодержавия многомилионное крестьянство России.

Под дружным напором рабочего класса и крестьянства царизм вынужден был напрячь все свои силы, чтобы на время потушить вспыхнувший революционный пожар.

В первых схватках революции 1905—1907 годов пролетариат и крестьянство получили огромный политический опыт, теснее сомкнули свои ряды, научились лучше разбираться в своих друзьях и врагах.

Партия большевиков, партия Ленина—Сталина еще в период первой революции 1905—1907 годов на своем III с'езде, в апреле 1905 года, дала четкий план развертывания буржуазно-демократической революции силами пролетариата и крестьянства и ее перехода (перерастания) в революцию социалистическую, за которую пролетариат борется в союзе с крестьянской беднотой. От победы над царизмом «в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции» [1],— писал В. И. Ленин еще в сентябре 1905 года. «Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»,—подчеркивал Владимир Ильич. В другой своей статье—«Этапы, направление и перспективы революции» — Ленин дал гениальную схему-план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Во многом эта схема-план оказалась пророческой для революции 1917 года.

«Рабочее движение разгорается в прямую революцию, при чем либеральная буржуазия уже сплотилась в конституционно-демократическую партию и думает об остановке революции путем соглашения с царизмом, но радикальные элементы бур-

[1] Ленин. Собр. соч. Т. VIII, стр. 186.

жуазии и мелкой буржуазии склоняются к союзу с пролетариатом для продолжения революции: 1905 (особенно конец)» [1].

Далее, Ленин переходит к следующему этапу революции, на котором побеждает вооруженное восстание:

«Рабочее движение побеждает в демократической революции, при пассивном выжидании либералов и при активной поддержке крестьянства. Плюс радикальная, республиканская интеллигенция и соответствующие слои мелкой буржуазии в городах. Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана. («Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства») [2].

Этого второго этапа революция 1905—1907 годов не достигла: вооруженное восстание произошло лишь в отдельных городах. Победа демократической революции в России была временно сорвана, ее подготовительные этапы растянулись до февраля 1917 года, когда она победила именно так, как указал Ленин.

С момента этой победы и начинается переход революции на социалистические рельсы, причем «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» была в основном осуществлена в форме советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, возникших сейчас же после восстания — в феврале-марте 1917 года.

Буржуазия же при помощи мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков создала Временное правительство, которое повело борьбу с революционным пролетариатом и крестьянством, стремясь отнять у них завоевания революции.

Относительно крестьянства на этом этапе перехода демократической революции в социалистическую В. И. Ленин предупреждал, что «зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже «умнеет», успокаивается, поворачивает на сторону контр-революции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату» [3]. В 1917 году это проявилось в многочисленных случаях вхождения кулаков в организованные помещиками союзы земельных собственников. Ленинский план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1905 году был гениальным предвидением хода революции в 1917 году.

На совершенно иных позициях в оценке революции 1905—1907 годов и роли крестьянства в ней, а также в оценке характера и направления демократической революции стояли меньшевики, троцкисты и эсеры. Как мелкобуржуазные партии они не шли дальше обычной буржуазной революции в духе либералов, отрицая самую возможность постановки вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Еще в 1905 году меньшевики и в их числе политический шарлатан Троцкий решительно «отвергали идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, политике союза рабочего класса с крестьянством они предпочли политику соглашения с либеральной буржуазией...» [4]

Теперешний агент фашизма, гнусный контрреволюционер Троцкий состряпал тогда тухлую теорию «перманентной революции», обнаружив еще в 1905 году свое неверие в построение социализма в одной стране, неверие в возможность преодоления при диктатуре пролетариата мелкобуржуазных тенденций крестьянства, которое Троцкий об'явил сплошь контрреволюционным.

К революции 1917 года меньшевики, троцкисты и эсеры подошли с теми же установками, какие они выдвигали еще в первой русской революции. Они не учли также того обстоятельства, что крестьянство между 1905 и 1917 годами высвободилось из-под влияния либеральной буржуазии, отошло от кадетов, повернуло в сторону партии большевиков. «История этого периода, — пишет товарищ Сталин, — есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и боль-

[1] Ленин. Собр. соч. Т. VIII, стр. 424—427.

[2] Там же, стр. 424.

[3] Там же.

[4] И. В. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 471. 10-е изд.

шевиков (пролетариат) за крестьянство. Судьбу этой борьбы решил думский период, ибо период четырех Дум послужил предметным уроком для крестьянства, а этот урок воочию показал крестьянам, что им не получить из рук кадетов ни земли, ни воли, что царь всецело за помещиков, а кадеты поддерживают царя, что единственная сила, на помощь которой можно рассчитывать, — это городские рабочие, пролетариат. Империалистская война лишь подтвердила урок думского периода, завершив отход крестьянства от буржуазии, завершив изоляцию либеральной буржуазии, ибо годы войны показали всю тщетность, всю обманчивость надежд получить мир от царя и его буржуазных союзников. Без наглядных уроков думского периода гегемония пролетариата была бы невозможна.

Так сложился союз рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции. Так сложилась гегемония (руководство) пролетариата в общей борьбе за свержение царизма, гегемония, приведшая к Февральской революции 1917 г.» [1].

Царское правительство после революции 1905 года не только не пошло ни на какие уступки крестьянству, но усиленным насаждением столыпинских хуторов и отрубов только обострило аграрный вопрос. Столыпинская земельная реформа, при которой монопольная собственность помещиков на землю осталась неприкосновенной, не устранила ни одного из кабальных, крепостнических пережитков в деревне. В 1912 году голодало свыше 30 миллионов крестьян. С крестьян драли семь шкур и банки и государство, подняв цены на землю и вдвое увеличив размеры налогов. Грабя общинные земли крестьян и передавая их кулачеству, царское правительство усиливало классовую борьбу в деревне. На этот грабеж крестьяне отвечали поджогами и избиением кулаков и царских «землеустроителей».

Империалистическая война 1914 года еще более усилила разорение бедноты и середняков в деревне. Основная масса царской армии состояла из крестьян. Из мобилизованных в 1914—1916 годах около 19 миллионов человек до 75% было взято из деревни. Деревня была лишена мужской рабочей силы. Для армии у крестьян за бесценок забирали хлеб, скот, усиливали налоги, поборы. Росли цены на товары, нужные крестьянству. Сокращались посевные площади, падала урожайность полей. Нужда и голод воцарились в деревне. Помещики и кулаки во время войны наживались на поставках в армию, на спекуляции, на скупке у бедноты за бесценок скота и инвентаря. Обесценение денег было наруку тем же помещикам, которые за заложенные в банках земли платили проценты в обесцененной валюте. Помещики и кулаки подвергали жестокой эксплоатации оставшихся в деревне стариков, женщин и детей, снижая им заработную плату, применяя труд пленных и беженцев.

«Антагонизм «крестьянства» и Марковых—Романовых—Хвостовых усилился, возрос, обострился...—писал в конце 1915 года В. И. Ленин.—...Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, то-есть за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие «*не*пролетарских народных масс» в освобождении буржуазной России от военно-феодального «империализма» (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а—для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» [2].

Усиливавшееся год от году рабочее движение в период войны находило свое отражение и в деревне. Помещики в своих заявлениях властям все чаще и чаще указывали, что настроения крестьян напоминают революционные 1905—1907 годы.

В чрезвычайно ухудшившемся в связи с войной положении широких масс и особенно крестьянства Ленин видел об'ективную возможность пол-

[1] И. В. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 35—36. 10-е изд.

[2] В. И. Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 317—318.

ной победы демократической революции в России. В связи с нарастанием революционной ситуации Владимир Ильич усиленно подчеркивал задачу борьбы за свержение самодержавия, перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, превращения империалистической войны в войну гражданскую, беспощадно разоблачая при этом меньшевистские и троцкистские теории неверия в революцию в России, в социалистическую революцию в особенности.

Меньшевики и Троцкий считали, что «крестьянство-де расслоилось, диференцировалось; его возможная революционная роль все убывала; в России невозможна «национальная» революция: «мы живем в эпоху империализма», а «империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат буржуазной нации» [1].

Так извращали перспективы и оценки движущих сил революции эти подлые ренегаты, от которых партия пролетариата избавилась на Пражской конференции 1912 года, выбросив их и формально из своей среды.

Не верившие в пролетарскую социалистическую революцию, меньшевики и Троцкий совершенно естественно не видели и не понимали значения борьбы крестьянства в назревавшей революции. Между тем эта борьба была налицо. Она шла и в годы войны с таким же неослабевающим напряжением, как и борьба пролетариата. По всей стране продолжались выступления крестьян против землеустроительной политики царского правительства настолько настойчиво, что правительство вынуждено было в 1916 году издать постановление о приостановке выделов на хутора и отруба. В этой борьбе особенное упорство проявляли женщины-крестьянки. В архивах сохранилось много дел о так называемых на полицейском языке «бабьих бунтах».

Не менее упорной была борьба и против помещиков. Крестьяне применяли по отношению к помещикам самые разнообразные «меры»: травили помещичьи посевы, увозили с полей сжатый хлеб, самовольно рубили лес, выбивали стекла в жилых строениях, сжигали помещичьи усадьбы и т. д. [2].

Одна из помещиц Киевской губернии жаловалась министру внутренних дел: «Вообще крестьяне волнуются, бунтуют, самовольно выгоняют скот на пастьбу, на поля имения, не желая платить, и говорят, что панов всех перебьют, а землю после войны отберут, что солдаты ружья правительству не отдадут» [3].

Крестьянское движение бурно развертывалось в центральном земледельческом районе, в Поволжье, на Украине, в Белоруссии. В связи с призывом населения на тыловые работы летом 1916 года начались крупнейшие восстания в Средней Азии. Весь Узбекистан, Киргизия, Казахстан, отдельные районы Туркмении и отчасти Северный Кавказ и Калмыкия с оружием в руках выступили против царизма. Выступления городских низов и крестьянских масс Средней Азии были жестоко подавлены, но в отдельных районах эта национально-освободительная борьба затянулась вплоть до февральской революции 1917 года.

По всей стране крестьяне, особенно семьи призванных в армию, прекращали уплату налогов. В 1916 году произошло 33 случая выступлений крестьян против дороговизны и спекуляции. В Нижегородской и других губерниях прошла полоса разгромов продовольственных магазинов в деревнях.

Во второй половине 1916 года начались выступления крестьян в связи с осенней мобилизацией в армию, об'явленной в самый разгар полевых работ. Особенно сильное антимобилизационное движение наблюдалось в Поволжье. Правительство было вынуждено отложить мобилизацию.

Протесты против войны стали раздаваться все чаще и чаще. В докладе петроградского охранного отделения отмечалось, что «настроение крестьян в деревне стало резко оппозици-

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 317.

[2] См. нашу книжку «Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 года». Изд. «Прибой». 1927.

[3] Я. Крастынь «Революционная борьба крестьян в годы империалистической войны», стр. 58. Международный аграрный институт. 1932.

онным не только по отношению к правительству, но даже и к другим классам населения»[1].

В том же докладе приводилась следующая цифровая табличка (оговаривалась ее неполнота) о различных видах выступлений крестьян в годы войны (по материалам департамента полиции):

Виды выступлений	1914 г.	1915 г.	1916 г.	Всего
Выступления против помещиков	18	19	13	50
Выступления против сельской буржуазии	10	14	7	31
Выступления против местной власти	41	2	4	47
Выступления против мобилизации и реквизиций	1	—	2	3
Выступления против монополии рыбной торговли	10	1	3	14
Выступления против спекуляции и дороговизны	—	—	33	33
Итого	80	36	62	178[2]

Если принять во внимание, что крестьянское движение в годы войны развертывалось при отсутствии наиболее передовой части мужского населения, мобилизованной в армию, то степень революционного кипения должна быть признана еще более высокой.

Возросшая борьба пролетариата, волнения в войсках — в тылу и на фронте, национально-освободительное движение в царских колониях и выступления оставшегося в деревне крестьянства — вот картина состояния классовой борьбы накануне февральской революции 1917 года. Революционная ситуация была налицо.

2

Главный удар революции произошел в центре страны и в столице Российской империи — в Петрограде. Начавшаяся здесь революция получила огромный резонанс, развязав все силы революции не только в городах, но и в деревне.

С момента, когда вооруженные массы пролетариата и крестьян, одетые в солдатские шинели, сбросили власть царя и установили власть советов рабочих и солдатских депутатов, активность крестьянства в деревне значительно возросла: начались массовый разгром усадеб, поджоги, самовольные обыски и аресты помещиков и их служащих.

В официальном сообщении министерства внутренних дел Временного правительства указывалось, что «самоуправства и насилия приняли особенно резкий характер в тех имениях, владельцы которых подозревались в измене родине и носили немецкие фамилии»[3]. Эта гнилая попытка буржуазного Временного правительства свести крестьянские выступления на рельсы шовинизма явно несостоятельна, так как имеется масса сведений о захватах земель и у чисто русских помещиков.

Из телеграмм министерства внутренних дел можно видеть, как эти выступления, начиная с марта 1917 года, разрастались все шире и шире. «Захвачено имение вооруженными дезертирами из местных крестьян», — гласит одна телеграмма. «Крестьяне потребовали от землевладельца передачи имения, и удален по требованиям крестьян управляющий», — таково содержание второй телеграммы. «Крестьяне заявили, что не дадут обсевать яровые поля» — и т. д. и т. д.

Приведем несколько примеров из «сведений, поступивших в главное управление милиции» Временного правительства о крестьянском движении за март 1917 года.

Курская губерния: «11 марта крестьяне под предводительством двух вооруженных солдат произвели нападение и частичный грабеж в имении «Александровка» Сергиевской вол., Фатежского уезда. Беспорядки угрожают всему уезду. Призваны войска, дано знать воинскому начальнику».

Тульская губерния: «В Астапове крестьяне грабят и уничтожают запасы и инвентарь сельского хозяйства окружных имений... В Ряжском

[1] Я. Крастынь. Цит. соч., стр. 83.
[2] Там же, стр. 86.

[3] А. В. Шестаков (Никодим) «Очерки по с.-х. и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 года», стр. 130. Изд. «Прибой». 1927.

уезде, в имении Трубецкого, крестьяне требуют передачи им имения, коим хотят управлять сами...»

Пензенская губерния: «В имениях Маковой и Деконской, при селе Пяткинском и деревне Лыковщине, Саранского уезда, местные крестьяне и татары громят постройки, рубят и увозят лес, угрожают сжечь усадьбу».

Самарская губерния: «Алексеевская экономия графа Орлова-Денисова разгромлена толпой, служащие разбежались...»

Волынская губерния: «Сожжено 6 имений при селе Дедовичи...»

Ярославская губерния: «В Рыбинском уезде сожжено имение Некрасова».

Могилевская губерния: «В Рогачевском уезде крестьяне грабят и жгут имения».

Витебская губерния: «Захвачено имение «Заболотье» Семеновой... вооруженными дезертирами из местных крестьян».

Новгородская губерния: «Беспорядки в окрестностях ст. Веребье».

Разгромы имений происходили в губерниях Псковской, Уфимской, Эстляндской и других.

В апреле и мае 1917 года движение крестьян развертывается еще шире и глубже, охватив почти всю страну.

Крестьяне снимают с работ батраков, пленных, реквизируют сельскохозяйственные орудия, рабочий скот и т. д. Необходимо отметить, что все это делалось по письменным постановлениям крестьянских организаций, с указанием на народную власть и государственную необходимость. Во многих местах помещики бежали из имений и бросали свои хозяйства на произвол судьбы.

Одновременно шла борьба крестьян за улучшение условий труда в помещичьих имениях: вводился восьмичасовой рабочий день и повышенная заработная плата; устранялись приказчики, заменявшиеся представителями сельских обществ; устанавливались пониженные арендные цены или помещикам совсем отказывали в уплате аренды за землю.

Крестьянские выступления были направлены не только против помещиков, но и против тех условий, которые были установлены за пользование землей на государственных и удельных землях. Крестьяне перестали также считаться с «божественными» правами церквей и монастырей на землю и захватывали их владения. Крестьянское движение распространялось и на купеческие и кулацкие земельные владения.

13 апреля 1917 года глава Временного правительства князь Львов вынужден был разослать по телеграфу циркуляр всем губернским комиссарам с предложением «всей силой закона прекращать проявления всякого насилия и грабежа». Князь Львов ссылался при этом на то, что «в последние дни во Временное правительство поступают многочисленные телеграфные личные заявления об арестах и самовольных действиях отдельных сельских обществ, волостных комитетов, лишающих землевладельцев, как крупных, так и мелких, возможности исполнить свой долг перед государством, засеяв в пределах имеющихся у них возможностей им принадлежащие земли». В том же циркуляре, далее, говорилось о недопустимости самовольного разрешения крестьянством земельного вопроса и применяемых им мер против землевладельцев.

В телеграмме товарища министра внутренних дел князя Урусова комиссарам губерний предлагалось в связи с усилением крестьянского движения выпустить особые воззвания к населению, а также принять меры «к ограждению имуществ, инвентаря, свободы каждого владельца распоряжаться своей землей» [1].

Такую форму приняло крестьянское движение на первом этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Эта борьба крестьянских масс, будучи продолжением революционных действий крестьянства периода первой революции, являлась опорой для

---

[1] Сведения о крестьянском движении и телеграфные распоряжения князей Львова и Урусова опубликованы в книге Центрархива «1917 год в документах и материалах». Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. «Крестьянское движение в 1917 году», стр. 3—8, 404—405—406. Гиз. 1927.

пролетариата при переходе на следующий этап социалистической революции.

3

Одновременно с борьбой крестьянства за землю в первые месяцы 1917 года происходила в деревне и политическая борьба крестьянства с остатками старого строя: земскими начальниками, полицией, волостными старшинами и пр. Крестьянство решительно отказывалось иметь какие-либо дела с земскими начальниками, изгоняло старую полицию и волостных старшин и устанавливало свои новые, выборные учреждения вместо старых волостных и сельских управлений. Крестьянство упорно добивалось организации своих «исполнительных комитетов», комитетов народной власти, волостных земских советов и т. д., которые вскоре и стали нормальными органами крестьянской власти в деревне, отражая прежде всего в своей деятельности попытку крестьянства охватить своим влиянием всю хозяйственную и политическую жизнь того или иного района. Эти новые органы власти крестьянства вмешивались и в отношения крестьян с помещиками, с государственными и удельными владениями, церковным и монастырским землевладением. Они же регулировали вопросы обложения, продовольствия, судопроизводства и т. д.

Центральным пунктом борьбы новых органов самоуправления в деревне был земельный вопрос. Для его разрешения крестьянские организации выдвигали ряд мероприятий, чаще всего практикуя вынесение постановлений о насильственных захватах земель. «Самочинные» действия крестьянских масс также санкционировались этими новыми, демократическими крестьянскими организациями.

«Комитеты, — писала одна из уездных газет Воронежской губернии, — выработали ряд мер и предложений, направленных к поддержанию и укреплению нового строя; была избрана милиция, запрещена процветавшая перед этим тайная продажа денатурата; высказано пожелание о скорейшем созыве Учредительного собрания и об отобрании и передаче в руки трудящегося населения частновладельческих, монастырских и церковных земель и лесов»[1].

«Волостные комитеты прежде всего приступили к разоружению полиции, — сообщал корреспондент Бирюченского уезда, Воронежской губернии, — часть взятого у стражников и урядников оружия была сдана в уездный город, а часть осталась на местах и затем была передана образовавшейся скоро милиции. Затем комитеты начали борьбу со сторонниками старого режима. Среди них оказалось несколько священников. Было составлено несколько приговоров об удалении таких священников. Старый суд более не существует, судебные дела разбирают по совести волостные исполнительные комитеты. Затем комитеты обратили внимание на торговцев и постарались определить цены на товары первой необходимости так, чтобы в пользу торговцев оставался незначительный процент. Затем были закрыты местные попечительства о семьях запасных, которые слишком плохо вели свои дела. На место их устроены новые попечительства из лиц, заслуживающих доверие населения»[2].

В том же номере газеты корреспондент Новохоперского уезда, сообщая о возникновении волостных комитетов, указывает, что они «образовались самочинно, по почину самого населения», что крестьянство «враждебно настроено против церковных школ и требует скорейшей реформы школ земских и устройства ремесленных училищ и сельских гимназий».

Таким образом, из приведенных примеров видно, что крестьянские демократические организации, возникая «самочинно», очень быстро взяли на себя все функции управления общественной жизнью деревни и явились в ней органами революционной власти.

Буржуазное Временное правительство, стремясь прибрать к своим ру-

---

[1] «Бобровская речь» № 8 от 9 апреля 1917 года (разрядка наша. — **А. Ш.**).

[2] «Известия Воронежского губернского исполнительного комитета» № 4 от 13 апреля 1917 года.

кам эти крестьянские организации, ввело их в систему своих уездных и губернских общественных организаций и через них стремилось приостановить аграрное движение. Уездным и губернским комиссарам Временного правительства рекомендовалось вводить в волостные исполнительные комитеты помещиков, попов и «другие интеллигентные силы деревни» с целью подчинить их влиянию крестьянские массы. Но крестьяне упорно не допускали в комитеты своих классовых врагов.

Для борьбы с крестьянским движением Временное правительство издало постановление об организации в деревне волостных земельных комитетов, в состав которых должны были входить, кроме представителей крестьянства, также и представители земства, суда и другие чиновники на местах. При земельных комитетах были организованы особые примирительные камеры, в которые входили на равных правах представители крестьянства и землевладельцев-помещиков. По мысли буржуазного Временного правительства, земельные комитеты и примирительные комиссии должны были регулировать «земельные и сельскохозяйственные» отношения между крестьянами и помещиками.

Но крестьянские демократические организации, в их числе и земельные комитеты, не оправдали этих надежд князей Львовых и Урусовых. Вместо орудия для удушения революции в деревне они большей частью становились органами крестьянского движения, органами политической борьбы крестьянства с помещиками и буржуазией.

Наряду с этими низовыми крестьянскими демократическими организациями вскоре стали создаваться советы крестьянских депутатов, которые стояли несколько особняком от исполнительных, земельных и продовольственных комитетов деревни.

Организации советов крестьянских депутатов возникли с конца марта—начала апреля 1917 года. Идею советов крестьянских депутатов выдвигали не только большевики, но и эсеры и «Крестьянский союз».

Разница между большевиками и мелкобуржуазными демократами — эсерами и деятелями «Крестьянского союза» — в вопросе о задачах советов крестьянских депутатов сводилась к следующему: большевики считали, что советы крестьянских депутатов в деревне должны иметь такую же полноту власти, как и советы рабочих депутатов в городе; эсеры же и деятели «Крестьянского союза» рассматривали крестьянские советы как органы, которые должны лишь контролировать деятельность «официальных» крестьянских организаций. Иными словами, они выдвигали тот же принцип двоевластия, который имел печальные последствия для советов в городах, когда буржуазное Временное правительство, закрепившись на своих позициях, постепенно через предателей революции — меньшевиков и эсеров — свело нанет права рабочих и солдатских депутатов.

Кроме того эсеры и деятели «Крестьянского союза», подчиняя советы крестьянских депутатов своему влиянию, старались превратить их в подсобные органы своей политической организации, стремясь через советы крестьянских депутатов провести в Учредительное собрание и общественные органы своих представителей.

Эсеры и «Крестьянский союз» также старались проводить через советы крестьянских депутатов свою контрреволюционную политическую линию в деревне, задерживая не только перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, но тормозя и развитие буржуазной линии революции, особенно в вопросе немедленной ликвидации помещичьего землевладения.

С контрреволюционным влиянием эсеров и «Крестьянского союза» на крестьянство боролась только одна партия — партия пролетариата, партия Ленина — Сталина.

4

Борьба крестьянских масс за уничтожение помещичьего землевладения, за установление своих демократических организаций, за преодоление хозяйственной и продовольственной разрухи, вызванной войной, была

тесно связана с борьбой пролетариата в городе.

Буржуазия напрягала все силы, стремясь сохранить остатки старого строя как в области политической, так и в области экономической. В этом ей оказывали помощь начавшие к этому времени организовываться союзы земельных собственников, об'единявшие помещиков-крепостников с отработочной системой хозяйства и помещиков капиталистического типа, а также кулачество. Сращивание на единой контрреволюционной платформе помещиков и буржуазии выразилось в целом ряде распоряжений министра-председателя Временного правительства князя Львова, боровшегося за сохранение помещичьего землевладения и применявшего, при поддержке эсеров и меньшевиков, всякого рода репрессивные меры к удушению развертывавшегося революционного движения в деревне.

Таким образом, уже на первом этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую начал складываться блок черносотенных помещиков, буржуазии и мелкобуржуазных демократов против блока рабочего класса с трудовыми массами крестьянства.

Помещики и партия буржуазии — кадеты — никакого влияния на революционное крестьянство уже не имели. Крестьянство на опыте четырех Дум знало, что от партии кадетов им не получить ни земли, ни воли. Помещики же были явными врагами. Поэтому-то буржуазия и поддерживала в деревне своих ставленников — мелкобуржуазных демократов-эсеров, оказывая им всяческую помощь. На первых порах крестьянские массы, не разобравшись в своих новоявленных друзьях, обманывавших их направо и налево, попадают под их влияние.

Товарищ Сталин указывает, что крестьянство, «отчалив от кадетов и причалив к эс-эрам, пришло вместе с тем к необходимости подчиниться руководству такого мужественного вождя революции, как русский пролетариат» [1].

Это произошло не сразу: понадобилось восемь месяцев революции, период между буржуазно-демократической февральской и социалистической Октябрьской революциями 1917 года, которые привели крестьянство к прямому сплочению вокруг пролетариата. «Характерной чертой этого периода,— пишет товарищ Сталин,— является дальнейшее революционизирование крестьянства, его разочарование в эс-эрах, о т х о д крестьянства от эс-эров, новый п о в о р о т крестьянства в сторону п р я м о г о с п л о ч е н и я вокруг пролетариата, как единственной до конца революционной силы, способной привести страну к миру» [2].

И далее товарищ Сталин указывает: «История этого периода есть история борьбы эс-эров (мелко-буржуазная демократия) и большевиков (пролетарская демократия) за крестьянство, за овладение большинством крестьянства. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эс-эров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эс-эров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, восстание Корнилова» [3].

На первом этапе борьба большевиков за крестьянство (до майского с'езда советов крестьянских депутатов) с эсерами и деятелями «Крестьянского союза», энергично проникавшими в деревню, была организационно недостаточно налажена. Пролетариату прежде всего приходилось собирать свои силы в городах, отстаивать свои революционные позиции не только от буржуазии и ее прихвостней — меньшевиков и эсеров, — но и от тех предателей революции, которые проникли в ряды партии большевиков. Это были трижды презренные Каменев и Зиновьев и их сторонники, ставшие потом наемниками фашистов в борьбе за реставрацию капиталистического строя в СССР. В первые же дни революции они выступили против дальнейшего развертывания революции в социалистиче-

---

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 37—38. 10-е изд.

[2] Там же.

[3] Там же.

ском направлении, за поддержку Временного правительства. Они вели борьбу с апрельскими тезисами Ленина, отрицали возможность перерастания буржуазно - демократической революции в социалистическую, не верили в возможность построения социализма в одной стране, в возможность использования крестьянских масс как резерва революции.

Революционной партии Ленина—Сталина приходилось преодолевать и эти враждебные и контрреволюционные течения, с тем чтобы развернуть свое влияние на крестьянские массы. Борьба партии большевиков за освобождение крестьянства из-под влияния эсеров и «Крестьянского союза» развертывается более полно лишь в мае 1917 года. Но было бы неправильно считать, что и до этого времени большевики не занимались политическим воспитанием и организацией крестьянских масс.

С момента своего возникновения партия большевиков стояла за союз рабочего класса и крестьянства. В первой русской революции 1905—1907 годов большевики оказывали огромное влияние на крестьянство, поднимая его на восстание, политически воспитывая его, организуя его боевые, революционные силы.

Ту же политику по отношению к крестьянству большевики проводили и в период «между двумя революциями». С первых же дней революции 1917 года большевики были единственной партией, которая повела агитацию за немедленную и решительную ликвидацию помещичьего землевладения, за прекращение империалистической войны, за переход к социалистической революции. Большевики неуклонно, изо дня в день, вели пропаганду среди многомиллионных масс крестьянства и в первую очередь среди солдат.

Митинги и собрания, устраивавшиеся рабочими-большевиками по деревням, с решительными протестами против Временного правительства, с разоблачением контрреволюционной сути партии эсеров и «Крестьянского союза», действовали революционизирующе на крестьянские массы.

В этот период, когда разорение крестьянства дошло до крайних пределов, когда голод стучался не только в рабочие, но и крестьянские двери, только партия большевиков указала выход — «кончить войну».

Вырваться из войны — это был общий крик истомившейся страны и прежде всего крестьянства. «Но, чтобы вырваться из войны, необходимо было свергнуть Временное правительство, необходимо было свергнуть власть буржуазии, необходимо было свергнуть власть эс-эров и меньшевиков, ибо они и только они затягивали войну до «победного конца». Иного пути выхода из войны, как через свержение буржуазии, не оказалось на практике» [1].

С большим трудом, медленно, но настойчиво и неуклонно проникала в сознание крестьянских масс пропаганда большевиков, разоблачающая предателей революции — эсеров и меньшевиков. Подготовляя крестьянские массы к свержению Временного правительства, к установлению власти пролетариата, рабочие раз'езжались по деревням, распространяя эти идеи в широких крестьянских массах. Эту же работу проводили в деревне и солдаты, ознакомившиеся на фронте и особенно в городах со взглядами большевиков.

Апрельская демонстрация, направленная против внешней политики Временного правительства, также сыграла огромную роль в воспитании рабочих и крестьянских масс в большевистском духе. В дальнейшем этот процесс развертывается более быстрыми темпами в связи с окрепшим влиянием партии большевиков среди широких рабочих масс и среди солдат — в казармах и на фронте.

Колоссальное значение в большевистском воспитании крестьянских масс имели выступления В. И. Ленина и работа М. В. Фрунзе на майском с'езде советов крестьянских депутатов в 1917 году, но это уже является темой особой статьи.

---

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 38.

И. Погорелый

БОЛЬШЕВИКИ УКРАИНЫ В БОРЬБЕ С ПЯТАКОВЩИНОЙ

(ПЕРИОД VII (АПРЕЛЬСКОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ 1917 года)

1

Борьба за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, за завоевание большинства рабочего класса и за отрыв трудящихся масс крестьянства от соглашательских партий происходила на Украине, как и в ряде других окраин, в сложной и трудной обстановке. Вместе с русской буржуазией здесь на борьбу против дальнейшего развития революции выступили под прикрытием «общенационального» движения украинская буржуазия и помещики.

В прошлом Украина — одна из колоний царской России. Здесь усиленно проводилась в жизнь черносотенная, националистическая политика царизма. Украинский народ испытывал жесточайший колониальный гнет. Февральская революция дала мощный толчок национально-освободительному движению, и украинская буржуазия пыталась прибрать это движение к своим рукам с целью использовать его для создания собственного, буржуазного национального государства.

«В эпоху буржуазной революции в России (с февраля 1917 г.) национальное движение на окраинах, — писал товарищ Сталин, — носило характер буржуазно-освободительного движения. Окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями. Во главе движения шла национальная, буржуазно-демократическая интеллигенция... Право наций на самоопределение толковалось, как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования «своего» национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов» [1].

После февральского переворота на Украине возникает так называемая Центральная рада, вокруг которой мобилизовала свои силы украинская буржуазия. Буржуазно-кулацкие элементы, украинская националистическая интеллигенция, офицеры из украинизованных воинских частей и пр. были представлены в Раде четырьмя партиями: 1) социалистами-федералистами—чисто буржуазной организацией, программные требования которой сводились к довольно куцой автономии; 2) социалистами - самостийниками — партией ярко кулацкого типа, открыто проповедывавшей зоологическую ненависть к русским, евреям и другим «инородцам»; социалисты-самостийники раньше других партий стали ориентироваться на Германию, выдвигавшую лозунг «самостийности» как средство отрыва Украины от русской революции; 3) украинскими социал-демократами — типичными меньшевиками, представители которых — Винниченко, Петлюра и другие — играли руководящую роль в Центральной раде, и 4) украинскими социалистами-революционерами — кулацкой по своему существу партией, возникшей после февраля 1917 года. К ней примкнул представитель украинской либеральной буржуазии, идеолог украинского национализма Грушевский. Он был бессменным председателем Центральной рады, вплоть до ее разгона в апреле 1918 года его же друзьями — немецкими оккупантами, подарившими Украине вместо Рады гетмана Скоропадского.

Борьбу за свое классовое господство украинская буржуазия проводила под флагом национальной борьбы,

[1] И. Сталин. Сборник «Марксизм и национально - колониальный вопрос», стр. 51.

маскируясь «теорией» безбуржуазности украинской нации. За Радой на первых порах пошли значительные, преимущественно зажиточные крестьянские массы.

Классовую природу и стремления Центральной рады, как и других подобного рода «общенациональных» институтов, возникших на окраинах России, товарищ Сталин определил так:

«Буржуазные по природе, они вовсе не хотели разрушать старый буржуазный мир, — наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами. Империалистические по существу, они вовсе не хотели рвать с империализмом» [1].

В борьбе против дальнейшего развития революции, в борьбе против диктатуры пролетариата, украинскую буржуазную Центральную раду поддержали все контрреволюционные силы России, начиная с меньшевиков и эсеров и кончая открытыми белогвардейцами, а также Антанта и немецкий империализм.

В сложных условиях борьбы за пролетарскую революцию на Украине нужно было особенно четко проводить линию партии и крепить единство рядов большевистских организаций. Ленинский план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, ленинская программа в национальном вопросе давали большевикам Украины, как и всей партии в целом, абсолютно четкие установки в борьбе за диктатуру пролетариата.

2

После февральской революции большевистские организации всех основных пролетарских центров Украины (в Екатеринославе, Харькове, Киеве, Луганске) вышли из подполья в форме самостоятельных организаций, не имеющих никакой связи с меньшевиками. Очень скоро оформились большевистские организации в крупнейших районах Донбасса: в Юзовке, где во главе большевистской организации стоял некоторое время Л. М. Каганович, в Макеевке, Горловке, Енакиеве, Щербиновке, на Краматорском заводе, в Ясиноватских шахтах, а также в Чернигове, Виннице, Конотопе, Шостке и других пунктах.

Но в то же время в ряде городов Украины, как например в Одессе, Николаеве, Херсоне, Елисаветграде, Кременчуге, Полтаве, Житомире и других, большевики состояли в об'единенных с меньшевиками организациях. И хотя большевики сплошь и рядом, находясь в об'единенных организациях, проводили свою самостоятельную линию, не подчиняясь меньшевикам, все же такое положение сказывалось отрицательно на политической активности большевиков.

Большевики по выходе из подполья сразу развили огромную организационную работу, стремясь сплотить пролетариат в единую силу, направленную на дальнейшее развитие революции. Они разоблачали перед массами буржуазную природу Временного правительства, боролись против империалистической войны.

Мощной опорой большевиков в их деятельности стали крупнейшие заводы Украины: в Харькове — завод Всеобщей компании электричества, эвакуированный во время войны из Риги, и мастерские Южных железных дорог; в Екатеринославе—завод Брянского общества; в Киеве — арсенал.

Очень сильно было влияние большевиков в Донбассе, особенно в Луганске, где и в 1905 году, и во время войны, и с начала февральской революции работал К. Е. Ворошилов. На апрельской конференции делегат от Донецкого бассейна рисовал следующую картину положения в Луганске в первые дни после февральской революции:

«Луганск издавна находится в руках большевиков. До революции здесь насчитывалось 90—100 большевиков, теперь их 1½ тысячи. Организованы союзы металлистов, портных, находящиеся под влиянием большевиков. Завязывается связь с военной организацией и крестьянством... В Совете р. и с. депутатов не было большевиков, но это рабочий район, и совет инстинктивно идет за большевиками. Сейчас фактически Луганск в руках рабочих. Если будут еще работники, то

[1] И. Сталин. Сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 53.

власть, несомненно, будет в руках большевиков» [1].

Такое положение в общем было и в других районах Донбасса. В Макеевке, например, по словам того же делегата, «шахтеры всюду: в комиссариатах и милиции, в Совете р. и с. депутатов, они занимают даже должности судей. Все организации в руках шахтеров, так что шахтеры полноправные хозяева рудников. Если туда послать работников, то Донецкий бассейн опередит всех» [2].

В начале марта 1917 года Макеевский районный комитет РСДРП (большевиков) созвал широкую партийную конференцию. Решения этой конференции в основном сводились к следующему: проводить агитацию против империалистической войны и раз'яснять массам причины и цели этой войны; не оказывать никакой поддержки Временному правительству и в то же время укреплять советы рабочих депутатов; вести борьбу против «общественных комитетов», разоблачая их половинчатость и мелкобуржуазность; организовать союз горняков; на предприятиях вводить явочным порядком 8-часовой рабочий день и т. д.

В Горловско-Щербиновском районе под руководством большевиков на рудниках была обезоружена и арестована полиция и создана своя милиция, в рядах которой было много членов партии. Были организованы советы, и проводилась большая организационная работа в направлении об'единения большевистских организаций всего Горловско-Щербиновского района, а также об'единения рудничных советов.

Дружный протест горняков вызвала апрельская нота Милюкова к союзникам, в которой Временное правительство заявляло о своем намерении продолжать войну до победного конца. Митинги и демонстрации протеста против этой ноты, организованные и проведенные большевиками, еще больше усилили авторитет большевиков. Партийные ряды стали быстро пополняться наиболее активными и сознательными рабочими из шахтерской массы.

Яркой иллюстрацией того, как сильно росло влияние большевиков среди шахтеров, служат постановления общих собраний шахтеров на Неленовском и Щербиновском рудниках о вступлении всех рабочих в большевистскую организацию. Пришлось раз'яснять рабочим, почему этого нельзя делать.

В то же время влияние меньшевиков и эсеров на массы в Донбассе быстро падало. Их организации почти полностью состояли из местной интеллигенции и рудничной администрации. Своими лозунгами «обороны отечества» и поддержки Временного правительства они отталкивали массы от себя.

Ту же картину роста влияния большевиков мы видим в Екатеринославской организации, до революции насчитывавшей в своих рядах 400 человек, а ко времени апрельской конференции нашей партии — до 1½ тысяч членов.

По словам делегата от Екатеринослава на апрельской конференции, положение там в общем было таково:

«Профессиональные союзы организованы большевиками и находятся под большевистским влиянием. Введен 8-часовой рабочий день. На некоторых заводах установлен контроль над производством. В совете р. и с. депутатов преобладают количественно ликвидаторы» [3].

В Екатеринославе начал выходить большевистский орган «Звезда». В марте 1917 года здесь состоялась конференция местных большевистских организаций, на которой присутствовали представители Донбасса. В решении этой конференции записано:

«Все ужасы капитализма данная революция уничтожить не может... Нашим девизом должна быть социальная революция. Путь к ней мы видим в широком укреплении наших классовых позиций, в создании целого ряда революционных организаций и в неутомимой пропаганде коммунизма... Мы должны бороться за проведение в

---

[1] Протоколы VII (апрельской) конференции, стр. 144. 1934.
[2] Там же, стр. 145.
[3] Там же, стр. 144.

жизнь максимальных требований демократии и за передачу власти в руки всего народа... мы признаем необходимым принять ближайшее участие в создании революционного совета рабочих депутатов и направлении его деятельности соответственно нашим интересам и лозунгам, которые выражены в программе РСДРП»[1].

Одновременно с этим конференция принимает постановление об организации боевых дружин.

Харьковская организация большевиков, выйдя из подполья, в первые же дни быстро пополнилась членами партии, вышедшими из тюрьмы (после февральской революции в Харькове вышло из тюрьмы около 40 большевиков). Возрастающее влияние большевиков на массы отразилось в довольно быстром росте партийной организации. Вскоре в Харькове были созданы районные организации и налажена связь с организациями Донбасса и Екатеринослава.

В марте вышел первый номер харьковской большевистской газеты «Пролетарий».

В основном Харьковская организация правильно ориентировалась в новой обстановке. Свою главную задачу она видела в необходимости организации борьбы за продолжение революции. Несмотря на жестокие преследования со стороны царизма, которые испытывали большевики во время войны, Харьковской организации удавалось поддерживать систематическую связь с ЦК партии и Петроградским комитетом большевиков. Это определило правильность партийной линии, взятой Харьковской организацией.

Вообще нужно подчеркнуть, что большевики Украины еще до апрельской конференции в основном правильно оценили события и ориентировали массы на дальнейшую борьбу.

В то же время необходимо отметить, что все же влияние меньшевиков на массы в первое время после февральской революции на Украине было еще сильно. Большевикам Украины пришлось провести огромную борьбу с меньшевиками, эсерами и украинскими националистами, чтобы завоевать массы. Эта борьба оказалась успешной потому, что большевики Украины решительно разгромили оппортунистические элементы, находившиеся в рядах партии и представлявшие в ней меньшевистскую агентуру.

Влияние этих оппортунистических элементов сказалось, например, в стремлении толкнуть большевиков на путь об'единения с меньшевиками, что фактически означало отход от большевистских позиций.

Характерна в этом отношении Одесская организация. До октября 1917 года она была об'единена с меньшевиками - интернационалистами, которые в губернском комитете были представлены в большинстве. Вследствие такого положения большевистская организация Одессы не входила в Югозападное об'единение большевистских организаций, созданное Киевской организацией большевиков.

Тенденция на об'единение с меньшевиками наблюдалась, например, среди некоторых членов Харьковской организации. Вопрос об об'единении был поднят харьковским меньшевистским временным комитетом, предлагавшим большевистской организации об'единиться с ним в одну общую автономную харьковскую организацию, независимую от центральных учреждений партии. Это предложение нашло отклик лишь среди незначительной части Харьковского комитета. Наиболее активную поддержку ему оказали Лугановский, Борщевский, Кин и другие. Но это была незначительная группка. Основная масса Харьковской организации большевиков была решительно против об'единения, базируя свое отношение к этому вопросу на решениях бернской конференции заграничных секций РСДРП 1915 года.

На общем собрании членов РСДРП(б) Харькова, состоявшемся в начале апреля, обсуждался вопрос об об'единении, и предложение представителя от меньшевистского организационного комитета было решительно отвергнуто подавляющим большинством голосов.

В Харьковской организации нашла свое отражение и оборонческая, по

[1] «История КП(б)У в материалах и документах». Вып. 2-й, стр. 68—69.

существу меньшевистская, троцкистская позиция Каменева. Но каменевская позиция была разбита, и, когда были получены апрельские тезисы Ленина, Харьковская организация полностью поддержала этот ленинский план дальнейшей борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, за установление диктатуры пролетариата, за построение социалистического общества.

Екатеринославские большевики в организационную связь с меньшевиками не входили. Но в Екатеринославском комитете были оппортунисты, агитировавшие за об'единение с меньшевиками. Два члена большевистской фракции всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшегося в конце марта 1917 года в Петрограде, возвратившись с этого совещания в Екатеринослав, начали активно толкать Екатеринославскую большевистскую организацию на путь об'единения с меньшевиками. Но их усилия не увенчались успехом. Активную борьбу с этими «соглашателями» вел в тот период Я. А. Яковлев (Эпштейн).

Правда, позже, при выборах в городскую думу, Екатеринославский комитет вынес решение о так называемом техническом соглашении с меньшевиками: имелось в виду выставление общего с меньшевиками списка; по существу, это была резолюция о блоке. Но когда решение комитета было поставлено на обсуждение общего собрания, последнее подавляющим большинством с негодованием отклонило предложение блока с меньшевиками.

3

Положение в Киеве в этот период было гораздо сложнее чем в других городах благодаря тому, что там работал недавно разоблаченный как японо-немецкий шпион и диверсант фашист-троцкист Ю. Пятаков, возглавлявший в то время Киевскую большевистскую организацию. Всевозможными способами он стремился дезориентировать ее в идейном отношении. Благодаря Ю. Пятакову и Евгении Бош меньшевистско-троцкистская позиция Каменева в отношении судеб революции в России нашла отражение в Киевском комитете.

Пятаков, возвратившийся в марте 1917 года из-за границы, хотя был достаточно осведомлен о последних директивных указаниях Ленина в вопросах революции (об этом свидетельствует и Евгения Бош в своей книге «Год борьбы»), занялся в Киеве выработкой самостоятельной платформы, установка которой целиком совпадала с позицией Каменева.

В основе платформы, разработанной и предложенной Пятаковым Киевскому комитету, лежало троцкистское отрицание возможности победы социалистической революции в России. Это положение было сформулировано так:

«Развитие производительных сил и социальная мощь пролетариата не достигли в России того уровня, при котором рабочий класс может совершить социалистический переворот» [1].

В соответствии с этим контрреволюционным, троцкистским положением в платформе не ставился вопрос о дальнейшем развитии нашей революции, о ее перерастании из буржуазно-демократической в социалистическую. Наоборот, Пятаков обещал Временному правительству «поддержку и не на словах только, но и на деле» [2].

Пятаков не случайно занял такую позицию в 1917 году: еще до революции, в 1915 году, заграницей антиленинская группа Бухарина — Пятакова пыталась обосновать свою, особую от ЦК линию, в частности выступила против большевистских лозунгов о войне, против ленинской программы по национальному вопросу о праве наций на самоопределение, воспевая в то же время троцкистский лозунг о «Соединенных штатах Европы». Фактически Пятаков еще до революции был уже сложившимся идеологом троцкизма, он уже тогда стоял на точке зрения отрицания возможности победы пролетарской революции и строительства социализма в одной стране.

[1] Хроника «1917 год на Киевщине», стр. 470.
[2] Там же.

Ленин в своей статье «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», написанной в 1916 году в ответ на статью Ю. Пятакова «Пролетариат и право наций на самоопределение в эпоху финансового капитала» (подписанную псевдонимом «П. Киевский»), до конца разоблачил враждебные марксизму взгляды Пятакова, характеризуя их как карикатуру на марксизм.

Апрельские тезисы Ленина Пятаков и Евгения Бош встретили в штыки. Прежде всего Пятаков позаботился о том, чтобы ленинские тезисы не были доведены до сведения партийной организации. 15 апреля состоялось партийное собрание Киевской организации, посвященное обсуждению подготовки нашей партии к апрельской конференции. По вопросу о ленинских тезисах умышленно не делалось доклада, и самые тезисы не были зачитаны. Взамен этого партийному собранию предложена была для поддержки резолюция, принятая накануне на заседании комитета (далеко не всеми членами комитета), о том, что комитет ленинские тезисы не принимает.

Выступления Пятакова и Евгении Бош на этом собрании носили характер резких выпадов против ленинской линии и лично против Ленина как вождя нашей партии. И все же несмотря на выступления Пятакова, развивавшего свои меньшевистско-троцкистские взгляды, партийное собрание Пятакова не поддержало. Собрание постановило, что вопросы, «поднятые в тезисах Ленина, очень важные и сложные». При этом оно не приняло определенную резолюцию о своем отношении к ним и назначило специальное собрание в ближайшие дни.

Кроме этого собрание постановило опубликовать ленинские тезисы в своей газете «Голос социал-демократа». Таким образом партийная масса подчеркнула свою солидарность с ленинской линией.

В дальнейшем борьба развернулась вокруг выборов делегатов на апрельскую конференцию. Пятаков всеми способами добивался того, чтобы делегатами были избраны противники ленинских тезисов. Ввиду отклонения общим собранием антиленинской резолюции комитета о тезисах Ленина и избрания на конференцию М. Петрова (М. А. Савельева), отказавшегося поддерживать платформу Киевского комитета и защищавшего ленинские тезисы, Пятаков предпринимает демагогический прием: он об'являет решение комитета о сложении полномочий. Только таким путем ему удалось добиться посылки еще одного делегата на конференцию, сторонника его точки зрения — Евгении Бош.

Меньшевистско-троцкистская позиция Ю. Пятакова и других ни в чем не отличалась от позиции подлых изменников и дезертиров Великой октябрьской революции — Каменева, Зиновьева, а также Рыкова, пытавшихся заставить партию брататься с меньшевиками и эсерами.

Не случайно троцкисты и разного рода оппортунисты, стремившиеся остановиться и застыть на буржуазно-демократическом этапе революции, подхватили на щит созданную украинскими националистами легенду об отсталости Украины, об отсутствии на Украине необходимой базы и условий для победы диктатуры пролетариата. Эту легенду, в частности, поддерживал и Зиновьев.

4

В существовавшей тогда на Украине обстановке для большевиков особенно важна была четкая линия в национальном вопросе, правильное решение которого имело большое значение для победы пролетарской революции.

В своей статье «Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов» товарищ Сталин писал:

«Сила Октябрьской революции состоит, между прочим, в том, что она, в отличие от революций Запада, сплотила вокруг русского пролетариата многомиллионную мелкую буржуазию и, прежде всего, наиболее мощные и многочисленные ее слои — крестьянство. Тем самым русская буржуазия была изолирована, оставлена без армии, а русский пролетариат превращен в вершителя судеб страны. Без этого русские рабочие не удержали бы власти.

Мир, аграрный переворот и свобо-

да национальностей — таковы три основных момента, собравшие вокруг красного знамени русского пролетариата крестьян, более чем двадцати национальностей необ'ятной России» [1].

В работах Ленина и Сталина еще задолго до февральской революции была разработана единственно правильная политика нашей партии в национальном вопросе. Эта политика базировалась на принципе признания права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, на принципе добровольного об'единения наций и единства организации и борьбы пролетариата всех наций.

На апрельской конференции национальный вопрос стоял снова в порядке дня. Товарищ Сталин в своем докладе по этому вопросу исчерпывающе сформулировал взгляды нашей партии, которые сводились к следующим положениям:

«а) признание за народами права на отделение; б) для народов, остающихся в пределах данного государства,— областная автономия; в) для национальных меньшинств — особые законы, гарантирующие им свободное развитие; г) для пролетариев всех национальностей данного государства — единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия» [2].

Эти сталинские положения дали всей нашей партии и, в частности, большевикам Украины развернутую программу борьбы. Они подымали массы угнетенных национальностей России на борьбу против общего врага — империализма. Как лозунги борьбы нашей партии против империалистической войны, как лозунги в аграрном вопросе, они обеспечивали нашей партии поддержку миллионных масс крестьянства всех наций в борьбе за диктатуру пролетариата как единственную власть, способную уничтожить навсегда социальный и национальный гнет и обеспечить братское сотрудничество трудящихся всех наций после победы над буржуазией и помещиками.

Против ленинско-сталинской национальной политики выступил Пятаков, бывший контрдокладчиком по национальному вопросу на апрельской конференции. Он отвергал ленинский лозунг о праве наций на самоопределение, называя его реакционным, буржуазно-патриотическим лозунгом, и взамен его выдвигал и защищал троцкистский лозунг «Долой границы!» — лозунг, который Пятаков обосновывал и защищал еще до февральской буржуазной революции.

Ленин и Сталин на апрельской конференции разбили точку зрения Пятакова. В своем заключительном слове товарищ Сталин говорил:

«Одно из двух: либо мы отрицаем за нациями право на отделение, и это надо сказать прямо, либо мы не отрицаем этого права. Сейчас имеется движение в Финляндии, направленное в сторону обеспечения национальной свободы, имеется также борьба с ним Временного правительства. Возникает вопрос, кого поддерживать. Либо мы за политику Временного правительства, за насильственное удержание Финляндии и доведение ее прав до минимума, и тогда мы аннексионисты, ибо мы льем воду на мельницу Временного правительства, либо мы за независимость Финляндии... говорят нам, что всякое национальное движение реакционное. Это неверно, товарищи. Разве движение Ирландии против английского империализма не есть движение демократическое, наносящее удар империализму? И разве это движение мы не должны поддерживать?» [3].

Троцкистская позиция Пятакова в национальном вопросе, на которой он остался и после апрельской конференции, позиция, которую под его влиянием занимали некоторые оппортунистические элементы в рядах КП(б)У, сильно усложняла борьбу большевиков Украины против местной контрреволюции. Националистические партии подхватывали троцкистские извращения Пятакова (а позже, в 1919 году, Раковского — агента

---

[1] И. Сталин. Сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 87.

[2] И. В. Сталин. Сборник «Статьи и речи об Украине», стр. 9.

[3] Там же, стр. 10—11.

Троцкого на Украине, ныне разоблаченного врага народа) в национальном вопросе, обобщали их и представляли массам как линию нашей партии.

Только под непосредственным руководством и при участии в украинских делах Ленина и Сталина большевики Украины разоблачили перед массами черносотенную политику Временного правительства и обман украинской националистической буржуазии; партия большевиков показала массам на практике, что только пролетариат Украины, борющийся единым фронтом с русским пролетариатом как против русской, так и против украинской буржуазии, за власть советов, способен уничтожить национальный гнет.

Тов. Косиор в своем докладе на ноябрьском об'единенном Пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У в 1933 году, разоблачая украинских националистов и, в частности, Скрыпника, стремившихся доказать, что КП(б)У занимала неправильную позицию в национальном вопросе, говорил:

«Не мало есть у нас любителей рассказывать, что КП(б)У тогда, в первые годы революции, занимала неправильную позицию в национальном вопросе... Это фальшь, это клевета. У ленинской партии была отчетливая и ясная программа в национальном вопросе, программа, тесно связанная с основной задачей — свержения власти помещиков и буржуазии... Эта линия нашей партии на первое место выдвигала единый фронт рабочих и крестьян всех национальностей для свержения помещиков и капиталистов. Именно поэтому за нами, за большевиками, на Украине шли широчайшие массы, шли и бедняцко-середняцкие массы крестьянства, которые больше всего одурманивались националистическими лозунгами. Именно благодаря этой правильной, большевистской линии мы победили, победила пролетарская революция на Украине» [1].

На основе решений апрельской конференции нашей партии большевики Украины дали решительный отпор разного рода оппортунистическим элементам в своих рядах. Киевская партийная организация осудила и отбросила каменевско-троцкистскую платформу Пятакова и целиком приняла ленинскую программу борьбы за диктатуру пролетариата. Оппортунистические элементы были изолированы в партии: ни одна организация Украины их не поддержала. На основе апрельских тезисов Ленина, на основе ленинско-сталинских решений апрельской конференции большевики Украины в своей дальнейшей борьбе изолировали массы от влияния меньшевиков, эсеров и украинских буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий. Они завоевали большинство пролетариата на Украине, завоевали поддержку широких масс трудящегося крестьянства, создали политическую армию, способную единым фронтом с русским пролетариатом и беднейшим крестьянством идти на штурм русской и украинской буржуазии за победу диктатуры пролетариата.

* * *

Великие победы в строительстве социализма, записанные в Сталинской Конституции, были достигнуты рабочими и крестьянами Советской Украины в братском сотрудничестве со всеми народами необ'ятной Страны советов под руководством коммунистической партии, под руководством великого Сталина. За 20 лет, протекших со времени апрельской большевистской конференции, наметившей конкретную, непосредственную программу борьбы за диктатуру пролетариата, лицо Украины, бывшей колонии российского царизма, совершенно изменилось. Украинская социалистическая советская республика, составная и неот'емлемая союзная республика СССР, превратилась в цветущую страну, страну высокой социалистической индустрии, многие отрасли которой опередили передовые капиталистические страны Западной Европы, в страну крупнейшего социалистического сельского хозяйства, в страну, ставшую родиной народного стахановского движения, в страну высокой, национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, в могучий и несокрушимый форпост СССР на Западе.

[1] С. В. Косиор «Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине». 1933.

Эти победы явились результатом беспощадной борьбы против классовых врагов, против буржуазии и кулачества, против контрреволюционных троцкистов и их правых пособников, украинских и других националистов, которые блокируются на общей платформе — реставрации капитализма, на платформе превращения Украины в колонию немецкого фашизма. Эти стремления контрреволюционных троцкистов и их практическая деятельность в этом направлении особенно ярко были освещены и разоблачены на последнем процессе антисоветского троцкистского центра.

Не случайно Ю. Пятаков оказался одним из руководителей троцкистского центра японо-немецких фашистских агентов, убийц, шпионов и диверсантов. Он и в прошлом, на всех этапах, до и после революции, боролся против ленинско-сталинской линии партии как троцкист. В последнее время он являлся вдохновителем и организатором на Украине центра террористических групп, куда входили Голубенко, Логинов, Коцюбинский и другие.

На Украине троцкисты действовали в блоке с буржуазными националистами. Еще в 1926—1928 годах троцкисты сблизились через Шумского и других с украинскими националистами и их агентурой в рядах КП(б)У, разного рода выходцами из украинских националистических партий: боротьбистами, укапистами и другими, которые, используя метод двурушничества, боролись против партии, против советской власти, за восстановление капитализма. Вместе с националистами троцкисты поддерживали систематическую связь с гитлеровцами и пилсудчиками; они проводили шпионскую и диверсионную работу на пользу фашизма, готовили террористические акты против вождей партии и советской власти.

Подлые злодеи и убийцы Сергея Мироновича Кирова включили в свою программу пункт об отдаче гитлеровским фашистам Советской Украины. Враги советского народа и подручные Гитлера просчитались. Украинский народ испытал уже на себе штыки и пули немецкого империализма. Под руководством партии Ленина — Сталина, при братской помощи русских рабочих и крестьян он изгнал из советской земли империалистических хищников и их сподвижников — украинских националистов, продавших Украину немецким империалистам. Планы троцкистов-зиновьевцев, украинских и иных националистов никогда не будут осуществлены, ибо неизмеримо возросла большевистская бдительность, зорко охраняются границы Советской Украины, как и границы всей Страны советов, ибо сплочены, как никогда, рабочие и крестьяне вокруг советской власти, вокруг партии и своего вождя и учителя товарища Сталина.

И. СТАЛИН

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ „ПРАВДЫ“

*(Воспоминания)**

1. Ленские дни

Ленские дни явились результатом Столыпинского режима «успокоения». Молодые члены партии, конечно, не испытали и не помнят прелестей этого режима. Что касается стариков, то им, должно быть, памятны проклятой памяти карательные экспедиции, разбойничьи набеги на рабочие организации, массовая порка крестьян и, как прикрытие всего этого,— черносотенно-кадетская дума. Скованность общественной мысли, общая усталость и апатия, нужда и отчаяние среди рабочих, забитость и запуганность крестьян при общем разгуле полицейско-помещичье-капиталистической своры — таковы характерные черты Столыпинского «успокоения». Поверхностному наблюдателю могло показаться, что эпоха революций канула в вечность, что наступил период «конституционного развития» России на манер Пруссии. Ликвидаторы кричали об этом открыто, проповедуя необходимость организации Столыпинской легальной рабочей партии. А некоторые старые «большевики», сочувствуя в душе такой проповеди, заблаговременно покидали ряды нашей партии. Торжество кнута и темноты было полное. «Мерзость запустения» — так характеризовалась тогда политическая жизнь России. Ленские дни ворвались в эту «мерзость запустения» ураганом и открыли для всех новую картину. Оказалось, что Столыпинский режим не так уж прочен. Дума вызывает в массах презрение, а рабочий класс накопил в себе достаточно энергии для того, чтобы ринуться в бой за новую революцию. Достаточно было расстрела рабочих в далекой сибирской глуши (Бодайбо), чтобы Россия покрылась забастовками, а питерский пролетариат, выйдя на улицу, одним взмахом смел с пути хвастливого министра Макарова с его наглым лозунгом «так было, так будет». Это были первые ласточки начинающегося мощного движения. «Звезда» была тогда права, восклицая: «мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил...» Под'ем нового революционного движения был налицо.

В волнах этого движения и родилась массовая рабочая газета «Правда».

2. Основание „Правды“

Это было в середине апреля 1912 г., вечером, на квартире у тов. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батурин) и я — член ЦК (я, как нелегал, сидел в «бесте» у «неприкосновенного» Полетаева) сговорились о платформе «Правды» и составили первый номер газеты. Не помню, присутствовали ли на этом совещании ближайшие сотрудники «Правды»—Демьян Бедный и Данилов.

Технические и материальные предпосылки газеты были уже даны, благодаря агитации «Звезды», сочувствию широких масс рабочих и массовым добровольным сборам денег для «Правды» на заводах и фабриках. «Правда» была поистине результатом усилий рабочего класса России и прежде всего Питера. Без этих усилий она не могла бы существовать.

Физиономия «Правды» была ясна: «Правда» была призвана популяризировать в массах платформу «Звезды». «Кто читает «Звезду»,—писала «Прав-

* Перепечатано из «Правды» от 5 мая за 1922 г.

„Правда" родилась в волнах революционного подъема в знаменитые „ленские дни". Появление на свет массовой рабочей газеты „Правды" в эти именно дни знаменовало собой: 1/ ликвидацию периода общей усталости в стране после столыпинского „тишь да гладь", 2/ мощное пробуждение русского рабочего класса к новой второй после 1905 года революции и 3/ начало завоевания широких масс рабочего класса на сторону большевиков.

„Правда" 1912-го года — это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году.

И. Сталин

Приветствие И. В. Сталина к десятилетнему юбилею «Правды».

да» в первом же номере,— и знает ее сотрудников, являющихся также сотрудниками Правды», тому нетрудно понять, в каком направлении будет работать «Правда».

Разница между «Звездой» и «Правдой» состояла лишь в том, что аудиторией «Правды», в отличие от «Звезды», служили не передовые рабочие, а широкие массы рабочего класса. «Правда» должна была помочь передовым рабочим сплотить вокруг партийного знамени проснувшиеся к новой борьбе, но политически отсталые, широкие слои русского рабочего класса. Именно поэтому ставила тогда «Правда» одной из своих задач выработку литераторов из среды самих рабочих и вовлечение их в дело руководства газетой.

«Мы бы желали,— писала «Правда» в первом же номере, — чтобы рабочие не ограничивались одним сочувствием, а принимали активное участие в деле ведения нашей газеты. Пусть не говорят рабочие, что писательство для них «непривычная» работа; рабочие литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы. Нужно только смелее взяться за дело: раз — два споткнешься, а там и научишься писать»...

3. Организационное значение „Правды"

«Правда» появилась на свет в такой период развития нашей партии, когда подполье находилось целиком в руках большевиков (меньшевики бежали оттуда), а легальные формы организации — думская фракция, печать, больничные кассы, кассы страхования, профессиональные об'единения — не были еще вполне отвоеваны у меньшевиков. Это был период решительной борьбы большевиков за изгнание ликвидаторов (меньшевики) из легальных форм организаций рабочего класса. Лозунг «снятия с постов» меньшевиков был тогда популярнейшим лозунгом рабочего движения. Страницы «Правды» пестрели сообщениями об изгнании из страховых организаций, больничных касс и профессиональных об'единений засевших там одно время ликвидаторов. Все шесть депутатских

мест рабочей курии были отвоеваны у меньшевиков. В таком же или почти в таком же безнадежном состоянии находилась меньшевистская пресса. Это была поистине героическая борьба большевистски настроенных рабочих за партию, ибо агенты царизма не дремали, преследуя и изничтожая большевиков, а без легальных прикрытий партия, загнанная в подполье, не была в состоянии развиваться дальше. Более того,— без завоевания легальных организаций партия не смогла бы при тогдашних политических условиях протянуть щупальца к широким массам и сплотить последние вокруг своего знамени, она оторвалась бы от масс и превратилась бы в замкнутый, варящийся в своем собственном соку, кружок.

В центре этой борьбы за партийность, за создание массовой рабочей партии стояла «Правда». Она была не просто газетой, подводящей итог успехам большевиков в деле завоевания легальных рабочих организаций,— она была вместе с тем организующим центром, сплачивающим эти организации вокруг подпольных очагов партии и направляющим рабочее движение к одной определенной цели. Тов. Ленин писал еще в «Что делать?» (1902 г.), что хорошо поставленная общерусская боевая газета должна быть не только коллективным агитатором, но и коллективным организатором. Именно в такую газету превратилась «Правда» в период борьбы с ликвидаторами за сохранение подполья и завоевание легальных рабочих организаций. Если верно то положение, что без победы над ликвидаторами не было бы у нас той партии, сильной своей сплоченностью и непобедимой своей преданностью пролетариату, которая организовала октябрь 1917 года,— то столь же верно и то, что упорная и самоотверженная работа старой «Правды» в значительной мере подготовила и ускорила эту победу над ликвидаторами. В этом смысле старая «Правда» была несомненно предвестницей будущих славных побед русского пролетариата.

Ф. Драбкина

ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И „ПРАВДА"

Печатаемые нами ниже документы, оригиналы которых хранятся в Архиве революции, показывают, с каким вниманием и тревогой следило царское правительство за «Правдой» и ростом ее влияния на рабочие массы.

«Большевистская партия сумела... продвинуться... в цитадель врага и ежедневно, «легально» начать работу взрыва проклятого царского и помещичьего самодержавия изнутри» [1],— писал Ленин к десятилетнему юбилею «Правды».

Мысль царских чиновников билась над тем, как бы парализовать «вредное» влияние «Правды» на рабочих, как бы убрать подальше от русской границы их вождя — В. И. Ленина. Но в результате всех репрессий, нескончаемым потоком сыпавшихся на многострадальную «Правду», только еще больше крепла ее связь с рабочими массами. Закрывали «Правду» — выходила «Рабочая правда», закрывали «Рабочую правду» — выходила «Северная правда», потом — «Правда труда» и т. д. Налагали штрафы — рабочие отвечали усиленным потоком пожертвований в «железный фонд» «Правды»; арестовывали редакторов— те же массы выдвигали из своей среды в неограниченном количестве товарищей, готовых пожертвовать свободой, лишь бы обеспечить бесперебойный выход «нашей родной» «Правды», как называли ее рабочие.

И Департамент полиции вынужден был открыто расписаться в своем бессилии, признаться, что он «не обладает действительными и законными мерами борьбы в целях парализования вредного и растлевающего (?!) влияния на массы известной части легальной повременной печати».

Чтобы сделать невозможным выпуск газеты, Департамент полиции стремился лишить ее руководящих кадров. Для этого ему нужно было установить их связь с нелегальной большевистской партией, что позволило бы привлечь их по 102-й статье, грозящей многолетней каторгой. В этом ему на помощь услужливо приходит ликвидаторский «Луч», который «на каждом шагу указывает на принадлежность газеты «Правда» к большевистскому течению». Так осуществлялось уже в те отдаленные годы молчаливое сотрудничество ликвидаторов и Иудушки-Троцкого с царской полицией...

Другая группа печатаемых ниже материалов — перехваченные письма — дает представление о той остроте, какую представлял тогда для широких масс вопрос о борьбе с ликвидаторством. В этом отношении особенно характерно письмо беспартийного рабочего «Омича», который «просто как рабочий, по своему положению» резко выступает против ликвидаторства, в защиту подполья. Это только лишний раз подчеркивает ту кровную органическую связь, какая существовала между нашей партией — авангардом пролетариата — и массой рабочего класса, и подтверждает справедливость слов Ильича, что «Правда» «воспитала тысячи сознательных рабочих» [2].

«В 1912—1913 гг.,— писал Владимир Ильич,— когда возникла легальная большевистская «Правда», за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих, своими копеечными сборами победивших и гнет царизма, и конкуренцию мелко-буржуазных предателей социализма, меньшевиков» [3].

ЛЕНИН ПЕРЕЕХАЛ В КРАКОВ, ЧТОБЫ «БЫТЬ ПОБЛИЖЕ К РОССИИ» [4]

Его Превосходительству Господину Директору Департамента Полиции.

По полученным подполковником Эргардтом от агентуры сведениям Ленин... переселился на жительство в г. Краков. Цель этого переселения — быть поближе к России и иметь возможность руководить предстоящими выборами путем своей партийной печати, органами коей являются издаваемые в С. Петербурге «Звезда» и «Правда». Оставаться в та-

[1] Ленин. Т. XVII, стр. 293.

[2] Ленин. Т. XXX, стр. 154.

[3] Ленин. Т. XXVII, стр. 293.

[4] Заголовки везде даны нами.—Ф. Д.

кое горячее время в Париже он нашел неудобным в виду того, что корреспонденция из Парижа в С. Петербург доходит только на 4—5-й день, тогда как из Кракова письмо в С. Петербург идет почти 24 часа.

Это переселение, которое, если он там обживется, потянет вероятно за собой и других видных эс-деков, большевиков, может в конце концов привести к перенесению фракционной Ленинской главной квартиры в Краков, поближе к России, что может затруднить агентурное наблюдение за ним и его фракцией.

Водворить, в последнем случае, всех их обратно в Париж можно было бы, по предположению агентуры, только путем закрытия их легальных органов «Звезда» и «Правда», так как налагаемые на них административные взыскания, как то штрафы, заменяемые арестами, отсиживаемыми специально для этого имеющимися ответственными редакторами, цели не достигают и органы продолжают свое вредное существование.

Об изложенном имею честь доложить Вашему Превосходительству.

За Заведующего Заграничною Агентурою: (подпись)

№ 822. Париж.

22 июня (5 июля) 1912 г.

Д. Д. П. О. О. № 5, т. 3. 1910 г.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ НЕ ОБЛАДАЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ МЕРАМИ БОРЬБЫ

17 июля 1912 г. № 103935

Запиской от 20 апреля сего года за № 339 Начальник Костромского Губернского Жандармского Управления, доносят Департаменту Полиции об имеющем получиться в г. Костроме транспорте вновь возникшей в С. Петербурге легальной газеты «Невская Звезда» для распространения таковой, возбудил вопрос о том, каким образом розыскные органы должны поступать с лицами, распространяющими издания повременной печати, вышедшие хотя и легальным порядком, но содержащие в себе статьи революционного и вообще антиправительственного направления.

Из имеющихся в Департаменте Полиции сведений видно, что в С.-Петербурге действительно был выпущен № 1-й от 26 февраля сего года газеты «Невская Звезда» — вместо конфискованного очередного номера издающейся в Петербурге газеты «Звезда» — социал-демократического направления.

Возбужденный Начальником Костромского Губернского Жандармского Управления вопрос не является новым. Он давно уже назревал и необходимость возбуждения его Департаментом Полиции ощущалась постоянно, и если этот вопрос не возбуждался раньше, то только лишь вследствие отсутствия твердых юридических оснований к его разрешению.

Ныне, накануне предвыборной кампании в IV-ю Государственную Думу, когда вся революционная и оппозиционная печать собирается мобилизовать свои силы для агитации среди населения Империи и направления выборов в сторону своих партийных интересов и противоположную—желаниям Правительства и благонамеренной части населения, разрешение упомянутого вопроса является настоятельно необходимым.

Подавляющее число органов повременной печати, как столичной, так, в особенности, провинциальной, — левого, оппозиционного направления — преимущественно в духе программы конституционно-демократической партии; но есть не мало легальных органов, обслуживающих интересы революционных партий — и, главным образом, Российской социал-демократической рабочей партии. Будучи легальными, органы эти систематически и почти безнаказанно прививают в известной части населения, главным образом в рабочей среде, идеи чисто-социалистические, настраивая, таким образом, эту часть населения не только оппозиционно, но и революционно, и создавая из нее кадр будущих активных деятелей революции.

Как велико вредное влияние на массы известной части оппозиционной печати, видно, между прочим, из того, что при недавних арестах матросов Балтийского флота у последних были обнаружены экземпляры мелкой повременной печати исключительно оппозиционного направления, сыгравшей, таким образом, в деле распропагандирования матросов роль подпольных революционных изданий.

В текущем году среди рабочих города С. Петербурга образовалась группа лиц, задавшихся целью издавать «Рабочую Газету». По мысли инициаторов издания названная газета должна была издаваться исключительно самими рабочими, быть чисто социалистической... и отстаивать классовые интересы пролетариата. Начатая повсеместно в России агитация по поводу необходимости издания этой газеты и сбор пожертвований—имели успех. Денежные пожертвования направлялись в редакцию упомянутой выше газеты «Звезда», много говорившей на своих страницах о необходимости издания «Рабочей Газеты». Наконец новая газета вышла в С. Петербурге 22-го апреля, но уже под названием «Правда». Орган этот издается членом Государственной Думы Полетаевым при участии почти исключительно сотрудников газеты «Звезда» и является чисто социал-демократическим органом, что видно из статьи «Наши цели», помещенной в № 1-м этой газеты, где говорится: «Кто читает «Звезду» и знает ее сотрудников, являющихся также сотрудниками «Правды», тому не трудно понять, в каком направлении будет работать «Правда». Освещать путь русского рабочего дви-

жения светом международной социал-демократии, сеять правду среди рабочих о друзьях и врагах рабочего класса, стоять на страже интересов рабочего дела — вот какие цели будет преследовать «Правда».

Таким образом «Правда» является органом Российской социал-демократической рабочей партии большевистского оттенка и издается легальным порядком при редакции газеты «Звезда» того же направления [1].

...Приведенные случаи изданий хотя и легальных, но явно революционных органов свидетельствуют о стремлении революционных организаций путем издания подобных органов по возможности безнаказанно распространять свои социалистические идеи среди большой публики, чего они не в состоянии были достигнуть одними подпольными изданиями.

По докладе имеющихся в Департаменте Полиции сведений о широком развитии в Империи легальной революционной прессы, Его Высокопревосходительство Господин Министр Внутренних Дел, исходя из соображений, что агитация революционных организаций и пропаганда идей последних посредством легальной печати должна быть всемерно прекращаема и в будущем недопускаема, — преподал розыскным органам указание в том смысле, что за подобными газетами и журналами надлежит иметь непрестанное наблюдение, и, если данная газета или журнал издаются революционной организацией, то, по тщательном обследовании этого последнего обстоятельства, следует возбуждать формальное дознание и привлекать виновных по 102 ст. Уг. Ул. В отношении же надзора за печатью означенного направления со стороны Губернаторов Департамента Полиции в циркуляре от 17 декабря 1911 года за № 111357, по приказанию Господина Министра Внутренних Дел, также преподал последним указание в том смысле, что за подобными газетами и журналами надлежит иметь непрестанное наблюдение, подвергая их ответственности в случае нарушения изданных по сему предмету обязательных постановлений, или же возбуждая против них в установленном порядке уголовное преследование.

Между тем жизнь и практика в этом отношении выдвигают такие вопросы, которые не поддаются юридическому разрешению их.

Редакторы легальных газет и журналов за помещение в своих органах статей революционного содержания привлекаются к уголовной ответственности по 103, 128 или 129 ст. ст. Уг. Ул., причем номера газет конфискуются, но самое распространение подобных конфискованных номеров может быть признано уголовно наказуемым деянием лишь в том случае, если будет доказано, что распространители таких номеров действовали с умыслом, желая распространять публично именно инкриминируемую статью, причем им было известно о конфискации данного номера газеты в виду помещенной в ней статьи преступного содержания. Так как распространители легальных газет и в том числе конфискованных номеров являются профессиональные разносчики и продавцы повременной печати, которым, без всякого сомнения, содержание статей в газетах неизвестно, то привлечение их к уголовной ответственности за умышленное распространение статей преступного содержания немыслимо, причем такие распространители могут быть привлекаемы полицией лишь по 29 ст. Уст. о Нак.—за неисполнение законных распоряжений и требований правительственных или полицейских властей.

При таком положении вопроса — распространение легальных изданий со статьями явно революционного содержания, — в особенности, в провинции, — не представляет никаких затруднений, так как в промежуток времени со дня выпуска такого издания до момента осведомленности местных административных и полицейских властей о наложении ареста на вышедшее издание последнее обыкновенно получает широкое распространение разными путями.

Между тем категорическое разрешение названного вопроса в интересах пресечения революционной агитации, каковую, как доложено выше, революционные и оппозиционные элементы начинают вести путем легальной печати в целях направления выборов в сторону своих партийных интересов, не может не озабочивать Департамент Полиции.

...Как уже было выше доложено, революционные организации в настоящее время принимают все меры к тому, чтобы путем легальной печати революционизировать читающие массы в своих партийных интересах и подготовить их к предстоящей выборной кампании.

Между тем Департамент Полиции в этом отношении не обладает действительными и законными мерами борьбы в целях парализования вредного и растлевающего влияния на массы известной части легальной повременной печати, о чем и имеет честь доложить Вашему Превосходительству.

Полковник (подпись).

Д. Д. П. 0. 0. № 5, т. 3. 1910 г.

ЦЕЛЬЮ «ПРАВДЫ» БЫЛО ВОСПИТАНИЕ РАБОЧИХ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДУХЕ

Начальнику Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в С. Петербурге

Секретно

7 ноября 1912 г.
№ 18883.

По полученным в Отделении сведе-

[1] Дальше, как и в других местах, выпущено то, что не имеет прямого отношения к «Правде».— **Ф. Д.**

ниям, петербургская организация РСДРП фракции большевиков-ленинцев, в виду предстоящей выборной кампании, усиленно принялась за воссоздание своего руководящего центра, разрозненного ликвидацией 14.IX—с. г. Следуя директивам лидера этой фракции, Владимира Ильина Ульянова (партийная кличка «Ленин»), группа интеллигентных лиц, принимающих участие в издании партийного органа этой фракции—ежедневной газеты «Правда», приняла на себя руководство как большевистской работой в Петербурге вообще, так и ведением выборной кампании этой фракции в частности. Означенные лица, присвоив себе наименование Петербургского Комитета РСДРП и дополнив свой состав рабочими, выбранными от районных партийных организаций, широко развили выборную кампанию. Для непосредственного руководства ею была создана Центральная избирательная комиссия, члены которой, распределив весь город между собою по участкам, стали устраивать нелегальные собрания лиц, принадлежащих к социал-демократам данного участка, организовывать митинги около заводов, на которых ораторами указывалась необходимость проведения кандидатов в Гос. Думу от РСДРП, и в заключение отпечатали «Наказ петербургских рабочих» и листки к избирателям, которые рассылали по почте наиболее сочувствующим, по их мнению, с.-д. выборщикам, вместе с бюллетенями с именами намеченных ими кандидатов.

...Петербургский Комитет, пользуясь своим положением в редакции газеты «Правда», широко использовал для ведения выборной кампании этот фракционный орган, целью которого с первых дней его существования было — воспитание рабочих в духе с.-д. доктрин, полемике с фракционными органами других фракций и с другими политическими партиями, а равно и руководство политическим и экономическим движением рабочих.

Забастовочному движению рабочих «Правда» всегда уделяла особое внимание. Ради этой цели в «Правде» существует особый отдел под названием «Рабочее движение. Стачки», и в нем открыто ведется агитация против рабочих, неприсоединяющихся к забастовкам или желающих приступить к работам на уже забастовавших предприятиях. С этой целью в газете печатаются фамилии таковых рабочих и помещаются письма раскаявшихся штрейхбрехеров; в статьях же общего отдела, трактующих о рабочем движении, превозносится значение стачек и забастовок для сплочения рабочих в единую рабочую (следует подразумевать Соц.-дем.) партию (далее приводится перечень номеров с опубликованными фамилиями штрейкбрехеров. — **Ф. Д.**).

Принадлежность газеты «Правда» к фракции большевиков особенно определенно видна из ряда статей и заметок, полемического характера, помещенных в газете «Луч». Последняя газета начала издаваться в целях борьбы с «Ленинской диктатурой» и для проведения в Гос. Думу депутатов меньшевистских фракций. В виду этого одна часть ее статей посвящена пропаганде с.-д. доктрин в толковании их ликвидаторами, другая же часть посвящена резкой полемике с «Правдой». В статьях последнего рода «Луч» на каждом шагу указывает на принадлежность газеты «Правда» к большевистскому ленинскому течению...

Подп(олковник) фон-Котен.

Д. Д. П. УП. № 2462. 1912. лл. 27—30.

АРЕСТ РЕДАКЦИИ «ПРАВДЫ»

...Агентурным обследованием о способах воздействия революционных организаций на широкие народные массы с несомненностью установлено, что главное значение в этом отношении принадлежит легализованной социалистической печати, через которую популяризируются в народе идеи воинствующего социализма и принимаются все доступные меры для дискредитирования в глазах общества и главное в низших слоях населения распоряжений правительственной власти, с целью доказать несовершенство существующего государственного строя в России и необходимость бороться за его изменение.

Такие легально издающиеся газеты и журналы почти заменили собой прокламационную литературу, издание, хранение и распространение каковой сопряжено с риском судебной ответственности и, кроме того, с трудностями добывания и постановки «техники» для печатания. Издание за-границей подобных же органов оказывалось слишком дорогим, не исключало тех же последствий наказания по суду и, кроме того, сопряжено с трудностями по водворению из-за границы транспортов таких изданий и риском заарестования их.

Между тем, путем «легальных возможностей», т. е. воспользовавшись несовершенством существующего закона о печати, представлялось возможным достигнуть:

1) сравнительно дешевого издания законспирированных партийных органов и широкого распространения их через своих единомышленников не только в столице, но и в провинции;

2) безопасности от судебной ответственности главных заправил таких изданий, состава редакции и сотрудников, скрывающихся под псевдонимами, с переложением всей ответственности на фиктивного, нанятого «редактора» из обленившихся рабочих, удовлетворяющегося ничтожным жалованьем — рублей 30 в мес.— и особым вознаграждением «за отсиживание» в тюрьме по судебным приговорам и взамен штрафов, налагаемых по обязательному постановлению СПБ. градоначальника;

«Звезда» и «Правда» — легальные большевистские газеты, часто подвергавшиеся репрессиям царского правительства. 1910—1914 гг.

Музей революции СССР.

3) гарантированного распространения особо преступного содержания номеров издания, так как распоряжение об аресте номера из Комитета по делам печати могло последовать не ранее, как через 2 часа после раздачи издания для розничной продажи и после сдачи тюков на почту и жел. дорогу для отправки в провинцию;

4) выработки желательного мировоззрения среди своих читателей и об'единения своих единомышленников около одного из таких органов печати.

Обстоятельства эти были учтены подпольными организациями, и при их материальной поддержке и участии виднейших активных и идейных руководителей революционных партий возникли так называемые «рабочие органы печати» или «рабочие газеты».

Прекращение издания таких органов по судебным приговорам оставалось нечувствительным для судьбы их, так как издание продолжалось при том же составе редакции, только с несколько измененным заголовком газеты: вместо «Правда» появилась «Путь Правды», затем — «Трудовая Правда»... Разрешения для издания газет с новым названием испрашивались заблаговременно; появлялся лишь новый фиктивный «редактор» и издатель.

Копеечная цена таких газет и известия, приноровленные к пониманию и вкусам простонародья, обеспечили в скором же времени широкое распространение этих изданий — первоначально путем навязывания их «товарищами» своим сослуживцам, а в последнее время — и непосредственно продажей в розницу привыкшим к газете читателям через газетчиков и через подписку.

Редакции постепенно приобрели большое значение также благодаря участию в них некоторых членов соответствующих революционных фракций Гос. Думы и организации денежных сборов на безработных и пострадавших от правительственной репрессии и выдаче этим лицам пособий. Одновременно их единомышленники производили сборы на поддержку этих изданий, причем сбор в годовщину первого выпуска рабочих газет «день рабочей печати» — 22 апреля

с г., получивший название сбора в «Железный фонд», достиг для с.-д. газет: «Трудовой Правды»—свыше 20 тысяч руб. и для «Нашей рабочей газеты» — около 12 тысяч руб. Орган с.-р. «Живая Мысль Труда» — основан сравнительно недавно, существовал под разными названиями: «Смелая мысль», «Мысль труда» — всего около года, выходит в количестве до 12 000 экз., имеет ограниченный пока круг платных читателей, так что за каждый номер редакции приходится доплачивать, вследствие чего собираемые деньги все расходываются и «железный фонд» не из чего было образовать.

Дела же с.-д. газет стали на твердую почву, дело издания их стало давать чистую прибыль, из которой явилось возможным получать на жизнь за свой литературный труд в газете многим, ранее бесплатным сотрудникам.

Значение редакций указанных газет в настоящем году росло чрезвычайно быстро, и влияние их на рабочую массу становилось неограниченным. Известия на их столбцах редактировались в таком виде, что они приобретали значение приказания — как должна реагировать на них рабочая масса.

При их подстрекательстве забастовочное движение получило стихийный характер. Подполье видело в забастовках мобилизацию своих сил и мечтало таким путем постепенно подготовить рабочих к вооруженному восстанию, об'явив таковое в наиболее подходящий момент. Но откликнувшаяся на призыв к забастовке заводская молодежь обратила свою энергию на безобразные выходки с переворачиванием вагонов конок и трамваев, разбитие окон и швырянье камней в чинов полиции, как это имело место в С. Петербурге в начале июля с. г.

...В этот период беспорядков представители подпольных партийных организаций являлись в редакции своих органов печати не только для дачи сведений в «хронику» газет, но и за получением указаний, в какую сторону направлять русло рабочего движения, и, таким образом, редакции социалистических газет являлись штабами революционного движения, откуда шли все распоряжения.

Занятое указанными органами печати положение являлось угрожающим для общественной безопасности и порядка, в виду чего 8 июля с. г. я одновременно ликвидировал наблюдение за редакциями всех этих газет, при чем были обысканы, как помещения дневных редакций, так и общие помещения ночных редакций и экспедиторской части этих газет при типографии Березина... и самая типография, где эти газеты печатались. Все затигнутые в этих редакциях лица, не принадлежащие к составу мелких служащих в них и все выясненные охр. отд. главнейшие деятели и сотрудники были тогда же арестованы, частью в редакциях, частью по квартирам.

Ликвидация эта имела своим последствием то, что все вышепоименованные органы социалистической печати закрылись сами собой и выпуск газет прекратился, вследствие отсутствия рабочих для этого сил и руководителей...

Полковник Попов.

Д. Д. П. О.О. 17 августа 1914 г., 9-е делопроизв.

РАБОЧИЕ СРОСЛИСЬ С ГАЗЕТОЙ

С. Петербург, 14 августа 1913 г.

в Поронин, Галиция, В. Ульянову.

Контора и редакция
газеты «Северная Правда»

Газета наша, что называется, на ладан дышит и переживает какую-то агонию, но духом мы все не падаем и сдаваться не думаем. Хотя газета ежедневно конфискуется, но все-таки она расходится среди петербургских пролетариев в 21 и больше тысячах. № 10 (не конфискованный) разошелся в количестве 36.000, № 11 — 35.500. Тираж во всяком случае не падает, и только конфискации сокращают его почти наполовину. Что касается убытков, которые несет газета, то, хотя они очень велики, но за то очень велики и пожертвования. Никогда еще рабочая газета не встречала такого сочувствия и материальной поддержки, как теперь. Деньги и приветствия сыплются буквально как из рога изобилия: бывает, что за один день, за какие-нибудь 2—3 часа приносят 240—300 руб. пожертвований. Сейчас я пишу вам письмо, а тут все время приносят и приносят деньги. Такое отношение естественно вселяет в нас бодрость и готовность бороться во что бы то ни стало. Рабочие так свыклись и срослись с газетой, что она стала для них такой неотложной и необходимой потребностью, что потеря газеты для них равносильна была бы самоубийству. Убытков благодаря пожертвованиям мы не терпим и существовать пока можем, а это только и требуется. До Думы как-нибудь протянем, а там и дальше надеемся существовать. Дело № 5—57Б 1913 г.

ПОЧЕМУ ЛИКВИДАТОРЫ БОЯТСЯ ПОДПОЛЬЯ

Копия полученного агентурным путем совершенно-секретного документа за подписью «Рабочий Степан Омич», адресованного «В контору газ. «Правда» СПБ., Ямская ул. д. 2. Г. Петербург», с почтовым штемпелем на конверте: «Саратов. 3. 3. 13».

Товарищи рабочие, газета «Луч» все время, почти в каждом №, выступает против большевиков, выставляет свои лозунги, обвиняет большевиков в том, что они отвергают свободу коалиций, в том, что большевики при современном законодательстве отстаивают подпольную работу. Вспомните, товарищи, 1905—6—7—8 гг., ведь тогда меньшевики (ныне ликвидаторы) тоже отстаивали, отстаивали горячо, легальную работу, но однако, в силу опять-таки современного законодательства работали в подполье. Я спрашиваю ликвидаторов, неужели российское законодательство

так улучшилось, что подполье вредно? Что при нелегальной работе рабочие не только не усваивают классовую борьбу, а даже нелегальная работа затемняет у рабочих классовое самосознание? Товарищи, но ведь это же ложь, ложь непростительная. Ниже мы увидим, почему именно ликвидаторы боятся подполья, а теперь посмотрим, что дает свобода коалиций. Каждый сознательный рабочий давно превосходно знает, что коалиция воздушная временная организация, что сознательные рабочие вовсе не стремятся к воздушным, временным организациям, как коалиция, а стремятся к прочным реальным организациям, где бы каждый рабочий мог получить в любой момент материальную и духовную поддержку.

Дальше. Каждый сознательный рабочий также превосходно знает, что у нас в России еще очень много рабочих, которые вовсе не усвоили классовую борьбу, а если и усвоили, то очень и очень плохо. И так, свобода коалиций рабочим никакой пользы принести не может, а вред дать можно всегда.

Теперь посмотрим, почему ликвидаторы боятся подпольной работы. Ликвидаторы говорят в подполье концентрация, в подполье дисциплина и в подполье даются директивы.

Будет уместно, если сообщу, что в г. Омске видный ликвидатор А. в разговорах заметил, что «я вовсе не хочу получать от кого-то указания, как я должен действовать и что никаких отчетов кому-то отдавать в своих выступлениях я вовсе не намерен». Он же заметил, что сплочение рабочих не в подполье, а в легальных организациях, т. е. в какой-нибудь организации товарищи сходятся поверхностно во взглядах (будь он анархист или ликвидатор) и образовывают компактную группу (может подтвердить Т. К.). Товарищи, но ведь соц.-дем.—это путеводная звезда. Соц.-дем. является руководительницей всего рабочего освободительного движения. Концентрация рабочих необходима, да она и неизбежна. Необходимы также и директивы, выработанные самими же рабочими соц.-дем., от которых ни один соц.-дем. отступить не имеет никакого права. Дисциплина также неизбежна, ибо, не будь строгой партийной дисциплины, то может получиться дезорганизация. С этой статьей я обращаюсь к сознательным рабочим и к руководителям соц.-дем.

Я думаю, что сознательные рабочие и руководители соц.-дем. не допустят такого постыдного раскола, который возникает за последнее время.

Рабочий Степан Омич.

К документу приложена записка на отдельном клочке бумаги:

«Товарищи, я малограмотный, а поэтому прошу грамматические ошибки исправить.

Ст. Барабанщиков. Из Сибири. Если эта статья помещ. не может в газете, то прошу сообщ. в ближайшем №. «Правда». Так же сообщу, что я вовсе не большевик и не меньшевик, а просто как рабочий, то по своему полож. являюсь факт. с.-д.».

Дело Д. Д. П. О. О. № 5, т. 3. 1910 г.

«МЫ ПОРИЦАЕМ ПОВЕДЕНИЕ СЕМЕРКИ»

Копия полученного агентурным путем письма с почтовым штемпелем: «Большой Токмак Таврической губ. 7-III-13» в С. Петербург, 9-я Рождественская, 39, кв. 27, Г-ну А. Ф. Бурьянову[1].

Многоуважаемый товарищ.

Читая Ваше письмо, которое полно обвинениями против б-ков и «Правды», можно было-бы подумать, что лозунги, за которые борется, и тактику, которую употребляет в борьбе за эти лозунги весь сознательный пролетариат, ликвидирует не ликвидаторский «Луч», в сотрудничестве со всей плеядой ликвидаторов и ликвидаторишек (звезд большей и меньшей величины), а наоборот—выходит, как будто эти старые неурезанные лозунги ликвидируются, как 6 б-ками в Г. Думе (которые не исполняют-де наказы рабочих), так и газетой «Правдой» (оно боится точно, как кадеты, революционных слов и республик, аккордов), совместно со всеми б-ками во главе с Лениным (которые-де не желают единства с.-д. партии). Но, как видно, вы, стоящие на идейной платформе «Луча», полагаете, что вся политическая мудрость только у вас, рабочие же настолько наивны, что не понимают разницы между словом и делом обоих направлений. Но именно, полагаясь на нашу наивность, вы, несмотря на то, что считаете «Луч» невиновным в тех грехах, которые приписывают, вы позволяете себе проговариваться насчет «ликвидаторства» «Луча», который следует выравнять. Но если «Луч», по Вашим словам, обладает так называемым ликвидаторством, то чем обладают 7-мь депутатов, по их же словам, стоящих на идейной платформе «Луча». И каким способом вы думаете выравнять «Луч» (это по нашему значит не равняя себя, равнять другого)? Да, полно противоречить себе, смешно, стоя на такой же точке зрения, доказывать другому в фальшивости этого положения. Вы апеллируете к своему опыту в работе на местах. Какова была эта работа? Не подпольной-ли? И разве не в этом пункте, т. е. в совместной партийно-подпольной работе об'единились рабочие всех направлений, не исключая и ложно называющих себя ликвидаторов? Но хотя все рабочие сходятся в том, что необходима подпольная партия, вы, вопреки своему опыту, стали на идейной плат-

---

[1] Бурьянов А. Ф.—член IV Гос. Думы от быв. Таврической губ., рабочий. Сначала примыкал к ликвидаторской части думской с.-д. фракции, в начале 1914 г. откололся от нее и стал плехановцем.—**Ф. Д.**

форме «Луча», отвергающей подпольную партию: в виду противоречивости вашего положения, своими выступлениями в числе 7-ми[1], отрицая свою прежнюю работу, которая могла конечно быть только партийной, а потому и подпольной, вы навлекаете на себя порицание со стороны всех передовых рабочих.

Мы признаем правильным поступок 4-х, как исправление своей ошибки, а поэтому вдвойне правильным тактику Малиновского и Муранова, сразу понявших логическую невозможность не имея за собою поддержки со стороны большинства фракции (т. е. вернее противодействие со стороны 7-ми), что либо сделать в пользу единства.

Мы порицаем поведение 7-ми: 1) как отрицание работы подпольной рабочих и 2) потому, что 7-мь, не считаясь с работой передового пролетариата и его подпольными лозунгами, считают фракцию самодовлеющей, и поэтому может демагогически проводить свою собственную тактику. Нет, демагогии со стороны своих избранников пролетариат сознательный не потерпит. Мы требуем, чтобы фракция гос. думы руководствовалась исключительно указаниями большинства рабочих. Мы считаем демагогией 7-ми против всего пролетариата, когда они насильно хотели заставить 6-ть деп. поддерживать вредную для рабочих газету «Луч», проповедующую против жизни. Вы своей тактикой делаете раскол во фракции, а потом кричите: «А кто первый начал», не задумываясь над тем, что для пролетариата важнее иметь единую фракцию в гос. думе, чем выравнение ликвидаторски-хромого «Луча». В своих совместных выступлениях в гос. думе между вами и всем пролетариатом создалась крепкая связь, теперь же своим неосторожным шагом вы вселили недоверие к себе большинства сознательных рабочих. Дабы завоевать к себе прежнее доверие, вы должны как можно скорее исправить свой ложный шаг и во всех своих выступлениях всегда руководствоваться наказами передовых рабочих, а тогда, безусловно будет сохранена целость с-д. фракции г. думы.

Мы позволим себе задать вам некоторые вопросы по существу.

1) Если вы считаете «Луч» ликвидаторским, то почему вы нам указываете на его красивые и никому ненужные жесты в то же время, прикрывая т. н. ликвид., которое нужно выравнять.

2) Почему на выборах в г. думу вы выставляли себя большевиком и всем предлагали «Правду», как большевистский орган, а вступивши во фракцию, вы изменили свои взгляды.

3) Если вы сторонник единства газет, то почему вы сразу же изменили этому единству, предлагая каждому-всякому распространять только «Луч» и замалкивая о «Правде».

4) Каково ваше отношение к единству фракции, считаетесь ли в этом вопросе вы с голосом рабочих.

5) Для чего вам понадобилось смешивать меньшевиков-партийцев с ликвидаторами-антипартийцами.

6) Каковы директивы идейной платформы «Луча» для практической работы на местах.

Много кое-каких раз'яснений мы от вас ожидаем, но то оставляем на время вашего пребывания у нас в Токмаке во время каникул. От имени Токмакских товарищей Лев Берзон.

Просим поместить это письмо в газете под псевдонимом И. Всезнаев.

Д. Д. П. О. О. № 5, т. 3. 1910 г.

«ЧТО СДЕЛАЛА «ПРАВДА» ДЛЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ЦЕЛОМ»

С. С. № 853 — 1913 г. 17/V

С. Петербург, 12 мая 1913 года, в Москву, Ивану Ивановичу Носову, Чистые пруды. № 17 кв. 6 для М. Г. Д.

Михаил. Вчера получила твое письмо. Что я его с нетерпением ждала, так обрадовалась ему, это, конечно, не требует доказательств. Много горести доставило твое письмо, но и много отрадного. Ты прав, Михаил, или твое письмо лжет, но по письму я узнаю тебя, я вижу тебя в нем таким, каким знала в Петербурге. Михаил. Так много хочется тебе сказать, но постараюсь быть последовательной и прежде всего написать самое для тебя интересное. Начну с самого жгучего вопроса в политической жизни, а именно с полемики между «Правдой» и «Лучем», с их разногласий. Прежде всего должна сказать, что я горячая сторонница «Правды», как была, так и сейчас. Поэтому мне кажется, что я не могу быть беспристрастной. Возможно, что и так, с этим я спорить не буду, а лучше буду доказывать, что я права. Недавно, как ты наверно знаешь, был годовой юбилей «Правды». Как-то невольно начинаешь подводить итоги, невольно спрашиваешь себя, что сделала «Правда» для меня и для всего рабочего движения в целом. Для меня она сделала вот что: самое главное — политическое воспитание по строго-последовательным марксистским взглядам, без урезывания лозунгов социал-дем. Михаил, это очень важно в таком духе воспитывать массу. «Правда» борется за свободу, против притеснений, против эксплуатаций, но ставит это широко по заветам последовательного марксизма. Она откликается на все явления

[1] Соц.-дем. фракция IV гос. думы состояла из 13 чел.: 6 большевиков и 7 ликвидаторов. Пользуясь своим ничтожным численным превосходством в 1 голос, ликвидаторская семерка подавляла большевистскую шестерку во всех вопросах думской работы. Шестерка потребовала для себя равноправия,—ликвидаторы ответили отказом. На этой почве во фракции произошел раскол, причем подавляющее большинство рабочих поддержало большевиков. — **Ф. Д.**

в освободительном движении и неуклонно в своем развитии идет вперед и вперед, все улучшается, хотя, правда, очень мешает этому маленький формат газеты, но теперь уже она три раза в неделю выходит с добавлением. Михаил, с историей освободительного движения я знакома всего за два, за три года. Теперь я слежу за литературой, строго слежу за полемикой между «Правдой» и «Лучем» и с каждым днем, с каждой статьей, мне все больше делается ясным, на чьей стороне правда, Михаил, «Луч» ведет явно не марксистскую тактику. «Луч» борется против подполья, в № 101 «Луч» отмечает стремление организованных рабочих к подполью прискорбным фактом. А затем, когда Плеханов и друг. назвали их не только ликвидаторами, но и изменниками партии, они стали оправдываться и Потресов пишет, что, дескать, они не против подполья вообще, только против старых форм организации. Ты знаешь, Михаил, что ликвидаторы раньше называли себя меньшевиками. Теперь от них откололся Плеханов и другие видные меньш. партийцы, а сами ликвидаторы теперь идут в открытую и называют себя таковыми. «Правда» все время разоблачает их не марксистскую, раскольническую тактику и строго стоит на стороже интересов демократии. Приведу пример: «Луч» пишет, что идейными сторонниками «Луча» состоят по крайней мере девять десятых всех российских рабочих, а «Правда» доказала на факте, на цифрах, что это гнусная ложь. На страницах «Правды» была помещена таблица, отчет о поступлениях в «Правду» и «Луч», где наглядно было видно, что большая часть поступлений от рабочих идет в «Правду», а в «Луч» — громадные суммы от тов. интеллиг. из-за границы. Я убеждена, что за год своего существования «Правда» многим товар. открыла глаза на политику лучистов и тем приобрела много убежденных, идейных сторонников. Докажу на фактах. Ты Михаил, когда-то говорил, что ликвидаторов очень много и что с ними приходится считаться. Знаешь ты, чем окончились выборы в Гос. Думу? Несмотря на все ухищрения ликвидаторов, в Думу по рабочим куриям прошли все шесть последовательных марксистов. Затем совсем недавно было учредительное собрание металлистов. Я там была, так что буду судить по собственному опыту: В «Правде» был список кандидатов в члены правления, который и прошел подавляющим большинством голосов. Лучисты возмутились против списка, а главным образом против того, что в правление прошли в громадном большинстве правдисты, и вот на страницах «Луча» мы читаем возмутительную статью: «Берегитесь, металлисты», где «Луч» предостерегает металлистов, от кого ты думаешь? — да от правдистов, которые якобы вносят раскол в рабочие массы, между тем как на деле наблюдается как раз обратное. На собрании лучисты еще раз потерпели полное поражение. (Должна еще добавить, что список лучистов ходил по рукам, хотя его и не было в «Луче»). Среди рабочей массы авторитет «Луча», если б таковой и был, все больше падает, а «Правда» завоевывает все больше симпатии. Михаил, ты конечно знаешь, что невозможно охватить такой серьезный, глубокий вопрос на двух страницах короткого письма, но я буду писать еще и еще...

У нас в Сампсоньевском гораздо меньше оживления, несмотря на то, что у нас школа. Арестов перед 1-м Мая было много, прямо массами. Что касается репрессий, то в этом году их было особенно много. Прямо избивали нагайками и шашками демонстрантов. А все-таки мы справили свой праздник.

Д. Д. П. № 5 — 57Б 1913 г.

Б. Иванов

БОРЬБА С ЛИКВИДАТОРАМИ ЗА СОЗДАНИЕ „ПРАВДЫ“

Большевистская газета «Правда» занимает выдающееся место в истории большевистской печати, как до, так и послереволюционного периода и в истории рабочего движения вообще. «Поставив ежедневную рабочую газету, петербургские рабочие совершили крупное,— без преувеличения можно сказать, историческое дело» [1],— писал Ленин по поводу основания «Правды».

«Правда» была создана в 1912 году, в период начавшегося нового революционного под'ема в России, после тяжелых годов реакции. В невероятно трудных условиях подпольного существования, вызванных третьеиюньским режимом, партия большевиков организовала выпуск «Правды», явившейся широкой легальной трибуной для рабочего класса, помогавшей сплочению и укреплению не только партии большевиков, но и собиранию широких пролетарских и демократических масс страны под знамя революционного большевизма.

Газета «Правда», руководимая партией большевиков, являлась действительно классовым органом. Через «Правду» пролетариат смог осуществить свою гегемонию и отвоевать трудящиеся массы из-под влияния либерализма на сторону революции. Через «Правду» наша партия смогла ознакомить широчайшие массы рабочих с программно-политическим и организационным содержанием и направлением большевизма. Руководимая Лениным и Сталиным, газета «Правда» явилась организующим центром борьбы за партийность, за массовую революционную рабочую партию, центром борьбы с ликвидаторством всех видов, в том числе с худшей его разновидностью — с троцкизмом.

Вопрос об издании ежедневной рабочей газеты обсуждался и на Пражской партийной конференции (январь 1912 года), на которой была порвана уже и организационная связь с меньшевиками - ликвидаторами, поставившими себя вне партии.

Сущность ликвидаторских идей в период начала деятельности «Правды» сводилась к программному и тактическому отречению от революционного марксизма, они означали полный организационный разброд и распад.

«Старые задачи отпадают, говорили одни, ибо в России уже в сущности власть стала буржуазной; развитие России отныне, заявляли другие, может итти подобно германскому или австрийскому после 1848 г. без всяких скачков; идея гегемонии рабочего класса устарела, говорили третьи, марксисты должны стремиться «не к гегемонии, а к классовой партии и т. д.» [2], — писал Ленин, суммируя идеи ликвидаторов разных толков.

Отрицая необходимость существования подпольной партии, ликвидаторы противопоставляли большевикам свой план организации рабочей открытой партии путем «самочинно» создаваемых рабочими массами «инициативных» групп, деятельность которых должна была заключаться в устройстве публичных докладов и открытых собраний по вопросам страхования, избирательной думской кампании и муниципальным вопросам (удешевления трамваев, водоснабжения и пр.). Ликвидаторы этим самым приспособляли свою деятельность к «конституционным» рамкам третьеиюньского режима.

Эти «инициативные» группы ликвидаторы рассматривали как легальную партию, строящуюся по образцу европейского социал-демократического рабочего движения. Идея кооперативного рабочего издательства и «нефракционной» рабочей газеты, противопоставленная ликвидаторами изданию рабочей газеты «Правда», была попыткой осуществить на деле европеи-

[1] Ленин. Т. XVI, стр. 45.

[2] Ленин. Т. XV, стр. 333.

зацию социал-демократического движения в России, что означало полное приспособление к столыпинскому буржуазному режиму, полный отказ от революции вместо подготовки пролетариата к революционному свержению ненавистного ему буржуазно-помещичьего строя.

За идею рабочего издательства и «нефракционной газеты» горячо ухватилась венская «Правда» Троцкого. В связи с этим Троцкий выдвинул свой «европейский» проект «комиссии рабочей прессы» по образцу «Presse Komission», существовавшей при германской социал-демократической партии.

«Комиссия прессы» была мечтанием оппортунистического интеллигента, который в обход трудных не-европейских условий рабочего движения в России сочинил отменно хороший европейский план и по случаю сочинения такого плана хвастался на весь мир своим «европеизмом»[1],—писал Ленин, разоблачая ренегатство Троцкого, его измену революции и рабочему классу, его отрицание гегемонии пролетариата.

Ленин сравнивал ликвидаторов и Троцкого с их идеей европеизации российской социал-демократии с голыми дикарями, надевшими цилиндры и воображающими, что благодаря этому они уже сделались европейцами. В условиях самодержавия, говорил Ленин, идеи ликвидаторов и Троцкого об европеизации партии были «мыльными пузырями», выдумками оппортунистических интеллигентов, прикрывающих громкими фразами свое подлое ренегатство, свое предательство в отношении рабочего класса. Этим идеям — «естественному», по словам Ленина, порождению всякой буржуазной обстановки, а особенно в условиях России — революционные марксисты должны были дать резкий и решительный отпор.

Борьба против ликвидаторов особенно ожесточенно развернулась в Петербурге. Я, будучи тогда председателем союза петербургских булочников, явился одним из участников борьбы партии против петербургских ликвидаторов. В этой статье я и хочу поделиться своими воспоминаниями о некоторых фактах из периода борьбы партии за создание «Правды».

1

Идея издания массовой рабочей газеты возникла в конце 1911 года и впервые была высказана на страницах большевистской газеты «Звезда». Одновременно с этим в рабочих массах Петербурга стал обсуждаться вопрос о постройке дворца рабочих. Эта мысль родилась под влиянием отсутствия помещений для устройства общих собраний союзами и рабочими клубами.

Главными инициаторами постройки дворца рабочих явились петербургские союзы печатников и металлистов. Меньшевики-ликвидаторы из этой агитации за рабочий дворец создавали самоцель, отодвигая всторону подлинные задачи борьбы рабочего класса. Для них это было одной из разновидностей легального рабочего движения. При обсуждении вопроса о рабочем дворце и рабочей газете противники рабочего дворца правильно указывали на то, что при царизме дворец очень скоро будет закрыт и таким образом пропадут рабочие деньги, тогда как с газетой царизму не так легко будет справиться. Закрытая в одном месте и под одним названием, та же газета легко может возродиться в другом месте и под другим названием.

В «Звезде» образовался специальный отдел «Дом рабочих и Рабочая газета», в котором дискутировался этот вопрос и был помещен ряд статей, агитирующих за создание рабочей газеты.

В условиях нелегального существования партии проблема рабочей газеты приобретала исключительное значение, она выдвигалась перед рабочими самой жизнью.

Вопрос о рабочей газете непосредственно увязывался и с предстоящей думской избирательной кампанией как средством широкого, легального участия партии в политической жизни страны.

На страницах «Звезды» в разделе «Дом рабочих и Рабочая газета» писалось: «Наступающий год требует особо внимательного к себе отноше-

[1] Ленин. Т. XVI, стр. 43.

ния со стороны всякой политической партии.

Предстоит борьба по всей стране при новых выборах в 4-ю Думу. Нам, без сомнения, нужно собрать все свои силы и направить все свое внимание в одну точку... Таким собирателем и руководителем может быть для нас при настоящих российских условиях только газета»[1].

Вопрос об ежедневной рабочей газете связывался рабочими также с вопросом успешного ведения экономических боев, которые не раз срывались буржуазной печатью.

Иллюстрируя это конкретным примером забастовки 500 астраханских бондарей, рабочий корреспондент «Звезды» из Астрахани пишет в письме в редакцию:

«Что же делает, с позволения сказать, пресса? Наперерыв, стараясь угодить начальству, пишут, что «на рынке спроса на посуду совершенно нет, лов рыбы плохой, а потому и посуды будет требоваться немного, так что рабочие проиграют забастовку... Таков штиль наших газет, да иначе и быть не может: задача желтенькой прессы сломить — хотя бы путем провокации — забастовку рабочих. Таким образом, на очередь дня, для формирующейся пролетарской армии, выдвигается необходимость своей, действительно пролетарской, ежедневной газеты, которая бы сумела обслуживать нужды все растущего движения»[2].

Далее, автор говорит, что все подымающееся движение требует твердого руководства и газета «Звезда», выходящая редко, даже при ее огромной популярности не может вполне удовлетворить всем задачам момента. Нужна во что бы то ни стало своя, рабочая газета.

О первостепенном значении создания ежедневной рабочей газеты пишет и рабочий корреспондент тов. А. М-ий в письме в редакцию:

«Русский рабочий всегда страдал отсутствием своей прессы, но особенно чувствуется это отсутствие теперь, когда он предоставлен самому себе и нет у него того идейного руля, при посредстве которого он мог бы, с одной стороны, разобраться во всех тонкостях современных социальных отношений, а с другой — притти не к ликвидаторскому благоразумию под красным флагом идейного обновления, намечающего путь от политических бурь к тихому пристанищу безопасного мудрствования, а к живой жизни, полной творчеством и борьбой... Нужна большая идейная сила, чтобы ускорить этот процесс возрождения революционной психологии, при наличности которой вопрос о помещении — второстепенный»[3].

Рабочий дворец, говорит он,—это роскошь, а рабочая газета — необходимость.

В № 37 «Звезды» от 9 января 1912 года в передовой статье под заголовком «Рабочая газета», принадлежавшей тов. Батурину, были изложены основные задачи рабочей газеты. В № 38 «Звезды» от 15 января в корреспонденции из колонии ссыльных политических Архангельской губернии также говорится о необходимости поставить на первое место издание газеты и отложить вопрос о постройке дома рабочих. В этом же номере рабочий корреспондент «Звезды» Павел Погулянский предлагает перейти от слов к делу, приступить к созданию при «Звезде» фонда для организации рабочей газеты, и делает первый взнос в сумме 2 рублей.

С этого номера в «Звезде» начали печататься отчеты о сборах на рабочую газету. Первый коллективный взнос был сделан членами рабочего клуба общества Стасюлевича, которые собрали на своем митинге в фонд рабочей газеты несколько десятков рублей и прислали их в «Звезду» вместе с принятой ими соответствующей резолюцией.

Вслед за этими статьями и корреспонденциями посыпался целый дождь резолюций, приветствий и денег для создания газеты. Не было, кажется, такой профессии рабочих, которая не высказала бы своего положительного отношения к газете. Рабочие: булоч-

---

[1] «Звезда» № 36 от 31 декабря 1911 г. (13 января 1912 года).

[2] «Звезда» № 1 от 6 (19) января 1912 года.

[3] Там же.

ники, типографы, металлисты и даже такие отсталые слои как дворники, извозчики, домашняя прислуга — все об'единились в единой мысли о создании рабочей газеты. Многочисленные приветствия рабочих были проникнуты твердой убежденностью в необходимости создания классовой рабочей газеты. Выступления эти показали, что рабочие полностью поддерживают большевиков и их неурезанные лозунги.

Потерпев поражение в своей борьбе против кампании «Звезды» за создание рабочей газеты, ликвидаторы поспешили переменить «тактику», выдвинув идею создания «нефракционной» рабочей газеты.

Для этой цели ликвидаторы, отрицавшие всякие нелегальные формы борьбы, не останавливались перед организацией нелегальных инициативных групп меньшевиков на некоторых крупнейших заводах Петербурга и центральной инициативной группы, в которую вошли меньшевики Ермолаев, Гвоздев, Романов, Гудков, Рубцов, Абросимов (провокатор) и ряд других видных лидеров меньшевизма. Меньшевики потребовали также передачи им всех средств, собранных газетой «Звезда» на издание рабочей газеты.

2

Особенную активность меньшевики проявляли в Петербурге, отлично понимая, каким могучим орудием борьбы против них явится большевистская газета.

В середине апреля 1912 года в союз портных были переданы адрес и пароль тайного собрания, созываемого инициативной группой меньшевиков по вопросу об ежедневной рабочей газете.

На это собрание удалось попасть и мне. Оно происходило в Гавани. Я пришел на указанную квартиру на Гаванском проспекте, сказал пароль, меня впустили, а затем, минут через 20, какая-то девица отвела меня на другую квартиру, где-то на окраине Гавани, в маленький деревянный домик, в котором, как я потом узнал, жил рабочий-металлист Шпаковский. Здесь я увидел весь цвет меньшевиков: Ермолаева, Романова, Гвоздева, Гудкова, члена Государственной думы Кузнецова и др. Из большевиков здесь были: представитель от союза деревообделочников Жолнирович, от картонажников — Разживин, от общества «Наука» — Маруся Бурко (ныне Ушацкая). Забылись фамилии представителей союза кожевников, портных, общества Стасюлевича и других товарищей от металлических заводов. Остальные—около 18 человек—были меньшевики.

Собрание было созвано, как об этом заявил председатель, совещанием профсоюзов, рабочих клубов и представителями заводов по вопросу об организации инициативной группы для создания рабочей, «внефракционной» газеты.

На этом собрании докладчик Ермолаев сообщил нам, что целью собрания является высказать об'единенное мнение рабочих организаций Петербурга по вопросу об организации кооперативного издательства, которое будет выпускать «внефракционную» «марксистскую» газету, а также брошюры и книги.

Против предложения Ермолаева выступили автор этих строк и портниха Бурко. Мы указывали, что тактику меньшевиков, созывающих данное собрание, мы не можем назвать иначе, как обманом, и что спор между нами решится, конечно, не здесь, на тайном собрании, состоящем главным образом из сторонников меньшевиков-ликвидаторов, а в гуще рабочих масс. Но здесь все же нужно, не затушевывая, поставить вопрос о том, что такое инициативная группа, которую взамен нелегальной партии рабочего класса выдвигают меньшевики? Вы называете ее будто бы представительством рабочего класса, но мы, присутствующие здесь большевики, понимаем тайный смысл задач и целей этой инициативной группы и подчеркиваем, что социал-демократия не едина: большевизм и меньшевизм есть два резко противоположных течения. И кто говорит о бесфракционности создающейся газеты, тот сознательно обманывает рабочую массу. А мы как представители рабочих клубов и союзов заявляем, что нам нужна газета направления «Звезды»,

т. е. большевистская. Мы протестуем против подмены мнений и воли организованных рабочих Петербурга и заявляем, что данное собрание должно считаться совещательным и не может выносить никаких решений, так как здесь далеко еще не представлены все организованные в клубах и союзах рабочие массы.

Меньшевики пытались опровергнуть мнение большевиков, но вся большевистская часть собрания единодушно заявила, что идея создания ликвидаторами издательства—их собственное дело, но бесфракционный печатный орган под флагом этого издательства — это обман рабочих масс.

Меньшевики не ожидали такого единодушного отпора, тем более, что среди большевиков были рядовые рабочие, еще мало искушенные в политике и только здесь понявшие лицемерную игру ликвидаторов. Когда один из лидеров меньшевиков, Ермолаев, после заключительного слова предложил поставить на голосование резолюцию о создании инициативной группы и принять проект устава рабочего издательства, мы заявили протест, считая собрание неправомочным решать этот вопрос, и покинули заседание.

Оставшиеся меньшевики утвердили себя инициативной группой и приняли проект устава рабочего издательства, постановив в ближайшее время созвать открытое собрание рабочих для утверждения устава.

3

После этого собрания необходимо было немедленно начать энергичную борьбу против меньшевиков для разоблачения перед всей рабочей массой истинной цели создания инициативной группы.

Меньшевики, находившиеся в более выгодном положении чем мы, так как они меньше страдали от полицейских преследований и пользовались бо́льшими легальными возможностями, со своей стороны развернули работу по насаждению инициативных групп, выступая против нас как против заговорщиков и сектантов, якобы отрывающихся от рабочей массы.

Борьба обострялась.

Как председатель союза булочников Петербурга я решил немедленно собрать заседание Правления союза и на нем поставить вопрос о том, какой должна быть будущая рабочая газета, понимая все огромное значение правильного решения этого вопроса. Написав проект резолюции, я согласовал ее с двумя бывшими в союзе членами Правления—большевиками—и затем созвал заседание Правления.

Характерно, что перед вынесением этой резолюции я даже не собирал фракции большевиков Правления, так как был вполне уверен в том, что Правление выскажется целиком и полностью за большевистское направление вновь организуемой газеты.

Резолюция была принята единогласно 13 членами Правления, из которых 2 было беспартийных и 3 колеблющихся между большевиками и левыми эсерами.

Проведя резолюцию на Правлении, я вынес ее на делегатское собрание союза, а затем она прошла на митингах целого ряда предприятий нашего союза, причем характерно, что нигде не было высказавшихся против, были лишь воздержавшиеся, и то из среды эсеров.

Жолнирович, Бурко и ряд других товарищей—участников собрания инициативной группы—также провели по своим организациям работу по разоблачению ликвидаторов и за создание большевистской рабочей газеты.

Резолюция нашла свою яркую оценку в статье «О рабочей газете», напечатанной в № 4 «Невской звезды» за 1912 год:

«Решение Петербургского союза булочников, — писалось в этой статье, — о котором сообщалось недавно (см., например, №№ 27—63 «Звезды»), заслуживает большого внимания. Оно касается живо интересующего петербургских, да и не одних только петербургских рабочих вопроса о направлении и характере ежедневной рабочей газеты.

Вопрос этот приобрел особенное практическое значение в виду попыток создать конкуренционный орган впротивовес тому, о котором давно сообщала «Звезда» и на который, как видно из ее денежных отчетов,

собрана уже сумма свыше четырех тысяч рублей. Правление союза булочников обсуждало как раз вопрос «об отношении к выходящей на-днях рабочей газете (газ. «Правда») и к той газете, которую хочет создать так называемая «инициативная группа»...

«Инициативные группы» суть группы ликвидаторов, которые уже много месяцев тому назад стали основывать там и сям отдельные интеллигенты в противовес прежним коллективам, против них. Поэтому, когда прямые или прикрывающиеся разными оборотами речи сторонники и защитники этих «инициативных групп» жалуются на «раскол», поднимают шум и крики против «раскола», то остается только припомнить народную поговорку: «Медведь корову дерет, да сам же ревет». «Инициативные группы» уже совершили раскол! В таких местах, как Екатеринослав, где «инициативные группы» откололись от меньшевиков, полных самыми «миролюбивыми» стремлениями, эта раскольническая политика ликвидаторов особенно ясна. Но и в других местах дело обстоит так же. И правление союза булочников подало хороший пример, указав с точностью, что именно «инициативная группа» «хочет создать» свою газету в противовес «Правде».

«Обсудив этот вопрос, — гласит газетное сообщение,— правление единогласно пришло к выводу, что беспартийная классовая газета не может отвечать интересам рабочих и все старания «инициативной группы» будут напрасны. А создавшись, она все равно примет какую-либо партийную окраску в зависимости от состава ее редакции».

Этот вывод, к которому единогласно пришло правление союза, показывает нам, что правление не ограничивалось голой ссылкой на «инициативную группу», т. е. группу ликвидаторов, а стало рассматривать по существу вопрос о характере предприятия этой группы. Ликвидаторы и их защитники пробуют поднять шум вокруг требования «рабочего контроля». Ответом являются приведенные сейчас слова правления...

Правление союза булочников ухватило эту суть вопроса о «контроле» гораздо лучше, чем многие интеллигенты, которые криками о контроле хотят прикрыть бесконтрольность ликвидаторов. И правление взяло, как и следует, быка за рога, когда опубликовало в газетах следующее заявление:

«Далее, правление, признавая необходимым создание ежедневной рабочей газеты, всецело стоит за то, чтобы будущая рабочая газета не была бы органом либеральной рабочей политики, а была бы органом, который на своих страницах проводит идеи всех форм классовой рабочей политики. И потому правление всецело присоединяется к создающейся по инициативе «Звезды» рабочей газете и на таковую призывает булочников жертвовать свои средства».

В этих словах дан ответ на вопрос о контроле, ответ по существу, а не путем формальной отписки или ссылки на формальности, в действительной жизни никогда неосуществимые. Рабочие давно уже «контролируют» и не только контролируют, а решают вопрос о либеральной рабочей политике, проповедуемой «Нашею Зарею» и «Живым Делом». Первый шаг «контроля» в том и состоит, чтобы этот вопрос решить бесповоротно, ясно и определенно.

В самом деле, не очевидно ли, что, например, писатели названных сейчас органов имеют известное решение данного вопроса. Не очевидно ли, что «инициативная группа» проконтролировала уж это решение и признала его правильным, т. е. встала на сторону ликвидаторов? Это все общеизвестные факты, от которых словами отговориться нельзя. И у всякого сознательного рабочего, который серьезно осуществляет свое право контроля и право решения, который серьезно вдумывается в то, почему возникают те или иные направления, верны ли они, прежде всего возникает именно вопрос, поставленный правлением союза булочников.

Всякий сознательный рабочий в такое время, когда громаднейшее большинство органов прогрессивной печати находится в руках либералов, когда либералы представляют из себя единственную терпимую режимом 3-го июня оппозицию, не может не поставить вопроса о том, должна ли его газета быть органом либеральной рабочей политики или марксист-

ской рабочей политики, органом «беспартийных», «инициативных групп» или нет.

Решение правления союза булочников имеет, как видим, чрезвычайно важное значение. Необходимо поэтому особенно внимательно отнестись к нему. От фраз оно направляет нас к сути дела» [1].

Рабочий класс России, в особенности рабочие Петербурга, в этот период уже ясно видели истинное лицо ликвидаторства как течения, которое тянуло рабочий класс и рабочее движение к полной капитуляции перед буржуазией.

4

Меньшевики-ликвидаторы за восемь дней до выхода газеты «Правда» решили мобилизовать все свои силы и сорвать осуществление единодушного решения рабочих масс создать свою, большевистскую газету. Для этого меньшевики постановили созвать массовое собрание, которое должно было подтвердить решения меньшевистских инициативных групп об организации «бесфракционной» газеты.

Повестки на это собрание посылались меньшевиками лишь своим сторонникам, но благодаря сочувственному отношению к большевикам со стороны некоторых меньшевиков из среды рабочих и личной дружбе с целым рядом меньшевиков-партийцев немногим из нас все же удалось получить повестки на собрание.

В эти годы режим реакции под напором рабочего движения и в связи с окончанием промышленного кризиса ослабевал. Это собрание было первым в царской России, где на повестке дня стоял вопрос об определении линии рабочего движения. По существу, это была старая борьба двух линий в революции внутри рабочего движения.

Зал гимназии Федоровой, где должно было происходить собрание, был наполнен агентами охранного отделения, сидящими в толпе. Они зорко следили, чтобы на собрании не было сказано лишних слов, и брали на заметку всех подозрительных ораторов. В этой обстановке выступать с защитой большевистских взглядов было, конечно, крайне затруднительно.

Собрание как бы разбилось на три группы. Первую группу составляли рабочие-большевики, вторую, обширную группу представляли ликвидаторы и третью — либералы, которые работали главным образом в области просвещения и являлись как бы сочувствующими рабочему классу.

Собрание происходило в исключительной обстановке: в это время на улицах Петербурга шли демонстрации протеста против ленской бойни. На Невском и Садовой казачьи отряды нагайками разгоняли толпы студентов и рабочих, вышедших с красными флагами.

В зале собралось до 600 человек. Меньшевики выпустили весь «цвет» находящихся налицо лидеров меньшевизма.

Докладчик от инициативной группы Гудков выступил с демагогическим заявлением о том, что политическое направление газеты будет «марксистское» «внефракционное».

Второй представитель от инициативной группы — Ермолаев — направил главным образом все свое красноречие против «Звезды» и ее сторонников, пытаясь доказать, что успех свой в кругах рабочих газета завоевывает при помощи громких слов и демагогии.

В ответ на эти слова в зале раздались возгласы возмущения и протеста, иронический смех и шикание.

Атмосфера собрания накалялась.

Следующим за Ермолаевым получил слово я. До сих пор мне не представлялось случая выступать оппонентом против таких видных меньшевиков, и немудрено, что я отчасти робел, но наглая речь Ермолаева прибавила мне смелости. За эти годы уже забылось точное содержание речи, но в основном она сводилась к следующему: «Ермолаев лжет, когда говорит, что мы играем на темноте рабочих масс. Наоборот, вся наша страстная борьба проникнута желанием идти вместе с рабочим классом и только с ним одним — без всяких союзников справа, пытающихся свести рабочих с правильного политического пути. Мы говорим рабочим массам — срывайте маски с тех, кто кор-

---

[1] «Невская звезда» № 4 за 1912 год.

мит вас баснями о «нефракционной» газете, так как за этой болтовней скрывается хитрая тактика ликвидаторов. Ликвидаторы здесь могут смело выступить со своими знаменем и лозунгами за открытую рабочую партию, но мы принуждены молчать, так как открыто нам здесь не дадут говорить.

Мы, последовательные социал-демократы, на своем знамени несем неурезанные лозунги, а это значит, что за нами идут те, кто против всяких компромиссов с буржуазией. От лица всех сторонников этой подлинной социал-демократии мы заявляем протест против ликвидаторской демагогии о том, что газета может быть бесфракционной. Это ложь. Она будет такой, какова будет редакция и за кем будет большинство в этой редакции. К чему здесь выносить решения о платформе газеты и ее направлении, когда в этом зале не представлены полностью интересы и воля рабочего класса, так как это собрание является собранием сторонников ликвидаторства, а революционная рабочая масса сейчас находится на улицах Петербурга, демонстрируя свои требования.

Сейчас рабочие своими массовыми сборами поддерживают газету «Звезда». И она, несомненно, поможет нам создать «рабочую газету» того же идейного направления, что и сама «Звезда».

Упоминание о «Звезде» вызвало бурные аплодисменты сторонников большевиков и еще более громкое шиканье и свистки со стороны ликвидаторского лагеря, которые были здесь в большинстве и чувствовали себя хозяевами положения. Я видел, что пристав внимательно смотрит на меня из-под блестящих стекол своего пенсне, и понимал, что большего не скажешь.

Тяжелый ком злобы подкатился к сердцу. Сказав еще несколько слов, я сошел с трибуны под аплодисменты моих сторонников и крики и свист противников. Вслед за мной выступал еще один из нашей группы большевиков, который в речи, наполненной едкой критикой, бичевал всю путаную, жульническую политику меньшевиков, полную обмана и политического шулерства.

Он предостерегал рабочих от увлечения идеей якобы беспартийной «Рабочей газеты» и выдвигал как основную платформу для газеты большевистскую платформу «Звезды».

Вынесенная на голосование резолюция меньшевиков-антиликвидаторов отмечала, что под флагом создания «Рабочей газеты» группа петербургских ликвидаторов пытается издать свой, фракционный орган и расколоть рабочих по вопросу об отношении к газете «Правда». Но вместе с тем антиликвидаторы выдвигали идею создания единой рабочей газеты, об'единяющей «все течения, не исключая ликвидаторства», путем превращения в такой орган газеты «Правда».

В резолюциях инициативной группы ликвидаторов говорилось о необходимости избрать комиссию для выработки устава кооперативного общества для издания «Рабочей газеты» и выражалось пожелание, чтобы в «Правду» были допущены представители от профессиональных и культурно-просветительных обществ.

Нужно сказать, что точку зрения, выраженную в резолюции меньшевиков-антиликвидаторов, не разделял целый ряд большевиков (в том числе и я), но мы не могли выступить со своей резолюцией, так как получили повестки в день собрания или в лучшем случае накануне и пришли на собрание, не выработав единого мнения. В самом зале невозможно было собраться отдельно для согласования резолюции, так как за нами смотрели десятки глаз охранников и полиции. Вот почему вышло так, что некоторые из сторонников газеты «Звезда» голосовали совместно с антиликвидаторами, а значительное большинство воздержалось от голосования.

То, что состав собрания был специально подобран ликвидаторами, видно хотя бы из того, что первая резолюция, внесенная меньшевиками-партийцами, едва была допущена к оглашению, а при голосовании подавляющим большинством отвергнута.

На собрании меньшевиками была избрана инициативная группа в 7 человек, которая должна была проводить работу по организации коопе-

ративного издательства и подготовке издания «Рабочей газеты».

Собрание в зале гимназии Федоровой было последней попыткой ликвидаторов подменить волю петербургских рабочих, выступающих за создание своей рабочей газеты «Правда». Вскоре агитация петербургских ликвидаторов за рабочее издательство и «нефракционную» газету прекратилась. Одной из причин этого явился раскол по этому вопросу в среде самих ликвидаторов. Отчасти повлиял арест петербургской инициативной группы. Основной же причиной явилась проделанная нашей партией работа по разоблачению сущности ликвидаторства среди широких рабочих масс. В конечном результате петербургские меньшевики-ликвидаторы собрали в фонд своей «нефракционной» газеты ничтожную сумму. Это явилось свидетельством размеров деятельности ликвидаторов и их действительного влияния на петербургский пролетариат.

Очевидный провал идеи ликвидаторов дал основание Владимиру Ильичу писать в конце июля 1912 года:

«Увлекательна мысль о широком рабочем с'езде, об открытом рабочем издательстве, о нефракционной рабочей газете. Но вся суть в том, что неисполнимы эти увлекательные вещи без предварительной упорной и трудной борьбы за политическую свободу вообще, за победу марксизма внутри рабочей демократии и т. д. Демагогические обещания легко давать. Но жизнь быстро показывает их неисполнимость и разоблачает оппортунизм «розовых мечтаний» [1].

Ленин придавал огромное значение вопросу создания рабочей ежедневной газеты; он был одним из главнейших инициаторов и организаторов ее. В середине 1912 года Ленин специально переезжает в Краков, чтобы иметь возможность непосредственно руководить работой газеты «Правда».

* * *

22 апреля 1912 года вышел первый номер газеты «Правда». «Создание «Правды» явилось выдающимся доказательством сознательности, энергии и сплоченности русских рабочих», — писал Ленин, оценивая героическую борьбу петербургских рабочих за издание своей газеты. «Правда», возникшая по инициативе рабочих и созданная их усилиями, росла и крепла вместе с ростом и укреплением массового рабочего движения. Вместе с пролетариатом «Правда» проделала свой исторический 25-летний путь героической борьбы и славных побед. Своей борьбой за торжество генеральной линии партии, за торжество социализма, непримиримой борьбой с врагами пролетариата — троцкистами и правыми, выродившимися впоследствии в оголтелую банду фашистских агентов, газета «Правда» вписала яркие страницы в славную историю ленинско-сталинской партии и мирового пролетарского движения.

[1] Ленин. Т. XVI, стр. 35.

(Ф. Энгельс)

С'ЕЗД В СОНВИЛЬЕ[1] И ИНТЕРНАЦИОНАЛ*

Едва ли нужно говорить о том, каково в настоящее время положение Международного товарищества рабочих. С одной стороны, грандиозные парижские события придали ему такую мощь и такое распространение, каких оно еще никогда не имело; с другой,— мы видим, что против него об'единились почти все европейские правительства: Тьер и Горчаков[2], Бисмарк и Бейст[3], Виктор-Эммануил[4] и папа, Испания и Бельгия. Интернационал травят со всех сторон: все силы старого мира, военные и гражданские суды, полиция и пресса, помещики и буржуа соревнуются в преследованиях Интернационала, и на всем континенте вряд ли найдется такое место, где не пускались бы в ход все средства, чтобы поставить вне закона это вселяющее ужас великое братство рабочих.

И вот как раз в этот момент, когда все силы старого общества об'единились, чтобы насильственным путем дезорганизовать Интернационал, когда единодушие и сплоченность нужны нам больше, чем когда бы то ни было, как раз в этот момент небольшая и по ее собственному признанию с каждым днем все уменьшающаяся группа членов Интернационала в каком-то уголке Швейцарии сочла нужным выступить с гласным циркуляром с тем, чтобы посеять раздор в нашей среде. Эта группа, именующая себя Юрской федерацией, состоит в основном из тех же людей, которые под руководством Бакунина вот уже больше двух лет непрестанно подрывают единство во французской Швейцарии и своей усердной тайной перепиской с кое-какими родственными им элементами в разных странах противодействуют единодушной деятельности Интернационала. Пока эти интриги ограничивались Швейцарией или велись втихомолку, мы не хотели давать им более широкой огласки, но упомянутый циркуляр вынуждает нас к этому.

Ссылаясь на то, что Генеральный совет созвал в этом году не конгресс, а конференцию, Юрская федерация на своем с'езде в Сонвилье 12-го ноября выработала циркулярное обращение ко всем секциям Интернационала, которое было отпечатано во множестве экземпляров и распространено затем по всем странам мира и в котором секциям предлагалось настаивать на немедленном созыве конгресса. Почему конгресс надо было заменить конференцией, это для нас, по крайней мере в Германии и Австрии, ясно как день. Если бы мы послали своих делегатов на конгресс, то тотчас же после своего возвращения они были бы арестованы и брошены в тюрьму; в таком же положении оказались бы делегаты из Испании, Италии, Франции. Конференция же, на которой не бывает открытых прений, а только деловые закрытые заседания, была вполне возможна, потому что имена ее делегатов не стали бы достоянием гласности. Отрицательный момент заключался

---

* «Правда» № 76 (7042) от 18 марта.

[1] С'езд бакунинских секций состоялся в Швейцарии, в Сонвилье, 12 ноября 1871 г. На этом с'езде было принято циркулярное обращение ко всем федерациям Международного товарищества рабочих, направленное против Маркса и марксизма, против руководящей политической и организационной роли Генерального совета. Бакунисты требовали в Сонвильерском циркуляре экстренного созыва конгресса Интернационала и нападали на решения Базельского конгресса (6 — 11 сентября 1869 г.) и Лондонской конференции Интернационала (17 — 23 сентября 1871 г.).

[2] **Горчаков, Александр Михайлович** — царский дипломат, министр иностранных дел.

[3] **Бейст, Фридрих-Фердинанд**—австрийский министр иностранных дел и канцлер, крайний реакционер.

[4] **Виктор-Эммануил** II — итальянский король.

в том, что конференция не могла решать программных вопросов или вносить изменений в устав: она должна была ограничиться принятием организационных решений, обеспечивающих лучшее проведение в жизнь организационных принципов, предписываемых уставом и решениями конгрессов. Но при данных условиях только это и требовалось, дело шло о мероприятиях крайне необходимых в данный момент, а для этого было достаточно и конференции.

Впрочем, нападки на конференцию и ее постановления были только предлогом. Да и сами авторы данного циркуляра говорят об этом только мимоходом. Они видят источник зла гораздо глубже. Они утверждают, что, согласно уставу и первоначальным резолюциям конгрессов, Интернационал является якобы не чем иным, как «свободной федерацией автономных (самостоятельных) секций», ставящей себе целью освобождение рабочих усилиями самих рабочих, «без всякого, хотя бы и созданного по свободному соглашению, руководящего авторитетного органа». Поэтому и Генеральный совет, якобы, представляет собой не что иное, как «простое информационно-статистическое бюро». Но эта первоначальная основа была-де вскоре искажена — сперва предоставлением Генеральному совету права самому пополнять свой состав новыми членами, а затем еще в большей степени резолюциями Базельского конгресса, согласно которым Генеральный совет получил право временно исключать отдельные секции впредь до созыва следующего конгресса и предварительно, до решения конгресса, разрешать спорные вопросы. Этим самым Генеральному совету была-де предоставлена опасная власть, а свободное об'единение самостоятельных секций было превращено в иерархическую и авторитарную организацию «дисциплинированных секций», так что «секции целиком очутились в руках Генерального совета, который может по своему произволу отказать им в приеме или распустить их».

Наши немецкие читатели слишком хорошо знают цену организации, которая способна постоять за себя, и все это им покажется весьма странным. И это вполне естественно, ибо теории г. Бакунина, развернувшиеся тут во всей своей красе, не успели пока проникнуть в Германию. Выходит, что рабочая организация, начертавшая на своем знамени прежде всего лозунг борьбы за освобождение рабочего класса, должна возглавляться не исполнительным комитетом, а простым информационно-статистическим бюро! Но борьба за освобождение рабочего класса для Бакунина и его сподвижников — пустой предлог: подлинная их цель совсем иная.

«В основе будущего общества будет лежать та же организация, которую установит для себя Интернационал, но только эта организация получит всеобщее распространение. Поэтому необходимо добиться того, чтобы организация Интернационала была как можно ближе к нашему идеалу... Интернационал, этот зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас точным отображением наших принципов свободы и федерализма; он должен решительно отвергнуть в своей собственной организации всякий принцип, ведущий к авторитарной власти и к диктатуре.

Мы, немцы, славимся своим мистицизмом, но до такого мистицизма даже нам далеко. Интернационал — прообраз грядущего общества, в котором не будет больше ни версальских расстрелов, ни военных судов, ни постоянных армий, ни черных кабинетов, ни брауншвейгского уголовного суда! Как раз теперь, когда мы должны всеми силами отбиваться от своих врагов, пролетариату предлагают организоваться не в соответствии с потребностями борьбы, ежедневно и ежечасно ему навязываемой, а в соответствии с тем, как некоторые фантазеры представляют себе общество будущего! Представим себе нашу собственную, германскую организацию, какою она была бы согласно этому образцу. Вместо того, чтобы бороться против правительств и буржуазии, мы стали бы ломать себе голову над тем, является ли каждый параграф нашего устава, каждое постановление с'езда точным отображением будущего общества. Вместо нашего исполнительного комитета у нас было бы простое информационно-статистическое бюро. Пусть уж оно справляется, как знает,

с самостоятельными секциями, — настолько самостоятельными, что они не должны признавать никакого руководящего авторитарного органа, хотя бы даже созданного по их собственному свободному соглашению, — ведь этим они нарушили бы свою первейшую обязанность — быть точным прообразом будущего общества! О сплочении сил, о совместных действиях не может быть и речи. Если в каждой отдельной секции меньшинство подчиняется большинству, то оно совершает преступление против принципов свободы и признает принцип, ведущий к авторитарной власти и к диктатуре! Если Штибер со всеми своими сподручными, если весь черный кабинет, если все прусские офицеры вступят по приказу свыше в социал-демократическую организацию, чтобы взорвать ее изнутри, то комитет или вернее информационно-статистическое бюро ни в коем случае не смеет воспрепятствовать этому; ведь это значило бы ввести иерархическую и авторитарную организацию! А главное — никаких дисциплинированных секций! И никакой партийной дисциплины, никакой централизации сил в одном пункте, никакой вооруженности для борьбы! Во что превратился бы при таких условиях прообраз будущего общества? Короче говоря, куда бы мы скатились с такой новой организацией? К трусливой, подхалимской организации первых христиан, этих рабов, которые с благодарностью принимали каждый пинок и которые, правда, своим пресмыкательством добились через триста лет победы своей религии — такому методу революции уж во всяком случае пролетариат подражать не станет! Как первые христиане взяли за образец для своей организации свое воображаемое небо, точно так же нам предлагают, видите ли, сделать своим образцом будущий общественный рай г. Бакунина и вместо того, чтобы бороться, — молиться и надеяться. И люди, проповедующие нам подобный вздор, выдают себя за единственных подлинных революционеров!

Возвращаясь к Интернационалу, мы должны все-таки сказать, что пока дела его обстоят вовсе не плохо. Генеральный совет обязан, до принятия решения новым конгрессом, проводить в жизнь базельские резолюции, и он свою обязанность выполнит. И так же, как он не постеснялся выбросить вон Толенов и Дюранов, так и сейчас он позаботится о том, чтобы Штиберам[1] и К° был закрыт доступ в Интернационал, хотя бы Бакунин и усмотрел в этом диктаторство.

Но как же состоялось принятие этих ужасных базельских решений? Очень просто. Они были предложены бельгийскими делегатами, и **никто не высказывался за них так горячо, как Бакунин и его друзья** Швицгебель и Гильом, подписавшие Сонвильерский циркуляр! Правда, тогда дело обстояло иначе. Тогда эти господа надеялись получить большинство и захватить в свои руки Генеральный совет. Тогда никакое расширение прав Генерального совета не казалось им достаточным. Ну, а теперь совсем другое дело! Новые времена, новые песни! Теперь они требуют низведения Генерального совета до роли простого информационно-статистического бюро, лишь бы только не пострадала репутация бакунинского общества будущего.

И эти люди, сектанты по призванию, за которыми с их мистически-первохристианской доктриной стоит ничтожно малая часть членов Интернационала, не стыдятся упрекать Генеральный совет в том, что его члены хотят «утвердить в Интернационале свою особую программу, свое личное учение; что свои приватные взгляды они считают официальной теорией, которая одна только имеет право гражданства в Товариществе». Это уж действительно чересчур! Кто имел возможность следить за внутренней историей Интернационала, тот знает, что эти самые люди уже почти три года занимаются главным образом тем, что стараются навязать Товариществу свои сектантские догмы в качестве общей программы; а когда это не удалось, они начинают жульнически выдавать бакунинские фразы за общую программу Интернационала. И тем не менее Генеральный совет только про-

[1] **Штибер Вильгельм** — директор прусской политической полиции, мастер шпионажа, провокаций и фальшивок, организатор Кельнского процесса коммунистов, во время франко-прусской войны стоял во главе контрразведки.

тестовал против этой фальсификации, но не оспаривал у них до сих пор права принадлежать к Интернационалу или распространять, сколько им угодно, их сектантские выдумки под их собственной маркой. Как Генеральный совет отнесется к Сонвильерскому циркуляру, об этом сейчас говорить преждевременно.

Эти люди сами блестяще доказали, чего им удалось добиться посредством своей новой организации. Везде, где этому не препятствовали насильственные мероприятия реакционных правительств, Интернационал сделал со времени Парижской коммуны гигантские успехи. А как обстоит дело в швейцарской Юре, где в течение последних полутора лет эти господа безраздельно хозяйничали? Послушаем их собственный отчет на с'езде в Сонвилье (см. женевский еженедельник «Révolution Sociale» от 23 ноября): «Эти ужасные события должны были оказать отчасти деморализующее, а отчасти благотворное влияние на наши секции... Затем наступает начало гигантского боя, который пролетариат должен дать буржуазии, и люди начинают задумываться... Одни уклоняются и скрывают свою трусость, другие тверже, чем когда-либо поддерживают обновляющие принципы Интернационала. — Таковы основные особенности нынешнего внутреннего положения Интернационала вообще и нашей федерации в частности».

Ново здесь утверждение, что нечто подобное происходило в Интернационале вообще, в то время, как на самом деле происходило как раз обратное. Но совершенно верно, что так обстояло дело в Юрской федерации. Послушайте самих этих господ! Секция в Мутье пострадала меньше всего, но и она ничего не добилась: «Если и не было основано новых секций, то все же надо надеяться и т. д.»; а между тем эта секция «находилась в особенно благоприятных условиях благодаря превосходному настроению населения». — «Секция в Гранже свелась к небольшому ядру рабочих»; две секции в Биле ни разу не ответили на письма комитета, равно как и невшательские секции и секции в Локле; третья секция в Биле «в настоящий момент мертва», хотя и «есть еще некоторая надежда, что Интернационал снова оживет в Биле»; секция в Сен-Блезе мертва; секция в Вальде-Рю исчезла неизвестно как; центральная секция в Локле после длительной агонии распалась, но теперь с грехом пополам восстановлена, явным образом для выборов на конгресс; секция в Шо-де-Фоне находится в критическом положении; секция часовщиков в Куртляри превращается сейчас в профессиональный союз с уставом союза швейцарских часовщиков, она принимает, стало быть, устав общества, не принадлежащего к Интернационалу; центральная секция того же округа временно прекратила свою работу, потому что ее члены в Сент-Имье и Сонвилье основали какую-то сепаратную секцию (что не помешало этой центральной секции послать на конгресс двух делегатов, наряду с делегатами от обеих секций в Сент-Имье и Сонвилье); секция в Катеба, после блестящих успехов, распалась вследствие интриг местных буржуа, так же как и секция в Коржемоне; наконец, в Женеве существует пока еще одна секция.

Вот что сделали в полтора года представители свободной федерации независимых секций, с информационно-статистическим бюро во главе, из не очень обширной и многочисленной, но все же цветущей федерации. И это в стране, где они имели полную свободу действий, и в такое время, когда во всех других местах Интернационал делал гигантские успехи! И в тот самый момент, когда они сами демонстрируют перед нами эту плачевную картину своих неудач, когда они издают этот вопль бессилия и отчаяния, — они требуют от нас, чтобы мы столкнули Интернационал с того пути, идя по которому, он стал тем, чем является теперь; они требуют от нас, чтоб мы вступили на путь, который привел Юрскую федерацию от относительного процветания к полнейшему распаду!

Напечатано в «Фолькштаат»
10 января 1872 г.

Ниже публикуется проект циркулярного письма Генерального Совета Первого Интернационала, относящийся к августу 1872 г. То был период острейшей борьбы, которую Генеральный Совет во главе с Марксом и Энгельсом вел против анархистов-бакунистов. Бакунисты создали во второй половине 60-х годов внутри Интернационала тайную организацию с целью свергнуть руководство Маркса и Энгельса и повернуть Интернационал на анархистский путь. Эта попытка, как известно, не удалась. Гаагский конгресс Интернационала (сентябрь 1872 г.) исключил лидеров бакунинского «Альянса», разоблаченных Марксом, из рядов Международного Товарищества Рабочих.

История этой борьбы имеет огромное принципиальное значение. В публикуемом документе резко подчеркнуто новое, до того времени небывалое явление в рабочем движении. «Впервые в истории борьбы рабочего класса,— пишет Маркс, имея в виду бакунинский «Альянс»,—мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, имеющим целью взорвать не современный эксплоататорский строй, а то Товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную борьбу. Это — заговор, направленный против самого рабочего движения... Альянс, пытаясь парализовать действия Интернационала, направленные против врагов рабочего класса, превосходно служит буржуазии и правительствам».

Черновики документа, хранящиеся в архиве ИМЭЛ, написаны рукою Энгельса. Как и все подобные документы, этот проект циркулярного письма был, несомненно, подготовлен Марксом и Энгельсом совместно и является ярким выражением той общей позиции, которую они оба занимали в тот момент в Генеральном Совете Интернационала, подвергавшемся бешеным атакам со стороны бакунистов.

Документ войдет в состав 2-й части тома XIII «Сочинений» Маркса и Энгельса, подготовляемой к печати.

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП(б).

Генеральный совет всем членам Международного товарищества рабочих

Граждане!

Генеральный совет считает себя вынужденным публично заявить вам, что внутри Интернационала в течение уже нескольких лет ведутся интриги, о существовании которых большинство из вас и не подозревает.

В нашем негласном циркуляре от 5 марта 1872 г. о «мнимых расколах в Интернационале» нам уже приходилось указывать на происки сектантов из так называемого «Альянса социалистической демократии», происки, цель которых — сеять раздоры в наших рядах и тайно добиваться передачи высшего руководства нашим Товариществом клике, которая сама находится под руководством Михаила Бакунина.

Альянс социалистической демократии при своем возникновении опубликовал, как вам известно, устав, который, если бы мы его утвердили, обеспечил бы Альянсу двойное существование внутри и вне Интернационала одновременно. В самом деле, у Альянса были бы свои собственные секции, федерации и конгрессы наряду с секциями, федерациями и кон-

К. Маркс. 1861 г.

грессами Интернационала, составною частью которого он в то же время претендовал быть. Он ставил себе целью заменить наш общий устав специфической программой М. Бакунина и навязать нашему Товариществу личную диктатуру этого последнего.

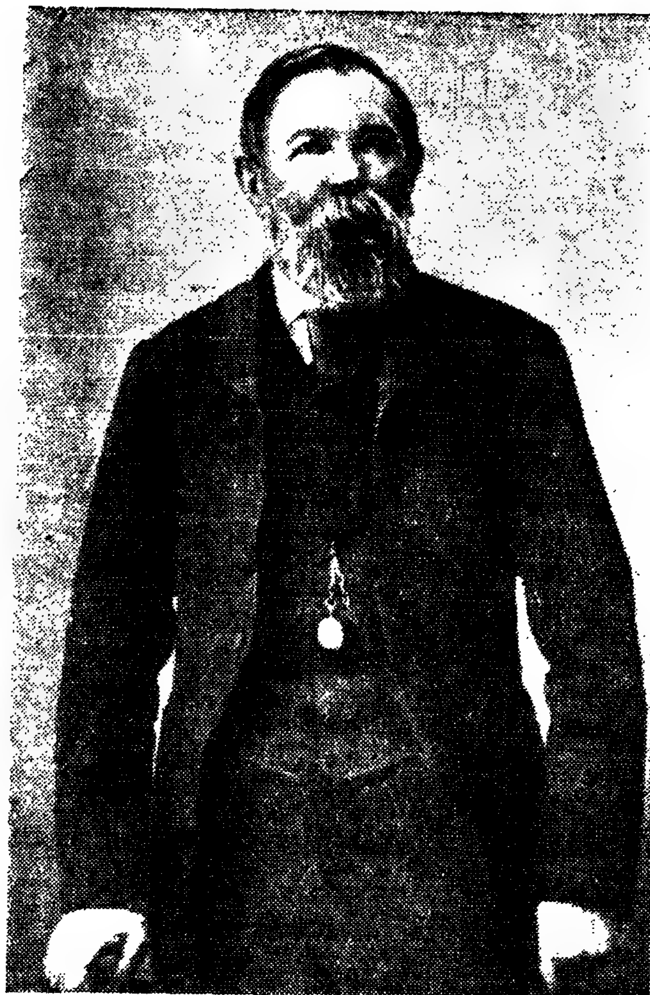
Генеральный совет в своем циркуляре от 22 декабря 1868 г. отклонил эти притязания. Он согласился принять Альянс социалистической демократии в Интернационал лишь при том условии, что Альянс перестанет быть международным об'единением, что он распустит свою организацию и что его секции войдут в Интернационал на правах простых местных секций. Эти условия были формально приняты Альянсом. Но из его так называемых секций только центральная женевская секция вошла в наше Товарищество. Другие секции остались тайной для Генерального совета: его хотели заставить поверить, что они не существуют.

И вот теперь, три с лишком года спустя, в наших руках оказались документы, неоспоримо доказывающие, что Альянс социалистической демократии, вопреки своему формальному обязательству, все время продолжал и продолжает существовать, как международное об'единение внутри Интернационала, и притом в виде тайного общества; что и теперь им руководит М. Бакунин; что цель его осталась прежней и что все нападки, направленные за последний год якобы против Лондонской конференции и Генерального совета, а в действительности — против всей нашей организации в целом, исходят от Альянса. Те самые люди, которые обвиняют Генеральный совет в «авторитарности», не будучи в состоянии указать ни единого авторитарного акта с его стороны, которые при всяком удобном случае твердят об «автономии секций», о «свободной федерации групп», которые упрекают Генеральный совет в желании навязать Интернационалу «свою официальную и ортодоксальную доктрину» и превратить Интернационал в товарищество с «иерархической» организацией, — эти люди на деле сами организуются в тайное общество, построенное «иерархически», в котором господствуют порядки не только авторитарные, но и в полном смысле слова диктаторские; эти люди попирают ногами всякую автономию секций и федераций; они стараются навязать Интернационалу, при помощи этой тайной организации, личную правоверную доктрину М. Бакунина. Требуя от Интернационала, чтобы он строился «снизу вверх», сами они, как члены Альянса, покорно повинуются команде, подаваемой «сверху вниз».

Нет надобности говорить, что существование подобного тайного общества внутри Интернационала является явным нарушением нашего общего устава. Наш устав знает только один род членов Интернационала, обладающих равными правами и обязанностями; Альянс делит их на два разряда, на посвященных и непосвященных, причем последние обречены на то, чтобы первые руководили ими с помощью организации, о самом существовании которой они не знают. Интернационал требует от своих приверженцев, чтобы они признавали

основой своего поведения истину, справедливость и мораль; Альянс вменяет своим сторонникам в обязанность прежде всего ложь, притворство и обман, предписывая им вводить в заблуждение непосвященных членов Интернационала, скрывая от них существование тайной организации, а также мотивы и самую цель своих слов и действий. Программа Интернационала изложена в его уставе и всем известна; программа Альянса никогда не была провозглашена открыто и до сих пор все еще остается неизвестной.

Ядро Альянса — Юрская федерация; от нее исходят лозунги, которые тотчас же подхватываются и повторяются другими секциями и газетами, состоящими на службе у тайной организации. В Италии некоторое количество обществ находится под руководством Альянса. Эти общества называют себя секциями Интернационала, хотя они никогда не просили о своем приеме в Интернационал, не платили членских взносов и не выполняли никаких других условий, установленных нашим регламентом. В Бельгии Альянс имеет нескольких достаточно влиятельных агентов. На юге Франции у него есть свои корреспонденты; некоторые из них совмещают эти обязанности с обязанностями сотрудников полиции. Сильнее всего Альянс в Испании, где он имеет наиболее обширные разветвления. Проникнув с самого начала незаметно в ряды Интернационала, он там почти всегда умел захватывать руководство сменявшими друг друга Федеральными советами и съездами. Даже наиболее преданных членов Интернационала в Испании сумели уверить в том, что эта тайная организация существует внутри нашего Товарищества повсюду и что вступать в нее чуть ли не обязательно. Эта иллюзия была разрушена Лондонской конференцией, где испанский делегат, который был сам членом Альянса, мог убедиться в противном, а также той ложью и неистовой клеветой, которую вслед за тем верные сподвижники Бакунина, по его повелению, пустили в ход против конференции и Генерального совета. После продолжительной борьбы внутри

Ф. Энгельс. 1893 г.

Альянса те из его членов в Испании, для которых Интернационал оказался дороже, чем Альянс, вышли из состава Альянса. Они тотчас же подверглись самым яростным оскорблениям и нападкам со стороны тех, кто остался верен тайному обществу. Дважды они исключались из местной мадридской федерации, что было явным нарушением существующего регламента. Когда они захотели организоваться в «Новую мадридскую федерацию», Федеральный совет не разрешил им этого и отослал обратно членские взносы, которые те ему передали. Здесь нужно сказать, что относительно пятерых из восьми членов Федерального совета нам известно, что они являются членами Альянса (Висенте Росель, Перегрин Монторо, Северино Альберасин, Франциско Томас и Франс Мартинес); возможно даже, что там есть еще и другие. Таким образом столь гордые своей автономией секции и местные федерации Испании, сами того не подозревая, повинуются, как стадо баранов, тайным приказам, которые идут из Швейцарии, и которые Федераль-

ный совет должен слепо выполнять под страхом впасть у Альянса в немилость.

Пытаясь обеспечить избрание членов Альянса делегатами на Гаагский конгресс, испанский Федеральный совет разослал секциям и местным федерациям негласный циркуляр от 7 июля, в котором он требует внеочередных взносов для покрытия издержек делегатов на конгресс и авторитарно предписывает им избрать этих делегатов по общему списку для всей Испании, с тем, чтобы поручить Федеральному совету произвести подсчет голосов. Этот способ выборов должен был обеспечить успех кандидатов Альянса. Кроме того, Федеральный совет сообщает, что им будет составлен коллективный императивный мандат, которому эти делегаты должны подчиниться. Как только мы узнали об этом проекте — послать на конгресс делегатов Альянса на средства членов Интернационала, и получили доказательства того, что испанский Федеральный совет принимает участие в происках тайного общества, мы 24 июля потребовали у него:

1) сообщить нам список всех членов Альянса в Испании, с указанием обязанностей, выполняемых ими в Интернационале;

2) произвести расследование относительно характера и деятельности Альянса в Испании, а также относительно его организации и филиалов за пределами этой страны;

3) прислать нам один экземпляр негласного циркуляра от 7 июля;

4) дать нам об'яснения по поводу того, каким образом он со своими обязанностями по отношению к Интернационалу совмещает наличие в своем составе по меньшей мере трех явных членов Альянса;

5) дать во что бы то ни стало немедленный ответ.

Мы должны были получить этот ответ самое позднее 1 августа. Но лишь 5 августа мы получили письмо, помеченное «Валенсия, 1 августа» (почтовый штемпель неразборчив), сообщавшее, что ответ задерживается из-за того, что все члены Совета якобы не поняли нашего письма, написанного по-французски, и требуется время для его перевода. Этот же Совет в письме от 15 июня просил нас присылать наши издания, по возможности, на французском языке, потому что с этим языком они (члены Совета) несколько знакомы. Стало быть, предлог ложный: попросту хотят заставить нас потерять драгоценное время.

Мы вынуждены поэтому заявить всем членам Товарищества и в особенности испанским членам Интернационала, что испанский Федеральный совет *изменил Международному товариществу рабочих*. Вместо того, чтобы действовать, строго придерживаясь мандата, врученного ему испанскими членами Интернационала, он становится органом общества не только чуждого, но и враждебного Интернационалу. Вместо того, чтобы следовать общему уставу и организационному регламенту и резолюциям общих и испанских конгрессов, он повинуется тайным приказам, исходящим от М. Бакунина. Уже один тот факт, что существует Федеральный совет, состоящий в большинстве своем из членов тайного общества, чуждого нашему Товариществу, есть явное нарушение общего устава.

Вот, граждане, те факты, о которых следует поставить вас в известность до выборов делегатов на конгресс. Впервые в истории борьбы рабочего класса мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, имеющим целью взорвать не современный эксплоататорский строй, а то Товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную борьбу. Это — заговор, направленный против самого пролетарского движения. Поэтому повсюду, где мы сталкиваемся с ним, мы видим, что он проповедует расслабляющую доктрину полнейшего воздержания от всякого политического действия; и между тем как обыкновенные, непосвященные в этот заговор члены Интернационала подвергаются преследованиям и арестам почти во всех странах Европы, ретивые члены Альянса пользуются совершенно исключительной неприкосновенностью.

Граждане, вы стоите перед выбором. На карту поставлена в настоящий момент не автономия секций, не свободная федерация групп, не организация «снизу вверх» и не какая-либо другая столь же претенциозная и звонкая фраза. Вопрос в настоящий момент сводится к следующему: желаете ли вы, чтобы наши центральные органы состояли из людей, которые не признают иных мандатов, кроме ваших,—или вы желаете, чтобы они состояли из людей, избранных при помощи хитрости, людей, которые принимают ваш мандат лишь для того, чтобы вести вас как стадо баранов, сообразуясь с секретными инструкциями, исходящими от некоей таинственной личности в Швейцарии?

Разоблачить существование этого тайного общества обманщиков—значит лишить его силы. Люди Альянса не настолько глупы, чтобы предположить, что широкие массы членов Интернационала сознательно подчинятся подобной организации, когда им станет известно о существовании Альянса. Не может быть ничего общего между обманщиками и теми, кого они хотят обмануть,— между Альянсом и Интернационалом.

Кроме того, нужно раз навсегда положить конец внутренним распрям, которые постоянно возникают в нашем Товариществе из-за наличия в его среде этой паразитической организации. Эти распри только расточают силы, предназначенные для борьбы против существующего буржуазного строя. Альянс, пытаясь парализовать действия Интернационала, направленные против врагов рабочего класса, превосходно служит буржуазии и правительствам.

Исходя из этого, Генеральный совет потребует от Гаагского конгресса исключения из Интернационала всех членов Альянса и предоставления Совету необходимых полномочий для предотвращения в дальнейшем подобных заговоров.

П. Гагкина

К 25-ЛЕТИЮ ЛЕНСКИХ СОБЫТИЙ 1912 г.

1

8(21) апреля 1912 года большевистская газета «Звезда» вышла в траурной кайме. На первой полосе газеты было напечатано: «На Ленских приисках убито 270, ранено 250». Передовая начиналась так: «В мрачную историю русского рабочего движения, богатую невероятными образцами самого бессмысленного, изощренного насилия и беззакония, властной безответственной рукой вписана новая кровавая страница. Во славу капитала, для поддержания престижа власти расстреляли мирную толпу рабочих Ленских золотых приисков... Трудно сдержать крик негодования перед грудой «невинно убиенных» и искалеченных русских рабочих, вся вина которых в том, что они мирными, законными путями добивались сносного человеческого существования».

Расстрел 4(17) апреля мирной демонстрации рабочих на далеких Ленских приисках вызвал протест и негодование рабочего класса всей России. Расстрел этот был точнейшим отражением третьеиюньского царского режима с его бесправием, невозможностью борьбы рабочих даже за отдельные свои права.

Революция 1905—1907 годов потерпела поражение. Рабочее и крестьянское движение было подавлено. Большевистская партия — авангард пролетариата — была загнана в глубокое подполье. Свою победу над революцией самодержавие одержало, залив Россию кровью рабочих и крестьян. Тысячи повешенных, казненных, сосланных на каторгу лучших сынов народа — вот результат этой победы. Но революция 1905 года показала самодержавию, что ему не удержаться у власти без создания «новых классовых опор» (Л е н и н).

И царизм сделал новый шаг по пути превращения в буржуазную монархию, создав Государственную думу, в которой были представлены черносотенные помещики и верхи промышленно-торговой буржуазии. Изданием избирательного закона 3 июня 1907 года царизм закрепил этот политический блок. Аграрная реформа Столыпина должна была создать царизму опору в деревне в лице кулачества.

«Трехлетие 1908—1910 годов было эпохой разгула черносотенной контрреволюции» (Ленин).

Большевистская партия в беспощадной борьбе с ликвидаторством, отзовизмом, центризмом и примиренчеством, в борьбе с эсерами и анархистами, причинявшими своей тактикой индивидуального террора и экспроприации громадный вред рабочему движению, закаляла свои ряды, готовила массы к грядущей революции. К началу революционного под'ема большевистская партия была единственной массовой революционной партией, которая имела глубокие корни в массах, за которой шел пролетариат.

В середине 1910 года после нескольких лет депрессии в промышленности начался под'ем. Вместе с промышленным под'емом в стране началось революционное оживление. В 1910 году насчитывалось 47 тысяч стачечников, в 1911 году — 105 тысяч и в 1912 году — 726 тысяч.

Осенью же 1910 года начались первые, после годов реакции, политические демонстрации.

В связи со смертью писателя Льва Толстого в ряде городов происходили студенческие сходки, митинги, на которых выносились протесты против смертной казни. В уличных демонстрациях студентов принимали участие и рабочие. Заявление в Государственную думу, поданное питерскими рабочими от 16 заводов и фабрик, с требованием отмены смертной казни, собрало до 2,5 тысячи подписей. Ряд предприятий провел однодневную забастовку протеста против смертной казни.

Ленин в декабре 1910 года писал, что «полоса полного господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового под'ема...

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции» [1].

Стачки рабочих 1911 года уже стали носить явно наступательный характер. В деревне усиливается революционная крестьянская борьба против столыпинской реформы.

[1] Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 392—393.

В январе 1912 года состоялась Пражская конференция РСДРП, имеющая величайшее значение в истории партии Ленина—Сталина. На этой конференции было покончено с формальным об'единением с меньшевиками в одной партии. «Большевики фактически составляли самостоятельную партию уже с 1905 года, а с 1912 года формально порвали с меньшевиками, изгнали из партии их правых лидеров и оформились в отдельную большевистскую партию» [2].

Пражская конференция, избравшая большевистский Центральный комитет во главе с вождями Лениным и Сталиным, наметила конкретные задачи партии в руководстве экономическими стачками и политической борьбой рабочего класса, об'явив, что будет продолжать борьбу «за старые революционные цели и революционные методы, при новой обстановке» [3].

Рабочее движение снова оживало, и искрой, которая зажгла массы революционным огнем, явились ленские события.

События на Лене с особой очевидностью и наглядностью показали всей стране, что «надо бить в центр, нападать на источник зла, разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России» [4].

2

Разработка залежей золота в Ленском крае, в Сибири, началась с 1843 года первоначально отдельными купцами, а с 1882 года фирмой «Мейер и К°» и баронами Александром и Альфредом Гинцбург, организовавшими «Ленское золотопромышленное товарищество».

В 1896 году основанное на паях «Товарищество» преобразовалось в акционерное общество, скупившее к концу 90-х годов прошлого века все основные прииски Ленского края. Ощущая недостаток в деньгах при большом размахе золотодобычи, акционерное общество обратилось, по рекомендации правительства, за помощью к Англии.

[2] «История гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 24. Огиз. 1935.

[3] «ВКП(б) в резолюциях». Т. I, стр. 186.

[4] Ленин. Соч. Т. XV, стр. 542.

В 1908 году в Лондоне было образовано для финансирования Ленских приисков акционерное общество «Лена-Гольдфильдс» (Ленские золотые прииски), которое в 1910 году сосредоточило в своих руках 71,5% всех акций «Ленского золотопромышленного товарищества» и превратилось в фактического владельца приисков.

В число акционеров «Лензото» (сокращенное название приисковой фирмы) входили русский Государственный банк, капиталисты Путилов А. И. и Вышнеградский А. И., министр торговли и промышленности Тимашев и его предшественник министр Тимирязев В. И., граф Витте и мать царя Николая II Мария Федоровна Романова. Таким образом, акционерное общество Ленских приисков представляло собой яркий пример переплетения интересов иностранного капитала, русской буржуазии и царизма, оно являлось яркой иллюстрацией того, как «интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма» [1].

Вначале на Ленских приисках работали каторжане, с развитием золотопромышленности — наемные рабочие, но режим каторжного труда во многом сохранился. К 1912 году на приисках работало 6258 человек, находившихся в условиях полуколониальной эксплоатации.

Ленские прииски, расположенные за 1700 километров от центра Восточной Сибири — Иркутска — и, следовательно, от железной дороги, на бо́льшую половину года были отрезаны от остального мира. «Мы,—рассказывали рабочие, — живем здесь отрезанные от всего мира, особенно за время с осени по весну, в это время мы находимся в полной зависимости от приисковой администрации, управление имеет все средства держать нас в полном своем подчинении и полной кабале» [2].

Приехавшие на прииски рабочие оказывались как бы в ловушке, из которой было трудно выбраться. Учитывая это положение, администрация приисков умышленно заключала с рабочими договоры сроком до 10 сентября в расчете на осеннюю распутицу, вследствие которой рабочие, пожелавшие получить расчет, не смогут уйти с приисков и вынуждены будут остаться до весны.

Рабочие на приисках находились в полной зависимости от «Лензото». Жилища у них были «казенные». Это были старые бараки с прогнувшимися крышами и разбитыми окнами, тонкими стенами, щелистым полом, постоянной сыростью и холодом, с вентиляцией ввиде дыр в стенах, затыкавшихся тряпками.

«Мужчины, женщины и дети спали на нарах, под нарами, над нарами, между грудами грязного белья, среди различных сундучков, котомок с вещами приискателей, представляя собой неиссякаемый источник питания для клопов, тараканов и других паразитов. Все это освещалось сальными и стеариновыми свечками, от которых шла сальная копоть. Ругань, проклятия, песни, гармоника, пляска, порой драка — вот обычная картина в жилищах приискателей» [3].

Снабжение продовольствием, по договору, также лежало на обязанности приисковой администрации. Стоимость его вычиталась из заработка рабочих. Все необходимое для жизни рабочий вынужден был покупать в магазинах «Лензото» и притом по повышенным ценам и низкого качества. Торговля, помимо «Лензото», запрещалась. «Провизия нам доставлялась недоброкачественной, — заявляли рабочие сенатору Манухину в июне 1912 года.— Мясо часто доставлялось несвежее, синевато-черное, обрезки, с нарывами, часто рабочие на это указывали служащим, выдающим мясо, но те говорили: «Не хочешь, не бери и уходи без мяса» — и книжки выбрасывались обратно... Хлеб давался из непросеянной муки с... мочалой, щепками, соломой и другими посторонними предметами» [4].

Но не имея возможности в большинстве случаев выехать с приисков,

---

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 5. 10-е изд.

[2] «События на Лене» (в документах), стр. 15. Партиздат. 1932.

[3] П. Баташев «Ленский расстрел», стр. 22. Соцэкгиз. 1936.

[4] «События на Лене» (в документах), стр. 13. Партиздат. 1932.

Заседание стачечного комитета ленских рабочих. 1912 год. **Музей революции СССР.**

рабочие вынуждены были переносить самые тяжелые условия существования, так как иначе они просто обрекались на голодную смерть.

И без того низкую заработную плату рабочих администрация умудрялась систематически снижать путем неправильных подсчетов. При учете производимых работ царил полный произвол.

«В последний день работы перед забастовкой три человека при урочной работе на Александровском прииске заработали по 27 коп. в день. Часто практиковалось снижение оплаты сдельных работ путем жульнических обмеров кубатуры», — пишет в своих воспоминаниях Баташев.

Заработок рабочим полностью на руки никогда не выдавали. Оставаясь в кассе «Лензото» до конца операционного года, деньги рабочих пускались в оборот, вследствие чего «Лензото» ежегодно оставалось должником рабочих на значительную сумму. На 1 октября 1906 года эта задолженность выражалась в сумме 210 тысяч рублей, к осени 1911 года она составляла 459 037 рублей. Заработная плата выдавалась, как правило, талонами, которые принимались только в магазинах «Лензото». Таким образом за 1909—1910 год от одних лишь приисковых магазинов было получено 652 150 рублей чистой прибыли. Вот почему прибыль «Лензото» доходила до невероятных размеров — 56% в год.

Условия работы в шахтах отличались от каторжных разве только тем, что рабочие не были скованы цепями. Рабочий день длился с 5 утра до 7 вечера. Воздух перед спуском в шахту не проветривался, а так как вентиляция в них совершенно отсутствовала, то происходили массовые отравления рабочих, особенно при запалках низкокачественного динамита. О технике безопасности на шахтах не было и помину. В 1911 году на 5442 рабочих было 896 несчастных случаев.

Местные власти, находившиеся на содержании «Лензото», полностью поддерживали чинимый администрацией произвол. Раза четыре в год на прииски приезжал для осмотра условий производства окружной инспектор — инженер Тульчинский. Но эта формальная процедура не влекла за собой никаких изменений в ужасных условиях работы на приисках. Рабочие были совершенно бесправны. Управляющий приисками Белозеров говорил: «При мне у лошадей останется

хвост да грива, а у рабочих — нос да глаза».

Положение женщин было еще более тяжелым, их бесправие было еще полнее.

«Мужчин вот он немного хотя боится, а нас ни во что ставит, — рассказывали женщины о неистовом управляющем. — Днем ли, ночью ли — придет и погонит на работу. Бывает и так: ты спишь, а он подымет одеяло и рубаху да плетью хлестнет и скажет: «Иди в номера к служащим». Ну и пойдешь, а то уволят мужа и с приисков выгонят. А куда же денешься с детьми, да без хлеба, на морозе?»

Каторжно тяжелая работа преимущественно под землей, в холоде и сырости, скудная и недоброкачественная пища, нечеловеческие, антисанитарные жилищные условия при почти полном отсутствии медицинской помощи порождали среди рабочих и их семейств массовые заболевания цынгой и другими болезнями и влекли за собой невероятный процент смертности. 29 февраля (13 марта) 1912 года годами накапливавшееся недовольство рабочих, наконец, прорвалось. Терпение ленских рабочих иссякло. Забастовали рабочие Андреевского прииска (во главе с их организатором Р. Зеленко). Поводом послужила выдача нес'едобного мяса. К 14(27) марта забастовка охватила 423 прииска и превратилась во всеобщую.

3

√ В первые же дни забастовки на каждом прииске выбраны были рабочие-уполномоченные, из которых сформировались рабочие комитеты, руководившие забастовкой на каждом отдельном прииске. На их обязанности был сбор денежных средств на нужды забастовки (оплата телеграмм, составление прошений начальству, межприисковые переезды руководителей забастовки и т. п.), сбор жалоб, составление заявлений от рабочих, осуществление связи между бастующими отдельных приисков и Центральным стачечным бюро, избранным 3(16) марта.

Руководство вначале стихийно вспыхнувшей забастовки на приисках целиком перешло в руки Центрального стачечного бюро, оставшегося единственным руководящим органом до конца забастовки.

В состав Центрального стачечного бюро вошли П. Н. Баташев (председатель), Г. В. Черепахин, Бондарь, Лесных, Попов Иннокентий.

√ Центральное бюро, собрав все высказанные на приисковых собраниях жалобы рабочих, оформило их требования, которые и были пред'явлены администрации. Главные из пред'явленных требований были: 8-часовой рабочий день, увеличение оплаты труда на 30%, отмена штрафов и расплаты талонами вместо денег, перенесение срока окончания договоров на летние месяцы, ограничение права администрации увольнять рабочих в зимнее время, выдача продовольствия в присутствии уполномоченных от рабочих.

Всего было 18 пунктов. В заключительной части рабочие требовали гарантии свободы выборных и предоставления народного дома для общих собраний бастующих.

7(20) марта на пред'явленные рабочими требования правление «Лензото» телеграфировало из Петербурга о согласии пойти на некоторые уступки. Но так как эти уступки касались второстепенных нужд рабочих, они не были ими приняты.

Забастовка проходила мирно, исключительно организованно и стойко. Характерным моментом ленской забастовки была самодисциплина рабочих. По их непосредственной инициативе создан был институт старост. Выбранные в каждом бараке староста и его два помощника обеспечивали порядок. Они не допускали пьянства (винные лавки по требованию бастующих были закрыты), драк, картежной игры. Учитывая возможность провокации со стороны администрации с целью разгрома забастовки, старосты следили за появлением в бараке посторонних лиц. В пределах прииска порядок охранялся советом старост, по требованию которого назначались, из тех же соображений возможной провокации, дежурные на посты к динамитным складам, производственным машинам, магазинам и винным лавкам.

Старосты руководствовались специальной инструкцией, по которой «с момента выбора староста является неограниченным хозяином данного барака, его может сменить только совет старост, который состоит из всех старост данного прииска, по заявлению всего барака... Все обитатели барака должны исполнять требования старосты безоговорочно, как-то: ночью дежурить поочереди, как в бараке, так и, если нужно, по указаниям старосты, в границах прииска. Совет старост подчинен выборному и должен привести в исполнение все постановления «Центрального бюро», переданные через выборного».

Институт старост, основанный на классовой солидарности рабочих, связанный непосредственно с рабочими, сыграл огромную организующую и дисциплинирующую роль, явившись опорой для Центрального стачечного бюро в его руководстве бастующими.

Как в самом составе Центрального стачечного бюро, так и среди выборных руководящая роль принадлежала большевистски настроенным товарищам. Некоторые из них были из числа политических ссыльных, прошедших школу революционной борьбы 1905 года. Таков первый председатель Центрального стачечного бюро Баташев, в 1903 году судившийся по делу 24 социал-демократов в Калуге и в 1907 году — по делу организации крестьян; Г. В. Черепахин (второй председатель Центрального стачечного бюро) отбыл каторгу за участие в вооруженном восстании 1905 года.

Впоследствии многие из руководителей и участников ленских событий вошли в большевистскую партию: Черепахин, Подзолотников, Лебедев, Петухов и др. Эта группа наиболее политически развитых рабочих, попав на Ленские прииски еще с 1911 года, как это видно из воспоминаний Баташева, повела массовую работу среди ленских рабочих, несмотря на исключительно тяжелые условия бесправия и произвола царских опричников и приисковой администрации. Большевистская линия, проводимая Центральным стачечным бюро, подтверждается всем ходом развернувшихся событий на Лене.

Председатель стачечного комитета ленских рабочих тов. Черепахин и делегат Федосиевского прииска тов. Суслов. 1912 год.
Музей революции СССР.

Свою большевистскую линию членам Центрального стачечного бюро приходилось проводить вопреки поползновениям меньшевиков (Думпе и Розенберга), утверждавших, что добиваться улучшения положения рабочих надо исключительно путем экономической борьбы, не затрагивая политических вопросов.

13(26) марта правление «Лензото» подтвердило свой первоначальный ответ рабочим: ни одно из существенных требований рабочих не было удовлетворено. В связи с этим заявлением переговоры бастовавших рабочих с администрацией были прерваны до 22 марта (9 апреля), до приезда окружного инженера Тульчинского.

Между тем правление «Лензото» предприняло ряд тактических мер к срыву забастовки: были приведены в действие полиция, охранка, суд и губернская администрация. Для борьбы с рабочими «Лензото» выделило члена правления общества Альфреда Гинцбург, приехавшего из Петербурга, и Белозерова. Кроме того правление поспешило отправить телеграмму иркутскому губернатору с просьбой о скорейшей присылке из Киренска за

счет «Товарищества» достаточного числа солдат и о «немедленном удалении из приискового района политически неблагонадежного элемента» [1].

Через два дня, 7(20) марта, министр торговли и промышленности Тимашев, являвшийся одним из акционеров «Лензото», обратился телеграфно к командующему войсками Иркутского военного округа: «Ввиду всеобщей забастовки на приисках «Лензото» в предупреждение возникновения беспорядков, для защиты желающих стать на работу покорнейше прошу... озаботиться усилением воинской команды в районе приисков «Товарищества» [2]. О том же 8(21) марта просил губернатора инженер Тульчинский и горный исправник.

Войска для расправы с рабочими прибыли на прииски в половине марта. Начальником всей полиции Витимского и Олекминского округов был назначен на время забастовки помощник начальника иркутского губернского жандармского управления ротмистр Трещенков, прославившийся своим участием в кровавой расправе в 1905—1907 годах над рабочими Нижнего Новгорода.

С прибытием на прииски войск администрация осмелела. Начались аресты выборных поодиночке. Это была одна из первых мер, направленных к срыву забастовки. Но она оказалась мало существенной по своим практическим результатам. Рабочие собирались огромными толпами, в 500—600 человек, к месту заключения арестованных, и по требованию их выборные в конце концов освобождались.

Администрация делала попытку спровоцировать прекращение забастовки путем распространения ложных слухов. 10(23) марта по приискам разнесся слух, что «выборные подкуплены и потихоньку покидают прииски». В ночь на 11(24) марта на Пророко-Ильинском прииске один из инженеров, переодетый шахтером, явился в барак и во всеуслышание крикнул: [3] «Ребята! Вставай на работу... Андреевцы и васильевцы работают... Выборные взяли взятку и скрылись». Провокация не удалась. Рабочие продолжали бастовать.

Тогда администрация «Лензото» решила нанять штрейкбрехеров, надеясь их найти среди уволенных рабочих, живущих в Бодайбо. В ответ на это предложение бодайбинцы выпустили обращение, явившееся выражением их солидарности с ленскими рабочими. «Товарищи рабочие, — писали бодайбинцы, — в тот момент, когда ваши же товарищи, живя в душных казармах Ленского товарищества, голодные борются за право, за улучшение своей жизни, Ленское товарищество нанимает нас на работу. Мы, рабочие, живущие теперь в Бодайбо, неоднократно терпели от Ленского товарищества и, когда-то вышвырнутые товариществом, не пойдем наниматься, — это наш долг, долг честных рабочих» [4].

Одновременно с попыткой возобновить работу на приисках с помощью штрейкбрехеров администрация обратилась к бастующим рабочим с предложением приступить к работе 8(21) марта, грозя в противном случае произвести 10(23) марта расчет и выдачу личных документов через горного исправника. Но и эти угрозы не подействовали на рабочих.

В ход был пущен царский суд. За подписью окружного инженера Олекминского горного округа Александрова было опубликовано «ко всеобщему сведению» об'явление, извещавшее рабочих, что они привлекаются к судебной ответственности по статье 367-й уголовного уложения [5] за отказ возобновить работу в указанный правлением срок.

Наряду с этим была прекращена выдача продовольствия бастовавшим. Рабочим было цинично предложено «прокармливать за свой счет тех неиму-

---

[1] «События на Лене» (в документах), стр. 45. Партиздат. 1932.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 28.

[4] Там же, стр. 32.
[5] Статья 367-я гласила: «...виновных в прекращении работы по соглашению между собой с целью принудить предпринимателя к возвышению заработной платы до истечения срока найма или к изменению других условий найма до истечения сего срока за сию стачку наказывать заключением в тюрьме на срок не свыше 6 месяцев». «События на Лене» (в документах), стр. 42. Партиздат. 1932.

щих, которые примкнут к забастовке, или же неимущим выйти на работы для отработки своего довольствия»[1].

Наконец, 15(28) марта мировой судья Олекминского округа Хитун приговорил 32 рабочих семьи к выселению из приисковых бараков.

Выселение рабочих с квартир и с приисков в марте, в начале распутицы, означало выселение их в тайгу и обречение на голодную смерть.

19 марта (1 апреля), по постановлению мирового судьи Хитуна, должно было производиться выселение рабочих из бараков Федосиевского прииска. На место выселения прибыл исправник с отрядом солдат. Забастовочный комитет призвал всех рабочих прииска для открытого протеста против выселения, и под напором рабочих исправнику пришлось отказаться от своего намерения произвести выселение.

Администрация продолжала изощряться в методах провокационного срыва забастовки.

24 марта (6 апреля) приехавший на прииски окружной инженер Тульчинский предпринял ловкий маневр. Пригласив к себе выборных от рабочих, Тульчинский в шестичасовой беседе с ними просил их помочь ему уговорить бастующих стать на работу, обещая по возобновлении работ сделать все, что от него зависит для улучшения их положения.

В то время как на квартире Тульчинского происходил разговор с выборными, по баракам ходили провокаторы, распространявшие слух, что выборные высказались за возобновление работ. «Надо отдать должное господину Тульчинскому, что его удар был рассчитан верно, — рассказывает Баташев. — Удар был так верно рассчитан, что он чуть-чуть не сорвал забастовку. По провокационным способностям Тульчинский превзошел здесь всех своих коллег»[2].

Провокационный маневр Тульчинского отчасти удался, так как он действительно вызвал раскол между выборными, часть которых высказалась за прекращение забастовки, хотя ра-

Палач Трещенков. Рис. Ю. Цишевского.

бочие единодушно решили забастовку продолжать «до зеленой травы». Разлад между выборными остался. Это дало основание 2(15) апреля Тульчинскому телеграфировать иркутскому губернатору: «Обходил совместно с Трещенковым казармы Андреевского, Прокопьевского. Замечается постепенный внутренний разлад среди бастующих. Арестование некоторых, оказывающих вредное влияние, представляется желательным»[3]. В этот же день, 2(15) апреля, Трещенков получил телеграмму от полковника Познанского, начальника иркутского жандармского управления: «Директор департамента полиции телеграфирует мне: «Предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет, если не будет данных для дознания или следствия, возбудите охранную переписку»[4].

3(16) марта с разрешения губернатора Бантыша ротмистр Трещенков произвел арест 10 членов стачечного комитета, на которых Тульчинский указал как на наиболее влиятельных среди рабочих.

---

[1] «События на Лене» (в документах), стр. 42. Партиздат. 1932.

[2] П. Баташев «Ленский расстрел», стр. 61. Соцэкгиз. 1936.

[3] «События на Лене» (в документах), стр. 48—49. Партиздат. 1932.

[4] Там же, стр. 53.

Так как фактических оснований для ареста не было, Трещенков поступил по указанию директора департамента полиции, возбудив «охранную переписку», то есть попросту выдумав мотивы ареста. Об этом свидетельствует, между прочим, телеграмма ленских рабочих членам Государственной думы по поводу расстрела. «Третьего сего апреля, — сообщали рабочие, — якобы за неявку к следователю для допроса на основании 381 статьи уголовного судопроизводства, наши выборные арестованы и препровождены в бодайбинскую тюрьму десять человек. Между тем повесток о явке даже не получали»[1].

4

4(17) апреля рабочие приисков в количестве около 3 тысяч, считая арест незаконным, двинулись на Надеждинский прииск к находившемуся там заместителю прокурора Иркутского судебного округа Преображенскому и инженеру Тульчинскому с письменным заявлением, в котором требовали освобождения арестованных членов забастовочного комитета. «Ввиду того, — заявляли рабочие, — что за последнее время полиция и администрация врываются с воинской силой в наши казармы и нарушают мирное течение нашей жизни, перепугивая наши семьи... мы, бывшие рабочие «Ленского золотопромышленного товарищества», решили через вас, господина окружного инженера, об'явить блюстителям порядка, что работу мы прекратили по вине «Лензото», управление которого нарушило наш договор и об'явило нас рассчитанными... нарушения эти признали и вы. Вновь поступать на старых условиях не желаем, а свое право будем искать по суду. За все 35 неработанных дней среди нас не появилось ни малейшего беспорядка и насилия, никаких главарей и подстрекателей у нас нет, если же наши охранители ищут среди нас таковых, то это не главари, а те, которых по требованию г. исправника мы послали для об'яснения с администрацией, который заявил, что со всеми нами «как с баранами говорить не желают»... Вас просим: внемлите нашему гласу»[2].

На Надеждинском прииске к моменту прибытия рабочих выставлен был, по приказу Трещенкова, отряд вооруженных солдат. Солдатам выдали по стакану водки и внушили, что рабочие идут громить народный дом и хотят добраться до золота. Шествие рабочих было встречено на прииске инженером Тульчинским, который стал уговаривать рабочих разойтись во избежание столкновения с войсками. Растянувшаяся по узкой дороге почти на два километра, трехтысячная масса рабочих, не зная причин остановки передних рядов, продолжала двигаться вперед, тесня остановившихся. Трещенков без всякого предупреждения открыл непрерывный ружейный огонь по рабочим: было убито 270 рабочих и 250 ранено. Сам Тульчинский уцелел, прикрытый трупами рабочих.

Центральное стачечное бюро от имени оставшихся в живых рабочих в тот же день телеграфировало о расстреле членам Государственной думы: Гегечкори, Родзянко, Милюкову, Маклакову, Родичеву и депутату от Иркутской губернии Белоусову. Сообщая подробности расстрела, рабочие просили немедленно внести в Думе специальный запрос правительству в целях немедленного расследования «вопиюще-преступного зверского образа действий ротмистра Трещенкова, расстрелявшего мирных граждан».

Между тем уже после расстрела озверевший ротмистр Трещенков ходатайствует еще о введении военного положения на приисках и присылке из Иркутска дополнительных войск. 23 мая (5 июня) чиновник особых поручений А. Б. Майш сообщил иркутскому губернатору, что департамент полиции действиями Трещенкова «очень доволен, благодарит и просит ничем не смущаться»[3].

Убитые и раненые рабочие свезены были без разбора в приисковую боль-

[1] «События на Лене» (в документах), стр. 57. Партиздат. 1932.

[2] Там же, стр. 55.

[3] «Лензото» уплатило Трещенкову в награду за расстрел 2400 рублей единовременно, кроме того по 15 рублей суточных вплоть до от'езда его с приисков.

Шествие ленских рабочих перед расстрелом 4 апреля 1912 года. Музей революции СССР.

ницу, а когда больница была набита доотказа, их стали сваливать как дрова возле больничного здания. К трупам убитых, кроме военных чинов и полиции, никто не допускался. Похороны произведены были без участия рабочих.

5(18) апреля иркутский губернатор Бантыш телеграфно предложил Трещенкову немедленно арестовать всех остальных членов стачечного комитета, особенно главного из них — П. Баташева. Однако момент был упущен, да и некуда было девать арестованных. «Арест всех остальных,— доносил губернатору Трещенков, — фактически невозможен за отсутствием надлежащей воинской силы и мест заключения».

Под напором могучей волны возмущения и негодования всего рабочего класса России, вызванного ленским расстрелом, правительство в связи с запросом социал-демократической фракции в Думе назначило для расследования ленских событий комиссию во главе с сенатором Манухиным в сопровождении адвокатуры во главе с А. Ф. Керенским.

Администрация «Лензото», чтобы замазать следы кровавого преступления, предприняла попытку вывезти бастовавших рабочих с приисков до прибытия туда правительственной комиссии. На административном совещании 22 апреля (8 мая) было признано, что «настроение бастующих в настоящее время таково, что совершенно нельзя ожидать, чтобы рабочие «Ленского товарищества» стали на работу, и потому все бастующие рабочие в обоих округах числом 4 200 человек, не считая жен и детей, а с ними 5 500 человек подлежат эвакуации с открытием навигации» [1].

10(23) мая рабочие, осведомленные об этом намерении администрации, обратились по телеграфу к члену Государственной думы Скороходову с просьбой оградить их от продолжающегося на приисках произвола и не допустить сокрытия истинных причин происшедших событий. «Если нас вывезут с приисков насильно до прибытия расследовательной комиссии, — заявляли рабочие, — то от кого она будет брать данные для раскрытия и об'яснения причин расстрела, если нас не будет» [2].

Из опасения неприятных для правительства последствий массового выселения рабочих с приисков эвакуация была отменена.

В начале июня комиссия сенатора Манухина прибыла на прииски. Ее посылка и царским правительством и правлением «Лензото» рассматривалась как одно из последних средств для прекращения забастовки на приисках. Приехавший 4(17) июня сенатор Манухин с этой целью выпустил обращение к рабочим, в котором предлагал им стать на работу. Вместе с ним уговаривал рабочих приступить к работе и верный слуга буржуазии, приехавший «выяснять» обстоятельства расстрела, адвокат Керенский.

Конечно, комиссия Манухина и адвокат Керенский никаких сколько-нибудь существенных перемен в положение рабочих не внесли. Белозерский режим сохранялся почти без изменений. Непосредственные палачи рабочих

[1] «События на Лене» (в документах), стр. 71. Партиздат. 1932.

[2] Там же, стр. 72.

Жертвы ленского расстрела. 1912 год. Музей революции СССР.

к ответственности привлечены не были, а члены стачечного комитета продолжали оставаться в бодайбинской тюрьме. Все это заставило рабочих заявить сенатору Манухину, что они считают невозможным стать на работу и подписать договор, предложенный «Лензото», что в тайге при таких порядках они не останутся и желают вывоза с приисков в место, где могут найти себе другую работу.

Таким образом, расстрел 500 ленских рабочих не сломил упорство остальных. Забастовка продолжалась еще три месяца, выражая необычайную классовую солидарность и организованность рабочих. Она закончилась демонстративным уходом с приисков всех рабочих и их семей в количестве 8900 человек (осталось только 52 человека). По стране рассыпались тысячи агитаторов — живых свидетелей кровавой расправы царизма с рабочими в Ленском крае. Эвакуация, начавшаяся 4(17) июля, закончилась 5(18) августа.

6(19) августа правление «Лензото» телеграфировало в Петербург: «Последняя партия рабочих ушла сегодня из Бодайбо. Все бастовавшие за исключением полусотни ушли. Вновь нанято около тысячи» [1].

[1] «События на Лене» (в документах), стр. 79. Партиздат. 1932.

Центральное стачечное бюро, проводившее правильную линию во все время забастовки, однако, допустило ряд крупных ошибок. Многие из членов Центрального стачечного бюро искренно верили в возможность легальными и исключительно экономическими методами борьбы добиться успеха, и это вредно отразилось на всем ходе забастовки. Ошибкой было то, что руководство, находящееся в руках большевистски настроенных товарищей, посылало телеграммы, информирующие о ленских событиях, не только на имя социал-демократической фракции Государственной думы, но и на имя отдельных кадетских лидеров. Это было грубейшей политической ошибкой, так как давало повод буржуазной прессе печатать эти телеграммы, создавать среди отсталых слоев рабочих иллюзии, будто партия кадетов, партия контрреволюционной буржуазии, может в какой-то мере явиться защитницей рабочего класса.

Эти ошибки об'ясняются чрезвычайной оторванностью и отдаленностью Ленских приисков от рабочих центров, а также недостаточным политическим развитием даже наиболее передовых из руководителей ленской стачки.

Ленин с замечательной яркостью вскрыл в своей статье «Революционный под'ем» значение ленских событий:

«Ленский расстрел... явился точнейшим отражением всего режима 3-тье-июньской монархии. Вовсе не борьба за одно из прав, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во всех отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что зажгли массы революционным огнем» [1].

На запрос социал-демократической фракции III Государственной думы по поводу ленского расстрела министр внутренних дел Макаров на заседании Думы 11(24) апреля 1912 года под аплодисменты черносотенцев заявил: «Так было и так будет впредь». Рабочий класс всей последующей борьбой ответил, что так не будет.

В ответ на ленский расстрел по всей стране почти одновременно прокатился взрыв негодования и протеста рабочих. В Петербурге известие о ленском расстреле было получено 7 апреля. 8 апреля в большевистскую газету «Звезда» стали поступать резолюции рабочих собраний. В знак протеста 9 апреля забастовали судостроительные заводы в Николаеве и Киеве (Южнорусский завод), 10 апреля — паровозостроительный завод в Харькове и трубопрокатный — в Екатеринославе. 14 апреля в Петербурге бастовали все крупные заводы. 18 апреля к забастовочному движению примыкает Москва.

«В Питере и Москве, в Риге и Киеве, в Саратове и Екатеринославе, в Одессе и Харькове, в Баку и Николаеве,— везде во всех концах России подымают голову рабочие в защиту своих загубленных на Лене товарищей»,— писал товарищ Сталин в «Звезде» 15 апреля 1912 года.

Апрельские события далекой Лены застали товарища Сталина в Петербурге. Бежав в четвертый раз из ссылки, он приехал по вызову большевистской партии в Петербург — центр революционного движения России — для руководства всей партийной работой в России.

Насколько необходимо было участие товарища Сталина в партийной работе в тот момент (выборы в IV Думу, издание и руководство «Правдой»), очень ярко показывает беспокойство Ленина. Не зная еще о побеге товарища Сталина из Вологды, Ленин писал 28 марта 1912 года о том, как «дьявольски» нужен товарищ Сталин в Петербурге, «ибо там дела плохи... У нас ни информации, ни руководства, ни надзора за газетой» [2].

19 апреля 1912 года в статье «Тронулась!..» товарищ Сталин дает оценку ленских событий: «Ленские выстрелы разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения.

Тронулась!..

Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия, — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене. Вот почему именно ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций» [3].

Партия большевиков широко развернула кампанию революционных митингов, демонстраций, стачек, используя для этого прокламации и свою легальную газету «Правду», созданную под'емом рабочего движения в апреле — мае 1912 года. «Правда» об'единила вокруг себя большинство рабочего класса (тираж ее был 40 тысяч экземпляров). Партия большевиков поднимала на активную, революционную борьбу самые широкие массы и об'единяла отдельные массовые выступления рабочих в общий революционный натиск против самодержа-

[1] Ленин. Соч. Т. XV, стр. 534.

[2] Журнал «Красный архив» № 62, стр. 226. 1934.

[3] «Пражская конференция РСДРП 1912 г.», стр. 160. Партиздат. 1937.

вия. Ленская забастовка, начавшаяся с самых элементарных экономических требований, была выражением революционной борьбы рабочего класса против жестокой эксплоатации, против царского режима.

Эта оценка ленских событий, даваемая большевистской партией и ее вождями, вызвала бешеные атаки как со стороны либеральной печати, так и со стороны меньшевиков и особенно Троцкого.

Политика ликвидаторов и с ними Троцкого была направлена не против царизма, а лишь к достижению конституционных уступок, конституционных реформ. Свобода коалиций была главным требованием ликвидаторов, и это требование как главное они навязывали рабочему классу. «Нет ничего более лживого,— писал Ленин,— как либеральная выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким в венской «Правде», будто «борьба за свободу коалиций является основой как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране». В ленской стачке вовсе не было ни специфического, ни главного требования свободы коалиций» [1].

Троцкий хотел свернуть рабочее движение с революционного пути, подменить гегемонию пролетариата подчинением буржуазному влиянию, направить рабочий класс на буржуазные рельсы частичных требований, сохранив нерушимым и незыблемым самое основное — помещичье-капиталистический строй. Троцкисты, являясь сейчас реставраторами капитализма, агентами фашистской охранки, диверсантами и убийцами, и в те годы отстаивали сохранение капитализма.

* * *

В настоящее время советская золотая промышленность сделалась важной отраслью тяжелой индустрии. Она борется за первое место в мире, выполняя указание товарища Сталина об учетверении добычи золота.

Новая, советская Лена совсем не похожа на старую. Лена электрифицирована. Кроме восстановленных гидростанций, бывших при концессионерах, построены две мощных электростанции (Энгажиминская и Мамаканская).

Тяжелые работы на приисках механизированы. Установлены компрессоры, электрические под'емники, введено паровое оттаивание мерзлоты, механизирована промывка породы.

Восстановлена Бодайбинская железная дорога. Существует пароходное, пассажирское и грузовое движение по реке Лене.

Аэропланное сообщение соединяет теперь далекую Лену с Москвой.

На приисках работает в настоящее время более 14 тысяч рабочих. Ударники Лены стоят в ряду лучших стахановцев СССР. Среди них много прежних бодайбинцев, участников ленских событий. Вместо старых бараков высятся светлые, чистые, новые дома рабочих. Имеется свой дом от-

[1] Ленин. Соч. Т. XV, стр. 534

Демонстрация в Петербурге по поводу ленских событий. 1912 год. Музей революции СССР.

ЛЕНСКИМ РАБОЧИМ.

Апрельский расстрел ленских рабочих 15 лет тому назад был одним из самых кровавых злодеяний царского самодержавия. Отважная борьба павших в далекой тайге от царских пуль товарищей не забыта победившим пролетариатом. Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать: ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними. Ныне, свободные от царского и капиталистического гнета на берегах Витима, вы имеете возможность добывать золото не для обогащения тунеядцев, а для укрепления мощи первого в мире, с в о е г о рабочего государства. Честь и слава павшим в борьбе за победу рабочего класса!

Приветствуя вас, дорогие товарищи, в этот день воспоминаний о героической борьбе павших товарищей, позвольте выразить уверенность в том, что вы твердо и неуклонно будете продолжать дело дальнейшей борьбы за полное торжество победы социализма в нашей стране.

И. Сталин

Письмо к ленским рабочим о значении расстрела 4 апреля 1912 года, написанное в газету «Ленский шахтер» в 1927 году товарищем Сталиным.

Музей революции СССР.

дыха. Снабжение рабочих налажено из собственных скотоводческих и зерновых совхозов. Освоено огородничество.

Лена гордится с полным правом сетью своих учебных заведений и культурных учреждений: школами, специальным техникумом, больницами, яслями, кино и клубами.

Теперешние Ленские прииски на берегах свободного Витима являются одним из самых ярких примеров наших достижений в социалистическом строительстве.

В стране победившего социализма память о ленских рабочих, павших от руки палачей царского правительства, ежегодно отмечается, ибо ленские события занимают одно из важных мест в истории борьбы рабочего класса с эксплоататорами, в истории борьбы за коммунизм.

В 1927 году, в 15-ю годовщину ленского расстрела, вождь трудящихся великий Сталин, обращаясь к ленским рабочим, писал: «Апрельский расстрел ленских рабочих 15 лет назад был одним из самых кровавых злодеяний царского самодержавия. Отважная борьба павших в далекой тайге от царских пуль товарищей не забыта победившим пролетариатом. Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать: ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними».

А. Козаченко

1

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ УРОК

(„ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ“ И НЕВСКАЯ БИТВА)

Германские фашисты мечтают о захватах на востоке Европы. Взоры захватчиков прежде всего обращены на Прибалтику и Советскую Украину. Фашистские «историки» Германии сочиняют нелепые «теории» об «исторических правах» Германии на Прибалтику вплоть до... Новгорода!

Гитлер клеветнически утверждает, что «не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам». Эта клевета понадобилась Гитлеру для маскировки и обоснования своих захватнических планов в отношении СССР.

Действительная же история разоблачает эту клевету. «Германские элементы» и прежде всего германские помещики из Померании приносили с собой в захваченные земли грабеж, разорение и крепостной гнет. Гнет этот чувствовало на себе население, начиная от Пруссии (кстати, тоже не являющейся исконной немецкой землей), кончая Новгородом. Не удивительно, что русский народ неоднократно прогонял от своих пределов германских рыцарей, этих алчных и хищных захватчиков.

695 лет назад германские рыцари впервые пытались захватить русские земли. Захватчики тогда получили такой сокрушительный удар, что после этого в продолжение нескольких столетий не смели сунуться в пределы земель русского народа.

Об этом замечательном историческом уроке следует почаще вспоминать германским фашистам.

В теперешних Пруссии, Эстонии, Латвии, Литве и Ленинградской области в XII столетии жили прусские, литовские, финские племена и славяне. В Прибалтику и Новгородскую землю с половины XII столетия стали часто наезжать немецкие купцы и ремесленники из Вестфалии и Саксонии. Вначале у них установились мирные, торговые отношения с жителями Прибалтики.

С конца XII столетия в Прибалтийском крае появились католические немецкие миссионеры. В 1186 году в Прибалтике было образовано первое епископство, находившееся в зависимости от бременского архиепископства. Но без военной силы христианизация не была успешной, и папа начал проповедывать крестовый поход против прибалтийских племен.

Германские рыцари, потерпев неудачу в крестовых походах на Востоке, искали новых мест для легкой наживы и грабежа. Прибалтийские племена казались рыцарям подходящим об'ектом для их «деятельности». «Приобщая» население к католической церкви, рыцари рассчитывали завладеть землями покоренных, заставить побежденных работать на победителей и платить им дань.

В 1198 году многочисленное войско крестоносцев высадилось в устье Западной Двины. Отсюда они повели вначале успешное наступление на не ожидавшие нападения разобщенные местные племена ливов и др. Но уже в 1199 году «язычники» разгромили крестоносцев и убили их епископа Бертольда.

Несмотря на поражение крестоносцы не намерены были отказаться от захвата и грабежа этих богатых земель.

Новый епископ, Альберт, этот, по выражению Маркса, «паршивый бременский каноник», собрал новое большое войско и вступил в Ливонскую землю.

Мечом крестил местные племена этот «апостол». С 1201 года Альберт перевел епископскую резиденцию в Ригу.

Из германской империи прибывали все новые толпы крестоносцев-граби-

телей. В 1202 году Альберт основал здесь духовный рыцарский орден (постоянную военную организацию), назвав его «орденом божьих рыцарей», «братьев Марии», или «меченосцев».

Рыцари — члены ордена — обязывались всеми силами распространять христианство, т. е. продолжать покорение местных племен.

Во главе ордена стоял магистр, или мейстер. Первым магистром Ливонского ордена меченосцев был фон-Рорбах.

В 1207 году германский император Оттон IV «пожаловал» в лен ордену все земли еще не покоренных «языческих» племен. Эти ленные отношения обеспечили постоянную поддержку и политическую связь меченосцев с немецкими рыцарями империи.

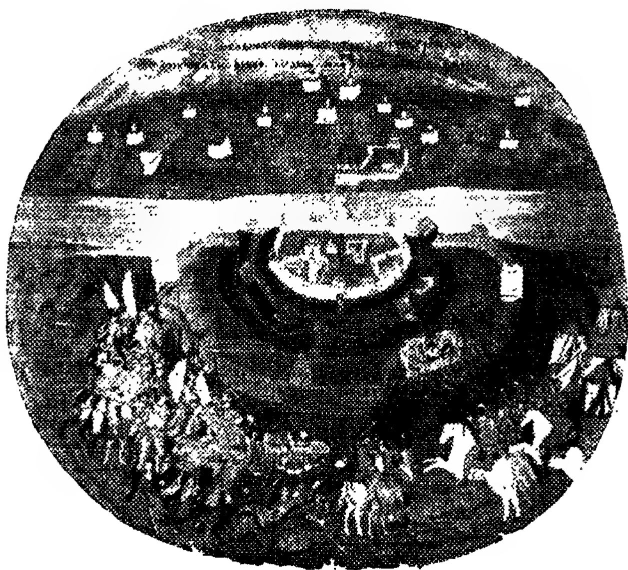
Вскоре в крае появилось несколько епископов. Не рассчитывая на добровольное согласие местных племен принять католичество, предусмотрительный папа Иннокентий III поспешил заранее об'явить вне закона всех сопротивляющихся «язычников», благословив как богоугодное дело их ограбление, порабощение и истребление.

С этого времени и начали германские рыцари свою охоту на ливов, эстов и других прибалтийских «язычников», начали порабощать их, заставлять работать на завоевателей, крестить, грабить, истреблять непокорных. С этого-то времени прибалтийское население и познало всю «прелесть» «христианско-германской скотской культуры» [1].

Закованным в железные доспехи, организованным германским рыцарям было сравнительно легко бороться с необ'единенными, слабо вооруженными прибалтийскими племенами.

Вслед за покорением ливов в 1203 году меченосцы вторглись в Эстонию и создали в Ревеле (Таллин) опорный пункт. Эсты оказывали упорное сопротивление захватчикам. Вначале им даже удалось прогнать их, но борьба была неравной: в 1211 году значительную часть территории эстов (Сакала) меченосцы присоединили к ор-

[1] Здесь и дальше имеется в виду работа К. Маркса «Хронологические выписки». «Большевик» № 24 за 1936 год.

Новгород XII в. Со старинной русской миниатюры. Гос. исторический музей.

дену, а в 1228 году была покорена вся земля эстов.

Тем временем другая часть германских крестоносцев начала покорять и грабить южную Прибалтику, населенную пруссами. Попытки отдельных групп рыцарей подчинить себе пруссов кончились полным поражением.

Успешное завоевание Пруссии германскими крестоносцами началось только тогда, когда против пруссов выступило целое рыцарское войско. Это был так называемый Тевтонский орден, основанный еще в 1128 году в Иерусалиме из кучки германских рыцарей-бродяг, крестоносцев. Орден получил устав только в 1191 году. По этому уставу, членами ордена могли быть лишь германские дворяне. Это были главным образом дворяне Южной Германии и Померании. Рыцари ордена носили белый плащ с черным крестом на левом плече.

До начала XIII столетия этот орден кочевал, получая за свою службу земли то в Италии, то в Венгрии, то в Германии. Наконец, в 1226 году князь Конрад Мазовецкий (Польша) передал тевтонцам земли на севере Польши. Гохмейстер ордена Зальца получил у императора Фридриха II грамоту на владение всей еще не покоренной землей пруссов. В 1228 году Тевтонский орден появился на берегах Вислы, начав завоевание племен Прибалтики, прежде всего пруссов.

Как ливы и эсты, пруссы ожесточенно сопротивлялись захвату тевтонскими рыцарями их земель. Тевтонцы

с огромными усилиями продвигались вперед. Завладев территорией, орден заставлял жителей строить города-крепости и рыцарские замки. Покоряя, грабя земли Прибалтики, рыцари истребляли значительную часть местных жителей, а на их место приглашали на льготных условиях поселенцев из Германии.

К концу 30-х годов XIII столетия тевтонцы подошли к Прибалтийским землям, на которые пытался распространить свою власть и орден меченосцев. Каждый орден первое время надеялся своими силами подчинить «язычников», чтобы не делить завоеванную добычу. Часто между орденами возникали ссоры.

Покоренные племена Прибалтики должны были платить дань победителям, отбывать повинности, барщину в имениях, замках рыцарей и монастырях, производить строительные работы, принимать участие в военных походах рыцарей. Ордена продолжали пополняться новыми толпами германских дворян, стремившихся получить земли и нажиться на эксплоатации покоренного населения.

Конечно, ни о каком культурном влиянии на это население не могло быть и речи: «язычники» еще долго не знали даже языка победителей.

Вот как характеризует поведение рыцарей-завоевателей в своих «Хронологических выписках» К. Маркс:

«Рыцари неистовствуют. Чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубают леса, осушают болота, уничтожают свободу и фетишизм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньерии и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство».

В Прибалтике все больше развивалось крепостничество. Местные крестьяне, об'явленные вне закона, ниоткуда не получая защиты, все же продолжали бороться с захватчиками.

«Пруссы, озлобленные жестокими притеснениями, тяжкими работами, надменным обхождением победителей, пять раз восставали против последних и против новой веры, принятой неволею» [1].

[1] Соловьев, С. М. «История России». Кн. 1-я — 4-я, стр. 819.

Борьба побежденных продолжалась и во второй половине XIII столетия. Маркс ярко описывает восстание пруссов 1260 года: «По приказу папы,— говорит Маркс, — у них (восставших. — *А. К.)* отнимали их детей, чтобы воспитывать из них «христианских янычар» и сохранять как заложников... Бедняги, конечно, по закону возмездия, совершали «зверства»; тогда начался вой попов и пустословие по поводу «дикого варварства... Толпы немецких варваров — болванов двинулись; многолетняя кровопролитная борьба; покорение. Образец того опустошения, которое они произвели, это судьба населения Зюдау в Пруссии; к концу XIII ст. цветущая страна была превращена в пустыню, на месте деревень и возделанных полей появились леса и топи, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выселиться в Литву».

Такова была «цивилизация», которую несли с собой германские «рыцари» — тевтонцы и меченосцы — прибалтийским племенам.

2

Литовские племена, как и другие прибалтийские племена, не были об'единены, плохо вооружены. Междуплеменная борьба, а также войны с соседями еще более ослабляли литовцев.

Русские земли были раздроблены на ряд феодальных княжеств, только номинально признававших власть великого князя Владимирского. Так же номинально признавали политическую зависимость от великого княжения Владимирского и Новгород и Псков, ставшие богатыми феодальными городскими республиками. На юге из земель распавшегося Киевского государства только Галицко-волынское княжество представляло значительную силу. Во всех русских землях господствовали уже феодальные отношения. Князья и бояре нещадно эксплоатировали народные массы. В Новгороде и Пскове, где власть князя была ограничена, правила боярская олигархия, жестоко угнетавшая и грабившая народ. Эта верхушка была заинтересована в том, чтобы сохранилась политическая раздробленность русских зе-

мель, чтобы продолжались в русских княжествах усобицы и не усилилась центральная власть. Русские же народные массы страдали от этой раздробленности, стремились к об'единению земель. Эта тенденция к об'единению имела особенно положительное значение в борьбе с внешними врагами — захватчиками.

Несмотря на всю слабость русских земель в первое тридцатилетие XIII столетия русские народные массы вели активную оборону своих западных границ, проводя против германских рыцарей походы в Прибалтику. Известен, например, поход новгородцев на Ригу в 1216 году. Под 1217 годом летописец сообщает о битве соединенного ополчения псковичей и новгородцев с немцами: «И с немцы бишася, и убиша две воеводе, а третьего руками яша, а лошадей отняли семьсот, и приидоша вси здрави» [1].

Изгоняемые новгородцами и псковичами, бояре и князья иногда бежали к германским рыцарям. Эти изменники со своей стороны поддерживали набеги немецких грабителей. В 1233 году новгородский боярин Борис и другие изгнанники помогли рыцарям неожиданно напасть на русскую землю и захватить Изборск под Псковом. Но псковичи вскоре собрались с силами, прогнали захватчиков и отобрали у них этот город.

Неудачна была и другая попытка рыцарей напасть на Новгородские земли в том же, 1233—1234 году. Князь Ярослав со своей переяславской дружиной с новгородским и псковским ополчениями не только изгнал захватчиков из новгородской земли, но осадил их города Юрьев (Дерпт) и Оденпе, разбил рыцарей и заключил с ними мир «на всей своей правде», выговорив даже обязательство города Юрьева платить дань Новгороду.

Летописец также оставил нам сообщение и о столкновении между южными княжествами и германскими рыцарями. Под 1235 годом в летописи рассказывается, например, что галицко-волынский князь Даниил, узнав о захвате германскими рыцарями славянских земель, сказал:

Новгородские полки перед битвой. 1242 г. Старинная русская миниатюра Лаптевского летописца.

Гос. исторический музей.

«Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарем». Даниил и его брат организовали далекий поход, разгромили рыцарей и взяли в плен их «старшину Бруно».

Ясно было, что у одних ливонских рыцарей сил недостаточно, чтобы даже при таких трудных условиях, в каких находилась тогда русская земля, подчинить ее.

Литовские племена, временами об'единяясь с конца XII, начала XIII столетия, тоже успешно отражали нападения «крестоносной сволочи».

Особенно большое поражение потерпели рыцари в 1236 году, во время своего опустошительного набега на Литву с магистром Волквиным во главе. Магистр и все его войско были истреблены. «Этих псов, — говорит Маркс о германских рыцарях, — жестоко отдули, и сейчас же после поражения им грозило нападение со стороны литовцев, датчан и русских».

[1] Псковская летопись, стр. 5. Изд. М. Погодина. М. 1837.

Поход немецких рыцарей во главе с магистром Ливонского ордена. 1242 г. Старинная русская миниатюра Лаптевского летописца.
Гос. исторический музей.

Настало время, когда меченосцев могли прогнать туда, откуда они пришли.

Рыцари искали выхода в об'единении орденов. В 1237 году орден меченосцев об'единился с Тевтонским для совместного наступления на «язычников». Магистры более слабого ордена меченосцев утверждались и были в зависимости от гохмейстера Тевтонского ордена. Весь об'единенный германский орден считался вассалом рижского архиепископа. Существовали кроме того еще отдельные епископства (дерптское и др.).

Для покоренных племен Прибалтики наступили еще более тяжелые времена. Орден ссорился и боролся с епископами за право грабить эти племена. Претендовали также на эти земли датские и шведские феодалы. Все они в конечном счете грабили и разоряли «язычников». Пруссы, ливы, эсты и другие не оставляли мысли о расправе с победителями, хотя их попытки бороться с захватчиками терпели неудачу. «Мы скоро умрем, — говорили они, — и пойдем на небо, и будем мучить там немцев так, как они мучили нас здесь на земле». «Запирай дверь от орденских рыцарей!» — еще долго повторялась поговорка среди местного населения.

Такую участь готовили германские дворяне и русским землям к концу 30-х годов XIII столетия.

3

Разобщенные племена Прибалтики были покорены. Завоеватели подошли к русским землям. Тяжелое это было время на Руси! На раздробленные русские земли набросился враг с востока — монгольские завоеватели. Зимой 1237 года монголами была разгромлена Рязанская земля. Под Коломной было разбито великокняжеское войско под начальством князя Всеволода Юрьевича. В феврале 1238 года монголы взяли и сожгли города Владимир и Суздаль. 4 марта 1238 года на реке Сити было разбито войско великого князя Юрия. Русь осталась без войска, без защиты. Монголы пошли на Новгород. Однако, испугавшись ранней весны и связанной с ней распутицы, а также, возможно, узнав о приготовлениях новгородцев к осаде, завоеватели повернули обратно. В 1239 и 1240 годах монголы заканчивали покорение русских земель. Русь была опустошена страшным нашествием.

Только на северозападе земли Псковские и Новгородские избежали этого разорения. Общим ослаблением русской земли и хотели воспользоваться немцы-захватчики.

Все труднее было собрать большое, об'единенное из разных княжеств русское войско. А между тем, кроме германских рыцарей с запада, наступали и шведские рыцари. Цели были у них общие: захват земель и грабеж местного населения. Все это прикрывалось религиозными мотивами: папы продолжали призывать и германских и шведских рыцарей к крестовым походам на «язычников».

В таких трудных условиях пришлось Руси отражать нападение внешних врагов с запада в начале 40-х годов XIII столетия.

Наиболее богатый и многолюдный, Новгород выступил во главе сил, за-

щищавших русскую землю. Князем в Новгороде в это время был Александр Ярославович. Князь Александр был выдающимся по тому времени полководцем и политическим деятелем.

Подошел тяжелый для русского народа 1240 год: в развалинах осталась русская земля после монгольского разорения, германские рыцари подошли к Пскову. Соединенные силы орденов меченосцев и тевтонцев не встретили под Псковом сильного сопротивления. В самом Пскове шла ожесточенная классовая борьба. С помощью отдельных изменников-аристократов рыцари взяли псковский пригород Изборск. Захватчики выжгли окрестности Пскова и целую неделю осаждали город. Только после того как псковичи согласились принять в посадники ставленника ордена боярина Твердилу и отдать своих детей в заложники рыцарям, последние отступили от города. Меченосцы беспрепятственно прошли Псковскую землю, перешли за реку Лугу и заложили крепость в Копорском погосте на Новгородской земле.

В то же время с севера на Новгород наступали шведские рыцари со своим королем Эрихом Эрихсоном. Они мечтали о захвате невского побережья с русскими Новгородскими землями, чтобы держать в своих руках новгородскую торговлю с северозападной Европой.

Летом 1240 года шведское войско «в силе велице, пыхая духом ратным», — как рассказывает Софийская летопись, появилось в устьях Невы, т. е. в непосредственной близости к Новгороду. Не было времени и неоткуда было ожидать военной помощи из разоренных монголами русских земель. Но русское войско, пополненное новгородским и ладожским ополчениями, было полно решимости защищать свою землю. Руководимое новгородским князем Александром Ярославичем, это войско «в ярости мужества своего» бросилось к Неве.

15 июля 1240 года шведские рыцари были разбиты несмотря на значительное превосходство их сил: «Самому королю возложи печать на лице острым своим мечем»,—писала летопись. Шведское войско бежало, заполнив только убитыми «великими воеводами» три своих корабля, оставив кроме того на месте множество убитых и раненых. Эта победа на реке Неве дала князю Александру название «Невского». Враг от северозападных границ русских земель был прогнан. Но с запада к Новгороду подходил еще более наглый враг — германские «рыцари».

Встреча русских войск немецкими рыцарями на льду Чудского озера. 1242 г. Старинная русская миниатюра Лаптевского летописца. Гос. исторический музей.

Захватив пригород Пскова Изборск, они принялись хозяйничать в крае. Вот как летописец описывает «созидательную» работу «германских элементов» под Псковом: «Посад зажгоша весь, и много зла бысть, погореша и церкви... многы же и села пусты сотвориша около Пскова; стояще же под городом неделю, но города не взяша, но много детей у добрых муж поимаша и отведоша в полон, и от'идоша прочь опять» [1].

Зимой 1240 года «рыцари» вторглись в землю Новгородскую и на племя Водь, «повоеваша все и дань на них возложиша». На русской земле

[1] 1-я Софийская летопись, стр. 179.

захватчики укрепили крепость Копорье, намереваясь расширить свои захваты. Грабители—меченосцы и тевтонцы, недавно договорившиеся об об'единении и совместном дальнейшем грабеже беззащитного русского населения,— были особенно сильны. Значительная часть русских земель на западе была захвачена уже иноземцами.

Феодальная обособленность, поддерживаемая аристократической верхушкой Новгорода, затрудняла защиту западных русских земель. Вскоре после Невской победы Александр со своей дружиной уехал из Новгорода к отцу, в Суздальскую землю, не помирившись с новгородским боярством, которое подозревало князя в стремлении ограничить боярскую олигархию. Через год после Невской победы в Новгороде некому было организовать сопротивление народа новому врагу.

«Рыцари» захватили Тесово и уже были в 30 верстах от Новгорода. И здесь «рыцари» вели себя как обычно: грабили купцов, нападали на безоружных русских крестьян, убивали, насильничали, отбирали у них детей, скот, коней и др. Цветущий край был разорен. «Не на чем и орати по селам»,— так говорит летописец о той «созидательной» деятельности, которую несли Руси христианствующие германские «рыцари», грабители, охотники на детей!

По просьбе новгородцев в Новгород возвратился князь Александр Ярославович. В 1241 году он организовал войско из новгородцев и ладожан; корелы и ижоряне тоже послали своих людей на помощь русскому войску. С этими силами Александр прежде всего напал на крепость Копорье, «изверже град до основания, а самих немец побиша, а ови с собою приведе в Новгород, а иных пожаловал отпустил» [1].

С разрушением крепости Копорье германские захватчики были изгнаны из Новгородского края.

В это время «рыцари» снова подошли к Пскову и взяли его; в городе стали править их наместники. Аппетиты германских «рыцарей» теперь были направлены исключительно в сторону славянских земель, русского народа. «Рыцари», по свидетельству летописца, так и говорили: «Укорим словенский язык... себе» (т. е. подчиним себе русский народ)! Это было об'явление войны русскому народу. Весь народ, вся русская земля напрягли последние силы и выступили единодушно на борьбу с захватчиками. В русских народных массах несмотря на политическую раздробленность Руси была сильна идея защиты своей земли от иноземцев. Русское войско состояло из дружины Александра, его брата Андрея, пришедшего из северовосточной Руси, и новгородского ополчения.

После освобождения Новгородской земли русское войско под предводительством князя Александра Невского пошло в 1242 году освобождать землю Псковскую.

Окружив Псков, Александр захватил его. Рыцарский гарнизон был взят в плен, орденских наместников в оковах отправили в Новгород. Русская земля была освобождена от захватчиков.

М. Н. Покровский, освещая этот период в русской истории, видит в деятельности Александра Невского лишь стремление навязать Новгороду «суздальские порядки», пользуясь тяжелым положением Новгорода. Покровский, ставивший под сомнение даже существование русского народа, не замечает того единодушия, с которым русский народ выступает во главе с Александром Невским на защиту земли русской от германских захватчиков, не понимает, что развернулась борьба за самостоятельное существование русского народа. И это понятно: Покровский, стоя на позициях механистического материализма, не видел и не понимал прогрессивного значения этой стороны деятельности Александра Невского.

М. Н. Покровский и его «ученики» готовы были рассматривать всякое иноземное нашествие и закабаление русского народа чужестранными захватчиками как явление «прогрессивного» характера. Ни сам Покровский, ни один из его «учеников» не нашли даже нужным остановиться на героической борьбе русского народа с немецкими захватчиками в XIII веке.

[1] 1-я Софийская летопись, стр. 180.

Больше того, ныне разоблаченные враги народа Ванаг и Пионтковский, расценивая чужеземные вторжения как «положительный» фактор, не только извращали действительный исторический процесс, но тем самым подводили «историческую» базу под предательскую, контрреволюционную шпионскую деятельность троцкистской банды, замышлявшей интервенцию против СССР и подготавливавшей расчленение нашей родины немецким и японским империализмом.

4

Однако германские «рыцари» не учли урока, данного им, и не намерены были отказаться от русских земель. Наоборот, об'единенный орден призвал своих «рыцарей» на войну с русскими войсками, обещая легкую расправу с Александром: «Пойдем, погубим великого князя Александра и имем его руками!»[1]

Александр решил не ожидать врага на русской земле, а продолжать войну на территории самого Ливонского ордена. «И поиде на землю Немецкую, хотя мьстити кровь христианскую». Русское войско вступило на земли, бывшие под владычеством германских захватчиков.

Орден собрал большую силу: здесь были почти все его рыцари, с «местером (магистром.— *А. К.)*, со всеми бискупы своими и со всем множеством языка их и власти их, и с помочию королевою». Собрались почти все германские рыцари ордена, было призвано и подчиненное им население, наконец, шведский король прислал тоже помощь.

«Велеречие», заносчивость немецких «прохвостов», как их называет Маркс, еще больше выросла после их первой успешной стычки с передовым русским отрядом.

Узнав о движении сил врага, Александр стянул все свое войско к Чудскому озеру. Сюда к нему продолжали прибывать отряды дружинников из северовосточной Руси. На Чудском озере, около урочища Узмени, у Вороньего Камня, сошлись две силы: германские захватчики, мечтавшие о подчинении Руси, и русские народные массы, для которых эта битва должна была обеспечить возможность дальнейшего национального существования и развития.

[1] 1-я Софийская летопись, стр. 180.

Битва новгородцев с германскими рыцарями Ливонского ордена на льду Чудского озера. 1242 г. Старинная русская миниатюра Лаптевского летописца. Гос. исторический музей.

Вот почему русский народ был преисполнен решимости, храбро сражаясь, добиться победы над германцами. В представлении русского войска это была решительная борьба за национальную свободу, за защиту своей земли от наглых захватчиков.

Автор сказания «О велицем князе Александре», «самовидец возраста его» (современник), тоже заметил необыкновенный под'ем духа, царивший в русском войске перед битвой: «Воя великого князя Александра исполнишася духа ратна, бяху бо сердца их аки львом», русские воины готовы были «положити главы своя».

5 апреля 1242 года на Чудском озере, еще скованном льдом, произошла знаменитая битва русского войска с германскими захватчиками.

У германских «рыцарей» был испытанный тактический прием: наступление густой массой, окруженной закованными в железные доспехи воинами, построенной ввиде клина. Этот клин обыкновенно врезался в середину войска противника, разрезал его на две половины, приводил в смятение, после чего начинался разгром по частям

расстроенных сил противника. Русским этот прием германского рыцарского войска был известен; летопись передает даже русское название германской колонны: «свинья».

В решительной битве с русским войском германские «рыцари» применили тот же тактический прием. Следует думать, что, зная об этом приеме германской тактики, Александр Невский подготовил концентрацию своих сил на флангах, что вскоре и дало неожиданные для «рыцарей» результаты.

Их «свинья» врезалась в русскую рать и пробила ее строй насквозь. Но русское войско не обратилось в бегство и приняло бой.

Произошло знаменитое в истории кровавое «Ледовое побоище». Положение германских «рыцарей» сразу стало неблагоприятным: фланги у «свиньи» были зажаты, закованные в доспехи «рыцари» были сбиты в кучу, потеряли свободу маневрирования. «И бысть ту сеча зла и велика немцам»,— так описывает летописец картину боя. Ожесточенно бились обе стороны, лед на озере покрылся кровью, «труск от коней ломления и звук от мечного сечения... и не бе видети леду, покрыло бо есть все кровию»[1].

Наконец, германская «свинья» была смята, и «рыцари» потерпели небывалое поражение. Разбитый враг бросился бежать; русские избивали «рыцарей», преследуя их по льду на протяжении семи верст. Потери германского войска по тому времени были невиданные: «рыцарей» было убито больше 500, прочего их войска — «бесчисленное множество». Пятьдесят знатных «рыцарей», «нарочитых воевод», были взяты в плен, многие утонули, раненые бежали.

«Пря» (спор) разрешилась в пользу русского народа. Гордые германские «велеречивые» дворяне — пленные — должны были пешком следовать за конями победителей до самого города Пскова. «Ведяхуть бо я подле конь иже именуются ритори»[2].

В Пскове народ радостно приветствовал войско победителей и освободителей «от иноязычных и от иноплеменник».

[1] 1-я Софийская летопись, стр. 180.
[2] Там же, стр. 181.

Вскоре на землях ордена началось восстание. Положение ордена резко ухудшилось.

Забыв о своей спеси, потерпевшие поражение германские дворяне сразу «прислаша с поклоном в Новгород» с просьбой о мире. Мир был заключен на условии обмена пленными и полного отказа германских «рыцарей» от захваченных ими раньше русских земель. «Прохвосты были окончательно отброшены от русской границы» (Маркс).

На многие столетия у наглого врага была отбита охота переходить русскую границу. Позже только отдельные немецкие отряды пытались прорваться в русскую землю, но их неизменно ждало поражение. В 1269 году, например, «рыцари» подошли к Пскову «и не успеша ничтоже, но большую рану восприяше... и побегоша за реку»[3]. Не помогали уже и внезапные разбойничьи нападения, как это было в 1271 году: русский народ не допускал в свои пределы проникновения наглого врага. «Рыцари» долго помнили этот урок!

Маркс, касаясь этого события, говорит: «1242 г. **Александр Невский выступает против немецких рыцарей**, разбивает их на льду **Чудского озера**, так что прохвосты (die Lumpacii) были окончательно отброшены от русской границы» (подчеркнуто Марксом. — *А. К.*).

Таков был результат первой попытки германских средневековых «рыцарей» подчинить себе русский народ, захватить его земли. Средневековые германские «варвары — болваны», как их называет Маркс, в наше время являющиеся излюбленным идеалом Гитлера, 695 лет назад получили хороший урок от русского народа!

Германские фашисты должны были бы помнить этот урок, как и совсем недавние уроки, полученные ими в 1918 г. на Украине и юге России. Но еще более страшный разгром ждет теперь любого захватчика, который посмеет посягнуть на советскую землю, на отечество трудящихся всего мира.

[3] Там же, стр. 193.

З. Карпенко

МУХИНСКОЕ ВОССТАНИЕ НА АМУРЕ

(из истории японской интервенции на Дальнем Востоке в 1918—1919 гг.)

1

Осенью 1918 года под напором об'единенных интервентских сил пали первые советы в Дальневосточном крае.

Амурскую область заняли части 12-й японской дивизии под командованием генерал-майора Ямада. За японцами как тени следовали белые офицеры, золотопромышленники, владельцы пароходов и другие представители амурской буржуазии, реэмигрировавшие из Сахаляна[1] и Харбина.

Отряды японцев и белогвардейцев искали красногвардейцев, жестоко расправлялись со всеми «подозрительными» элементами, отбирали оружие, спрятанное крестьянами. Экспедиции по из'ятию оружия не имели успеха, а кое-где встречали открытый отпор. Так, сельский сход села Ивановки отказался сдать оружие отряду поручика Лопушинского. Крестьяне поселка Средне-Белой встретили огнем отряд белогвардейцев, прибывший разоружать их.

Среди трудового населения Амурской области распространились слухи, что на китайской территории находится Мухин с большим отрядом. Ф. Н. Мухин, большевик, председатель Амурского совнаркома (областного исполкома) в 1918 году, пользовался исключительной популярностью среди рабочих и крестьян области. Благовещенские грузчики даже собирались посылать делегатов к тов. Мухину, который в это время скрывался в самом Благовещенске, сколачивая подпольную организацию.

Коммунисты, советские работники, красногвардейцы, рассеявшиеся по деревням, начали создавать подпольные повстанческие организации, вовлекая в них крестьян — бедняков и середняков.

Сначала эти организации охватывали лишь отдельные села и не имели связи ни между собой, ни с Благовещенском. Постепенно наиболее крепкие из них начали распространять свое влияние на соседние села и связались с Мухиным.

Видную роль в подготовке восстания сыграли села Ивановка, Ильиновка и Жариково, расположенные неподалеку от Благовещенска, в хлебородном густо населенном Зазейском районе.

В деревнях, расположенных вблизи города Свободного (Алексеевска), действовала инициативная группа, возглавлявшая максималистом Патрушевым. Она обосновалась в тайге, в верховьях речки Юхты.

В конце декабря 1918 года на заимке Ляпунова, вблизи деревни Черновской, собрался с'езд, выбравший районный штаб и разрешивший вопросы, связанные с подготовкой восстания: о мобилизации, снабжении и т. д.

Тов. Кургузов сообщает, что на с'езде было зачитано письмо Мухина о подготовке восстания[2] против интервентов и белогвардейцев,—следовательно, к этому времени уже была установлена связь с Благовещенском.

В селах Мазаново и Сохатино, расположенных по реке Зее, к северу от Свободного, вели подготовку к восстанию большевики Кулениче, Новиков и другие. В декабре 1918 года они собрали в селе Сохатине до 30

[1] Сахалян — китайский город на правом берегу Амура, напротив Благовещенска.

[2] С. Кургузов «Амурские партизаны», стр. 15. Хабаровск. Изд. «Книжное дело». 1929.

Тов. Ф. Мухин.

представителей от 24 сел Мазановской, Желтояровской и Красноярской волостей. На этом с'езде также стоял вопрос об организации восстания. Здесь же было решено послать делегатов к тов. Мухину за инструкциями.

После с'езда сформировался вооруженный отряд из молодежи села Сохатина в количестве 60 человек. Несмотря на подготовительную работу мазановское восстание, первое крупное выступление против интервентов в Амурской области, вспыхнуло стихийно.

7 или 8 января 1919 года крестьяне села Мазанова, выведенные из терпения насилиями японских войск местного гарнизона, взялись за оружие и послали делегатов в сохатинский штаб с просьбой о помощи. Штаб мобилизовал крестьян ближайших сел (свыше 1000 человек)—и 10 января отряд повстанцев, прибыв в Мазаново, атаковал японцев. Бой продолжался целый день и закончился победой повстанцев. Они вывесили над общественными зданиями красные флаги и об'явили советскую власть восстановленной.

В это время к восставшим селам приближался белый казачий отряд под начальством прапорщика Торболова, шедший с Селемджинских приисков. Отряд вел арестованных председателя Экимчанского совета Неометова и нескольких рабочих с приисков. Стояли сильные холода. Арестованные морозили себе руки и ноги. Под деревней Новокиевкой повстанцы захватили отряд и освободили арестованных.

10 января из Свободного вверх по Зее вышел японский карательный отряд под командой капитана Маэда, начальника местного гарнизона. По дороге японцы сжигали встречные села и расстреливали мирных крестьян. 11 января, около полудня, японцы заняли Мазаново, сданное повстанцами без боя.

В ночь на 13 января отряд Маэда атаковал село Сохатино, хотя повстанцы оставили его, а жители выслали мирную делегацию. Японцы расстреляли делегацию и всех не успевших скрыться жителей, не исключая женщин и детей, и сожгли село до основания. Товарищи Куленич, Новиков и многие рядовые участники восстания были также расстреляны японцами.

Невероятная жестокость, с какой было подавлено мазановское восстание, не остановила повстанческое движение, а, наоборот, вызвала волну возмущения по всей области и ускорила начало всеобщего восстания.

В начале января 1919 года тов. Мухин, преобразившись в представителя американской фирмы Мак-Кормик, приехал в село Ильиновку, находящееся в Зазейском районе. 10 января 1919 года в Ильиновке открылся с'езд представителей подпольных организаций Зазейского района.

Мухин информировал делегатов о политическом положении в крае и возникновении подпольной организации в Благовещенске. Участники с'езда, по предложению тов. Мухина, постановили разбить область на 2 района: первый — к западу от Зеи и второй — к востоку от Зеи; с'езд принял решение об укреплении сельских организаций, выбрал районный ревком и предложил через некоторое время собраться вновь.

На втором с'езде, происходившем в конце января в деревне Красный яр, встал вопрос о сроках восстания.

Часть делегатов, в том числе тов. Мухин, была против немедленного выступления, считая, что проделанная организационная работа еще не достаточна. Большинство представителей сельских организаций настаивало на том, чтобы выступить немедленно.

Ко времени открытия с'езда японское командование уже получило сведения о том, что назревает восстание, и выслало к Красному яру карательный отряд.

Исход споров на с'езде решило известие о стычке выступившего японского отряда с повстанцами под деревней Воскресеновкой. Тов. Мухин предложил присутствовавшей на с'езде группе большевиков, противников немедленного выступления, возглавить начавшееся восстание. Предложение тов. Мухина было принято.

2

К началу восстания, известного в Амурской области под именем мухинского, военное руководство повстанцев недостаточно представляло себе особенности боевой тактики партизанских отрядов. Эта специфическая тактика могла выработаться лишь на определенном боевом опыте, которого тогда еще не было.

Большинство руководителей восстания не было новичками в военном деле. Среди них были бывшие солдаты-фронтовики и даже офицеры, прошедшие сквозь горнило империалистической войны. Вот почему руководители восстания первоначально и переносили на Амур традиции фронтовой позиционной войны, недооценивая особенностей обстановки, в которой им предстояло вести борьбу.

Товарищи, возглавлявшие движение, стремились сформировать как можно более многочисленную повстанческую армию. Работа, проделанная ранее местными подпольными организациями, всеобщее возмущение против интервентов и революционный энтузиазм, охвативший бедняцко-середняцкое крестьянство Амурской области, позволили сравнительно успешно разрешить эту задачу. Партизанская армия быстро росла, но думать о планомерном ее формировании не приходилось. Мобилизация сил происходила находу. Повстанцы передвигались из одного села в другое, и в каждом селе в их ряды вливались новые бойцы. Не все бойцы даже имели оружие, так как припрятанных в свое время винтовок и охотничьих ружей на всех не хватало.

Повстанческий штаб наметил определенный план мобилизации сил, но он был сорван японскими отрядами, преследовавшими по пятам формирующуюся повстанческую армию.

Партизанское командование решило дать бой выступившему из Благовещенска отряду майора Хори у Виноградовской заимки, находившейся в 6 километрах от села Андреевки. Заимка стояла в березовой роще, пересекаемой дорогой, по которой должны были следовать японцы. 17 февраля 1919 года повстанческое командование устроило засаду по пути японцев: 4 роты залегли в канавах на опушке рощи, по обе стороны от дороги, 2 роты расположились на левом фланге, в роще, за речкой Манчжуркой, и 1 рота — в березняке, на правом фланге.

Всего повстанцев насчитывалось около 2 тысяч человек, вооруженных разнокалиберными винтовками с ограниченным числом патронов. Навстречу им двигался отряд майора Хори из 500 японских пехотинцев с 2 пушками и 2 пулеметами, 2 эскадронов казаков и японской конной разведки

Первоначальный план боя был сорван преждевременным выстрелом из рядов повстанцев по первым показавшимся подводам с японцами. Японцы после непродолжительной паники повели организованное наступление под прикрытием артиллерийского огня, но им не удалось выбить повстанцев из рощи.

Бой закончился отступлением с обеих сторон. Расстреляв снаряды, потеряв убитыми командира Хори, 5 офицеров и значительную часть солдат, японцы отошли к Андреевке. Почти одновременно началось отступление партизан к Ивановке.

«Этот бой показал, что вести войну с недисциплинированной, не исполняющей в бою распоряжений командования, слабо вооруженной массой

людей — задача не из легких» [1], — пишет тов. Безродных в своей работе о партизанском движении на Амуре.

Японское командование также должно было сделать серьезные выводы из виноградовского боя, показавшего, что недооценивать силу повстанцев опасно. Японский военный министр Танака в своей речи в верхней палате японского парламента 26 марта 1919 года указал, что после виноградовского боя командующий японскими войсками в Амурской области генерал-майор Ямада бросил на подавление восстания свои основные силы:

«Ввиду того что при такой обстановке силами большевиков нельзя пренебрегать, генерал-майор Ямада решил использовать все свои главные силы для дела изгнания большевиков. 20 февраля силы эти выступили из Благовещенска, направляясь на гнездо большевиков, находящееся в Ивановке» [2].

Пока генерал Ямада собирал свои части для преследования повстанцев, последние простояли 3—4 дня в Ивановке, куда к ним стекались новые пополнения. В Ивановке командующим армией был избран Драгошевский [3], его помощником — Безродных, начальником штаба — Брезон.

Острый недостаток в оружии и боеприпасах заставил командование с первых же дней восстания поставить задачу — захватить хотя бы на короткий срок Благовещенск, с тем чтобы забрать содержимое военных складов, находившихся в городе.

Операцию захвата Благовещенска предполагали провести с помощью городской подпольной большевистской организации; с этой целью еще перед виноградовским боем Мухин выехал в Благовещенск.

Повстанцы сосредоточились в Ивановке, ожидая вестей из города, чтобы двинуться на помощь рабочим и подпольщикам. Однако проходил один день за другим, а известий о восстании в Благовещенске не поступало. Как выяснилось впоследствии, городская подпольная организация во время отсутствия тов. Мухина почти не вела работы в этом направлении, и почва для восстания не была подготовлена.

Наступление из Благовещенска на Ивановку крупного японского отряда под командованием генерал-майора Ямада заставило повстанческое командование отказаться от плана захвата города и срочно выводить армию из-под удара.

Пребывание повстанцев в Ивановке — переломный момент мухинского восстания, момент перехода восстания из наступательной в оборонительную фазу.

После выхода из Ивановки партизанская армия некоторое время еще продолжала расти, она выдержала несколько успешных боев с японцами, но основной характер боевых действий не менялся: повстанцы неуклонно уходили от преследования японских отрядов, повременам вступая с ними в бой и сражаясь более или менее успешно.

3

Из Ивановки повстанческая армия, выросшая до 6 тысяч человек, двинулась на северозапад, по направлению к городу Свободному. Повстанцы ехали на крестьянских подводах. Обоз, растянувшийся на несколько километров, двигался со страшным шумом. Не все бойцы были одеты достаточно тепло для многодневного пути на санях и телегах. Не все люди были вооружены. Случайные, классово чуждые элементы, примкнувшие к восстанию, легко поддавались панике. Проникшие в партизанские отряды кулаки вели подшумок злостную агитацию. Управление этой, наспех собранной и необученной армией являлось исключительно трудной задачей. Ни политическая работа, ни дисциплина не стояли на должной высоте.

Повстанческое командование вело армию к Свободному с тем, чтобы совместно с партизанами первого района организовать наступление на го-

[1] П. Безродных «Амур в огне». Дальгиз. 1932.

[2] Газета «Приамурье» от 20 апреля 1919 года.

[3] Т. Драгошевский, по данным тов. Губельмана, — большевик, рабочий, бывший член Владивостокского совета, был командирован краевым комитетом РКП(б) вместе с тов. Бородавкиным на Амур.

Мухин в плену у белогвардейцев и японских интервентов. 1919 год.

род и захватить имеющиеся на складах боеприпасы и оружие.

Наступление на Свободный не состоялось из-за несогласованности действий повстанцев первого и второго районов. Кроме того командование армией второго района имело несколько преувеличенное представление о силах первого района, где к этому времени еще не была закончена мобилизация. Отступив от Свободного, партизанская армия ушла в таежную деревню Малую Перу на отдых, предполагая затем выбраться из тайги по единственной дороге, ведшей из Малой Перы на Чудиновку и Нижне-Бузули.

Японское командование учло, что повстанцы попали в мешок, и решило отрезать им все пути к отступлению. Со стороны Свободного на повстанцев надвигалась группа генерала Ямада.

Во время стоянки повстанцев в Малой Пере на них совершил налет отряд японцев в 70 человек, подошедший из Свободного, но повстанцы разбили и уничтожили весь японский отряд.

Посланный генералом Ямада из Свободного по железной дороге батальон под командой капитана Танака, высадившийся на раз'езде Юхта, дошел до Чудиновки и 26 февраля неподалеку от деревни устроил засаду на пути повстанческой армии. Однако повстанцы обнаружили засаду, зашли в тыл японцам и перебили целиком весь батальон.

По сведениям японского военного министра, из этого батальона вернулось лишь 9 человек раненых.

С раз'езда Юхта подошли свежие японские силы и повели наступление на повстанцев, стремясь оттеснить их за деревню Чудиновку. После 4-часового боя под прикрытием морозного тумана партизаны снова зашли в тыл японцам, захватили установленную на сопке неподалеку от Черновского раз'езда японскую батарею и уничтожили свыше роты японцев.

Тем временем со стороны Свободного к Черновскому раз'езду подошел новый японский эшелон, но партизаны, не дав японцам высадиться из вагонов, «прошили» состав пулеметным огнем. Машинист дал задний ход, и поезд, проскочив через подожженный партизанами мост, помчался обратно в Свободный, увозя в теплушках убитых и раненых.

Путь был расчищен. Повстанческий обоз с грохотом промчался через линию железной дороги. Партизаны разместились на отдых в Желтоярове, Красноярове и других деревнях к северу от железной дороги. Оттуда они вскоре перекинулись снова в Зазейский район: там было легче прокормить и разместить повстанческую армию чем в малонаселенном первом районе. В возвращении за реку Зею сыграла, очевидно, роль и тяга к родным местам, так как большинство повстанцев было из этого района.

В это время меньшевики и эсеры обратились к партизанскому штабу с предложением заключить соглашение. После долгих обсуждений большевистская фракция штаба (Бородавкин, Драгошевский, Безродных, Кургузов, Аксенов, Кремез, Осипов и др.)

отклонила это предложение. Начальник штаба Брезов, стоявший за заключение соглашения, был смещен и вместо него назначен В. Аксенов.

Вернувшись в Зазейский район, партизаны расквартировались в деревнях Белогорке, Павловке и Паруновке.

Узнав об этом, начальник японского гарнизона в Бочкареве майор Усидзима двинул на Павловку батальон с 2 траншейными орудиями. Партизаны устроили засаду на пути японцев, у деревни Белогорки, и, когда японский отряд в'ехал в деревню, неожиданно открыли огонь. Лишь последние подводы с японцами успели повернуть обратно в Бочкарево. Большая же часть отряда была уничтожена. По данным тов. Безродных, в этом бою партизаны захватили 2 траншейки, 2 пулемета и свыше 300 винтовок. После белогорского боя повстанцы сосредоточились у деревни Павловки, решив дать здесь серьезный бой японцам.

3 марта на Павловку повели наступление с двух сторон японские отряды двух однофамильцев — Такахаси, один из которых, полковник Такахаси, подошел со своим отрядом из Бочкарева.

Партизаны, расположившись в канавах у кладбища, перебили из пулеметов несколько японских цепей, бросавшихся одна за другой в лобовую атаку.

Японцы сосредоточили огонь на правом фланге и заставили замолчать правофланговый пулемет повстанцев. Неудачная контратака партизанского отряда «лесных братьев», бывшего на левом фланге, и гибель команды правофлангового пулемета повлекли за собой паническое отступление всей массы партизан к деревне Соколовке. Оттуда партизанская армия, преследуемая главными силами бригады генерала Ямада, покатилась к югу. Постепенно уменьшаясь в пути, она достигла Кивдинских копей и, наконец, вышла на линию железной дороги. Партизаны двинулись по железной дороге на запад, к Бочкареву, надеясь захватить там боеприпасы, в которых они ощущали большой недостаток.

По дороге они сожгли 19 мостов, захватили станцию Екатеринославку и спустили под откос японский эшелон, направив ему навстречу полным ходом паровоз (без машиниста).

На помощь силам Ямада подошел из Хабаровска отряд 3-й японской дивизии численностью в 700 штыков под командой Окада и «2-й воздухоплавательный отряд».

14 марта японский аэроплан сбросил несколько бомб на партизанский обоз и улетел обратно. Этим и ограничились боевые действия «воздухоплавательного отряда».

15 марта 1919 года 2 тысячи повстанцев подошли к Бочкареву, гарнизон которого состоял из 800 японских солдат. Партизаны вытеснили японцев из села Александровки, но со станции Бочкарево выбить их не смогли. Японцы засели в депо. На помощь местному японскому гарнизону подошли броневики. Повстанцы отошли к Паруновке и Павловке.

По сообщению японского штаба, опубликованному в газете «Приамурье» № 3309 за 1919 год, «15 марта у станции Бочкарево в 12 часов дня произошло сражение японского гарнизона с большевиками, которые под давлением наших сил отступили из Екатеринославки. Бой продолжался весь день и кончился только к ночи. На ночь большевистский отряд расположился вблизи от наших расположений. Большевики имеют 2 орудия и 2 пулемета, недавно 1 пулемет был нашим отрядом отбит».

Вслед за повстанцами двинулся крупный японский отряд. Повстанцы отошли к деревне Соколовке, и здесь командование распустило их. Большинство партизан разошлось по своим деревням, отдельные группы ушли в тайгу, с тем чтобы продолжать борьбу на основе новой тактики — небольшими самостоятельными отрядами. Явившийся в Соколовку японский отряд никого там не застал: повстанческая армия растаяла как снег.

Японцы и белогвардейцы ознаменовали конец восстания небывалым разгулом белого террора. Контрразведкой при помощи провокаторов была раскрыта благовещенская подпольная организация. 7—8 марта 1919 года было арестовано 66 подпольщиков и в их числе тов. Мухин. Зная необыч-

Допрос Мухина белогвардейцами и японцами. Дальний Восток. 1919 год.

ную популярность тов. Мухина среди рабочих Благовещенска, белогвардейцы поспешили покончить с ним. На другой же день после ареста военно-полевой суд, заседавший под усиленной японской охраной, приговорил тов. Мухина к смертной казни. Но, очевидно, каждый лишний час жизни Мухина был угрозой для белогвардейцев. Когда тов. Мухин выходил под конвоем из здания суда, пьяный офицер убил его из нагана.

Рабочие и городская беднота не верили известию о смерти тов. Мухина.

Японцы и белогвардейцы, надеявшиеся, что смерть тов. Мухина вызовет растерянность среди рабочих и городской бедноты, открыли доступ к телу тов. Мухина. Но они просчитались: угрюмые толпы, стекавшиеся к гробу тов. Мухина, вселяли страх и растерянность в сердца самих белых палачей.

Вслед за расправой в Благовещенске карательные экспедиции обрушились на амурские села. В марте 1919 года японо-казачьи отряды разгромили села Круглую, Заливку, Черновскую, Красный яр, Павловку, Андреевку, Васильевку, Ивановку и все деревни Рождественской волости.

22 марта японская карательная экспедиция почти до основания уничтожила громадное село Ивановку, насчитывавшее до 10 тысяч населения. После орудийного обстрела село было занято японским отрядом. Солдаты согнали на площадь толпу крестьян и перестреляли их из пулеметов. Часть крестьян японцы заперли в амбары, которые потом подожгли. Всего было убито и сожжено 291 человек [1], среди которых были женщины и дети.

Разгромив село, уничтожив всех захваченных жителей и спалив до 200 строений, отряд вернулся в Благовещенск. Командующий японскими войсками в Амурской области Ямада опубликовал сообщение о сожжении Ивановки, угрожая такой же участью и другим селам: «Имея в виду затруднительность борьбы с большевиками вследствие того, что крестьяне не только не принимают сами против большевиков никаких мер, но, напротив, всячески содействуют им, давая приют и укрывая их, японское командование и впредь будет поступать так же беспощадно, как с Ивановкой, с теми деревнями, кои окажут гостеприимство и сочувствие большевикам и не выдадут их или сами не арестуют» [2].

---

[1] Сборник «Красная Голгофа», стр. 14—18. 1920.

[2] Далькрайархив, фонд № 782, дело № 32.

Так японские интервенты пытались потопить в крови и выжечь огнем все следы восстания. Ближайшее будущее показало, что интервенты жестоко просчитались.

* * *

Мухинское восстание было лишь одним из этапов на пути партизанского движения в Амурской области. Практические уроки мухинского восстания были использованы при новом под'еме повстанческой войны, летом 1919 года.

Во время мухинского восстания партизаны были сведены в единую армию. Эта масса людей не имела достаточной боевой подготовки, к тому же была крайне плохо вооружена; часть повстанцев совершенно не имела оружия.

Руководители восстания, не имея ни времени, ни возможности развернуть политическую работу и военное обучение армии, поставили основную задачу — вооружить всех бойцов. Отсюда походы за оружием и боеприпасами на Благовещенск, Свободный и Бочкарево. Поглощенное этой задачей, командование не уделяло внимания диверсионным действиям. Повстанцы двигались единой массой, не разбиваясь на отдельные отряды.

Восстание приняло в основном оборонительный характер. Отдельные удачные бои не создали перелома в самом характере восстания, а большинство наступательных операций командование не смогло довести до конца из-за недостаточной боевой подготовленности повстанцев.

Положение Ленина—«Оборона есть смерть вооруженного восстания» — с предельной ясностью подтвердилось на примере мухинского восстания.

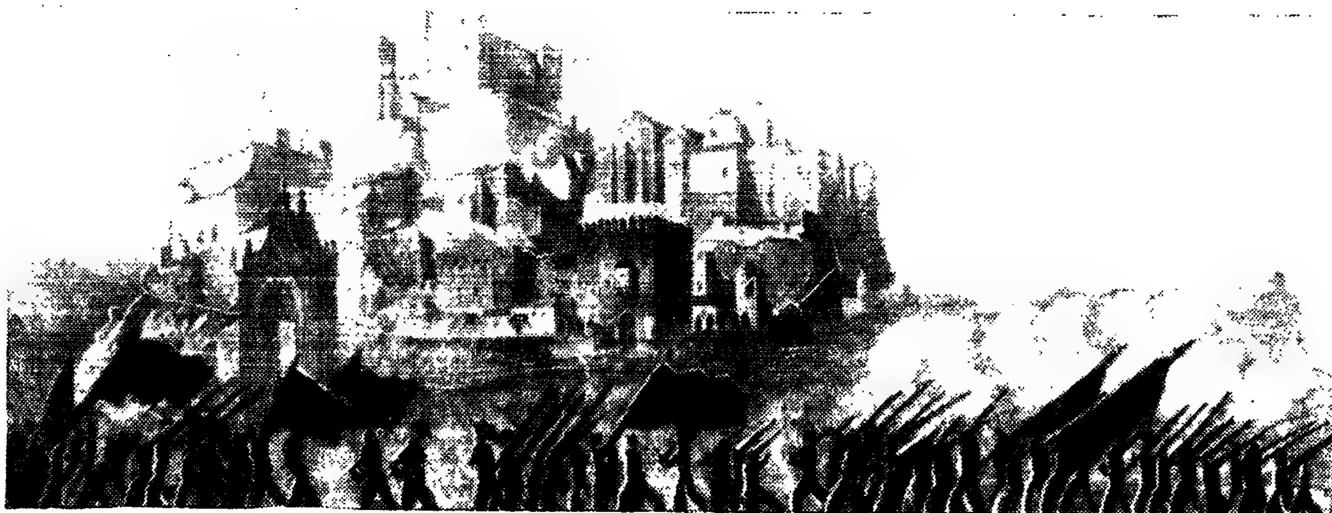
Но было бы ошибкой не видеть громадной положительной роли этого восстания.

Партизанская армия приковала к себе крупные японские силы, которым отнюдь не дешево достались полтора месяца боев и походов по широким пространствам Амурской области в жестокие зимние морозы. После роспуска повстанческой армии японское командование срочно отправило в Японию 12-ю дивизию, изрядно потрепанную в боях с повстанцами.

Мухинское восстание было необходимым этапом в развитии партизанского движения: тактические традиции фронтовой империалистической войны могли быть преодолены повстанцами лишь на определенном боевом опыте. Новое восстание, разгоревшееся к осени 1919 года, проходило несравненно более организованно и плодотворно и наряду с наступлением регулярной Красной армии обусловило эвакуацию японцев из Амурской области в феврале 1920 года.

А. Молок

ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ИСПАНИИ в 1823 году

Героическая борьба испанского народа против военно-фашистского мятежа давно привела бы к победе над врагами республики и демократии, если бы последние не получали систематической и все расширяющейся помощи (деньгами, оружием, авиацией, войсками) от фашистских Германии, Италии и Португалии, осуществляющих открытую военную интервенцию против республиканской Испании. История повторяется, хотя и на новой основе. В 1823 году Священный союз феодальных и полуфеодальных монархий Европы посылал войска французского короля на удушение испанского народа, установившего у себя либеральную конституцию. В 1936-1937 гг. новый «священный союз» фашистских государств Европы стремится силой оружия сокрушить испанскую демократическую республику и правительство народного фронта.

И подобно тому, как теперь защита испанской республики от фашистского варварства является «общим делом всего передового и прогрессивного человечества» (И. В. Сталин), делом, за которое сражаются и умирают коммунисты и антифашисты различных стран, так и в 1823 году защита испанской конституции от мракобесов Священного союза была делом всех передовых и прогрессивных сил тогдашней Европы.

Зато как непохожа теперешняя позиция Англии в испанских делах на ее тогдашнюю позицию! В 1823 году английская буржуазия отнюдь не боялась торжества сторонников конституции в Испании и противилась французской интервенции. В 1936-1937 гг. английская буржуазия из классового страха перед трудящимися Испании, защищающими демократию и республику, фактически содействует германской и итальянской интервенции, прикрываясь лицемерной игрой в «невмешательство».

Но коренное отличие в международном положении героической Испании сегодня и в 1823 году заключается в том, что тогда, в 1823 году, главным врагом и инициатором интервенции против испанской свободы была царская Россия, со времени французской революции конца XVIII века игравшая роль «станового хребта европейской реакции» (Маркс). А теперь, в 1936-1937 гг. Союз советских социалистических республик, образовавшийся на месте бывшей Российской империи, является единственной страной, народ и правительство которой

стоят целиком и полностью на стороне испанской демократии, против фашистского варварства.

1

Революция 1820 года в Испании началась 1 января восстанием полковника Риего, командовавшего одним из отрядов, расположенных на острове Леон (близ Кадикса) и предназначавшихся для отправки за океан на подавление революционного движения в испанских колониях Центральной и Южной Америки. 9 марта под давлением восстания в Мадриде король Фердинанд VII, жестокий деспот, вынужден был признать либерально-буржуазную конституцию 1812 года, упраздненную им в 1814 году (после его возвращения в освобожденную от французского господства Испанию). За провозглашением конституции, сильно ограничивавшей права короля, последовало издание ряда законов, направленных против феодализма и клерикализма (уничтожение инквизиции, уменьшение церковной десятины, упразднение сеньориальной юстиции, помещичьего права охоты, выкуп феодальных повинностей, уничтожение цехов и внутренних таможенных пошлин, продажа монастырских поместий и т. д.).

Испанская революция 1820 года оказала большое влияние на борьбу с абсолютизмом и реакцией в других странах, ускорила взрыв революции в Неаполе (июль 1820 года) и в Португалии (август 1820 года), способствовала усилению движения карбонариев во Франции (1820—1823 годы), дала толчок восстанию карбонариев в Пьемонте (март 1821 года) и отозвалась и в царской России. В октябре 1820 года в Петербурге, во время волнений в Семеновском полку, вызванных жестоким обращением командира полка с солдатами, в казармах были найдены революционные листовки, прославлявшие героизм «гишпанцев» как борцов против самодержавия. Либерально настроенная часть русского общества горячо приветствовала буржуазную революцию в Испании. Революционная борьба испанских конституционалистов оказала заметное влияние на политические идеи и тактические планы будущих декабристов, которые готовились дать первый открытый бой царскому самодержавию.

Европейская реакция встретила испанскую революцию крайне враждебно. «Что за чудовищные события! — восклицал в марте 1820 года прусский министр иностранных дел Ансильон в письме к послу в Мадриде графу Гольцу. — Король, которому подданные с оружием в руках навязывают конституцию, хотя бы и самую лучшую в мире, в сущности, лишен престола. Лучше бы ему с мечом в руке пасть на ступенях престола или прямо отречься от него, чем с таким позором и бессилием подписывать себе приговор. И что это за конституция! Необходимо, чтобы державы тесно сомкнули свои ряды. Никогда еще так не требовались от них единодушие и совокупные и энергичные действия. В этом — единственное спасение» [1].

Такой вывод был сделан не только в Берлине, но и в Петербурге, Вене, Париже. Вот что писал 20 апреля 1820 года царский министр иностранных дел граф Нессельроде правительствам других великих держав: «Союзные государи, устранив последние остатки французской революции, не сочли ли своим долгом не допускать, чтобы подобная буря в третий раз потрясла Европу?.. Не следует ли теперь напомнить испанскому правительству о принципах союзников? Пусть оно узнает, что, по нашему общему мнению, спасение и благо Европы требуют, чтобы это зло (мартовские события в Испании.— *А. М.*) было исправлено, чтобы это пятно было смыто, чтобы этот соблазн был устранен» [2].

За интервенцией австрийских войск, подавивших революцию в Неаполе (март 1821 года) и в Пьемонте (апрель 1821 года), последовала военная интервенция Франции против революционной Испании. Поход этот был решен на состоявшемся в октябре — декабре 1822 года в Вероне конгрессе европейских монархов, членов Священного союза, этого об'единения монархических правительств Европы, основанного 26 сентября 1815 года (по

[1] А. Трачевский «Испания девятнадцатого века», стр. 313. СПБ. 1872.
[2] Там же, стр. 315.

Толедо. Середина XIX века.
Государственный исторический музей.

инициативе русского императора Александра I, австрийского императора Франца I и прусского короля Фридриха-Вильгельма III) для борьбы с революционным движением и охраны реакционных венских договоров.

«Испанская революция, — говорил Александр I, — может быть уничтожена лишь военной силой... Именно для борьбы с революциями и был создан наш союз... Монархам должно быть дозволено заключать союзы для того, чтобы защищаться против тайных обществ»[1]. Не вполне доверяя Франции, Александр I хотел двинуть свои собственные войска на подавление испанской революции. «Провидение, — говорил он, — дало мне в руки 800 тысяч солдат не для того, чтобы удовлетворять свои прихоти, но для того, чтобы защищать религию, нравственность, справедливость и утверждать те принципы, на которых держится все человечество»[2]. И он лицемерно добавлял, что не ищет для себя никаких материальных выгод и не стремится к расширению своей империи.

Австрийское правительство в лице Меттерниха не скрывало своего сочувствия интервенционистским планам Александра I; помимо ненависти и страха, которые оно питало к революционной Испании, здесь действовал еще и расчет на то, что испанские дела отвлекут внимание русского правительства от восточных дел, от борьбы греков против Турции (отношение к греческому национальному восстанию вызывало серьезные разногласия среди великих держав). Не менее сочувственно отнеслось к этим планам петербургского двора прусское правительство[3].

19 ноября представители Франции, России, Австрии и Пруссии подписали декларацию, согласно которой Франция должна была выступить с оружием в руках против Испании в одном из следующих трех случаев: 1) подстрекательства французских подданных или подданных какого-либо другого из государств к мятежу, исходящего от испанского правительства, 2) свержения короля Фердинанда VII или какого-либо посягательства на членов его семьи, 3) изменения порядка престолонаследия в Испании. Английское правительство отказалось присоединиться к этому соглашению и заявило, что останется верно принципу невмешательства во внутренние дела других государств.

Такая позиция Англии об'яснялась тем, что она не боялась торжества сторонников конституции в Испании, зато очень боялась, что восстановление абсолютизма в Испании силой французского оружия усилит военное

---

[1] M. Schwarz. «Die Heilige Allianz». S. 272—273. Stuttgart. 1935.

[2] Там же.

[3] Вот что писал впоследствии о роли Пруссии в этом деле Энгельс в письме к Фр. Греберу от 1 февраля 1840 года: «Знаешь ли ты, почему запрещен четвертый том Роттека (немецкого либерально-буржуазного историка и государствоведа. — А. М.) в Пруссии? Потому, что там сказано, что наш берлинский сопляк в 1814 г. признал испанскую конституцию 1812 г., а в 1823 г. послал французов в Испанию, чтобы уничтожить эту конституцию и снова навязать испанцам прелесть инквизиции и пытки. В 1826 г. был сожжен инквизицией Риполе; его кровь и кровь 23-х тысяч благородных испанцев, погибших в тюрьмах из-за либеральных и еретических воззрений, лежит на совести Фридриха-Вильгельма III прусского «Справедливого» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. II, стр. 553).

могущество Франции и помешает утверждению английского капитала в бывших испанских колониях Центральной и Южной Америки, отложившихся от своей метрополии и образовавших независимые республики. Кроме того английский министр иностранных дел Каннинг добился от испанского конституционного правительства уплаты значительной компенсации за убытки, причиненные британским купцам в годы войны Испании со своими американскими колониями.

Таковы были главнейшие причины, побудившие английское правительство занять в испанском вопросе позицию, резко противоположную позиции Франции, России, Австрии и Пруссии.

Правительство «христианнейшего» короля Людовика XVIII всячески демонстрировало свое враждебное отношение к испанским конституционалистам, охотно предоставляя у себя убежище изгнанным из Испании монархистам и систематически снабжая роялистские банды (отряды «армии веры»), действовавшие в северной и северозападной частях страны, деньгами и оружием. Но граф Виллель, глава французского кабинета и министр финансов, колебался сделать последний шаг, надеясь уклониться от войны с Испанией. Он боялся этой войны и связанных с нею расходов, а еще более возможности внутриполитических осложнений. Поэтому, усиливая так называемый наблюдательный корпус на франко-испанской границе и оказывая помощь испанским абсолютистам, он не отказывался вместе с тем от переговоров с Мадридом, надеясь склонить либеральное правительство Испании к изменению ее конституции в консервативно-монархическом духе и избежать таким образом войны.

Но это ему не удалось. 14 декабря конгресс Священного союза в Вероне закрылся. Последним актом этого конгресса явился манифест, принятый императорами Австрии и России и королем Пруссии, в котором резко осуждалась революция в Испании, давшая «плачевный пример неминуемых последствий всякого посягательства на вечные законы морали». Осуждалось и восстание греков против султана. Три монарха заявляли, что будут неуклонно преследовать «смутьянов», потрясающих основы «порядка» в Европе и Америке: «Монархи не сочтут своего дела оконченным до тех пор, пока не вырвут у них оружия, которое они могут обратить против спокойствия народов». Угроза по адресу революционеров дополнялась предостережением по адресу тех монархов и правительств, которые позволят себе неуважение к трактатам 1815 года, составляющим «основу европейской политической системы»[1]. Остается добавить, что, согласно секретному соглашению, Александру I было разрешено образовать на западных границах России «резервную армию» Священного союза в составе 100—150 тысяч человек.

Ультиматум веронского конгресса и требования ультрароялистов во Франции заставили Виллеля прекратить колебания. 24 декабря на пост министра иностранных дел был назначен известный роялистский писатель и публицист Шатобриан, бывший еще более решительным сторонником интервенции против Испании нежели его предшественник — герцог Монморанси. Новый министр не скрывал своего намерения «видоизменить чудовищную конституцию кортесов», т. е., попросту говоря, восстановить в Испании абсолютизм. 5 января 1823 года в Мадриде были получены ноты России, Австрии и Пруссии, требовавшие под угрозой разрыва дипломатических отношений изменения действующей в Испании конституции и возвращения королю его «суверенной власти». В тот же день получена была аналогичная нота французского правительства, составленная в несколько более умеренном тоне. 9 января глава испанского правительства Сан-Мигель ответил всем четырем дворам, что Испания намерена сохранить свою конституцию. Кортесы с негодованием отвергли незаконное вмешательство иностранных держав во внутренние дела Испании. 14 января русский поверенный в делах покинул Мадрид; в тот же день его примеру последовали послы Австрии и

---

[1] А. Дебидур «Политическая история XIX века. История внешних сношений европейских держав с 1814 по 1878 год». Т. I, стр. 191. СПБ. 1903.

Пруссии; 30 января испанскую столицу оставил и французский посол граф де Лагард. Война стала неизбежной.

Предпринимая военное вмешательство в испанские дела, правительство Людовика XVIII руководствовалось не одним только стремлением доказать свою верность принципам Священного союза и помочь Фердинанду VII восстановить свою прежнюю, абсолютистскую власть: оно преследовало при этом и свои собственные выгоды.

«Подумайте о том, дорогой друг, — писал Шатобриан 31 октября 1822 года Виллелю,[1] — не следует ли нам ухватиться за единственный, быть может, возможный случай возвратить Франции ранг военной державы и поднять честь белой кокарды при помощи кратковременной, почти безопасной войны, которой настойчиво требуют от нас в настоящий момент общественное мнение роялистов и армия... Конечно, торговые дела и финансы придут на некоторое время в расстройство, но трудности имеются во всяком деле. Уничтожить очаг якобинизма, восстановить на троне Бурбона оружием другого Бурбона — это такие результаты, которые берут верх над соображениями другого, второстепенного рода».

Провоцируя войну, французское правительство рассчитывало также на то, что победоносная интервенция против испанской революции поможет ему окончательно раздавить революционное движение карбонариев в самой Франции. «Мы предпочитаем войну состоянию неуверенности и революционной опасности, которая нам угрожает», — писал Шатобриан 27 января 1823 года французскому поверенному в делах в Лондоне виконту Марселлюсу[2].

Валенсия. Середина XIX века.
Государственный исторический музей.

В своих, изданных пятнадцать лет спустя записках о веронском конгрессе и интервенции в Испании Шатобриан рассказывает, что правительство Людовика XVIII рассчитывало, победив испанскую революцию («задушив демагогию», как выражается автор) и подняв этим военный престиж Франции, поставить вопрос о пересмотре венских трактатов 1815 года, окарнавших ее территорию к выгоде Англии, Австрии, Пруссии и России. Грохот пушек на реке Бидассоа, отделяющей Францию от Испании, должен был, по словам Шатобриана, отозваться на Рейне, сделать возможным освобождение Рейнской области от прусского господства и вернуть ее, в той или иной форме, под власть Франции. Франция рассчитывала также вырвать испанские колонии в Америке из рук англичан и создать там «две — три бурбонских монархии», которые служили бы «противовесом влиянию и торговле Соединенных штатов и Великобритании».

Дело шло, таким образом, не только или, вернее, не столько об уничтожении конституции 1812 года, сколько о воскрешении военного могущества Франции и ее политического значения в Европе. Такова была, подчеркивает Шатобриан, «действительная суть вопроса». «Но мы не могли, — замечает он, — выбалтывать наш се-

---

[1] M. de Chateaubriand «Congrès de Vérone. Guerre d'Espagne Négociation. Colonies espagnoles». V. I, p. 133 – 134. Bruxelles. 1838.

[2] «La politique de la Restauration. Correspondance entre M. le comte de Marcellus, ancien plénipotentiaire á Londres, et M. de Chateaubriand», p. 75. Bruxelles. 1853

крет с трибуны» [1]. Действительно, ни он, ни другие члены правительства не заикались в палатах о своих планах борьбы с экономическим преобладанием Англии, о своем намерении добиться изменения трактатов 1815 года и расширения французских границ.

Международная обстановка складывалась, как мы уже видели, благоприятно для интервенционистских планов французского правительства. Одна только Англия отказалась присоединиться к решениям веронского конгресса, не отзывала своего посла из Испании даже после того, как все другие послы покинули ее, и пыталась сорвать французскую интервенцию, предлагая свое мирное посредничество.

Шатобриан прилагал все усилия, чтобы добиться нейтралитета Англии в предстоящей войне. Тщательно скрывая свои тайные намерения и становясь в позу «бескорыстного» рыцаря «порядка», он старался запугать английское правительство указанием на опасность, грозящую якобы всем европейским монархиям, в частности и Англии, со стороны революции, очагом которой стала Испания.

Среди английской аристократии и военщины было немало лиц, горячо одобрявших политику Шатобриана, но они не играли решающей роли.

Если Англия ограничилась все же одними протестами против французской интервенции и сохранила нейтралитет, то прежде всего потому, что другие великие державы, в особенности Россия, оказались целиком на стороне Франции. 10 марта Шатобриан писал французскому дипломатическому представителю в Лондоне: «Из России мы имеем наилучшие известия. Император написал мне письмо, полное самых добрых чувств. Он поддержит нас всей своей властью, если Англия окажется настолько слепой, чтобы напасть на нас. И вы можете быть уверены, что Австрия и Пруссия последуют за ним; но мы, слава богу, не находимся в таком положении: Англия останется нейтральна» [2]. Депеша графа Нессельроде царскому послу в Париже генералу Поццо ди Борго от 3 (15) марта содержала недвусмысленное обещание активной военной поддержки Франции в случае столкновения между нею и Англией из-за вопроса об интервенции против Испании. Аналогичная депеша отправлена была тогда же в Лондон послу графу Ливену.

Позиция царской России, этого жандарма Европы и главной опоры Священного союза, сорвала все попытки английского правительства помешать французской интервенции против революционной Испании.

2

28 января 1823 года Людовик XVIII, открывая законодательную сессию, произнес речь, в которой об'явил, что готов двинуть свои войска за Пиренеи, на помощь испанскому королю. При обсуждении этой тронной речи в палате депутатов Шатобриан подробно изложил мотивы, побуждающие французское правительство к вооруженному вмешательству в дела Испании. Он заявил, что Франция должна поступить по примеру Англии, вступившей в 1793 году в войну с Францией во имя восстановления в ней «порядка», в котором заинтересована была «вся Европа», что необходимо спасти Фердинанда VII, родственника правящей во Франции династии, от участи Карла I и Людовика XVI, что Франция должна принять меры к тому, чтобы обезопасить себя от «испанской заразы», которая уже дала себя знать за пределами Пиренейского полуострова — в Неаполе (в 1820 году) и в Турине (в 1821 году). Он цитировал слова Александра I, сказанные им на веронском конгрессе, о необходимости солидарной борьбы европейских монархов против революционного движения. В заключение он заметил, что война с Испанией принесет Франции «большие выгоды» и укрепит трон Бурбонов: «Она создаст нам армию, она поднимет наш военный престиж среди других наций, она обеспечит нашу эмансипацию и восстановит нашу независимость» [3].

Ультрароялисты обеих палат решительно одобряли политику министерства и высказывались за немедленное

[1] M. de Chateaubriand. V. I, p. 286.

[2] «Correspondence entre M. le comte de Marcellus et M. de Chateaubriand», p. 95.

[3] Archives parlementaires de 1787 à 1860», 2-me serie, V. XXXVIII, p. 420—426.

Малага. Середина XIX века. Государственный исторический музей.

военное выступление против испанской революции. «Дело идет о всем существующем социальном строе, — говорил депутат Жосс де Бовуар.— Испанские революционеры бросили перчатку монархии. Перчатка поднята. Одно из двух — либо троны падут, либо семена революций будут раздавлены»[1]. В палате пэров за войну против революционной Испании высказывались такие представители старой знати, как граф Полиньяк (будущий министр), герцог Фиц-Джемс, герцог де Нарбон-Пеле и др.

Либералы и конституционалисты-роялисты в обеих палатах выступали против интервенции в Испании. Депутат Биньон заявлял, что никто во Франции не хочет этой войны, что из 29 миллионов ее жителей за нее стоят только 300—400 тысяч человек.

Огромное впечатление произвело выступление депутата Манюэля, одного из вождей либеральной партии, состоявшееся 26 февраля. «Вы хотите восстановить абсолютизм в том виде, в каком он существовал в 1820 году, вы хотите выдать Испанию инквизиции, иезуитам!» — говорил он, обращаясь к ультрароялистам. Разоблачая контрреволюционные цели готовящейся войны, Манюэль заявил, что революция — это гигант, которого можно победить, но нельзя уничтожить. «Разве вы не знаете, — восклицал он, — как горсть швейцарских крестьян дала отпор австрийским войскам, как голландские рыбаки отразили испанские армии? А сама Испания разве не отразила военные силы Наполеона? И разве не победили французы всю Европу? Разве не завоевали они одновременно и свободу и славу?»[2]. Оратор клеймил реакционную политику Фердинанда VII и защищал право испанского народа на конституционный строй. Он заявил, что гражданская война в Испании давно пришла бы к концу, если бы контрреволюция не могла рассчитывать на помощь извне.

Результатом этого выступления Манюэля было решение палаты об его исключении на все время сессии палаты депутатов. Манюэль отказался подчиниться этому постановлению и был 4 марта выведен из зала заседания отрядом жандармов. Возмущенные этой расправой, депутаты левой, все

[1] «Archives parlementaires de 1787 à 1860». 2-me serie. V. XXXVIII, p. 413.

[2] Там же, стр. 434—454.

до одного, покинули зал заседаний палаты. Исключение из палаты вождя либералов за мужественное выступление против готовившегося нападения на испанскую революцию вызвало большое возбуждение в стране: Манюэль стал самой популярной фигурой в оппозиционных кругах, его имя стало символом борьбы против реакции.

Но, вопреки всем усилиям левой и левого центра, большинство обеих палат высказалось за войну: 5 марта палата депутатов 239 голосами против 19 утвердила испрошенные правительством чрезвычайные кредиты на войну в сумме 100 миллионов франков; 15-го тот же законопроект был принят палатой пэров 112 голосами против 66.

Борьба против интервенции в Испании не ограничилась протестами либералов в палатах: вся демократическая Франция повторяла стихи Беранже («Новый приказ»), разоблачавшего истинные цели этого похода:

«Пока мы будем бить испанцев,
Что будет с Францией без нас?
В нее напустят иностранцев,
Вполне удобный выбрав час.
Вот будет дивно! Из похода
Вернемся мы, сковав в горах
Цепь для испанского народа,
И свой народ найдем в цепях» [1].

Напоминая солдатам, что «не бывает побед без славы», Беранже приглашал их, подняв старое знамя, «сделать пол-оборота», т. е. двинуться на Париж и произвести там переворот.

Широкое распространение получило и «Воззвание» известного публициста Поля-Луи Курье, предназначавшееся для солдат армии, направляемой против Испании. «Солдаты, — так начиналось это воззвание, — вы идете восстановить в Испании старый режим и уничтожить революцию... И когда вы восстановите в этой стране старый режим, вас вернут сюда, чтобы вы и здесь сделали то же самое. А знаете ли вы, друзья мои, что такое старый режим? Для народа — это налоги, для солдат—это черный хлеб и палки. Итак, палки и черный хлеб—вот что значит для вас старый режим. Вот что предстоит вам восстановить сначала там, а затем у самих себя... И когда вы вернетесь из похода, вы получите все палочные удары, которые числятся за вами с 1789 года» [2].

Агитация против интервенции встречала сочувственный отклик в широких слоях французского населения. Полицейские донесения приводят много фактов, свидетельствующих о том, как непопулярна была в широких слоях населения Франции предстоявшая война против революционной Испании. 24 января в Олероне некий Розье, отставной военный, осуждая войну с Испанией, говорил солдатам 37-го полка, что «если бы он взял в руки оружие, то повернул бы его против короля». 14 февраля полиция сообщает о циркулирующих в провинции слухах о восстании в столице; в том же донесении говорится об агитации, ведущейся среди солдат кирасирского полка, направляющегося к испанской границе: «Им говорят, что они идут восстановить инквизицию и выковать себе цепи». 18 февраля в Альби один местный житель убеждал солдат 45-го полка выполнить свой долг и, вступив в Испанию, перейти на сторону конституционалистов. Аналогичная агитация велась в начале марта в Страсбурге, в Туре. 30 марта близ Барбезье (в департаменте Шаранты) некий Го во всеуслышанье заявил, что «лучше было бы проиграть эту войну, ибо если б она была выиграна, то во Франции, несомненно, были бы восстановлены феодальные ренты и дворянство вернуло бы свои права» [3]. В департаменте Гар 17 апреля вывешен был плакат, на котором с одной стороны изображен был корпус испанской армии, возглавляемый кавалеристом с трехцветным знаменем, а с другой стороны — осел с саблей в одной из передних ног. Под этой частью плаката была подпись: «Мальбрук командует» (карикатура на главнокомандующего армией, предназначенной для похода в Испанию, бездарного герцога Ангулемского). На том же рисунке изображены были ба-

[1] П.-Ж. Беранже. Полное собрание сочинений. Т. I, стр. 515. Изд-во «Академия». 1936.

[2] P.-L. Courier «Oeuvres complètes», p. 110. Paris. 1839.

[3] A. Debidour «Le général Fabvier, sa vie politique et militaire», p. 220—221. Paris. 1904.

рабанщики, которые били отступление.

Армия не оставалась глуха к этой агитации. Из разных мест Франции поступали сообщения, что солдаты не скрывают своего намерения перейти на сторону испанских конституционалистов. В феврале в Вильфранше (близ Тулузы) унтерофицеры обоза говорили, что «половина французской армии станет на сторону Мины» (испанского конституционного генерала). 8 февраля находившиеся в Понсе артиллеристы об'явили, что, «прибыв на границу, они убьют своего полковника и присоединятся к испанцам». О такого же рода речах сообщается из департамента Уазы, из Доля, Сарребурга и т. д. [1].

3

Все, что было передового и прогрессивного в Европе, с нескрываемым возмущением следило за подготовкой французского вторжения в Испанию. Гениальный английский поэт Байрон, горячий защитник угнетенных, друг итальянских карбонариев и борцов за независимость Греции, заклеймил готовившееся нападение на революционную Испанию в сатирической поэме «Бронзовый век», направленной против деятелей Священного союза. Несколько сот демократов из разных стран спешило на помощь испанским конституционалистам. Итальянские карбонарии и французские революционеры, бежавшие от полицейских преследований и смертных приговоров, готовились на территории Испании дать бой силам реакции. Из Англии прибыла группа либерально настроенных офицеров во главе с генералом Робертом Вильсоном, видным военным специалистом, принимавшим в свое время участие в борьбе против наполеоновских войск в Испании, а в 1812 году состоявшим английским военным уполномоченным при главной квартире русской армии.

Активнее всех были французские политические эмигранты, во главе которых стояли бывшие наполеоновские офицеры, всей душой ненавидевшие правительство Бурбонов. Среди них выделялся своей энергией полковник Фавье, в прошлом — видный карбонарий, осужденный за участие в парижском заговоре 19 августа 1820 года (впоследствии принимал деятельное участие в борьбе греков за свою независимость). Фавье стремился об'единить разрозненные усилия демократов разных стран и находился в тесной связи с итальянскими политэмигрантами, с французскими либералами (в частности с Манюэлем и Лафайетом) и с министрами испанского конституционного правительства, во главе которого стояли умеренные либералы Сан-Мигель (премьер) и Гаско (военный министр).

«Дело свободы должно рассматриваться как нечто единое», — гласил первый пункт декларации, составленной Фавье в конце января 1823 года и одобренной испанским министерством. «Испанский полуостров,— писал Фавье, — пользующийся в настоящий момент свободой, но тайно или открыто угрожаемый со стороны кабинетов Европы, должен рассматриваться как плацдарм европейской свободы. Вследствие чего его спасение должно быть первой заботой всех, и, обратно, он должен, ради собственной безопасности и славы, содействовать освобождению других наций. Ввиду этого в Мадриде будет организован комитет, уполномоченный защищать интересы и ресурсы наций, наиболее заинтересованных в борьбе, всегда реально существующей, а теперь ставшей уже очевидной, европейских правительств и их сообщников против народов, а именно — против Испании, Португалии, Франции и Италии» [2].

Одновременно с работой по сплочению и об'единению иностранных демократов — добровольных защитников испанской конституции — Фавье вел большую агитационную работу среди частей французской интервенционистской армии, расположенной на испанской границе. Живя в Ируне (под псевдонимом Хозе Раниери), он совершал оттуда тайные поездки во Францию, деятельно работая над осуществлением своего смелого плана, состоявшего в том, чтобы ворваться

[1] P.-L. Courier «Oeuvres complètes», p. 221—222. Paris. 1839.

[2] A. Debidour. Цит. соч., стр. 211—212.

во главе отряда политэмигрантов на французскую территорию, поднять войска «обсервационной армии» против правительства до того, как они перейдут испанскую границу, и повести их на Париж для свержения Бурбонов.

Считая, что для успеха предприятия необходимо, чтобы оно возглавлялось человеком, пользующимся большим авторитетом в армии, Фавье остановил свой выбор на старике Карно, бывшем члене Комитета общественного спасения, «организаторе побед» французской революции над европейской коалицией. Однако ввиду тяжелого состояния здоровья старого революционера этого осуществить не удалось.

Превратить армию герцога Ангулемского — силу, предназначенную для подавления революции в Испании, в силу, долженствующую совершить революцию во Франции,— это был, действительно, очень смелый план. Но Фавье не считал его невыполнимым и работал над его реализацией не покладая рук.

Ему действительно удалось завязать связи с средним и младшим командным составом целого ряда частей французской армии, расположенной на испанской границе. Колебания и нерешительность либералов, как испанских, так и французских, грозили, однако, испортить все дело. Тщетно умолял Фавье своих парижских друзей приехать в Ирун, тщетно гонялся он за «крупными именами». «Светила» буржуазного либерализма явно не хотели рисковать собою и предпочитали спокойно выжидать издалека развития событий. Не спешили они и с денежной помощью заговорщикам. Правда, испанское правительство выдало ему векселей на сумму в 400 000 реалов, а затем еще на 4 миллиона, но банкирский дом Берналеса в Лондоне, на который эти векселя были выданы, отказался платить по ним, ставя ни во что подпись Сан-Мигеля и других конституционных министров.

Роковая ошибка Фавье заключалась в том, что революцию против Бурбонов, которая должна была освободить французский народ от династии, дважды навязанной ему иностранными штыками, и в то же время спасти Испанию от интервенции и восстановления абсолютизма, он мыслил лишь в узких рамках военного восстания, без участия широких масс населения.

В разгар приготовлений Фавье случилось событие, нанесшее заговорщикам непоправимый ущерб. 21 марта неподалеку от Парижа полиция задержала подозрительный дилижанс, следовавший в Байонну. В нем оказалось 29 бывших наполеоновских офицеров и унтерофицеров во главе с некиим генералом Пиа, направлявшихся в Испанию, к Фавье. При них найден был большой чемодан с полковым знаменем старого, наполеоновского образца, с трехцветными кокардами, лентами и пуговицами, украшенными императорскими гербами. Чемодан был адресован на имя майора де Лостенде, ад'ютанта генерала Гильемино, начальника штаба французской «обсервационной армии» в Пиренеях. Лостенде был тотчас же арестован по подозрению в государственной измене. Гильемино, ненавистный ультрароялистам как генерал, остававшийся верным Наполеону в период Ста дней, был смещен и заменен военным министром герцогом Беллюнским (маршал Виктор). Впрочем, испугавшись впечатления, которое эти меры должны были произвести перед самым началом похода, правительство решило замять это дело: Лостенде был освобожден, а Гильемино возвращен в армию.

Для Фавье это происшествие было тяжелым ударом. «Почти все наши связи оборваны теперь», — с горечью писал он Сан-Мигелю, обвиняя его в медлительности и болтливости. И все же Фавье не отчаивался, не складывал оружия. 5 апреля он обратился к солдатам армии герцога Ангулемского с красноречивой прокламацией, в которой, разоблачая контрреволюционные цели похода против Испании, убеждал их отказаться от похода и стать под сень старого, трехцветного знамени: «Солдаты! Куда вы идете? И кто мог бы узнать в этой молодой армии, под этим покрытым грязью знаменем (белым знаменем Бурбонов.— *А. М.*) детей победителей при Маренго и Аустерлице?.. В вашем авангарде идут капуцины и воры...

Торжество европейской реакции. 1823 год.

Карикатура Ю. Цишевского.

вами командуют эмигранты и изменники. Ваш арьергард составляют австрийцы! Вы идете уничтожать свободу, которую ваши отцы завоевали ценой крови, вам грозит потеря плодов стольких побед; вас ведут, чтобы восстановить во Франции фанатизм и тиранию. Солдаты, великая тень (Наполеона.— *А. М.*) сжалилась над вами. Она посылает вам своего орла под эскортом нескольких солдат, свидетелей стольких побед... Вы не будете стрелять, вы не захотите пронзить пулями наше славное знамя... Вы не захотите ранить нашего дорогого орла. Если же вы это сделаете, он исчезнет навеки и вы будете всю жизнь мучиться угрызениями совести, как если бы убили родную мать!»[1].

Это была не единственная прокламация, распространявшаяся в это время среди войск герцога Ангулемского.

[1] A. Debidour. Цит. соч., стр. 236.

В начале апреля французская правительственная газета «Монитер» опубликовала два анонимных воззвания, захваченных якобы в Перпиньяне (недалеко от франко-испанской границы) и помеченных «главной квартирой армии свободных людей в Пиренейских горах» («au grand quartier général de l'armée des hommes libres, sur les monts Pyrenées»).

4

7 апреля 1823 года стотысячная армия герцога Ангулемского вступила в пределы Испании. За день до того небольшой отряд французских и итальянских демократов (состоявший из 40 офицеров и 70 унтерофицеров и солдат) во главе с Фавье пытался на берегу пограничной реки Бидассоа остановить продвижение этой армии. Попытка эта потерпела полную неудачу. Речь Фавье, призывавшего солдат по-братски встретить людей его отряда и принять из его рук трех-

цветное знамя с орлом как единственное настоящее национальное знамя Франции, не смогла поколебать дисциплину французских войск: революционная колонна Фавье была рассеяна после нескольких пушечных выстрелов. При этом 13 человек было убито и ранено.

Конституционное правительство Испании, руководимое либерально-буржуазной интеллигенцией, не сумело организовать должного отпора интервентам и мобилизовать на борьбу с ними широкие массы населения. Господствовавшие почти во всей северной Испании роялисты приветствовали французов как «избавителей». Реакционное католическое духовенство, влиятельное в этих районах, возбуждало религиозный фанатизм крестьянства против «безбожников» — конституционалистов. В результате армия герцога Ангулемского продвигалась вперед, почти не встречая на своем пути серьезного сопротивления. 9 апреля был занят Ирун, 9 мая — Бургос. Около того же времени в руках французов оказались почти вся Астурия и Валенсия. 24 мая герцог Ангулемский вступил во главе армии в Мадрид, оставленный министерством и кортесами еще до начала военных действий. 17 июня король Фердинанд VII и его семья, перевезенные в свое время в Севилью и находившиеся как бы в плену у революционеров, перевезены были в Кадикс, куда перебрались и кортесы. В июне французские войска вступили в Андалузию и заняли Кордову. Тогда же занята была Мерида в Эстремадуре. 13 июля была штурмом взята крепость Лорка (в провинции Мурсия).

Из генералов испанской армии лучше всех держались Мина (прославленный герой гверильи — партизанской войны 1808—1813 годов), а также Риего и Кирога. Многие генералы изменили делу конституции и перешли со своими войсками — одни раньше, другие позже — на сторону абсолютистской контрреволюции.

Силы, сопротивлявшиеся войскам интервентов, распылились на небольшие партизанские отряды, действовавшие большей частью изолированно, без всякой связи друг с другом, что, понятно, лишь облегчало задачу противника.

Иностранные демократы с честью сражались в рядах защитников испанской свободы. «Нам приходилось по нескольку раз драться с батальонами, составленными из беглецов всех наций: французов, пьемонтцев, неаполитанцев, одетых в мундиры старой императорской гвардии, с орлом и трехцветной кокардой на штыках. Остатки этих батальонов пытались умереть смертью отчаявшихся героев в сражении при Лерсе, в Каталонии» [1], — рассказывает один французский офицер, участник похода.

Что касается Фавье, то неудача, постигшая его колонну на реке Бидассоа, не лишила его прежней энергии и решимости продолжать борьбу. В мае он отправился в Лондон формировать новые отряды добровольцев для Испании. Он не падал духом, но горько жаловался на отсутствие денег, парализующее все его начинания.

Революционные планы Фавье рушились один за другим. Не удалось ему осуществить и задуманную им диверсию во Франции — захватить, воспользовавшись отсутствием войск, Лион, высадить десант в Бретани и поднять восстание в Лотарингии.

Между тем неравная борьба испанских конституционалистов против об'единенных сил французских войск и «апостолической армии» (так именовали себя вооруженные банды испанских роялистов) близилась к концу. Центром сопротивления стал Кадикс — колыбель испанской свободы в 1812 и в 1820 годах. Войска герцога Ангулемского осадили Кадикс. 31 августа были взяты штурмом защищавшие город форты Трокадеро и Сен-Луи. 23 сентября французские военные корабли бомбардировали Кадикс. Герцог Ангулемский отказался вести переговоры с осажденным городом до тех пор, пока король Фердинанд не будет отпущен на свободу. 1 октября, отрезанные со всех сторон превосходными силами неприятеля, кортесы вынуждены были согласиться на это требование, и Ферди-

[1] «L'Espagne. Souvenirs de 1823 et de 1833, par M. Adolphe de Bourgoing», p. 19. Paris. 1834.

Севилья. Середина XIX века. Государственный исторический музей.

нанд VII был доставлен во французский лагерь.

Война окончилась. Соединенными силами французских интервентов и испанских абсолютистов буржуазная революция в Испании была разгромлена. 4 ноября капитулировала Барселона — последняя цитадель испанской свободы.

Победа контрреволюции привела к восстановлению в Испании абсолютизма и сопровождалась невиданным разгулом кровавого террора (он продолжался вплоть до 1825 года), массовыми арестами и казнями (7 ноября казнен был один из главных военных вождей восстания 1820 года, Риего), воскрешением господства католического духовенства, реакционной военщины и феодальной знати. Часть французских войск осталась в Испании охранять наведенный там «порядок» (они пробыли там до 1827 года).

2 декабря 1823 года герцог Ангулемский совершил торжественный в'езд в Париж. Разгром испанской революции явился большим ударом для либеральных и демократических кругов французского общества. Организация карбонариев, ослабленная неудачами, сходит со сцены. Вера в близость и торжество революции против Бурбонов была подорвана. Реакция торжествовала. Она еще усилилась, когда в сентябре 1824 года умер Людовик XVIII и на престол вступил его брат — Карл X, «король эмигрантов и иезуитов».

Окрыленный победой, одержанной над испанскими конституционалистами, Священный союз, поощряемый и вдохновляемый царской Россией, задумал отправить французские войска за океан на подавление освободительного движения в бывших испанских колониях Центральной и Южной Америки (в Мексике, Чили, Колумбии, Боливии и других республиках). Французское правительство согласно было предпринять эту новую интервенцию в расчете «заработать» на ней и приобрести некоторые колонии. Но разбойничий поход против молодых республик Латинской Америки был сорван правительствами Англии и США. Англия, которая первою признала новые государства, возникшие в Америке на месте бывших испанских колоний, и приобрела таким

образом новые богатые рынки, заявила, что не допустит этого похода. Со своей стороны, правительство США через своего президента Монро об'явило (2 декабря 1823 года), что не потерпит вмешательства европейских держав в американские дела, и выдвинуло лозунг «Америка для американцев» («доктрина Монро»). Франция должна была отступить.

Подавление испанской революции силами французской интервенции отразилось и на судьбах революции в Португалии. В этой стране существовала своя «апостолическая» партия, добивавшаяся уничтожения конституции, введенной в 1820 году, и восстановления абсолютизма. Она не преминула призвать к себе на помощь французов. Но Англия (нотой Каннинга от 31 марта) заявила, что не позволит войскам Людовика XVIII вступить в страну, независимость которой была ею гарантирована. В то же время, однако, английское правительство, недовольное политикой португальского правительства, сделало невозможным союз, который лиссабонские кортесы пытались было заключить с мадридскими. В конце мая 1823 года, ободренные известием об успехах армии герцога Ангулемского и занятием французами Мадрида, португальские абсолютисты во главе с графом д'Амаранте взялись за оружие и подняли войска на борьбу против конституционного режима. 19 июня Шатобриан писал в Лондон виконту Марселлюсу: «Только что получил из Мадрида подтверждение хороших вестей из Португалии. Контрреволюция совершилась там 3-го, королю (Иоанну VI.— *А. М.*) и королевской семье возвращена полная свобода. Это будет иметь для нас огромные последствия и явится великолепным завершением войны в Испании» [1].

Европейские реакционеры могли быть довольны. «Царство преступлений кончилось. Испания освобождена, в Португалии восстановлено спасительное господство легитимности»,— писал Шатобриану Александр I. Фридрих-Вильгельм III приветствовал французского министра иностранных дел с «решительной победой над революционной системой», Франц I — с «торжеством самого правого и самого святого дела» [2].

Европейская демократия встретила разгром испанской революции как большой удар для дела свободы во всем мире. Будущий декабрист Поджио горько оплакивал трагическую гибель Риего, образ которого вдохновлял борцов против абсолютизма в России и в других странах. Другой будущий декабрист, С. Муравьев-Апостол, отвечал Поджио: «Риего сам виноват в своей гибели: он должен был основать республику и никак не верить присяге тирана».

Их гениальный современник А. С. Пушкин откликнулся на казнь Риего следующими стихами:

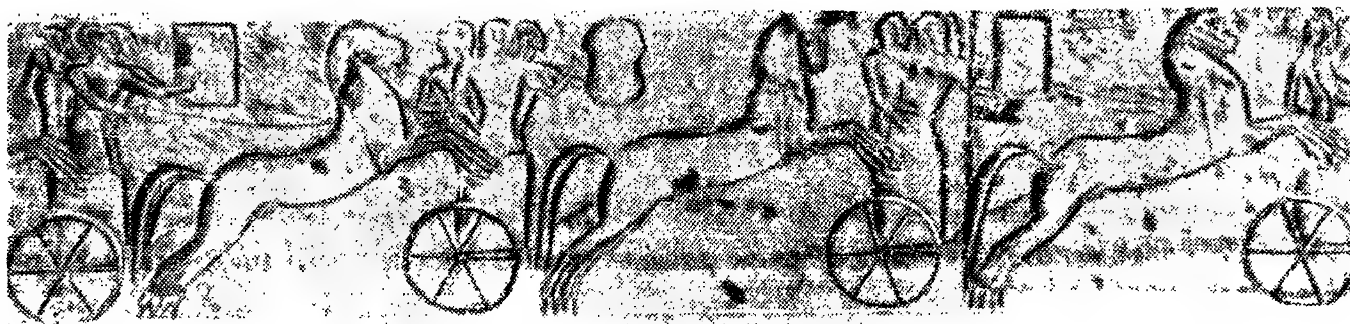
«Сказали раз царю, что, наконец,
Мятежный вождь Риэго был удавлен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец:
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я, но он зато повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства».

* * *

Приведенный исторический материал показывает, что интервенция 1823 года в Испании, организованная Священным союзом, была не чем иным, как борьбой против прогресса, свободы и независимости испанского народа. Эта интервенция преследовала цели восстановления в Испании абсолютистской реакции, подчинения страны чужеземному игу, отторжения ряда принадлежавших ей территорий и ослабления ее политической и военной мощи.

[1] «La politique de la Restauration. Correspondance entre M. le comte de Marcellus et M. de Chateaubriand», p. 176.

[2] M. de Chateaubriand. Цит. соч. Т. II, стр. 180—191.

К. Зельин

ХЕТТЫ И ХЕТТСКАЯ КУЛЬТУРА

1

Хеттология, т. е. изучение хеттского общества и его культуры,—одна из последних глав в науке о Древнем Востоке. Еще лет 60—70 назад ученые не подозревали .того значения, которое имели хетты в истории древневосточных обществ. Прав был выдающийся английский востоковед Сэйс, заявивший, что «открытие» хеттов является одним из самых замечательных событий в истории современного научного исследования. Правда, памятники хеттской культуры были известны давно: о некоторых из них говорят еще древние авторы. Грек Павсаний, путешественник II века нашей эры, например, сообщает, что он видел на скале, на горе Сипиле (западное побережье Малой Азии), фигуру плачущей женщины, которая считалась изображением многострадальной матери Ниобы, героини греческой легенды. На самом деле это — изображение хеттской богини-матери.

Память о хеттах уже за несколько столетий до Павсания исчезла и, казалось, навсегда. Однако этого не случилось. В 30-х годах прошлого века путешествия француза Тексье и англичанина Гамильтона сделали эпоху в ознакомлении с хеттскими памятниками. Тексье (1833 год) открыл в одной из областей Малой Азии—Каппадокии,—в 140 километрах от столицы современной Турции, Анкары, около деревни Богаз-Кей, развалины древнего города. Этот город был, как это выяснилось позднее, столицей обширной державы. Гамильтон (в 1835 году) описал интересные изображения на скалах невдалеке от Богаз-Кея (в Эйюке). В течение последующих десятилетий XIX века и в других местностях Малой Азии были обнаружены сходные памятники. Однако долгое время они оставались непонятными, разрозненными находками и не включались в общие рамки истории народов Древнего Востока.

В 70-х годах прошлого века делается новое важное открытие: в Северной Сирии, в городе Хамате, на реке Оронте, были найдены своеобразные письмена, оказавшиеся по стилю сходными с ранее известными в Малой Азии. В 1879 году Сэйс признал памятники и письмена, найденные в различных местностях Малой Азии и Сирии, принадлежащими обширной «забытой империи» хеттов. Не сразу, однако, эта мысль получила полное признание. В дальнейшем много света в изучение этого вопроса внесли раскопки, произведенные в 90-х годах прошлого века в местечке Сенджирли в Северной Сирии, где были исследованы остатки города-крепости и найдены новые памятники своеобразной

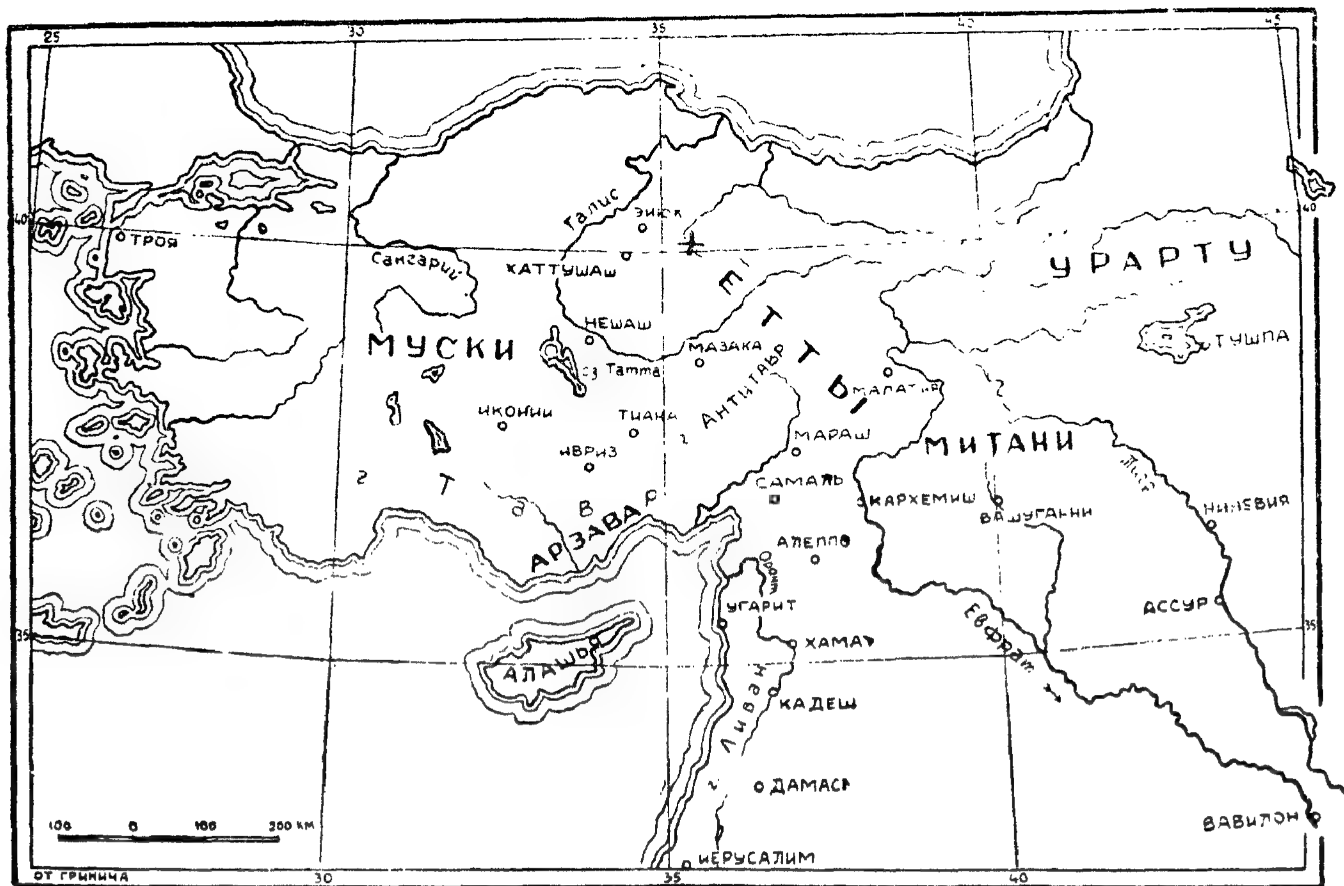

Схема страны хеттов и соседних областей.

культуры более поздней эпохи (I тысячелетие до нашей эры). Все же и после этих раскопок многое в истории хеттов оставалось загадочным.

Решающими для понимания хеттской культуры явились открытия известного ассириолога Винклера и Макриди-Бея в Богаз-Кее в 1906—1907 годах. Они не только исследовали столицу хеттского государства, находившуюся около Богаз-Кея (в древности она называлась Хаттушаш), но и обнаружили государственный архив хеттов — тысячи клинописных табличек, давших совершенно новые материалы по истории хеттов и соседних с ними стран во II тысячелетии до нашей эры. В ближайшие годы после раскопок Винклера хеттология быстро развивается. Открытые в Богаз-Кее тексты не могли быть сразу использованы, так как большая часть их оказалась написанной на неизвестном языке (или, как впоследствии выяснилось, языках), и перед исследователями стояла задача дешифровки этих текстов.

В 1914 году для изучения памятников хеттской культуры в Турцию отправился чешский ученый Ф. Грозный, путешествие которого было прервано разразившейся империалистической войной. Но Грозный успел скопировать достаточно материала, чтобы закончить начатую им в Турции работу. И в 1916 — 1917 годах появляется его исследование по дешифровке хеттской клинописи, ценные результаты которого были признаны всем ученым миром. Интерес к хеттологии растет. Кроме Грозного над хеттскими клинописными источниками начинает работать и ряд других ученых.

В 20-х и 30-х годах текущего столетия число литературных и вещественных памятников, доступных изучению, непрерывно увеличивается. В результате новых археологических экспедиций и публикации уже открытых текстов перед хеттологами открываются широкие перспективы в изучении истории общества и культуры Древнего Востока.

Остановимся на главных открытиях в этой области за последние 10—12 лет. Еще с 80-х годов XIX века начали появляться в продаже на рынках Малой Азии так называемые каппадокийские таблички: деловые документы на древнеассирийском языке, содержащие интересные данные о жизни ассирийских торговых городов-колоний в далекой Каппадокии. На них уже давно обратили внимание исследователи, которые, однако, не могли выяснить основное местонахождение этих табличек: раскопки происходи-

ли хищническим образом, и места находок тщательно скрывались искателями из местного населения.

В 1925 году, однако, археологическая экспедиция под руководством Грозного в местечке Кюль-Тепе нашла настоящие «гнезда» табличек, по нескольку десятков в отдельных кучах. Найдено было более тысячи уцелевших документов и фрагментов. Они датируются концом III тысячелетия до нашей эры и представляют собой архивы торговых людей-ассирийцев, которые вели обширные торговые операции в стране хеттов и поддерживали тесные связи с Ассуром.

В настоящее время в Малой Азии путешественники видят многочисленные холмы (хюйюк), скрывающие остатки древности; их систематическое исследование еще только началось. В течение 6 лет (с 1927 года) велись раскопки американской экспедицией в одном из таких холмов — в Алишар-Хюйюке, в 200 километрах к юговостоку от Анкары. Значение их заключается в том, что они дали возможность впервые проследить последовательность смены культур в области хеттов. Слой за слоем (свыше 80 футов в глубину) был вскрыт холм, заключающий в себе остатки культур, начиная от новокаменного века до византийского периода. Обнаружены были предметы погребения, керамические изделия, клинописные таблички, напоминающие таблички из Кюль-Тепе. Местная культура, памятниками которой служат характерные сосуды разнообразных форм, изготовленные с помощью гончарного круга, и своеобразные печати, существовала уже задолго до того, как сюда прибыли колонисты из Ассура.

Раскопки в Алишар-Хюйюке дают твердую основу для установления последовательности культурных слоев и помогают ориентироваться в этом отношении и в других местах, где они не сохранились в такой мере, как здесь. Эти раскопки позволяют составить, так сказать, шкалу последовательного развития культур—от древнейших поселений неолитической эпохи до остатков послехеттского периода.

С осени 1931 года возобновилось исследование крупнейшего центра хеттского государства — Хаттушаша (Богаз-Кей). Работы сосредоточились главным образом на изучении Бюйюк-Кале, акрополя хеттской столицы. Они выяснили историю одной из важных частей столицы хеттской державы и дали интересные сведения о ней как о военном центре, вполне соответствующие нашему представлению об исключительном стратегическом положении Хаттушаша. Здесь же был найден также целый ряд новых вещественных памятников той эпохи: печати, остатки сосудов и тысячи клинописных текстов.

2

Хеттские племена являлись коренным населением восточной части Малой Азии—области, которая позднее называлась Каппадокией,—и Северной Сирии. Внутренние части малоазиатского плоскогорья высоко расположены над уровнем моря. Горы отгораживают их от моря, и поэтому климат там резко континентальный, с холодной зимой и жарким летом. Осадки сравнительно незначительны, климат сухой, а леса почти отсутствуют. Пейзаж однообразен—обширные степи и большие пустынные пространства.

Каппадокия более гориста чем часть Малой Азии, расположенная к западу от реки Галиса. Однако наряду с бедными по природе плоскогорьями здесь встречаются плодородные долины, защищенные от холодных ветров. В этих долинах возможно не только земледелие, но и садоводство: растут виноград, табак, различные плодовые деревья.

К югу от Галиса, около города Кайсариэ, поднимаются вулканические массы с вершиной Аргеем (3830 метров). Это «страна тысячи пещер», образовавшихся в вулканическом туфе. Кайсариэ—узел важнейших торговых путей, соединявших Малую Азию с югом и юговостоком. Богатство юговосточной части Малой Азии ископаемыми, в особенности серебром, сыграло большую роль в истории хеттов.

По западной части Малой Азии (Лидия, Мизия) текут реки, впадающие в Эгейское море: Мэандр, Герм и др. Долины этих рек были густо населены народами, издавна занимавшимися

Вид на Богаз-Кей (древний Хаттушаш).

земледелием, в то же время они служили и путями, по которым поселенцы, торговые люди, войска двигались с запада на восток. Они связывали побережье Эгейского моря с внутренними областями: отсюда, с запада, начиналась великая дорога на восток, проходившая через Хаттушаш далее, на юг, в богатую Вавилонию.

С югом Каппадокия была связана лишь горными проходами Тавра, Антитавра и Амана. Эти проходы вели в Северную Сирию через город Мараш и в Месопотамию через город Малатию.

Северная Сирия, где также жили хетты, обладает более мягким и жарким климатом, здесь много плодородных долин, удобных для земледелия. Через страну проходили дороги в богатые финикийские города, в Вавилонию и еще дальше, в Нильскую долину, в могущественное царство египетских фараонов, где «золота столько же, сколько песку». Не мудрено, что сюда еще в глубокой древности устремлялись племена с севера и исторические судьбы Северной Сирии оказались тесно связанными с развитием племен Каппадокии.

Этнический состав населения этих областей был довольно пестрый, но в основном это было население, говорившее на яфетическом языке. Оно оставило памятники материальной культуры, относящиеся к концу IV и началу III тысячелетия до нашей эры. Хетты принадлежали к группе племен, имевших широкое распространение. Эти племена составляли древнейшее население северного Междуречья (страны Субарту) и Сирии, а с другой стороны, Армении и Кавказа. Позднейшие надписи и археологические данные, относящиеся к периоду около 2000 года до нашей эры, свидетельствуют о наличии в Малой Азии и других племен, говоривших на индоевропейских языках. Появление их, однако, не изменило в основном характера общественного и культурного развития населения, с которым они ассимилировались.

В III тысячелетии до нашей эры хетты не были еще об'единены: они делились на мелкие племена, которыми управляли племенные вожди. Их хозяйственный быт был сравнительно примитивен: население занималось главным образом охотой и скотоводством, а экономическими выгодами от развития обмена, в то время уже имевшего место в этих областях, пользовались не местные жители, а пришельцы с юга—из Ассирии,—в зависимости от которой Каппадокия находилась некоторое время.

Поселения ассирийцев выступают уже в предании о событиях первой половины III тысячелетия. Об'единитель Междуречья, царь Аккада Саргон I, совершил, по преданию, поход на далекий север, в Каппадокию, по просьбе колонистов, жаловавшихся на притеснение со стороны царька одного из хеттских городов. Таблички из Кюль-Тепе знакомят нас с отношениями в этой торговой среде. Ассирийские колонисты имели прочную организацию—«карум», совет города, который ведал их делами. Они имели свой суд, и только дела, в которых заинтересованными сторонами выступали и ассирийцы и люди из местного населения, решались царем города.

Колонии вели обширные торговые и кредитные операции. Торговля шла главным образом тканями, свинцом, медью. Главная ассирийская колония была в городе Канеше (современный Кюль-Тепе, на левом берегу реки Галиса, на юговосток от Хаттушаша).

Позднейшие раскопки обнаружили сходные документы и в Алишар-Хюйюке и в Хаттушаше. Оживленная торговля и ростовщические операции содействовали развитию рабовладения. В табличках вырисовывается деятельность торговых элементов ассирийского общества, осевших в чужой стране и эксплоатирующих местное население.

Кроме основной массы населения—хеттов—и колонистов с юга мы находим в Каппадокии племена, говорившие на индоевропейских языках. Свидетельства об этих племенах особенно часто встречаются в источниках, относящихся приблизительно к 2000 году до нашей эры. Главным из этих племен являлись незиты, на языке которых написана большая часть текстов богаз-кейского архива. Проникновение этих племен является длительным процессом, имевшим место уже в III тысячелетии. Об'единение хеттских племен стоит в связи с процессом внутреннего развития страны, с ростом ее производительных сил и с усложнением общественных отношений.

В результате об'единения хеттов прекращается их зависимость от Ассирии и ассирийские колонии сходят с исторической сцены.

В стране хеттов образуются крупные государства. Особенно выдвигаются четыре города: Куншар, Нешаш[1], Зальпа и Хаттушаш. Царь Куншара, по имени Анитта, нападает на город Нешаш, правителя которого он делает своим пленником, не причиняя вреда населению. Город Нешаш делается главным городом хеттского государства в эту эпоху, население его быстро увеличивается. Государство Анитты охватывало территорию от Черного моря до Средиземного. Один из преемников Анитты — Тлабарна (Табарна)—покорил значительную часть Каппадокии и принял титул великого царя. Позднее его собственное имя стало титулом хеттских царей, подобно тому как имя Цезаря сделалось обозначением римских императоров.

Новых успехов хеттское государство достигло при Муршилише I (конец XX века до нашей эры), при котором столицей делается город Хаттушаш, сохранивший свое значение до конца существования хеттской державы. Образование крупного об'единения влечет за собой дальнейшее развитие завоевательной политики. При Муршилише I хетты разрушают город Алеппо в Северной Сирии, на путях к Средиземноморскому побережью, и совершают набег на Вавилон. Однако хеттам не удалось закрепить эти приобретения. В Вавилонии они, повиди-

[1] От названия этого города произошло название племени: незиты.

Львиные ворота в Хаттушаше.

мому, и не пытались удержаться, и дело ограничилось опустошением страны и захватом добычи, а Алеппо был потерян ими в последующей борьбе. У хеттской державы не было достаточно прочной экономической базы, а внутренняя борьба привела к переворотам и ослаблению государства. До нас дошел указ хеттского царя Телепинуша (около 1700 года) с любопытным историческим введением. В нем говорится о многочисленных мятежах и кровавой борьбе за власть. Это были восстания подчиненных городов, которыми правили родственники царя, выступавшие нередко в качестве претендентов на престол. Телепинуш, утвердив свою власть, урегулировал вопрос о престолонаследии, установил порядок передачи царской власти старшему сыну, в случае его смерти — следующему, а в случае отсутствия сыновей—мужу старшей дочери. Совет из родственников и воинов должен был наблюдать за порядком в государстве.

Следующие два века в истории хеттов образуют пробел. Это то время, когда в Северной Месопотамии выдвигается государство, население которого близко стоит к хеттам по языку и культуре, царство Митани. В XVI — XIV веках до нашей эры оно захватывает гегемонию в Передней Азии. Лишь в начале XIV века хеттское царство вновь усиливается и в союзе с Ассирией наносит удар Митани. Этот период так называемой новой хеттской державы (XIV—XIII века до нашей эры) является временем наивысшего расцвета могущества хеттов. От него дошли наиболее значительные памятники искусства и письменности. Хеттское государство выступает в это время на широкую историческую арену и делается одним из решающих факторов политической жизни Древнего Востока.

Соперничая с Египтом в Сирии, оно успешно продвигается к югу, а с другой стороны, ведет ожесточенную борьбу в пределах Малой Азии, подчиняя себе воинственные племена окраин.

Главным экономическим и политическим центром остается Хаттушаш. Этот город занимал чрезвычайно выгодное стратегическое положение и являлся центром, от которого шли военные и торговые пути по разным направлениям: на север — к Понту, на запад — к побережью Эгейского моря, на юг—в Северную Сирию и Междуречье, на восток—в сторону Армении. Хаттушаш представлял собой настоящую военную твердыню. Его крепость Бюйюк-Кале была расположена на горном кряже, между двумя глубокими долинами, и хетты при укреплении города прекрасно использовали выгоды естественного расположения. Особенно сильно были укреплены западные и южные склоны, наиболее доступные для нападения. С двух сторон города шли двойные стены, с двух других — простые из громадных камней, тщательно обтесанных. Огромные башни выдвигались за линию стен, образуя нечто вроде бастионов, чтобы можно было поражать неприятеля вдоль стен. В воротах крепости так же, как и у главного входа в город, были высечены изображения львов, взоры которых были обращены на приближающихся к крепости. Крепость входила в систему общегородских укреплений, свидетельствующих о своеобразном и сравнительно высоком развитии у хеттов искусства укреплять города. Главные работы по укреплению города были произведены при царе Шуппилулиуме, с правления которого и начинается период возвышения новой хеттской державы.

Шуппилулиума (1380—1346 годы до нашей эры), воспользовавшись восстанием в пределах митанийского царства против царя Тушратты, захватил часть его земель, пройдя на югозапад до Ливанских гор. Митани ищет поддержки в Египте. Хетты выступают в союзе с Ассирией. При Шуппилулиуме они продвигаются далеко на запад и на юг. Они завладевают Алеппо и другими городами Северозападной Сирии. Шуппилулиума завоевывает и город Кархемиш на Евфрате, один из сильных стратегических пунктов. Есть известие, что страна Амурру (Сирия) должна была платить хеттам дань в 300 сиклей золотом.

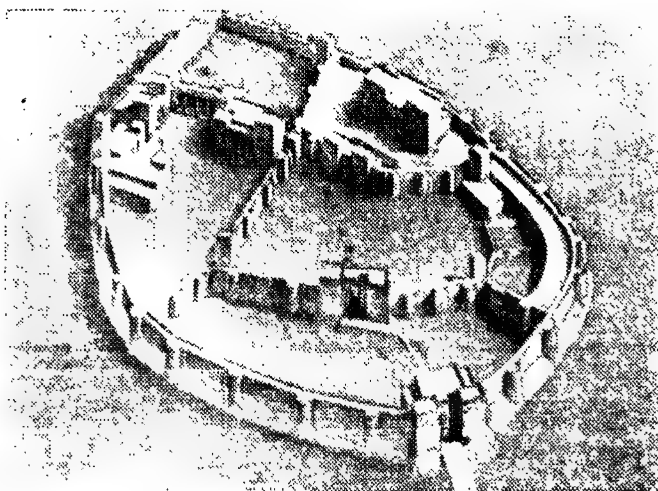
Смерть египетского фараона Аменхотепа IV подала повод хеттам вмешаться во внутренние дела и этой страны, но эта попытка оказалась для хеттов неудачной.

В общем же при Шуппилулиуме хетты достигли крупных успехов. Из области, которая находилась в зависимости от Митани, страна хеттов делается независимой и сильной державой. При преемниках Шуппилулиумы борьба сосредоточивается в Малой Азии, где приходится отражать нападения племен, граничащих с хеттами. Войны сопровождаются захватом большой добычи, пленных и присоединением завоеванных областей. Военная техника хеттов этого времени приблизительно соответствует военной технике современных им египтян или ассирийцев. Ядро хеттского войска образуют многочисленные отряды колесниц и пехота, сражающаяся копьями.

В конце XIV—начале XIII веков до нашей эры один из хеттских царей переносит столицу на юг. Царь этот встречает оппозицию со стороны знати. В хеттском государстве происходят восстания. В течение 10 лет земли не обрабатываются. С большим трудом удалось подавить это движение. В XIII веке хетты выдерживают ожесточенную борьбу с Египтом, вновь окрепшим при XIX династии. Теперь борьба идет из-за сирийских владений. Между египтянами и хеттами происходят бои с переменным успехом. Особой остроты эта борьба достигает при фараоне Рамзесе II.

До нас дошло известное описание битвы египтян и хеттов при городе Кадеше, на реке Оронте, в поэме, прославляющей фараона и его покровителя бога Амона-Ре. Очутившееся в критическом положении египетское войско спасается от опасности и даже одерживает победу благодаря храбрости фараона и содействию Амона-Ре. Поэма сообщает о силах, двинутых хеттами навстречу египтянам: 3500 боевых колесниц, а так как на каждой хеттской колеснице сидели 3 человека (воин, его помощник и возница), то на одних колесницах, следовательно, со стороны хеттов выступили 10 500 человек.

Хетты испытывают давление и с другой стороны: усилившаяся Ассирия грозит южным окраинам государства. И вот в 1278 году до нашей эры хеттский царь Хаттушиль заключает с Египтом мирный договор, свидетельствующий, что положение в Сирии

Крепость Сенджирли (древний Самаль). Сирия. Реконструкция.

изменилось в сравнении с XIV веком и притом не в пользу Египта. Египет и хетты выступают как две великие, равноправные державы. Они заключают союз и вечный мир; в случае нападения на одну из стран другая должна оказать ей помощь. Каждая из сторон обязуется выдавать перебежчиков. Договор оказался прочным, и в дальнейшем устанавливаются мирные и даже дружественные отношения между хеттами и египтянами. Хеттский царь, например, отправляет посольство в Египет для заключения брака между своей дочерью и фараоном. Хеттам теперь приходится защищать не сирийскую границу, а границу с Ассирией, а также западные рубежи от нападения новых племен «народов моря».

Конец XIII века до нашей эры—эпоха кризиса крупных держав Древнего Востока. Ассирия, так необычайно возвысившаяся в XIV—XIII веках, не смогла удержаться в этом положении. Слишком стремительная и далеко идущая завоевательная политика ее не имела прочной экономической основы. Вавилон переживает глубокий политический упадок в конце правления династии касситов, когда-то завоевавших его и укрепившихся в Вавилонии. Со стороны пустыни угрожают арамеи, которые захватывают постепенно важнейшие города Сирии и делаются владыками караванных путей через пустыню. Египет в конце XIII века и в XII веке испытывает нападение так называемых морских народов — племен с побережья Средиземного и Эгейского морей,—пытавшихся с моря овладеть Нильской до-

линой. Эти попытки, правда, были успешно отражены Египтом, но страна все же находилась в состоянии глубокого политического упадка.

Хеттское государство, ослабленное войнами с Египтом и нападениями Ассирии, не имеющее достаточно прочной связи между отдельными его частями, подточенное внутренними противоречиями, не выдержало натиска «морских народов». Первый удар могуществу хеттов был нанесен хеттскими же племенами в южной части Малой Азии. Вслед за ними с запада надвигаются новые враги—муски и фригийцы, которые подступают к Хаттушашу, и вековая хеттская столица несмотря на свои укрепления попадает в их руки (около 1200 года до нашей эры). Фригийцы и муски опустошили город и отчасти разрушили его замечательные памятники. В начале XII века до нашей эры пала в борьбе с «морскими народами» прежняя союзница хеттов Троя—твердыня, господствовавшая над Геллеспонтом и путями от побережья внутрь материка.

После падения Хаттушаша часть хеттского населения передвинулась к югу, в Северную Сирию. Здесь и на юге Малой Азии возникли новые центры, образовалось несколько (до 9) небольших арамейско-хеттских государств, просуществовавших в течение почти пяти веков. Главным из них является Кархемиш на Евфрате и Самаль (позднее Сенджирли). Однако эти царства были слишком слабы, чтобы сохранить самостоятельность. В начале IX века до нашей эры Кархемиш был взят ассирийцами, в 720 году был завоеван Самаль, а в 713 году до нашей эры был осажден и разрушен последний из сирийско-хеттских политических центров—город Мараш.

Хеттский воин. Найдено в Сенджирли.

3

Главным источником по истории экономического и социального строя хеттов служит обширный судебник эпохи нового хеттского царства, найденный при раскопках в Хаттушаше. Содержание его еще не совсем ясно: встречаются пробелы и малопонятные статьи, но в общем все же это один из важнейших памятников по истории Древнего Востока. Дополнительные сведения мы находим в поземельной описи конца XIII века до нашей эры и в некоторых других источниках.

Экономика новой хеттской державы отличалась довольно сложным характером. Население занималось главным образом земледелием и скотоводством. Помимо полевых участков неоднократно упоминаются посадки плодовых деревьев. Ряд статей указывает, что интересы владельцев посадок тщательно ограждаются: закон грозит карой тому, кто украдет виноградную лозу, срубит яблоню и пр.; виновник должен полностью возместить ущерб и заплатить штраф. Особое внимание уделяется виноградарству. В упомянутой выше описи почти в каждом хозяйстве мы встречаем виноградники. В судебнике имеются указания на ирригацию; статья 162-я говорит, что если кто-нибудь отведет канал, то должен уплатить 1 сикль серебра. Очень много внимания уделяется вопросу разведения домашних животных. Особенно часто говорится о краже скота, о нанесении ему повреждений, причем перечисляются отдельные его виды: быки, лошади, бараны, козы, ослы, мулы, свиньи и пр. Судебник определяет соответствующую компенсацию в случае, если кто-либо

отломит рог быку, или сломает ему ногу, или ударит так, что в результате удара последует смерть, выбибет глаз и пр. Самая детальность закона в этом отношении указывает на то значение, которое придавалось этому вопросу.

Наряду с сельским хозяйством у хеттов существовали различные ремесла; в источниках упоминаются кузнецы, ремесленники, обрабатывавшие металл, ткачи, портные и пр. Через страну хеттов шли пути обмена с другими областями. Хаттушаш стоял на пересечении не только военных, но и торговых путей. Через него шла большая торговая дорога с побережья Эгейского моря на восток.

Денежное хозяйство у хеттов было довольно развито. Штрафы и цены товаров определялись обыкновенно в деньгах. Господствовала вавилонская система денежных единиц: талант, мина, сикль. Страна хеттов обладала запасом ценных ископаемых. В южной части Малой Азии, в горах Тавра, издавна добывалось серебро. Статья 66-я законов указывает, что за 4 мины меди дается 1 сикль серебра. В деньгах определяется стоимость различных предметов согласно тарифу, установленному законом. Так например упряжная лошадь стоит 20 сиклей серебра, баран — 1 сикль, 2 порции благовонного масла—2 сикля, различные сорта одежды—12, 20, 30 сиклей и пр.

По своей классовой структуре хеттское общество сходно с вавилонским и ассирийским обществами. Однако есть в нем своеобразные особенности. В хеттских законах выступают две основных категории людей: свободные и рабы. Промежуточного слоя как определенной юридической категории, которая имеется, например, в вавилонском кодексе (мушкену) и которая существовала в Эламе, у хеттов нет.

В законах проводится резкая грань между свободными и рабами. В статье 170-й указывается: «Если свободный человек убьет змею и при этом произнесет имя другого человека, то он должен заплатить 1 мину серебра. Если же это сделает раб, то он должен умереть» (здесь, повидимому, речь идет о каких-то магических действиях). В случае, если раб убежит от

Хеттские аристократы.
Рельеф из города Абидоса. Египет.

господина и кто-либо задержит его и доставит обратно владельцу, доставивший должен получить награду: если он задержит его поблизости, он получает обувь, если дальше, но по эту сторону реки (Галиса), то 2 полусикля серебра, если по ту сторону, то 3 полусикля. Интересна в этом отношении и другая статья: если раб обворует дом, он должен возместить ущерб и заплатить 6 сиклей серебра, кроме того ему отрезают нос и уши и отдают его господину. Если вор—свободный, то он платит штраф в размере 12 сиклей.

Положение рабов у хеттов напоминает положение рабов в Вавилонии: в законах граница между рабом и свободным проводится резко, но фактическое положение раба могло приближаться к положению некоторых категорий свободного населения. Он мог обладать имуществом, заключать смешанные браки.

Источником рабства служили война и торговля. Хеттское царство представляло собой военное государство, которое вело постоянные войны с соседями, сопровождавшиеся захватом обильной военной добычи: людей, скота, имущества. При описании военных действий встречается особый термин (намра), обозначающий не военнопленников, но захваченное население неприятельской страны. Этих людей

Печать Таркондема с клинописными и иероглифическими письменами.

уводили для поселения во внутренние области государства для принудительных работ. Они нередко бежали, и в источниках есть частые указания на эту форму борьбы с угнетателями. Однако эти пленники не являлись рабами в полном смысле слова. У хеттов не могло быть таких отношений, которые являются характерными для гораздо более развитого греко-римского общества. В отличие от рабов, представлявших собственность частного лица, царя или храма и продаваемых отдельно, как штука, намра скорее составляли массу зависимых людей, сидевших на земле, которую они не могли покинуть, подобно тем «рабам», продаваемым семьями вместе с землей, которых мы находим в ассирийских источниках VIII—VII веков.

Порабощение масс в результате завоевания при неразвитости экономических отношений приводило к тому, что возникали примитивные формы крепостничества.

В отдельных случаях эти пленники могли делаться воинами, пополняя состав хеттской армии.

Среди свободного населения были различные слои. Наряду с представителями хеттской аристократии, которые стояли близко к царю, мы находим воинов, владеющих участками земли, получаемыми в обеспечение военной службы. Воины не представляли собой однородной массы, но делились на разряды, занимавшие разное социальное положение, пользовавшиеся неодинаковыми правами. Земля давалась на различных условиях. Если кто-нибудь получил поля в качестве царского дара, то он не должен был отправлять повинности. Эти участки соответствуют тем полям в Вавилонии, которые давались как «кормление». Помимо таких участков земля давалась на определенных условиях: владелец ее должен был выполнять известные повинности. Эти поля могли быть даны из царской земли или из земель города.

Так же как в вавилонском судебнике, у хеттов ряд статей говорит о найме людей, скота, имущества. При определении вознаграждения за работу наймита обычно проводится различие между трудом мужчины и женщины.

Политический строй хеттского государства отличался своеобразием. Во главе управления стоял царь, «Мое солнце», как он сам называл себя в документах. Его власть была окружена божественным ореолом. Царь являлся лицом, стоящим непосредственно близко к божеству. Но обожествление царской власти у хеттов не достигало той степени, какую мы наблюдаем в Египте. Царь правил с помощью совета знати. В хеттском государстве не было такой централизации, какая была в Египте или Вавилоне. Вся территория делилась на небольшие округа, управление городами находилось в руках городских старейшин и царских чиновников. Эти небольшие территории об'единялись в области, которыми правили назначенные царем лица. Что касается областей, в которых сохранялась власть местных правителей, то здесь перед нами обнаруживается сложная система государств, зависевших от верховного правителя — хеттского царя. Отношения между ним и местными правителями регулировались договорами, многие образцы которых дошли до нас. Содержание их сводится в основном к обеспечению верховных прав хеттского царя, гарантии выдачи перебежчиков и пр.

Далеко не всегда эти обещания сдерживались, и нередко хеттскому царю приходилось выступать против восставших зависимых областей. В об-

щих чертах можно теперь представить себе как эти области, так и независимые соседние с хеттами племена. На северовостоке в горах жили беспокойные воинственные племена— Гашгаш, постоянно тревожившие хеттов своими набегами. Они опустошали города, захватывали добычу, и хеттам приходилось вновь и вновь совершать походы в их область. На юге Малой Азии находилось царство Кизуватна, а к западу от него (в Киликии) царство Арзава (Люйа). Еще дальше к западу мы встречаем царство Ахиява, в населении которого многие исследователи видели гомеровских ахейцев. Установить, как далеко на запад распространялась власть хеттов, очень трудно. Однако города на побережье Малой Азии, например Троя, зависели, повидимому, от них, так как в списке союзников хеттов в битве с египтянами при Кадеше находятся их имена.

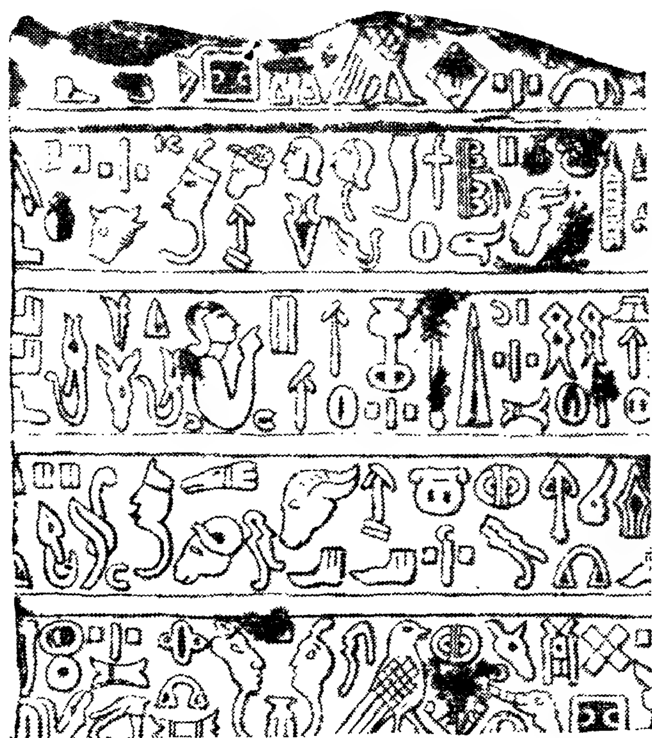
4

В хеттской культуре мы находим несомненное влияние великих древневосточных культур Египта и Вавилона, но это не лишает ее своеобразия. Хетты заимствовали у вавилонян клинопись, приспособив ее к своему языку. В хеттских текстах встречается много сумерийских и аккадийских слов и идеограмм, и это обстоятельство облегчило понимание этих текстов. Главная задача состояла в том, чтобы установить значение хеттских слов. Эту задачу в основном решил известный чешский ученый Ф. Грозный.

Язык, на котором написана большая часть табличек архива Богаз-Кея — незийский, — имеет характер смешанного языка. Грамматические формы и отдельные слова сходны с формами и словами индоевропейских языков, в частности латинского. Но основной состав слов имеет другой характер и принадлежит исконному малоазийскому населению. В этом отношении хеттские языки обнаруживают сходство с другими языками народов Малой Азии, Кавказа и древнейшего населения Сирии и Северной Месопотамии.

Тексты Богаз-Кея написаны на нескольких языках. Кроме главного из них — незийского — имеются образцы хеттского языка, на котором говорило исконное население Каппадокии, существовал также лувийский язык, на котором говорили в царстве Арзава, хуррийский — язык основного населения царства Митани — и палайский (от города Пала в Северной Сирии). Кроме клинописи в хеттском государстве употреблялось иероглифическое письмо, состоявшее из своеобразных знаков, непохожих на египетские иероглифы, хотя и созданных под влиянием египетского письма. Долгое время хеттские иероглифические надписи оставались непонятными для ученых нового времени несмотря на усилия отдельных исследователей, и только 3—4 года назад учеными Мериджи, Форрером и Грозным были достигнуты решительные успехи в их чтении. Последний впервые перевел связную большую иероглифическую надпись и дал образцы склонения и спряжения этой разновидности хеттского языка, в котором он видит индоевропейский язык, родственный незийскому.

В хеттской религии отражается влияние суровой природы страны хеттов и их социально-политического строя. Она напоминает в основном религиозные представления, распространенные у древних племен Малой Азии, находившихся приблизительно на той

Хеттская иероглифическая подпись из г. Кархемиша.

Центральная группа рельефа в Язили-Кайя (около Богаз-Кея).

же ступени экономического и социального развития. Одним из основных памятников хеттской религии является изображение, высеченное на скале Язили-Кайя, недалеко от Богаз-Кея. Перед нами религиозная процессия более чем из 40 фигур, во главе которой выступают боги. Это характерные хеттские фигуры: мужчины — в высоких остроконечных шапках, длинных одеждах, с кинжалами за поясом, в башмаках с острыми концами, загнутыми кверху; женщины — в длинном складчатом одеянии и высоких колпаках. Богов хетты часто представляли стоящими на спинах животных (так например в данной процессии богиня стоит на спине пантеры) или же на горе, изображавшейся ввиде груды круглых камней.

На рельефе в Язили-Кайя две процессии — женская и мужская — идут навстречу друг другу. Сюжет всей композиции — брак главного бога Тешуба и великой богини солнца или же, по другому толкованию, вступление этих богов в город, которому они покровительствуют. Тешуб — бог бури и грозы, живущий на горах. Символ его — двойной топор. В области хеттов и вообще в Малой Азии чрезвычайным распространением пользовался также культ главного женского божества, богини плодородия, великой матери, которую почитали в разных местностях под различными именами. Великой богине солнца в городе Аринна (недалеко от Хаттушаша) был сложен гимн: «О ты, богиня солнца, Аринна... ты свет неба и земли, ты отец и мать каждой страны». Вспомним также, что хеттский царь называл себя солнцем.

Кроме главных богов хетты почитали много второстепенных. Свой договор с египтянами хетты ставят под покровительство тысячи богов. Многие религиозные представления и символы хетты заимствовали у Египта и Вавилонии. Мы встречаем, например, на хеттских памятниках фигуры сфинксов, созданных под влиянием Египта. Хетты приспособляли чуждые символы к своим понятиям. Известное египетское изображение бога солнца ввиде крылатого диска со священными змеями (урей) мы встречаем на хеттских памятниках, но хетты не поняли значения этого символа, и змеи превращаются в простой орнамент в их передаче.

Влияние вавилонской религии ска-

залось на представлениях о демонах, фантастических животных, на содержании мифологии, о развитии которой свидетельствуют литературные и вещественные памятники. Они рассказывали, например, о борьбе великого бога с драконом по имени Иллуйанка, которого удалось победить с помощью хитрости. Бог Инара устроил пир с обильными яствами и вином, наполнявшим целые бочки. На этот пир пригласили дракона с его детьми. Отяжелевший от вина и еды, дракон не мог возвратиться в свою пещеру. Боги его связали, а великий бог умертвил его. Миф о Телепинуше сходен с вавилонским мифом о Таммузе и Иштар. Телепинуш умирает, и жизнь на земле замирает. Она вновь расцветает лишь с его возрождением.

На хеттских печатях сохранились разнообразные по сюжету изображения, знакомящие нас с религиозными представлениями и с сложным ритуалом хеттов. На этих изображениях мы видим фигуры жрецов и жриц, совершающих жертвоприношения. Одним из самых распространенных сюжетов наскальных рельефов является сцена возлияния в честь божества.

Характер богов изменялся в зависимости от развития хозяйственной жизни. Так, наряду с древним божеством гор впоследствии выступают боги — покровители земледелия. Бог плодородия Сондон изображается с виноградными гроздьями в руках. У хеттов развито было искусство гадания по полету птиц и по внутренностям жертв. Ритуал состоял в жертвоприношениях, чтении молитв и заклинаний, в обрядах очищения и пр. Магические действия тесно переплетались с медицинскими манипуляциями (как например при родах).

У хеттов существовала довольно богатая литература, отчасти дошедшая до нашего времени. Чрезвычайно сильно представлены в ней произведения ритуального характера: описание обрядов очищения и пр. Но этим не исчерпывается ее содержание: мы имеем целый ряд источников иного типа. Помимо обширного сборника законов — результата долгого развития хеттского права — до нас дошли образцы обстоятельных исторических летописей, как например десятилетние анналы Муршилиша II, содержащие подробное описание его походов. Эти хеттские летописи — древнейшие образцы настоящей анналистики. Анналы Муршилиша начинаются следующими словами: «Так говорит солнце Муршилиш, великий царь, царь страны хеттов, герой, сын Шуппилулиумы, великого царя, героя...» Далее дается описание успешных походов Муршилиша. Он разбивает беспокойное племя Гашгаш, совершает походы в «Верхнюю» страну, забирает города и добычу. Описываются зимовки, отдельные эпизоды сражений, переговоры о выдаче непокорных и пр. Своеобразным памятником жизни хеттов являются государственные договоры, о которых говорилось выше. Совершенно особое место среди памятников хеттской письменности занимает автобиография царя Хаттушиля: подробный и искусно построенный рассказ о жизни и борьбе за власть. Сохранились также отрывки из вавилонской поэмы о Гильгамеше, руководство к состязаниям в беге колесниц и пр. В отличие от обычаев других народов Древнего Востока имена авторов у хеттов указываются.

В области других видов искусства хетты создали многочисленные и своеобразные памятники. Особенно многочисленны и характерны изображения на скалах. Об обширных постройках свидетельствуют развалины Хаттушаша, Эйюка и других городов. Замечательны сфинксы в Эйюке, стоявшие у входа в город. Эти памятники относятся к эпохе расцвета хеттского государства в XIV — XIII веках до нашей эры. Однако хетты этого времени пользовались более древними образцами: статуи и рельефы обнаруживают своеобразные черты культуры, широко распространенной в Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии. Рельефы изображают богов в типичной хеттской одежде с характеризующими их символами, рисуют сцены принесения даров, совершения возлияний. Нередки сцены из царского быта: царь на колеснице разбивает молотом череп льву или преследует оленя и т. д.

Особый и очень ценный вид хеттского искусства представляют печати, дающие богатый материал по истории

хеттской культуры. В стране хеттов распространены были печати-цилиндры, большею частью из стеатита или из более твердого камня: шифера, серпентина, мрамора и пр. — с довольно сложными по композиции изображениями. На окружности такого цилиндра делался вдавленный рисунок, который затем давал выпуклое изображение на мягкой глине. Особенно хетты любили изображать эпизоды из поэмы о Гильгамеше. Кроме цилиндров-печатей были в употреблении небольшие круглые печати с простыми изображениями (орнамент, фигура птицы и пр.). Печатями представлены все периоды хеттской цивилизации. Сохранились также остатки керамических изделий, в изменении стиля которых отражается ход культурного развития.

Кроме памятников II тысячелетия до нашей эры дошел также ряд памятников позднейшего периода, когда большое государство с центром в Хаттушаше уже было разрушено. В городе Кархемише, например, были открыты остатки дворца, состоявшего из многих прямоугольных комнат. На стенах этого дворца найдены многочисленные изображения фантастических животных, сцены охоты и пр. Обширные залы предназначались для торжественных религиозных процессий, изображения которых сделаны на стенах. Сходные памятники найдены в Самале и Мараше (фигура льва, покрытая иероглифической надписью).

Бог плодородия Сондон. Рельеф из Ильриза.

Хетты имели тесные сношения, мирные и враждебные, с Египтом, Ассирией, Вавилоном, Митани. Но, кроме этих стран, необходимо указать еще одно направление, в котором шло взаимодействие между хеттами и окружающими областями: это мир эгейской культуры, центром которой являлся остров Крит. На Крите почитали тех же богов, что и в стране хеттов. Культ грозного божества с тем же символом, который встречается в Малой Азии — двойным топором, — был распространен и на Крите. От названия этого топора (лабрис) происходит название лабиринта на Крите (Кносского дворца), о котором рассказывает греческая легенда. Общий культ великой богини-матери указывает на сходство в религии населения древнего Крита и Малой Азии. Много сходного встречается в архитектуре и особенно в керамике.

Таким образом, Малая Азия — исконная область хеттской культуры — находилась в связи с Критом, одним из древнейших центров культуры в восточной части Средиземного моря. Но если это так, то, естественно, возникает вопрос: не были ли известны греки или их предшественники хеттам уже во II тысячелетии до нашей эры? Нет ли упоминаний в хеттских источниках о народах, живущих к западу от страны хеттов, т. е. на западном побережье Малой Азии или на островах Эгейского моря? И действительно, в связи с изучением хеттских памятников возникла проблема относительно «греков в хеттских источниках». Еще в конце 20-х годов текущего столетия один из крупных хеттологов — Форрер — прочитал в этих источниках названия, которые напомнили ему хорошо известные греческие имена: Ахиява (ахейцы), Алакшандус (Александр) и т. д. Форрер отождествил эти названия и построил теорию о существовании обширной ахейской державы в югозападной части Малой Азии в XIV — XIII веках,

Охота на льва. **Рельеф из Сакчегезю.**

деятели которой являются отчасти персонажами греческого эпоса. Эти взгляды Форрера возбудили много споров и были подвергнуты жестокой критике со стороны менее увлекающихся исследователей. Действительно, многие отождествления Форрера оказались поспешными и ложными. Однако ему принадлежит заслуга постановки важной исторической проблемы.

Племена западной части Малой Азии выступают в XIII веке до нашей эры союзниками хеттов в их борьбе с Египтом. В списке союзников хеттского царя в битве при Кадеше (начало XIII века до нашей эры) мы встречаем дарданцев, троянцев и пр. Троя и была форпостом малоазийской культуры, занимавшим важное положение в области проливов. География хеттской эпохи еще недостаточно изучена. В связи с этим мы находим частые расхождения в вопросе о том, где помещать на карте упоминаемые в хеттских источниках географические названия. Царство Ахиява, как и другие названия, локализовалось различным образом: на югозападе Малой Азии, в Памфилии (Форрер и Э. Мейер), на острове Родосе (Грозный) и т. д. Как бы то ни было, Ахайваш, или Данонас, т. е. данайцы (в конце XIII — начале XII веков), выступают в таких важнейших событиях эпохи, как движение «морских народов». Падение Трои следует за падением хеттской державы под напором «народов с моря», племен запада, среди которых были, повидимому, и ахейцы.

* * *

Значение хеттских памятников очень велико. Среди других проблем древневосточной истории хеттская проблема — одна из первых по значению. Изучение хеттской культуры в связи с исследованием памятников северного Междуречья, Сирии и пр. открыло совершенно новые исторические перспективы и поставило новые задачи перед исследователями. До сих пор шла главным образом работа по собиранию и первоначальной обработке материала, причем она велась недостаточно систематически. Археологическое исследование внутренних частей Малой Азии, в сущности, только начинается. Предстоит большой труд по более глубокому изучению собранного материала, который поможет нам вскрыть социально-экономический базис хеттского общества, характер борьбы классов в этом обществе, отдельные стадии в его развитии.

Это изучение покажет необоснованность измышлений в буржуазной историографии, связанных с характеристикой хеттов как представителей «высшей» «индогерманской» расы. Оно позволит точнее установить исторические связи хеттов с другими областями древнего мира: Кавказом и Арменией, Северным Междуречьем и миром эгейской культуры — и решит окончательно вопрос о «греках в хеттских источниках».

А. Фохт

ОЗНАКОМЛЕНИЕ С КОНСТИТУЦИЕЙ СССР В ШКОЛАХ

1

Перед нашей школой поставлена громадная политическая задача — путем подробного ознакомления учащихся 7—10-х классов (в течение остающегося периода 1936—1937 учебного года) с новой Конституцией Союза ССР, Конституцией победившего социализма, воспитывать будущих граждан Советского союза.

Товарищ Сталин в статье «О задачах комсомола» следующим образом определил задачи коммунистического воспитания молодежи: «Коротко говоря, задачи комсомола состоят в этой области в том, чтобы воспитывать нашу рабоче-крестьянскую молодежь в духе ленинизма. А что значит воспитывать молодежь в духе ленинизма? Это значит, во-первых, внедрять в нее сознание того, что победа социалистического строительства в нашей стране возможна и необходима. Это значит, во-вторых, укреплять в ней убеждение в том, что наше рабочее государство есть детище международного пролетариата, что оно есть база развертывания революции во всех странах, что окончательная победа нашей революции является делом международного пролетариата. Это значит, в-третьих, воспитывать молодежь в духе доверия к руководству Российской Коммунистической партии»[1].

[1] Ленин и Сталин «О молодежи», стр. 178. Партиздат.

Подробное ознакомление с Конституцией является могучим орудием коммунистического воспитания нашей молодежи. Оно показывает ученикам, что социализм, низшая фаза коммунизма, в основном уже построен в нашей великой стране, и дает твердую уверенность в том, что построение коммунизма, высшей фазы коммунистического общества, в нашей стране возможно и необходимо.

Ознакомление с Конституцией еще больше развивает в учащихся чувство любви к своей социалистической родине. Они узнают, что СССР является родиной всего угнетенного человечества, маяком, который показывает путь народам, находящимся еще под гнетом капитала и помещиков. Знание Конституции еще больше усилит у молодежи радостное стремление защищать свою страну, свои заводы, свои поля, свои дома, свою счастливую жизнь, научит ее сознательно, глубоко ненавидеть врагов социализма и стремиться к их уничтожению.

Ознакомление со Сталинской Конституцией, с этой программой борьбы наших зарубежных братьев, с этим обвинительным актом против фашизма, развивает у учеников чувства интернациональной солидарности и укрепляет у них понимание того, что победа социализма в СССР является базой дальнейшего развертывания мировой пролетарской революции в странах капитализма.

Ознакомление со Сталинской Конституцией воспитывает учеников в духе доверия к руководству Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), которая в жестокой, непримиримой борьбе со всеми врагами трудящихся привела народы СССР к всемирноисторическим победам и завоеваниям. Оно развивает в учащихся величайшее доверие и любовь к творцу Конституции — гениальному руководителю мировой пролетарской революции — товарищу Сталину. На истории борьбы наших вождей — Ленина и Сталина—за коммунизм, на их отношении к общественным обязанностям, на их методах работы должны учиться учащиеся тем качест-

вам, которых от них требует социалистическая родина. У Ленина и у Сталина должна учиться молодежь любви к трудящимся и угнетенным классам человечества.

Изучая основы советского строя, подрастающее поколение строителей социализма подготовляется к сознательному вступлению в общественно-политическую жизнь нашей великой страны. Молодежь узнает те великие права, которые дает ей социализм, и те обязанности, которые лежат на членах социалистического общества. Изучение основ советского строя поможет воспитать в будущих строителях социалистического общества классовую непримиримость и идейность, образцами которых являются Ленин и Сталин. Оно укрепит в них те качества, которых требует социалистическое общество от своих активных граждан: мужество, настойчивость и непреклонность в достижении поставленных целей, честное отношение к труду. Разовьет в них инициативу и способность к творческой деятельности.

Таким образом, ознакомление учащихся с Конституцией является могучим орудием к овладению большевизмом.

Подробное ознакомление учащихся с Конституцией СССР является центральной политической задачей нашей школы. Все силы и способности учителей должны быть направлены к тому, чтобы поставить это ознакомление на должную высоту.

2

Тысячами радостных писем в «Правду», «Комсомольскую правду», «Пионерскую правду» и в другие газеты встретили наши учителя и школьники весть о введении в школах изучения основ советского строя. На школе и ее работниках лежит обязанность — сделать ознакомление с Конституцией любимейшим занятием для учеников.

На этих занятиях должна раздаваться живая, образная речь учителя, рисующего грандиозную картину социалистического общества, в основном уже построенного в нашей стране. Учитель должен суметь облечь каждую статью Конституции в плоть и кровь, показать ту борьбу и победы, которые она отражает.

Рисуя картины нашей светлой и радостной жизни при социализме, привлекая для этого художественную литературу и поэзию, изобразительное искусство и скульптуру, фото и кино, учитель должен одновременно дать жуткую картину той нищеты, того бесправия, которые были у нас при царизме и капитализме и которые еще и сейчас царят в странах капитализма и фашизма. Для этого полезно использовать и карикатуру и острый меч сатиры. Надо всегда помнить, что наши ученики, даже 10-го класса,— это поколение, родившееся уже при диктатуре пролетариата. Вот почему необходимо при изложении основ советского строя делать экскурсы в мрачное прошлое, чтобы еще больше оттенить наше радостное настоящее.

Ученики должны знать и всегда помнить те жертвы, ценой которых рабочие и крестьяне добились победы над буржуазией и установления диктатуры пролетариата.

Велики возможности для развернутого коммунистического воспитания при ознакомлении с Конституцией, велика поэтому и ответственность, лежащая на учителях. Только хорошо знающий марксизм-ленинизм, т. е. работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, преподаватель может дать правильное об'яснение диктатуры рабочего класса, правильное об'яснение статей нашей Конституции и показать коренное отличие Сталинской Конституции социализма от всех буржуазных конституций.

Только хорошо знающий историю ВКП(б) учитель может правильно показать, в борьбе с какими врагами рабочего класса и крестьянства большевистская партия добилась победы социализма в нашей стране. Только такой учитель в состоянии полностью разоблачить врагов народа, японо-немецких агентов фашистских генеральных штабов, презренных реставраторов капитализма: троцкистов, зиновьевцев и их приспешников — правых.

Только хорошо знающий политэкономию учитель может правильно об'яснить ученикам сущность социалистической собственности и социали-

стической системы хозяйства и показать коренное отличие социализма от капитализма. Лишь зная новую историю и современную классовую борьбу в странах капитализма, учитель в состоянии показать Сталинскую Конституцию как обвинительный акт против фашизма, показать, как, воодушевляемые Сталинской Конституцией, борются наши братья в странах капитализма.

Те товарищи, которым поручена высокая и почетная работа ознакомления учащихся с Конституцией, должны личным примером показать своим ученикам образцы социалистического отношения к труду. Сталинская Конституция обязывает к тому, чтобы дело изучения основ советского строя было делом чести каждого учителя.

Преподаватели должны поставить перед собой задачу — сделать изучение основ советского строя как можно увлекательнее, применяя различные методы преподавания и используя всевозможные наглядные пособия. Необходимо позаботиться о том, чтобы все ученики имели на руках изданный Партиздатом доклад товарища Сталина вместе с Конституцией[1]. В этом издании имеются две важные схемы: на стр. 89 — Государственное устройство Союза ССР (по Конституции Союза ССР) и на стр. 91 — Высшие органы государственной власти и государственного управления Союза ССР (по Конституции Союза ССР). Чрезвычайно желательно увеличить эти схемы и сделать из них настенные плакаты.

Такие две большие разноцветные схемы утверждены Наркомпросом к изданию в массовых тиражах.

В классах должен висеть постоянно плакат с Конституцией Союза ССР[2]. Необходимо провести посещение каждым классом вместе со своим преподавателем кино, где демонстрируется фильм с выступлением товарища И. В. Сталина на Чрезвычайном VIII всесоюзном с'езде советов. В классе необходимо иметь большую стенную карту Союза ССР с административным делением Союза ССР по новой Конституции.

3

В основу работы преподавателя по подробному ознакомлению учащихся с Конституцией должны быть положены указания товарища Сталина о шести особенностях нашей Конституции, данные им в его докладе о проекте Конституции Союза ССР.

«Таким образом проект новой Конституции представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний. Он является, стало быть, регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле. В этом первая особенность проекта новой Конституции СССР»[3]. Завоевана и построена в основном низшая фаза коммунизма — социализм. Победа социализма, закрепленная в Сталинской Конституции, является той основной идеей, которая должна пронизать все ознакомление учащихся с Конституцией.

Учитель рассказывает на первых занятиях историю нашей Конституции. Под руководством Ленина и Сталина рабочие и солдаты Петрограда пришли к победе в октябре 1917 года. Вооруженным восстанием они свергли власть буржуазии и установили диктатуру пролетариата. Первая Конституция РСФСР (1918 года) была создана по проекту товарища Сталина.

Первая Конституция Союза ССР (1924 года) была создана под руководством товарища Сталина.

От имени партии товарищ Сталин дал над гробом Ленина клятву продолжить и завершить дело Ленина. И товарищ Сталин сдержал ее. Он разгромил врагов рабочего класса и крестьянства, которые пытались помещать победоносному строительству социализма в СССР. Под его руководством народы СССР в основном построили социализм, что зафиксировано в Сталинской Конституции.

Приступая к изложению Конститу-

[1] И. В. Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. Конституция (Основной Закон) Союза советских социалистических республик. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936.

[2] Имеется в издании Партиздата.

[3] И. В. Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР, стр. 21. Партиздат. 1936.

ции, преподаватель указывает на ее значение как Основного Закона, на базе которого организована государственная жизнь нашей страны и которым определяются наши права и обязанности.

Громадное значение Конституции Союза ССР как Основного Закона нашей страны определяется тем, что она создает стабильность нашего законодательства. «А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было», — говорил товарищ Сталин на VIII с'езде советов, указывая, что в связи с этим законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом — Верховным советом.

Гранитная устойчивость нашего социалистического строя создает устойчивость и крепость наших законов, что и зафиксировано Основным Законом — Конституцией.

Непоколебимой устойчивости нашего государственного строя учитель должен противопоставить неустойчивость государственных порядков в буржуазных странах. Особенно ярко эта неустойчивость выступает на примере фашистской Германии, которая фактически уничтожила буржуазную веймарскую конституцию и не создала взамен ее никакой другой конституции.

Преподаватель должен подчеркнуть эту разницу: показать стабильность законов, тщательное наблюдение за их выполнением у нас, в СССР, и полный произвол, полное отсутствие законности в фашистской Германии и в других фашистских странах.

Наша Конституция записала выборность верховных органов нашей государственной власти и полную ответственность их перед своими избирателями. Страны фашизма уничтожают даже буржуазную выборность и заменяют ее полным произволом в назначении чиновников при полной безответственности назначаемых перед гражданами. Гитлер самого себя считает «высшим судьей немецкого народа».

Сталинская Конституция в целом и особенно ее статьи об организации законодательных органов СССР, о стабильности наших социалистических законов, о выборности всех органов власти и об ответственности их перед избирателями является жесточайшим обвинительным актом против фашизма.

4

«Главную основу проекта новой Конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплоатации и эксплоататорских классов; ликвидация нищеты большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы; труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «кто не работает, тот не ест». Право на труд, т. е. право каждого гражданина на получение гарантированной работы; право на отдых, право на образование; и т. д. и т. п. Проект новой Конституции опирается на эти и подобные им устои социализма. Он их отражает, он их закрепляет в законодательном порядке. Такова вторая особенность проекта новой Конституции», — говорил товарищ Сталин в докладе о проекте новой Конституции Союза ССР (стр. 22). Поэтому все ознакомление с Конституцией должно быть построено так, чтобы при изложении каждой статьи Конституции показать эти устои социализма. Об этих устоях особенно ярко говорят статьи главы I — «Общественное устройство».

При ознакомлении с общественным устройством СССР учитель дает представление об экономической основе СССР, т. е. о социалистической собственности и социалистической системе хозяйства, господствующих у нас в СССР, где средства производства принадлежат обществу в лице государства (государственная собственность, или общенародное достояние) или в лице отдельных колхозов и кооперативных об'единений (кооперативно-колхозная собственность).

В связи с этим преподаватель должен напомнить ученикам о том, что в России до Великой пролетарской революции господствовала капиталистическая, частная собственность на средства производства, при которой

капиталист мог присваивать себе неоплаченный труд рабочих ввиде прибавочной стоимости. Для иллюстрации следует указать, что Морозов, например, в 1885 году на своей фабрике в Орехово-Зуеве, не ограничиваясь прямой эксплоатацией труда рабочих, добавочно эксплоатировал их путем штрафов, которые достигали в год 800 тысяч рублей, составляя 40% и без того нищенской заработной платы рабочих [1].

Можно показать снимки фабрик и заводов до 1917 года и сравнить их с тем, что они представляют сейчас, в 1937 году, при полной победе социализма в нашей стране. Хорошо показать фото московских ночлежек при царизме или коечно-каморочных квартир, где ютились рабочие фабрик Прохорова или Морозова, и тех дворцов в Москве, которые фабриканты воздвигали для себя на средства, добытые эксплоатацией рабочих. (Такие материалы можно взять и на местах.)

Принципиальное отличие социалистической системы хозяйства, не знающего кризисов, от капиталистической особенно ярко проявилось во время мирового экономического кризиса 1928 — 1933 годов. В то время как ряд производств в Англии, Германии и других капиталистических странах был отброшен кризисом на 50 лет назад,—СССР все время продолжал расширять свое производство. Цифровые данные можно найти в докладах товарища Сталина на XVI и XVII с'ездах ВКП(б).

При раз'яснении вопроса о государственной форме социалистической собственности (всенародное достояние) надо обязательно остановиться на том, что наши фабрики и заводы являются предприятиями последовательно-социалистического типа. Следует привести то место из статьи Ленина «О кооперации», в котором он раз'ясняет, что предприятие последовательно - социалистического типа — такое предприятие, в котором «и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом» [2].

На этом вопросе нужно детально остановиться, так как часто учащиеся его путают.

Устои социализма отражены во всех статьях Конституции. Возьмем IX главу Конституции — «Суд и прокуратура». При описании организации правосудия в СССР учитель прежде всего должен указать, что задачей советского правосудия является охрана социалистического строя и борьба с его врагами. Самая организация суда — участие народных заседателей во всех делах, всенародные выборы народных судей и т. д. — должна обеспечить это.

Учитель в рассказе может использовать статьи В. И. Ленина: «Письмо Д. И. Курскому по вопросу о терроре» (Соч. Т. XXVII, стр. 296—297 или «Ленин — Сталин». Т. II, стр. 532—533) и «О «двойном» подчинении и законности» (Соч. Т. XXVII, стр. 298—301 или «Ленин — Сталин». Т. II, стр. 533—536).

Статьи Конституции о суде, о прокуратуре, заботящейся о том, чтобы не было совершено несправедливости по отношению к гражданам СССР, являются также обвинительным актом против фашизма. Фашизм полностью уничтожил суд и вместо него творит свою расправу тайно в стенах тюрем и казарм. Вот уже пятый год, как томится в фашистских застенках вождь германского пролетариата тов. Э. Тельман, а процесс против него все откладывается и откладывается. Только раз фашизм попытался устроить открытый суд над коммунистом — суд над тов. Димитровым, обвинявшимся в поджоге рейхстага, который произвели сами фашисты. И этот процесс тов. Димитров превратил в процесс против фашизма, заклеймив перед всем миром его чудовищные преступления.

Можно привести описание буржуазного суда в рассказе Анатоля Франса «Крэнкбилль», а также описание царского суда, обрисованного с такой беспощадностью Львом Толстым в романе «Воскресенье».

---

[1] А. Косарев «Сталинская Конституция и советская молодежь», стр. 33—34.

[2] «Ленин и Сталин». Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 559.

Следует рассказать о двух чудовищных расправах американского суда над борцами за социализм: вот уже свыше 20 лет томится в каторжной одиночной тюрьме Том Муни, провокационно обвиненный в том, что он будто бы бросил бомбу в парад войск, хотя теперь точно установлены виновники этого преступления; точно так же были провокационно обвинены в убийстве Сакко и Ванцетти. Несмотря на то, что подлинный убийца признался в своем преступлении и сидел в той же Бостонской тюрьме, что и они, несмотря на протест пролетариата всего мира в 1927 г., Сакко и Ванцетти, после нескольких лет ожидания приведения приговора в исполнение были казнены. Том Муни, и Сакко, и Ванцетти были осуждены потому, что они осмелились бороться против буржуазии, которая им мстила за это.

Полезно будет показать учащимся снимки какого-либо заседания суда в буржуазных странах, где судьи наряжены в средневековые костюмы, что их еще больше отгораживает от народа, и затем показать фото заседаний наших судов, начиная от Верховного суда СССР и кончая народным судом, где рабочие и крестьяне в лице народных заседателей принимают непосредственное участие в разборе всех дел.

Раз'ясняя вопрос о колхозно-кооперативной собственности, надо привести несколько ярких, художественных отрывков из произведений наших классиков, рисующих беспросветное положение крестьянства при капитализме, под властью помещиков и кулаков.

Для этого можно использовать произведение великого русского сатирика Салтыкова-Щедрина «Мелочи жизни», где имеются яркие картины как феодальной эксплоатации крестьянства со стороны помещиков, так и эксплоатации крестьянской бедноты кулаками-мироедами.

Для иллюстрации беспросветного и нищего существования крестьянства в царской России можно показать картины передвижников.

Великая пролетарская революция уничтожила власть помещиков и коренным образом изменила лицо деревни. Земля, прежде служившая в руках помещика и кулака орудием эксплоатации крестьянства, отобрана от них и передана социалистическим государством рабочих и крестьян колхозному крестьянству в бесплатное и бессрочное пользование, т. е. навечно. В сельской школе надо обязательно привести конкретные данные о бывших местных помещиках и кулаках и рассказать, что советская власть сделала с принадлежавшими им землями.

При разборе вопроса о праве личной собственности трудящихся, которое охраняет советский закон (ст. 10-я), следует привести то место из «Манифеста Коммунистической Партии», в котором Маркс разоблачает ложь и лицемерие буржуазии, клеветнически обвинявшей коммунистов в том, что коммунисты якобы хотят лишить бедноту и крестьян личной собственности. Маркс, блестяще обрисовавший процесс обезземеленья крестьян, ярко показал, что именно буржуазия отнимает у рабочих и крестьян личную собственность [1].

Увлекательно можно поставить ознакомление с темой «Право на труд». Только победа социализма уничтожила безработицу в СССР. Нужно привести слова товарища Сталина из политотчета ЦК XVI с'езду ВКП(б) в июне 1930 года о существовавшей тогда еще безработице [2] и слова из доклада «Итоги первой пятилетки» в январе 1933 года о том, что уже два года, как у нас совершенно исчезла безработица [3].

Впротивовес этому надо привести из «Правды» № 339 от 10 декабря 1936 года сведения о безработных на Западе и в Америке, число которых в конце 1936 года достигало чудовищной цифры — 25 миллионов человек.

Гарантированное право на труд дает нашему рабочему классу возможность иметь постоянный заработок, уровень которого зависит от качества и количества труда. Обратимся к прошлому, когда труд был «зазорным и тяжелым бременем» (Сталин). Для этого

[1] См. Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 164—166.
[2] «Ленин и Сталин». Т. III, стр. 450.
[3] Там же, стр. 557.

следует прочесть из «Очерков о родине» известного детского писателя М. Ильина § 2 «Нисхождение в ад», где он рисует условия работы в России в начале XX столетия: работу на домне (горящие в огне), в ртутной шахте (отравленные), в кустарной металлической мастерской (калеченные), жилье рабочих при царизме (копошащиеся в грязи) и работу на соляных озерах Баскунчак и Эльтон (из'еденные солью) («Костер» № 1 за январь 1937 года, стр. 37 — 39). Там же, на стр. 38, приведена картина худ. Метанина «Газовый цех металлургического завода в царской России».

Можно привести из рассказа Гаршина «Художники» описание работы глухаря (клепальщик котлов) и показать картину Ярошенко «Глухарь», сопоставив с этой ужасной работой в прошлом современную электросварку котлов. Можно также привести отрывок из произведения Авдеенко «Я люблю», где дается описание Собачеевки, тех лачуг, в которых ютилась беднота в Горловке при царизме, а затем показать фото современных рабочих жилищ Донбасса в той же Горловке (журнал «СССР на стройке»). Следует также дать снимки жилищ рабочих и безработных в Америке и Европе (журнал «A. I. Z.»). Можно продемонстрировать снимки с картин Касаткина из жизни и труда шахтеров (Третьяковская галлерея) в царской России, напомнив, как погибли дед и отец героя романа Авдеенко «Я люблю» и в качестве контраста показать фото современного, механизированного труда стахановцев угольной промышленности.

При таком подборе материала Сталинское право на труд явится для учеников показателем тех величайших побед, которые одержаны в классовых боях рабочими и крестьянами СССР.

Рисуя новый, радостный Донбасс, новую химическую промышленность, мы должны тут же напомнить и те отвратительнейшие преступления, гнуснейшие вредительства и убийства в химической и каменноугольной промышленности, которые совершались презренными агентами фашизма — троцкистами.

Статьи Сталинской Конституции о праве на труд, о праве на отдых, о праве на образование также являются обвинительным актом против фашизма с его принудительным, каторжным трудом, с его скрытой и явной безработицей, обрекающей массы рабочих на нищету и вымирание, с его политикой уменьшения заработной платы, снижения жизненного уровня трудящихся.

5

«В отличие от буржуазных конституций проект новой Конституции СССР исходит из того, что в обществе нет уже больше антагонистических классов, что общество состоит из двух дружественных друг другу классов, из рабочих и крестьян, что у власти стоят эти именно трудящиеся классы, что государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу, как передовому классу общества, что Конституция нужна для того, чтобы *закрепить общественные порядки, угодные и выгодные трудящимся*. Такова третья особенность проекта новой Конституции»,— говорил товарищ Сталин в докладе о проекте новой Конституции (стр. 23).

Порядки, выгодные и угодные трудящимся, — это социализм. Наоборот, буржуазные государственные порядки, даже самые демократические, являются порядками, выгодными и угодными для имущих классов, для сохранения господства буржуазии. Ведь еще в «Манифесте Коммунистической Партии» Маркс указал, что государственная власть в Англии, Франции и Бельгии является только «комитетом, управляющим общими делами всего класса буржуазии» [1]. Можно также привести определение буржуазной республики по Энгельсу и Ленину [2].

Наша Конституция открыто в статье 1-й провозглашает СССР социалистическим государством рабочих и крестьян. Учитель должен специально разобрать указание 2-й статьи Конституции о том, что сове-

---

[1] *Маркс*. Избранные произведения. Т. I, стр. 154.

[2] См. *Ленин*. Соч. Т. XXI, стр. 377.

ты депутатов трудящихся выросли и окрепли в результате завоевания диктатуры пролетариата. В докладе товарищ Сталин указал: «Я должен признать, что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса» (стр. 34). При ознакомлении с Конституцией учитель должен постоянно подчеркивать, что государственное руководство обществом (диктатура) находится в руках рабочего класса.

Особенно увлекательно и живо можно провести изучение XI главы Конституции, главы, посвященной вопросу об избирательной системе. Возьмем избирательную систему в СССР и сравним ее с избирательной системой, существующей в странах капитализма. В СССР все время после 1924 года — года принятия первой Конституции СССР — мы имели неуклонный рост абсолютного числа избирателей, рост активности граждан в выборах. Об этом говорит тов. В. М. Молотов в своем докладе на VII всесоюзном с'езде советов — «Об изменениях в Советской Конституции» (стр. 24—25). Теперь, по Сталинской Конституции, выборы будут производиться на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Полная демократизация избирательного права, предложенная товарищем Сталиным в 1935 году, ярко отражает победу социализма в нашей стране. Поскольку в нашей стране полностью уничтожены экосплоататорские классы, полная демократизация выборов расширяет базу диктатуры рабочего класса, превращает ее в более гибкую, более мощную систему государственного руководства рабочего класса обществом.

Но если мы видим с 1924 года по 1935 год неуклонный рост числа избирателей в нашей стране, то совершенно иную картину мы наблюдаем в странах капитализма. Здесь все больше и больше ограничиваются избирательные права трудящихся. В странах буржуазно-демократических, где еще сохранились выборные учреждения, ограничения избирательного права для трудящихся проводятся замаскированно. Например в ряде стран (Франция, Швейцария и другие) правом выбора не пользуются женщины, что означает устранение от участия в выборах половины населения. Во всех странах отстраняется от участия в выборах молодежь. Нигде в мире не установлен для политического совершеннолетия граждан такой возраст (18 лет), как в нашей стране, а в ряде стран возраст для избрания в парламент выше чем возраст избирателей. Для избрания во французский сенат надо иметь 40 лет от роду. Наконец, во всех буржуазных конституциях введен ценз оседлости, без чего избиратель не может быть внесен в избирательные списки.

В странах фашизма и вовсе уничтожено демократическое избирательное право: в фашистской Германии устранены от участия в выборах все «неарийцы», а «арийцы» имеют право голосовать только за кандидатов фашистов. Когда Саарская область вошла снова в состав Германии, Гитлер сам назначил 8 депутатов от Саарской области. В Италии избирателям предлагают голосовать за фашистов и фашистские органы сами назначают депутатов.

Рассказывая о введении, по новой Сталинской Конституции, всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании, учитель должен использовать беседу товарища Сталина с Рой Говардом и резолюцию Пленума ЦК ВКП(б) по докладу тов. Жданова, принятую 27 февраля 1937 года. Особенно надо остановиться на значении тайного голосования и привести слова товарища Сталина: «Почему тайные? А потому, что мы хотим дать советским людям полную свободу голосовать за тех, кого они хотят избрать, кому они доверяют обеспечение своих интересов» [1]. И еще одно очень важное место: «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти» [2].

«Следствием введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании будет дальнейшее усиление политической активности масс, вовлечение новых

[1] «Ленин и Сталин». Т. III, стр. 667.
[2] Там же.

слоев трудящихся в управление государством», — говорится в резолюции Пленума ЦК ВКП(б).

При ознакомлении с основами диктатуры рабочего класса, еще более усиленной и укрепленной путем демократизации избирательного права, учителю необходимо указать, что главное в марксизме-ленинизме — учение о диктатуре пролетариата. «Классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата»[1], — говорил Маркс. Надо также привести ответ, который дал товарищ Сталин в беседе с первой американской рабочей делегацией на вопрос о том, что нового внес Ленин в учение Маркса — Энгельса о диктатуре пролетариата[2].

Учитель раз'ясняет, что дальнейшее развитие учения Маркса—Энгельса—Ленина о диктатуре пролетариата дал товарищ Сталин и это записано в Сталинской Конституции. Диктатура принадлежит рабочему классу как передовому классу общества, состоящего из двух дружественных друг другу классов: из рабочих и крестьян.

6

Новая Конституция «исходит из того, что все нации и расы независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы или слабости — должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества. Такова четвертая особенность проекта новой Конституции», — говорил товарищ Сталин в докладе о проекте Конституции Союза ССР (стр. 24). Реальное равноправие всех наций и рас возможно только при социализме — это подтверждают вся история человечества и опыт нашей революции.

Крепостники-помещики в свое время утверждали, что они люди особой породы, не похожие на крестьян, что они люди белой кости и голубой крови в отличие от крестьян — людей черной кости и красной крови. Любой капиталист или колонизатор смотрит на ряд народов в Европе, в частности на русских, украинцев и других граждан СССР, как на представителей низших народов. Еще более пренебрежительное отношении европейские и американские колонизаторы проявляют по отношению к народам Африки, Азии, Австралии и Америки. Достаточно напомнить то положение вечного гнета и преследования, в котором находятся негры в Америке. Особенно чудовищную форму проповедь расовой исключительности приняла в фашистской Германии, где учение об исключительности «арийцев» является государственным учением.

Принципиально совершенно иная, т. е. социалистическая, политика положена в основу разрешения национального вопроса в СССР. Полное равноправие всех народов СССР привело к созданию на добровольных началах СССР как многонационального государства. В своем докладе о проекте Конституции Союза ССР (стр. 18—19) товарищ Сталин указывал, что только СССР удалось создать многонациональное государство. Попытки буржуазии создать многонациональные государства неизменно проваливались, о чем свидетельствует неудачный опыт старой Австро-Венгрии.

Надо при этом на карте Европы показать, чем была Австро-Венгерская «лоскутная империя», и рассказать, что это означало для народов, ее населявших.

Рассказывая о нашей национальной политике, необходимо прочитать ряд стихотворных обращений народов СССР к своему вождю товарищу Сталину. Эти произведения коллективного творчества национальных поэтов ярко демонстрируют торжество ленинско-сталинской национальной политики. Чрезвычайно показательны в этом отношении и выступления на приемах представителей партии и правительства юбилейных делегаций Грузии, Армении, Азербайджана, Бурят-Монголии и других республик, а также и выступления на Чрезвычайном VIII всесоюзном с'езде советов

---

[1] Маркс. Письмо И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года. Соч. Т. XXV, стр. 146.
[2] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 170.

представителей 11 союзных республик.

При изучении братских союзных республик и их достижений в области социалистического строительства желательно, помимо указанного выше материала, использовать иллюстративный материал журналов «СССР на стройке», «На стройке МТС и совхозов», «Строим». Обязательно иметь подробную карту СССР с новым административным делением.

Как яркое доказательство полного равноправия всех народов нашего Союза нужно отметить подлинно всенародное чествование памяти величайшего русского поэта А. С. Пушкина по случаю 100-летия со дня его гибели.

В этот день, 10 февраля 1937 года, волнующе звучала со сцены Большого театра Союза ССР в Москве декламация стихотворения Пушкина «Памятник» на языках народов СССР. Исполнилась мечта поэта, выраженная в этом стихотворении:

«Слух обо мне пройдет по всей
Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней
язык,
И гордый внук славян, и фин, и
ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык».

Необычайная радость охватывала при сообщениях о том, как чествовали память величайшего русского поэта ныне свободные эвенки (тунгусы) и калмыки — друзья культуры, а не только степей. Ярким доказательством полного равноправия народов СССР, приведшего к расцвету культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, явились также прошедшие с громадным успехом в Москве декады национального искусства Грузии, Украины, Казахстана.

При изложении вопроса о равноправии всех граждан СССР независимо от расы учителю надо при раз'яснении 123-й статьи Конституции указать, что запрещение в СССР какой бы то ни было проповеди о расовой исключительности так же является грозным обвинительным актом против фашизма.

«Пятую особенность проекта новой Конституции составляет его последовательный и до конца выдержанный демократизм» [1]. Все статьи Конституции Союза ССР отражают абсолютное равенство всех граждан СССР перед законом. Перед каждым гражданином Союза ССР открыта любая выборная должность. Ярким свидетельством советского демократизма был состав Чрезвычайного VIII всесоюзного с'езда советов, оглашенный в докладе мандатной комиссии тов. Яковлевым. Принцип полного равноправия всех граждан СССР особенно ярко выражен во введенном Конституцией всеобщем, равном и прямом избирательном праве при тайном голосовании; фашистские же страны сводят нанет равенство граждан. Вот почему наша Сталинская Конституция своим последовательно проведенным демократизмом является обвинительным актом против фашизма.

При ознакомлении со статьей 122-й о полном равноправии женщин в СССР следует привести отрывки из поэм Некрасова «Мороз-красный нос» и «Арина — мать солдатская», рисующие ужас положения женщин при крепостном праве. Можно также использовать материалы только что вышедшего сборника «Повести минувшего» («История заводов». Гиз. 1937), в котором помещены рассказы о положении женщины при крепостничестве и капитализме. Следует показать ряд картин: Неврев «Торг», Касаткин «Крепостная» (кормление женщиной своим молоком барских щенят), «Шахтерка» Касаткина и для контраста фото современных московских метростроевцев работниц-шахтерок (из «СССР на стройке» или «Строим»).

Шестая особенность проекта Конституции заключается в том, что «он (проект.—*А. Ф.*) не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами. Понятно поэтому, что демократизм проекта новой Конститу-

[1] И. В. Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР, стр. 19.

ции является не «обычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим»[1].

При ознакомлении со 127-й статьей Конституции учителю следует использовать указания В. И. Ленина о мнимости политических свобод при буржуазном господстве. Эти указания сделаны Владимиром Ильичем в его докладе на I конгрессе Коминтерна «О буржуазной демократии и диктатуре пролетариата»[2]. Необходимо указать также, что пролетарское государство предоставляет трудящимся помещения для собраний, улицы и площади для торжественных демонстраций и манифестаций, типографии и бумагу для газет и журналов.

Рассказывая о праве на образование (ст. 120), учитель приводит ассигнования на образование по бюджету СССР на 1937 г. Эти данные показывают, что нигде в мире ни одно правительство не уделяет такого внимания и средств на образование, что нигде в мире народному учителю не оказывается такого внимания, такой заботы, как у нас.

Как резкий контраст учитель показывает картину упадка образования в капиталистических странах.

8

Особенно важны для коммунистического воспитания молодежи статьи Конституции, говорящие об обязанностях граждан СССР. Преподаватель раз'ясняет учащимся 132-ю и 133-ю статьи, говорящие о том, что защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР, вытекающий из его любви к своей родине.

Излагая эти статьи, надо обязательно использовать §§ 2-й и 3-й первой части «Отчетного доклада XVII с'езду партии о работе ЦК ВКП(б)» товарища Сталина («Вопросы ленинизма», стр. 544—553), Сталин «Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.» («Ленин — Сталин». Т. III, стр. 637—642), Сталин «Беседа с г-ном Рой Говардом» (там же, стр. 660—661, начало беседы, где речь идет о военной опасности), Сталин «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», раздел II «Капиталистическое окружение» и III «Современный троцкизм».

Сгущение атмосферы в политической международной обстановке требует особого внимания к статьям Конституции, говорящим о защите нашей прекрасной родины. При рассказе об этих статьях, учитель вспоминает героев гражданской войны во главе с товарищем Сталиным, организатором наших побед на фронтах гражданской войны. Учитель рассказывает о волнующих подвигах пограничника Баранова, который, отражая бандитский налет на нашу территорию японо-манчжурских нарушителей границ, был ранен и захвачен этими бандитами. Они требовали от него сведений о наших вооруженных силах, пытали его, но тов. Баранов геройски молчал и умер под пытками, не сказав ни одного слова. Учитель расскажет, как после убийства на боевом посту пограничника Лагоды его брат попросил, чтобы ему разрешили заменить погибшего. Какие чудесные, волнующие, захватывающие образы можно дать при ознакомлении с этими статьями Конституции!

Образы Баранова и других, жертвовавших жизнью за социализм, влекут молодежь к себе, вызывают глубокую любовь и симпатию. В то же время острую ненависть вызывают к себе зверские преступления германских, итальянских и испанских фашистов. Еще острее становится чувство негодования и презрения, вызываемое негодяями и изменниками социалистической родины, врагами народа. Чрезвычайно важно, чтобы учитель детально рассказал о второй части статьи 133-й и показал подлинное лицо изменников: Иуды-Троцкого и его подручных, всех этих троцкистов, зиновьевцев, правых, которые заключали договоры с фашизмом, которые хотели отдать на поток и разграбление Украину, Приморье и Приамурье. Молодежь должна усвоить слова товари-

---

[1] И. В. Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР, стр. 21.

[2] См. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 7—21, в особенности обратить внимание на тезис 7-й—свобода собраний, тезис 8-й—свобода печати и тезис 11-й — свобода личности.

ца Сталина, что «в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома» [1].

При изложении статей 132—133-й Конституции следует использовать № 1 (за 1937 год) журнала «СССР на стройке»: в нем дан очень большой и интересный материал, иллюстрирующий наш славный Красный флот. Можно взять также № 2 «СССР на стройке» (за 1933 год), посвященный 15-летию Красной армии. Следует использовать материалы сборника «Танкисты», рисующего работу танков и их славных водителей. Полезно также использовать отрывки из романа Павленко «На Востоке», где изображена борьба с японо-манчжурскими нарушителями границ и дана картина будущего столкновения на Дальнем Востоке (отрывки печатались в этом году в «Пионерской правде»).

Говоря об обязанности каждого из нас защищать свою социалистическую родину от посягательств реставраторов капитализма, учитель указывает, что нам всем нужно овладеть современной военной техникой, двинуть ее общими силами вперед, чтобы и в этом отношении СССР стоял на первом месте в мире.

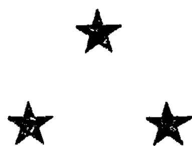
* * *

Горячо, с энтузиазмом приступили многие учителя к ознакомлению учащихся со Сталинской Конституцией. С увлечением принялись ученики за ее усвоение.

Но кое-где ознакомление с великой хартией социализма стало превращаться в сухую казенщину, в простую зубрежку отдельных статей Конституции, в рецидив худшего вида преподавания пресловутого обществоведения. С этим надо немедленно повести самую решительную борьбу и добиться исправления этих извращений.

Наблюдается еще одна крайность: перегрузка при ознакомлении с Конституцией тем материалом, который должен служить только иллюстрацией. Так некоторые преподаватели перегружают занятия по Конституции историческим материалом. Например, один преподаватель рассказывал историю законодательства от Римской республики до наших дней. При такой системе занятий вместо изучения основ советского строя получается плохой исторический курс. Другие преподаватели перегружают занятия бытовым материалом. В результате получается очеркистское описание жизни и быта народов СССР. С этими извращениями также должно покончить.

Учительство СССР должно быть в этой работе глубоко проникнуто той ответственностью, которую возлагает на него подготовка поколения, долженствующего сознательно вступить в победное строительство социалистического общества под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

[1] Сталин «О недостатках партийной работы» и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», стр. 21.

ИЗ ОПЫТА ОЗНАКОМЛЕНИЯ С КОНСТИТУЦИЕЙ В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(итоги первых занятий *)

Подготовка учителей к ознакомлению учащихся с новой Конституцией СССР началась в Москве во время зимних каникул. Были организованы курсы по изучению Конституции, которые охватили 600 учителей.

К преподаванию Конституции в школах необходимо было привлечь, помимо наличного учительского состава, новые, дополнительные кадры. С этой целью в качестве преподавателей были приглашены пропагандисты, комсорги ЦК ВЛКСМ, слушатели Правовой академии и студенты Института советского права. Большая часть преподавателей — члены ВКП(б). В Бауманском районе из 23 преподавателей 16—члены ВКП(б), 4—комсомольцы и 3 — беспартийные. Такой состав типичен для Москвы. В подборе преподавателей существенную помощь оказывали районные комитеты партии. Однако надо отметить, что некоторые райкомы не уделили должного внимания преподаванию Конституции в школе, не учли громадного политического значения этой работы. Ростокинский райком и ростокинское РОНО вовсе не занимались этим важным делом. Коминтерновский районный комитет ВКП(б) также уделил недостаточно внимания подбору кадров преподавателей, райком не помогал РОНО в закреплении преподавателей за школами, а также в организации консультаций для преподавателей Конституции. Много сделали для организации ознакомления с Конституцией Железнодорожный райком партии и РОНО, а также Первомайский райком, где на инструктивном занятии учителей по Конституции присутствовали секретарь РК ВКП(б) и секретарь РК ВЛКСМ.

Надо отметить, что многие районные отделы народного образования недостаточно усвоили все политическое значение ознакомления учащихся с Конституцией и допустили срыв первых занятий. В ряде школ занятия не начались 19 февраля вследствие того, что преподаватели до 23 февраля еще не были назначены. Таким образом, было сокращено число занятий. Таганское и Краснопресненское РОНО особенно выделяются своей бездеятельностью в деле ознакомления учащихся с Конституцией. Подобное же отношение к этому важнейшему делу имело место и в Московской области, где опоздание с началом занятий доходило местами до 20 дней.

Недооценка политического значения этого вопроса в ряде школ области выразилась еще и в том, что была сделана попытка подменить изучение основ советского строя обществоведением.

Успешной работе по ознакомлению с Конституцией мешает то обстоятельство, что большинство преподавателей впервые на своих занятиях знакомилось со средней школой и с ученической аудиторией. Свой навык работы пропагандиста со взрослыми они механически переносят на занятия с учащимися средней школы, что, конечно, неправильно. Многие преподаватели в городе и в области не умеют планировать материал занятий, не умеют подойти к своей аудитории, не умеют вовлечь ее в работу, не знают об'ема исторических знаний учеников. На эти недочеты надо было обратить с начала занятий самое серьезное внимание и немедленно помочь преподавателям методическими советами. Однако это не было сделано ни Наркомпросом, ни ОНО.

При ознакомлении учащихся с Конституцией были допущены и политические ошибки. При перечислении

* По данным тов. Литвин (кабинет истории мосгорОНО), и тов. Хазановой (МОНИПИ).

классов капиталистического общества ученики, правильно назвав помещиков и капиталистов, неправильно выделяют в отдельные классы купцов, торговцев и ростовщиков, и часто забывают назвать рабочих (материалы по области). Ученики 14-й школы Тулы (Московская область) отвечали, что у нас в СССР три класса: рабочие, крестьяне и интеллигенция. Эти неверные ответы ясно показывают, что преподаватели, рассказывая о классах в СССР, не исходили из доклада товарища Сталина «О проекте Конституции СССР», в котором вопрос о классах в СССР изложен с предельной ясностью. Крайне вредную политическую ошибку допустил преподаватель Клыков в 7-м классе школы № 7, Коломенского района, когда он, говоря о социализме и коммунизме, сказал: «Ну да на наш с вами век хватит периода социализма, а до коммунизма, кто его знает, когда еще доживем. Может быть, ваши дети только». К чести учеников надо указать, что эта политическая ошибка вызвала негодующие возгласы класса. Неизвестно, как реагировали на эту ошибку директор школы и РОНО.

В 39-й школе ФОНО преподаватель Деменко (студент, комсомолец) обнаружил полную неграмотность и был снят с работы. Например он рассказывал следующее: «В эпоху рабовладельческого строя и феодализма были стачки, и все это не улучшало положения эксплоатируемого народа». Преподаватель Евжик (слушатель 2-го курса Правовой академии), в 81-й школе Краснопресненского района, дал сумбурный урок, изобилующий грубейшими ошибками. Так, тов. Евжик сообщил ученикам, что Ленин выступал в Учредительном собрании и заявил, что есть партия, которая возьмет власть в свои руки. Тов. Евжик спутал 1-й Всероссийский с'езд советов, где Ленин действительно об этом заявил, с Учредительным собранием, где Ленин не выступал.

Большим недочетом преподавателей является неуменье спрашивать учеников. Вот пример вопросо-ответного метода, ярко показывающий всю порочность этого метода.

Вопрос. До революции крестьянство угнеталось или нет?

Ответ. Угнеталось.

Вопрос. А после революции?

Ответ. Нет.

Вопрос. Изменилось ли крестьянство после революции?

Ответ. Изменилось и т. д.

Большинство преподавателей не дает сравнения того, что теперь имеется в СССР, в результате победы социализма, с тем, что было во времена царизма и существует в странах капитализма; не указывает на борьбу, которую вели и ведут народы СССР под руководством товарища Сталина против врагов народа.

Имеются преподаватели, ведущие преподавание Конституции живо, образно и эмоционально. Тов. Бекузаров (студент 4-го курса истфака МГУ), преподающий в 559-й школе, Москворецкого района, очень удачно нарисовал прошлое нашей страны, привлекая, помимо исторического материала, для живости стихи Лермонтова, Некрасова, стихи народного певца Казахстана Джамбула. Тов. Бекузаров ярко и образно рассказал о том, что Сталинская Конституция, как солнце, согревает трудящихся и двигает их на дальнейшую борьбу за коммунизм. Ученики, отмечает обследователь, слушали этот рассказ с захватывающим интересом. Умело строит уроки преподавательница Тульской средней школы № 5 тов. Есипова. Она же совместно с комсомольской организацией добилась создания по инициативе самих учащихся в каждом классе уголков, посвященных Конституции. Ребята подобрали много иллюстративного материала, изготовили плакаты, картограммы, диаграммы и т. д.

Однако никакой помощи в деле ознакомления учащихся с Конституцией школа не получила ни от Наркомпроса, ни от ОНО. Не был разработан план занятий по подробному ознакомлению учащихся с Конституцией СССР, не были даны указания ни о характере занятий, ни об их содержании. Все эти недостатки надо учесть и должным образом исправить, чтобы с будущего, 1937—1938 учебного года ввести, вполне подготовившись, преподавание Конституции в качестве самостоятельного предмета в 7-х классах средней школы.

Е. Хазанова

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1936—1937 учебного года

Преподавание истории в средней школе по сравнению с прошлым годом несколько улучшилось. Недавно изданные работы Тюменева, Тураева и др. более или менее обеспечивают преподавателям истории возможность подготовиться к урокам по курсам 5 — 6-го классов. Но все же преподавание истории в текущем учебном году протекает в трудных условиях: отсутствуют учебники по истории, нет твердых программ, нет необходимых пособий (исторических карт, картин и пр.). Разработанная Наркомпросом тематика для 5 — 7-х классов не была доведена до учителя. Отсутствуют пособия для преподавателей 7-х классов. Особенно трудно приходится отдаленной средней школе, где малоподготовленный преподаватель работает в одиночку, без литературы, без всякой помощи.

Вследствие такого положения только незначительная часть школ закончила первое полугодие примерно следующими разделами программы: 5-й класс — первоначальными сведениями по древнейшему периоду истории Греции до Спарты; 6-й класс — историей Рима до Марка Аврелия; 7-й класс — реформацией в Германии и великой крестьянской войной. Значительная же часть школ отстает в прохождении материала.

В свете требований, пред'являемых постановлением партии от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР» попытаемся на конкретных примерах школьной практики сделать некоторые выводы относительно преподавания истории в текущем учебном году.

1

В отношении последовательности изложения исторических событий и освещения фактического материала мы имеем несомненные достижения в работе лучших преподавателей передовых школ. Хорошо подбирает фактический материал и интересно проводит урок, умело пользуясь картой и доской, преподаватель Рязанской образцовой школы тов. В. Н. Подзолов. В строгой последовательности, с достаточной насыщенностью конкретными фактами, ясно излагает материал тов. Артамонова (Электростальская школа № 19, Ногинского района). Можно привести еще ряд примеров последовательного изложения конкретного исторического материала. Однако в массовой школе в этой решающей части преподавания дело попрежнему обстоит неудовлетворительно. Неправильно поставлено преподавание во многих школах Московской области. Например сбивчиво и непоследовательно проводит уроки преподаватель истории Уваровской средней школы (Булганова), схематично излагает материал, вульгаризуя его под видом попытки «насытить содержание урока марксизмом», преподаватель истории Рязанской средней школы (Малосеев). Так же обстоит дело и в ряде других школ.

В освещении исторической личности и закреплении в памяти важнейших хронологических дат в связи с излагаемым материалом также имеется ряд положительных результатов. Так, тов. Волнов (Уваровская средняя школа) четко обрисовал личности Тамерлана, Магомета II, отчасти Мурада и Баязета, отметив в своем рассказе важнейшие хронологические даты (1389, 1402, 1453). Тов. Васильева (3-я школа города Калуги) на уроках в 7-м классе останавливается на личностях, характеризующих классовую борьбу описываемой эпохи и ее культуру (например Джон Болл, Уот Тайлер, Этьен Марсель, Гильом Каль, Ян Гус, Микеле Ландо, Леонардо да Винчи, Колумб, Изабелла Кастильская и др.). Учительница, рассказывая био-

графии исторических деятелей, сумела показать этих деятелей как наиболее ярких представителей классов того времени. Хронологические даты вплетаются в рассказ одновременно с излагаемым материалом. Можно привести еще ряд примеров такой же удачной работы.

Однако есть примеры неправильного освещения исторических личностей (тт. Луканина — Ильинская НСШ и Грачев — Остафьевская НСШ и др.).

Хронологическим датам преподаватели уделяют достаточное внимание. Иногда, впрочем, встречается небрежное отношение к хронологической точности. Например тов. Белкина (Малаховская средняя школа) дату завоевания Египта Камбизом отнесла к 529 году до нашей эры вместо 525 года.

Программу по истории в лучших школах благодаря стараниям более подготовленных преподавателей учащиеся знают неплохо. Например в Жаворонковской неполной средней школе из ответов учеников видно, что преподаватель достаточно полно излагал им в 6-м классе историю Рима, а в 5-м—историю древнего Востока. Учащиеся последовательно излагали события, а затем отвечали на вопросы, поставленные преподавателем из курса последней четверти. Они помнили исторические даты и, рассказывая о тех или других событиях, пользовались картой. В Электростальской средней школе № 19 (Ногинского района) учащиеся 7-го класса хорошо и правильно изложили тему прошлого урока («Развитие городов и под'ем хозяйственной жизни Германии XIII—XV веков»), твердо называя хронологические даты и исторические личности (учительница — Артамонова). В ряде школ ученики при ответах дают связный рассказ.

Сознательность усвоения и интерес к истории, безусловно, имеются. Учащиеся живо интересуются рассказом преподавателей. Однако несмотря на эти успехи все же есть в ответах учеников много недочетов. Часто ответы получаются путаные даже в 7-м классе. Так, в Малаховской средней школе по теме «Великие географические открытия» (7-й класс) учительница задала вопрос: «Какие изменения произошли в торговых путях?» Ученик молчит. «Кто поможет?» — обращается учительница к остальным. Один ученик встал и сказал: «Персы захватили города». «Какие персы?» «Турки», — поправился ученик. Сведения ученика о географических открытиях сводились к тому, что «плавали, плавали — и открыли». В Ильинской неполной средней школе в классах, где много отстающих, слабых учеников (5б и 6б), большинство учеников отвечало лишь на задаваемые вопросы и не умело дать связный рассказ. Все это говорит о том, что для улучшения качества ответов по истории преподавателям нужно провести еще значительную работу. Это особенно касается вопросо-ответной формы проверки.

Приводим сводные данные выборочного характера по успеваемости.

В Реутовском районе общая успеваемость по 9 школам (1180 учеников) следующая: 5-й класс — 17% неуспеваемости; 6-й и 7-й классы — 11%; но в Реутовской средней школе неуспеваемость носит явно катастрофический характер. Плохие ответы в этой школе по 5-му классу достигают 60%, а по 6-му классу — 64%.

Передовые преподаватели настойчиво внедряют карты на уроках истории (историческая карта — редкость, в школах большей частью на уроках истории пользуются физической картой или самодельной исторической).

Усилиями лучших преподавателей истории в школах систематически практикуют на уроках практические занятия по контурным картам. Такова, например, Красногорская НСШ (преподаватель — П. И. Потемкин). В этой же школе преподаватель истории изготовляет при помощи преподавателя рисования много наглядных пособий, позволяющих иллюстрировать каждую тему и каждый урок необходимыми пособиями. В большинстве же школ отсутствует всякая карта. Вследствие этого ученики, даже знающие материал, не имеют точного представления о местонахождении народов и стран, историю которых они изучают. Так например ученик 7-го класса Электростальской средней школы № 19, давший хороший, связный рассказ, очень неумело ориенти-

ровался по карте. Называя Генуя, Венецию, Альпы и говоря о мировых путях торговли, он показал направление путей на карте общим взмахом указки от Средиземного моря к северу через Альпы в Германию, не сумев указать точного их местоположения.

2

Большая пестрота господствует в построении урока преподавателями. Есть образцы, показывающие хорошее знание учителем исторического материала и большое педагогическое мастерство. Однако чаще наблюдается небрежность в построении уроков и вследствие этого их хаотичность.

В Загорской образцовой неполной средней школе, в 5-м классе, по теме «Ассирия» преподавательница истории С. Д. Соболева следующим образом построила урок: проверка выполнения домашнего задания путем опроса учащихся. Один ученик рассказывает о клинописи, другой ученик — миф о сотворении мира и третий — о появлении и распространении календаря. Затем был записан план урока: 1) Природные условия Ассирии. 2) Завоевание Ассирии и расправа с побежденными. 3) Управление завоеванными областями. 4) Падение Ассирии (605 год до нашей эры).

После этого учительница изложила содержание темы. Приводим краткое изложение рассказа.

Ассирия была расположена в северной части Двуречья, по верхнему течению рек Тигра и Евфрата (показ на карте).

Местность гористая, почва малоплодородная. Ассирийцы мало занимались земледелием, больше скотоводством и охотой (показ на карте).

Ассирийские горы были богаты полезными ископаемыми: медью, свинцом, серебром и железной рудой (показ на карте).

Наличие полезных ископаемых давало возможность ассирийцам иметь железное вооружение и одерживать победы во время войны.

Ассирия благодаря наличию меди, свинца, серебра, железа начала развивать торговлю с соседями. Ассирийцы проникли в Малую Азию. Ассирия торговала с Сирией, Палестиной, Египтом. Торговля находилась в руках царей, князей, жрецов, от торговли они разбогатели и начали стремиться к завоеванию соседних стран.

Армия в Ассирии сначала была наемная, из малоземельных и безземельных крестьян. Впоследствии, при царе Тиглат Пилассаре, армия была перестроена и стала постоянной. Армия составлялась как из ассирийцев, так и из жителей завоеванных стран. В течение 200 лет Ассирия завоевала Сирию, Палестину, остров Кипр и Египет, а Вавилония добровольно признала власть ассирийских царей.

Во время походов ассирийцы грабили и разоряли города, а население уводили в плен и обращали в рабство. Завоеванные Ассирией области были разбиты на провинции. Каждой провинцией управлял наместник, присланный из Ассирии. Наместники в провинциях имели армию, составленную частью из ассирийцев, частью из местных жителей. В провинциях ассирийцы устраивали свои военные колонии.

Годом расцвета Ассирии считается 650 год до нашей эры, потом начинается ее падение. Причины падения:

1) Разорение ассирийского народа постоянными войнами.

2) Ассирийское царство — рабовладельческое; рабы поднимали восстания.

3) Армия, пополняемая людьми из завоеванных стран, была ненадежной, не защищала интересы ассирийцев. Завоеванные области видели слабость Ассирии и стали отпадать одна за другой. В 605 году до нашей эры Ассирия пала.

После этого рассказа изложенный учительницей материал был закреплен путем беседы с классом по указанному выше плану.

В заключение было дано задание надом: припомнить беседу в классе и приготовить рассказ по записанному плану; в процессе работы использовать карту.

Урок прошел оживленно. Учащиеся активно и с большим интересом участвовали в работе. Так же стройно и организованно проводит уроки истории в 6-м классе Рязанской образцовой средней школы преподаватель тов. В. Н. Подзолов. Ученики Подзолова

приучены к серьезному и вдумчивому отношению к каждому слову преподавателя и умело строят связный, последовательный рассказ. Ученик Хромов рассказывал о завоеваниях римлян следующее: римляне завоевали Этрурию, Кампанию и Умбрию (правильно показал на карте). Эти области были богаты хлебом и полезными ископаемыми. Южная Италия принадлежала грекам и даже называлась Великой Грецией. Завоевав Северную Италию, римляне двинулись через Среднюю Италию на юг. Греки обратились за помощью к эпирскому царю. Эпирский царь собрал войско и двинулся на помощь грекам в Тарент со своим войском. При первом столкновении победили греки. Римляне собрали новое войско и второй раз двинулись против греков и т. д.

Ответы учащихся преподаватель использует как переход к об'яснению нового материала. Вот содержание рассказа тов. Подзолова по теме «Италия под властью Рима».

Риму не хватало земель. Культура обработки земли была невысока. Скот мелкий, овцы низкопородные, коровы давали мало молока. Урожай низкий при большой затрате сил. Римляне поэтому старались захватить много новой земли: будет больше пастбищ и земель, удобных для обработки. Между патрициями и плебеями разгорелась борьба за обладание землей. Значительно развивалась торговля. Рим пошел в наступление. Третью часть захваченной земли Рим брал себе, она называлась общественным полем. Из этого поля патриции и плебеи могли брать участки в пользование за небольшую плату. Остальные $^2/_3$ оставались в руках покоренных народов. Как обращались римляне с покоренными? Во время войны брали в плен, а по окончании войны оставляли на земле и довольно мягко обращались с ними. Часть из них получала права римских граждан. Более слабые из покоренных не пользовались такими правами и были только союзниками Рима. Они не имели права воевать без разрешения Рима и обязаны были по первому требованию Рима поставлять войско из самых крепких людей в полном вооружении. В завоеванных землях римляне устраивали колонии, куда переселяли плебеев для наблюдения за покоренными народами, чтобы те не могли об'единиться против Рима. Это была хищническая политика: «разделяй и властвуй», которую потом применяли и другие государства. (Приводится пример современной Индии.) Рим в это время только укреплялся и готовился к новому прыжку, к новой охоте за лакомым куском, к новым богатым завоеваниям.

Учащиеся записывают в тетради следующий план урока «Италия под властью Рима»: 1) Причины, толкнувшие Рим на путь завоеваний. 2) Организация «общественного поля». 3) Положение покоренных народов: а) колонии римских граждан, б) муниципии, в) области без права голосования, г) союзники. 4) Политика Рима: «разделяй и властвуй».

Хорошее отражение всего хода ознакомления учащихся с историческим материалом находим в тетрадях учащихся указанных школ и классов. Записи небольшие, берут 8—10 минут и позволяют преподавателю систематически проверять и исправлять ошибки.

Совсем другую картину в части построения урока и записей встречаем в значительном большинстве школ.

Приведем пример неправильной организации урока по теме «Греческая торговля и колонизация» в 5-м классе одной из школ города Рязани. Прежде всего преподавательница при проверке знаний учащихся не приучает последних к связному рассказу.

Проверку усвоения предыдущего урока на тему «Государство-город (полис) и его устройство» преподавательница провела по вопросо-ответной форме.

Вопрос. Как называлась центральная часть города?

Ответ. Акрополь.

Вопрос. Кто селился вокруг Акрополя?

Ответ. Крестьяне.

Вопрос. Каково было положение крестьян?

Ответ. Тяжелое.

За этими вопросами следовали и другие вопросы и ответы в том же роде.

Казалось бы, что это уже забытая форма преподавания, однако на практике она еще имеет место.

После таких отрывочных ответов, не позволяющих выявить знания учащихся и не подводящих к теме следующего урока, преподавательница в течение тридцати минут рассказывала о греческой торговле и колонизации. Звонок оборвал ее рассказ на полуслове.

В рассказе не были выделены основные факты, и получилось нагромождение второстепенных сведений. Вследствие этого учащиеся несмотря на обилие преподнесенного материала все же не узнали таких важных фактов, что среди греческих колоний на берегах Средиземного моря были «Великая Греция», Сиракузы и Массилия.

Рассказ утомил учащихся, и они его плохо воспринимали. Однако ничего этого преподавательница не заметила. Кроме того она не учла еще того, что урок был последним в пятый день шестидневки.

Урок не был спланирован во времени, не являлся прямым продолжением предыдущего и не подвел учащихся к продолжению систематического изложения исторических событий на следующем уроке.

Вместо осужденной вопросо-ответной формы преподаватель должен был добиться целостного, последовательного изложения 1 — 2 учащимися предыдущей темы «Государство-город и его устройство». Самый рассказ был построен неправильно. Преподаватель, подчеркнув политическое господство знати в государстве и показав классовую борьбу между аристократией и демократией, должен был перейти к изложению истории греческой колонизации как к прямому продолжению этой борьбы. При правильной организации работы рассказ преподавателя должен был явиться естественным продолжением уже известного учащимся материала.

Преподавателю достаточно 15—20 минут для того, чтобы выяснить причины колонизации, показать самый процесс развития торговли и колонизации, указав главные колонии на берегах Средиземного и Черного морей. Следовало выделить 10 минут для беседы с учащимися в целях закрепления нового материала, что особенно важно при отсутствии учебника, и оставить 2—3 минуты для уточнения задания надом.

В результате разбора этого урока можно сделать следующие указания преподавателям истории: надо уделять больше внимания организационно-педагогическим вопросам при построении урока. Надо уточнить об'ем материала и его последовательность, составить детальный план урока и новой темы, тщательно продумать задаваемое надом, указав, что необходимо прочитать, зарисовать, показать по карте, какой материал из пройденного надо привлечь для сравнения, и т. п. Все перечисленное надо тщательно расположить во времени, чтобы точно уложить в 45-минутный урок.

Особого внимания требует методика опрашивания учеников. Ставить вопрос ученику следует в такой форме, чтобы он вызывал связный рассказ, например не следует спрашивать: «Где больше занимались ремеслом, в городе или деревне?»,— а надо сказать: «Расскажи о занятиях жителей древней Греции в городе и деревне». Также лучше сказать: «Расскажи, что знаешь о положении населения древней Греции» — вместо: «Какое было положение крестьян?», на который учащиеся обычно отвечают односложно: «Плохое».

В ряде случаев преподаватель при затруднениях учеников во время ответов на вопросы не дает времени ученику подумать, не привлекает других учеников, а сам спешит ответить за них. Это приводит к тому, что часто преподаватель без пользы для учеников сам говорит 40 минут из 45-минутного урока.

В Уваровской школе дозировка времени такая:

5-й класс (преподаватель—Булганова): опрос 4 учеников — 10 минут, рассказ новой темы—20 минут, закрепление — опрос 2 — 3 учеников— 5 минут, запись конспекта—10 минут.

7-й класс (преподаватель — Волнов): опрос 1 ученика — 10 минут, рассказ учителя — 15 минут, запись конспекта — 20 минут.

При сравнительно правильном распределении времени для 5-го класса (в 10 минут вряд ли можно опросить 4 учеников, лучше спросить 2—3) урок имел несколько методических ошибок: 1) опрос начинался с вызова желающих отвечать (это неправильно); 2) запись велась на доске молча. Нужно при письме прочитывать каждую написанную фразу (иначе будут вопросы). Для 7-го класса рассказ учителя в 15 минут не всегда достаточен. На запись конспекта (под диктовку) 20—25 минут много и скучно. Вред таких записей в том, что они ведут к зубрежке и к большим искажениям исторических фактов, к коверканью исторических названий, часто при большой орфографической безграмотности, так как такие записи преподавателями обычно не проверяются и не исправляются, что совершенно неправильно.

Если в Электростальской средней школе, в Ильинской НСШ, в Уваровской средней школе записи конспекта отнимают у учащегося слишком много времени, то существует и обратное явление: есть учителя, которые записи вовсе не практикуют. При отсутствии учебника нельзя пренебрегать записями.

* * *

Приведенные нами примеры из практики преподавания истории на местах показывают неналаженность методико-педагогической помощи преподавателям истории как внутри школы, так и в районном масштабе, что является основной причиной медлительности в перестройке и улучшении преподавания истории.

Улучшение преподавания во втором полугодии требует большего внимания со стороны отделов народного образования постановке преподавания истории. Необходимо немедленно наладить и систематически проводить районные методические об'единения преподавателей истории, обеспечив последним регулярную помощь со стороны областных и краевых отделов народного образования. Районные отделы народного образования при помощи инструкторов, директоров школ и заведующих учебной частью должны обеспечить обмен положительным опытом внутри школы и района и обязать для этой же цели районные педагогические кабинеты уделять соответствующее внимание и место в своей работе постановке преподавания истории. Кабинеты эти должны иметь старую историческую литературу и следить за новой, организовывать передвижки для сельских школ.

Нужно наладить систематический показ положительного опыта в образцовой школе, в райпедкабинете, а также обмен опытом на страницах местной газеты и центральных журналов и газет.

Хорошей помощью являются, как видно из материалов Московского областного и Ленинградского кабинетов истории, семинарские занятия, ежемесячно проводимые для преподавателей истории, очная и заочная консультация, а также систематическая работа с преподавателями-корреспондентами.

М. Зиновьев

УЧЕБНИКИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕЙ ИСТОРИИ проф. Р. Ю. ВИППЕРА

1

За последнее время издано значительное количество литературы по древней истории, которую может использовать преподаватель средней школы при подготовке к урокам. Переизданы классические работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Из истории первоначального христианства». Изданы работы академика Тюменева «История античных рабовладельческих обществ», 1935 год; Мишулина «Спартаковское восстание», 1936 год; Бергера «Социальные движения в древней Спарте», 1936 год; «История древнего мира», т. I, изд. Гаимк, 1936 год; Валон «История античного рабства», 1937 год; академика В. В. Струве «Хрестоматия по древней истории», т. I и II, 1936 год; академика В. В. Струве «История Древнего Востока», 1934 год, и др.

Однако преподавателю 5-го класса средней школы при подготовке к урокам все еще приходится пользоваться учебниками Виппера, которые рекомендованы учителю в качестве пособия Наркомпросом. Учебники Виппера несколько раз переиздавались уже после революции Госиздатом.

Поэтому необходимо четко представить научное и методическое лицо проф. Виппера и оценить его учебники, чтобы знать, что именно может взять от Виппера наш преподаватель средней школы.

Появление учебника Виппера в дореволюционный период было событием в жизни царской средней школы. До этого в гимназиях и реальных училищах начиная с 1867 года безраздельно господствовал Иловайский. Кареев в своей работе «Заметки о преподавании истории в средней школе» так характеризует работу ученика по истории в 70-х годах: «Лучшим учеником считался у них (у преподавателей.— *М. З.*) тот, который быстро и безошибочно перечислял королей с годами их царствования, легко воспроизводил сложные родословные, называл одно за другим сражения в какой-либо войне, с указаниями на имена полководцев, число сражавшихся и т. п.» [1].

Насколько велико было напряжение памяти ученика при изучении хронологии, свидетельствует такой факт: когда Кареев оканчивал курс гимназии, он должен был к экзамену знать около двух тысяч дат.

История в таком виде вызывала у учеников отвращение, настраивала их против преподавателя и против школы.

Среди части педагогов, отражавших либерально-буржуазные настроения, появилась оппозиция против такого метода преподавания истории. Начинают ставиться и обсуждаться проблемы преподавания истории. Уже в середине 90-х годов появились учебники проф. Виноградова, которые нанесли тяжелый удар учебникам Иловайского. Окончательно подорвали влияние Иловайского в школе учебники Виппера.

Первое издание учебника древней истории Виппера вышло в свет в 1900 году. Но это издание не было допущено в школы ученым комитетом министерства народного просвещения. То же относится и к последующим 6 изданиям. В 8-м издании своего учебника древней истории Виппер сделал изменения, по указаниям министерства народного просвещения, после чего учебник удостоился в 1911 году резолюции ученого комитета: «Допущен в качестве учебного руководства», а не «пособия», как это было по отношению к другим, более желательным для министерства народного просвещения учебникам. Преподаватели стали этот учебник усиленно вводить в школу.

[1] Кареев «Заметки о преподавании истории», стр. 7. СПБ. 1900.

В 1913 году историческая комиссия учебного отдела Общества распространения технических знаний опросила преподавателей о том, какие учебники они применяют в школе. Оказалось, что из 132 полученных ответов на долю всех учебников Виппера приходилось 46 ответов, а на долю учебников Иловайского (древняя, средняя, новая и русская история) — всего только 6 ответов! Это свидетельствовало о полном поражении Иловайского[1]. Хотя у Виппера нашлись сильные конкуренты (например учебники Иванова), но влияние его учебников неизменно и очень быстро возрастало.

Чем же об'яснить этот успех учебников Виппера? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны произвести анализ этих учебников.

В предисловии к 1-му изданию своего учебника по древней истории Виппер писал: «...наиболее полезным и доступным для этого возраста (т. е. для 13—14 лет. — *М. З.*) будет ознакомление с главными типами общественных форм и главными моментами общественного развития: изучение этого материала может быть сделано интересным при помощи конкретного описания»[2].

Итак, здесь мы видим иную чем у Иловайского точку зрения: описывать нужно главные типы общественных форм. В статье «Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука», помещенной в № 1 педагогического журнала «Вестник воспитания» за 1898 год, Виппер возражает против «всемирноисторической точки зрения» Кареева. Виппер утверждает, что человечество не имеет единой истории, он полагает, что отдельные группы человечества, развиваясь вполне самостоятельно, воспроизводят одни и те же фазы общественного развития. «...Придерживаясь хронологического порядка изложения, — пишет Виппер в названной статье, — мы, в сущности, несколько раз будем переходить от одной законченной характеристики к другой, от одной завершившейся группы явлений к другой, аналогичной; рядом с продолжением начатой культурной нити при этих переходах нас будет еще более занимать повторение сходных моментов в пределах жизни различных народных и общественных единиц. На таком историческом взгляде основан и особый интерес, с которым теперь историк обращается к древнему миру, рассматривая его как законченный круг жизненных форм и идей, во многом аналогичный новоевропейскому. В более узком географическом районе, при меньшем разнообразии форм, греки и римляне проходят главные стадии общественного развития, которые мы встречаем потом в средней Европе IV—XVI веков» (указанная статья, стр. 35 — 36)[3].

В этих словах ясно выражена буржуазная теория цикличности исторического процесса.

В своей работе «Кризис исторической науки» (1921 год) проф. Виппер подверг свои прежние либерально-буржуазные взгляды контрреволюционному пересмотру.

«Наша речь была не о в н е ш н е й политической, дипломатической и военной истории, — пишет он, — а о в н у т р е н н е й, социальной и культурной... Конституции, личности правителей, дипломатические переговоры, военные действия казались явлениями поверхностными, под которыми кроются «истинные», «реальные» глубокие внутренние процессы. Самое важное, что подлежит изучению историка, — это общественные отношения, строение классов. Стоит понять внутренние отношения, и тогда будут ясны все личные, международные и внешние государственные перемены. С этой уверенностью в превосходстве внутренней истории над внешней были связаны еще и другие особенности нашей недавней исторической манеры. Мы придавали мало значения л и ч н о с т я м, мы сводили крупные факты к действиям масс»[4].

[1] «Вестник воспитания» № 4 за 1913 год. Анкета о преподавании истории в средней школе.

[2] Проф. Р. В и п п е р «Учебник древней истории». Предисловие. М. 1900.

[3] Интересно отметить, что в об'яснительной записке Наркомпроса к программам по истории 1920 года воспроизводятся почти дословно подобные соображения Наркомпроса о повторяемости исторических событий.

[4] Проф. Р. В и п п е р «Кризис исторической науки», стр. 4. Казань. Гиз. 1921. (все подчеркивания сделаны Виппером.— **М. З.**).

В прежнее время, до 1917 года, Виппер делал упор на стихийность исторических процессов: «Разделяя человеческие мотивы на интересы и идеи, мы склонны были придавать первостепенное значение интересам. Идеи, теории сами будто бы не двигают жизни, они только последствия таких-то и таких-то комбинаций интересов, сплетения жизненных мотивов; они только своеобразная игра света на поверхности волн потока, но они не влияют на течение этих волн. Мы преимущественно описывали различные состояния, социальное и культурное положение классов и очень мало склонны были рассказывать о событиях, происшествиях» [1].

Из этих больших цитат можно сделать определенный вывод, что Виппер в своих работах до Великой пролетарской революции по характеру изображения исторического процесса может быть нами отнесен к числу буржуазных историков, так называемых об'ективистов. Характерная точка зрения об'ективистов, как известно, следующая:

1) исторические процессы подобны процессам природы; исторические деятели не оказывают влияния на ход исторических явлений;

2) решающее значение в истории имеют стихийные процессы эволюционного характера.

Эти взгляды воспитывают политическую пассивность, покорность историческому року; это была буржуазная страховка против революционной борьбы.

Буржуазные об'ективисты не вскрывают антагонистических отношений данной общественно-экономической формации и тем самым неизбежно скатываются к апологии существующего строя. Это прекрасно показал В. И. Ленин в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Ленин писал в этой работе:

«Об'ективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Об'ективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Об'ективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее об'ективиста и глубже, полнее проводит свой об'ективизм... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [2].

Таковы методологические установки Виппера в его учебниках. Это установки буржуазных об'ективистов, апологетов буржуазного строя.

Проникнутый лютой враждой к диктатуре пролетариата, проф. Виппер и после Великой пролетарской революции пытался в ряде книг укрепить буржуазную идеологию. Вот что писал об одной такой книге Виппера В. И. Ленин в своей статье «О значении воинствующего материализма»: «Проф. Р. Ю. Виппер издал в 1918 г. книжечку «Возникновение христианства» (изд. «Фарос», Москва). Пересказывая главные результаты современной науки, автор не только не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви, как политической организации, не только обходит эти вопросы, но заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обоих «крайностей»: и идеалистической и материалистической. Это прислужничество господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии» [3].

2

Вражда к пролетариату и прислужничество буржуазии нашли свое отра-

[1] Проф. Р. Виппер «Кризис исторической науки», стр. 4—5. Казань. Гиз. 1921.

[2] Ленин. Т. I, стр. 275—276.

[3] Ленин. Т. XXVII, стр. 185.

жение в советских изданиях учебника древней истории Виппера. Казалось, мы вправе были бы ожидать, что советские издания буржуазного учебника либо будут воспроизведены без изменений, либо в них будут внесены поправки, улучшающие его качество. Однако проф. Виппер внес в советские издания изменения, причем изменения контрреволюционного характера. Стоит сравнить два издания учебника древней истории — дореволюционное (1913 года) и советское (1923 года),— чтобы убедиться в этом.

В учебнике издания 1913 года на стр. 83—84 мы читаем о реформах Солона следующее: «Солон предложил облегчить положение крестьян: тем, кто платил тяжелый оброк из-за долгов, простить долги; высвободить из рабства тех, кто попал в кабалу за долги, и запретить вообще обращение в рабство за долги. Затем Солон предложил в известные сроки собирать сходки всех свободных людей, богатых и бедных, для выбора командиров и судей».

Этот отрывок довольно правильно характеризует деятельность Солона, хотя Виппер ни в малейшей степени не выясняет и даже не ставит вопроса о классовой борьбе, в результате которой появились реформы Солона.

Совершенно по-иному освещает Виппер реформу Солона в учебнике 1923 года. Здесь мы читаем следующее: «Солон составил законы, т. е. записал правила жизни для афинского народа. Он потребовал у знатных родов отказа от безумной роскоши: запретил пышные похороны, когда за гробом шли толпы наемных плакальщиц, запретил богатым дамам водить за собою большие свиты служанок. Его законы сообразны с понятиями трудовых людей; ремесленники, крестьяне, моряки не могут рассчитывать на богатые наследства, их долг— научить сыновей полезному делу, тогда они вправе требовать от детей своих помощи в старости. Солон позаботился также, чтобы не чинилось обид крестьянам Аттики, разводившим оливки, виноград и державшим пчельники. Так как в стране мало воды, он разрешил рыть колодцы на таком расстоянии друг от друга, чтобы не перекапывать соседу водопровода, бедные получили право пользоваться водой от более зажиточных».

В этом освещении Виппера Солон рисуется социальным реформатором, который борется против роскоши. Ни слова о нарушении Солоном прав собственности кредиторов в пользу должников, поэтому совершенно исчезает из сознания учащихся революционное значение реформ Солона. Энгельс так раз'яснил в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» значение реформаторской деятельности Солона: «Солон... открыл ряд так называемых политических революций, причем вторжением в отношения собственности»[1]. Изучение солоновской реформы при правильном ее истолковании имело большое воспитательное значение. Вот почему в издании 1923 года Виппер решил лишить солоновское законодательство даже малейшей тени революционности и превратить Солона в безобидного социального реформатора. В этом изложении Виппера солоновской реформы налицо вредительство врага, не стесняющегося фальсифицировать исторические факты для контрреволюционных целей. Это заставляет нас особенно бдительно относиться к советским изданиям учебника Виппера.

Мы напрасно стали бы искать у Виппера разрешения проблем рабовладельческого общества. Положение рабов, вопросы производства с применением рабского труда, положение свободных бедняков — все эти проблемы чужды Випперу. Мы знаем, что без разрешения этих проблем совершенно нельзя об'яснить историю Греции и Рима. Виппер, очевидно, сознательно не ставит вопроса о рабовладении. По изложению Виппера выходит, что в Греции имело место высокое развитие наук и искусств, но это развитие вовсе не стояло ни в какой связи с рабством, что противоречит историческим фактам. Точно так же упадок греческого общества, по мнению Виппера, вызван только «постоянными войнами между греческими городами» (стр. 109. 1923). Рабство при об'яснении этого явления тоже не упомянуто.

[1] Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 115. 1932.

На самом же деле упадок классической Греции есть результат кризиса рабовладельческого общества.

Точно так же не упоминается рабство при об'яснении судеб римского государства. Все это показывает, что вопросы древней истории даются Виппером в трактовке, неприемлемой для нашего советского учителя. Для использования материала учебников Виппера преподаватель обязательно должен предварительно проработать книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (отдельные, более детальные замечания по разделу учебника Виппера будут даны ниже).

Чем же для нас может быть полезен учебник Виппера при таких крупных методологических извращениях? Прежде всего учебник Виппера дает нам умелый отбор существенных исторических фактов и дат. Проф. Виппер очень сократил фактический материал и хронологию. Он дает те даты, которые мы считаем достаточными. Так например главы III и IV учебника Виппера («Старинная Греция» и «Греки и Персидская держава, 700—480 годы до Р. Х.») приводят всего 9 дат. Такое же количество дат дает в своих программах для 5-го класса Наркомпрос. Правда, в некоторых случаях одни даты мы заменяем другими (например: у Виппера — изгнание Гиппия, в программах Наркомпроса — реформы Клисфена). Уменье Виппера отбросить излишние даты составляет его заслугу.

Точно так же умело Виппер производит отбор фактов. Достаточно вспомнить, какие трудности в 90-х и начале 900-х годов переживали ученики, когда изучали бесконечные вереницы римских императоров. Уменье из огромного числа этих императоров взять только нужные имена 6—7 императоров очень пригодилось нам теперь[1]. В настоящее время «Распределение учебного материала по 6 кл.», изданное Наркомпросом на 1936—1937 учебный год, дает примерно такое же количество обязательных для усвоения имен императоров, какое приводится у Виппера.

3

Перейдем теперь к обзору учебника Виппера по главам. Ввиду отсутствия в программе средней школы раздела о первобытном обществе, я не даю в своей рецензии характеристики I главы—«Каменный век в Европе».

Глава II («Большие державы старинного Востока») может быть использована преподавателем лишь частично. Эта глава дана так, что ученик не получает представления об историческом развитии Древнего Востока. Виппер дает лишь бытовые картины в состоянии покоя. Ученик не получает никакого представления о классовом характере вавилонского и египетского обществ. В одном месте вскользь упоминается о помещиках и о крестьянах, платящих оброк. О рабах говорится очень мало, мимоходом, причем нельзя сделать никакого заключения ни о характере общества, ни о положении рабов, ни о размерах применения рабского труда. Словом, вопрос о классовых отношениях смазан: картина древнего общества получается прилизанная и причесанная, т. е. совершенно извращенная.

В учебниках нет характеристики политического строя, за исключением упоминания о фараоне в Египте и царях в Вавилоне и Ассирии Так же не выяснена роль жречества в общественной жизни Египта и Вавилона. Совершенно не затронут такой важный вопрос, как борьба Аменхотепа IV со жречеством. Однако и в этой главе есть материал, полезный для преподавателя. Прежде всего обращает внимание уменье интересно и образно рассказать о прошлой жизни древних народов. В тексте даются небольшие выдержки из документов или их краткое изложение, причем каждый документ дает живой образ, органически связанный с текстом. Хронологическая последовательность при этом нарушается очень редко.

Для примера возьмем небольшой отрывок (стр. 22. 1923): «В Египте составилось два царства: северное — в дельте Нила и южное — по

[1] Указания на правильный отбор фактов по отношению к Римской империи имеют силу лишь по отношению к дореволюционным изданиям. Советские же издания учебника Виппера возвращаются назад, к Иловайскому.

Нильской долине. Властитель первого носил красную шапку с султаном, его охраняла богиня ввиде змеи; правитель второго носил высокий белый шлем, и его покровительницей считалась богиня в образе коршуна». Из этого отрывка мы видим, что исторический факт здесь излагается очень просто и ясно, причем описание головного убора правителей северного и южного царств и прибавление к этому религиозной символики оставляют у учеников легко запоминающийся образ.

Недостатком изложения наших преподавателей в школе является привычка перемежать деловую — и часто скучную — речь цитатой из документа, причем документ механически привязывается к речи. У Виппера же изложение носит очень живой характер потому, что каждая фраза насыщена образностью — мельчайшей подробностью туалета, наружности, описанием сцены. «Он принимал людей, сидя на высоком кресле под навесом, обратившись лицом к восходу солнца. Приходившие перед лицо его должны были падать на землю, стоять на коленях, протягивать к нему с мольбою руки, как к богу; они должны были называть его разными почетными и возвышенными именами: избранником солнца, могучим золотым орлом, сильным правдой и т. д.» (стр. 23. Изд. 1923 года).

Если наш преподаватель внимательно будет читать учебник Виппера, готовясь к каждому уроку, он найдет для урока достаточное количество удачно подобранных слов и выражений, мелких картин и сцен, драматических положений, описаний природы и пр. Дополняемый рисунками рассказ в таком случае станет особенно выразительным.

Глава III учебника носит название «Старинная Греция». Она дает материал о крито-микенской культуре, о гомеровском обществе и о религии и мифологии. Крито-микенская культура показана слабо. Кроме того чувствуется, что Виппер усиливает великолепие царской власти в Кносе для того, чтобы провести свою мысль о цикличности исторических событий. В этом разделе нет правдивых описаний фактов. Период гомеровского общества изложен у Виппера хорошо, и соответствующие параграфы могут быть полностью использованы преподавателем при обрисовке общества по поэмам Гомера. Мифология и религия даны также хорошо, но полностью эти параграфы не могут быть использованы, так как Виппер дает слишком общий очерк мифологических рассказов, не отделяя один миф от другого и иногда перемешивая их. Преподавателю нужно дать меньше мифов, но полнее каждый даваемый миф, поэтому из параграфов, посвященных мифологии и религии, можно взять только некоторые места и отдельные сцены. Так например весьма полезно рассказать мифы о Геракле, о Тезее, об аргонавтах. Не следует брать мифы о Кадме и Европе, о Данае, о Персее и некоторые другие [1].

Глава IV («Греки и персидская держава, 700—480 годы до нашей эры») может быть использована в значительной своей части преподавателем. И описание жизни, и государственное устройство спартанского государства, и вопросы колонизации Средиземноморского побережья, и вопросы устройства Персидской монархии, и изложение греко-персидских войн — по всем этим вопросам преподаватель найдет яркое, красочное описание и необходимый подбор фактов, а иногда и интересно изложенный анекдот (например стр. 73, изд. 1923 года: анекдот об отдельных эпизодах из борьбы спартанцев с мессенянами). В этой главе как раз имеется параграф, посвященный законам Солона, о контрреволюционной трактовке которых мы уже говорили выше. Следует только добавить, что в изложении Виппера причиной широкого революционного движения народа выдвинуто не тяжелое положение народных масс (об этом он не говорит вовсе), а попытка захвата власти Килоном. Хотя это прямо не сказано, но у ученика создается такое представление по характеру изложения. Реформы Солона изложены так, что этот материал учебника использовать нельзя.

В главе V («Афины в V веке до нашей эры») преподаватель может ис-

[1] Мифы о Геракле, Тезее и об аргонавтах указаны в «Методическом материале по древней истории для 5-го класса» Наркомпроса на 1936—1937 учебный год.

пользовать очерк греческого театра, описание народных праздников в Афинах и описание государственного устройства и жизни при Перикле. При этом только надо иметь в виду, что следует всюду внести поправку о рабовладении, что решительно изменяет даваемые Виппером трактовки государственного устройства, классовой структуры афинского общества, соотношения классовых сил и классовую борьбу в Афинах.

Характеристика умственной жизни Афин поучительна в методическом отношении. Преподаватель должен учесть на основании изложенного круг вопросов, подлежащих изучению при характеристике софистов, Сократа, поэтов и драматургов. Но точка зрения на эти вопросы у нас совершенно иная чем у Виппера.

Глава VI («Греки на востоке, 400—100 годы до нашей эры») показывает методологические ошибки Виппера в оценке глубоких исторических процессов, протекавших в Греции после Пелопоннесской войны (см. выше). Фактический материал о главенстве Персии в греческих делах после Пелопоннесской войны, о возвышении Македонии, о походах Александра на Восток, о распадении его монархии и об эллинистических государствах дан достаточный. Однако Виппер вовсе не показывает той классовой борьбы, в результате которой появилось в самой Греции монархическое течение, шедшее навстречу Филиппу Македонскому и помогавшее ему; не показаны также те классовые силы, которые обеспечили победу Александра над персами.

Глава VII («Начало Римского государства») дает очень мало для преподавателя истории. Виппер делал эту главу очень сокращенно, опустив яркие и возбуждающие большой интерес у учащихся факты. Так, очень мало сказано о старинном государственном устройстве Рима, почти ничего не сказано о борьбе патрициев с плебеями (опущены очень яркие факты ухода плебеев на священную гору, законы XII таблиц и т. д.), очень глухо сказано о самнитских войнах и о войнах с царем Пирром. Полезный материал преподаватель найдет в рассказе об управлении покоренными областями Италии и о римском войске. Соответствующие чертежи, помещенные в учебнике, преподаватель может использовать в своей работе.

Глава VIII («Рим, Карфаген, Греция») является одной из лучших в учебнике. Достаточно освещена фактическая сторона (Пунические войны, подчинение Греции и Македонии), хотя этот материал можно было дать несколько подробнее. Очень хорошо дан очерк тех перемен в жизни Рима, которые явились результатом больших завоеваний. Этот материал может быть использован целиком преподавателем. Надо только остерегаться модернизации древнеримской жизни, которая, по мнению Виппера, будто может помочь уяснению прошлого, так как-де история повторяется (снова буржуазная теория цикличности) [1].

Глава IX («Конец республики и начало монархии в Риме») излагает последовательность исторических фактов неполно и с большими искажениями. Так, при изложении вопроса о причинах гибели республики и установлении империи Виппер полностью игнорирует борьбу рабов против рабовладельцев. Только 9½ строк он отводит такому всемирноисторическому событию, как восстание рабов под руководством Спартака, причем даже из этих 9½ строк половина не относится к этому событию.

В его изображении это только эпизод, создавший некоторые трудности для римского правительства. А между тем восстание Спартака явилось началом революции рабов.

Вторым крупным недостатком этой главы является указанная нами выше принципиальная установка Виппера, искажающая исторические факты, а именно: «Мы придавали мало значения личностям, мы сводили крупные факты к действиям масс». Эта недооценка исторических деятелей особенно бросается в глаза при рассказе о Сулле. По изображению Виппера, Сулла — «человек тонко образованный, он был чужд жадности и ненависти к врагам, но он не мешал грабе-

[1] Стр. 142 «Учебника древней истории» издания 1923 года. «Как у нас клали деньги в банк, так в Риме их отдавали на сбережение или в промысел откупщикам...» Обратить также внимание на неверное употребление Виппером слова «капиталист» в отношении Рима.

жу и неистовству других и не хотел делать ничего хорошего». Таким образом, Сулла—этот свирепый диктатор в Риме, правление которого сопровождалось величайшими жестокостями,— рисуется каким-то безвольным человеком. Если внести соответствующие поправки, то можно использовать материал этой главы, излагающей внешнюю последовательность фактов.

Последняя, X глава учебника в 19-м издании 1923 года носит название «Римская империя и христианство» и охватывает огромнейший период от 30 года до нашей эры до 476 года нашей эры. В издании 1913 года материал этой главы подразделен на две главы: глава X — «Римская империя» (30 год до нашей эры — 200 год нашей эры) и глава XI — «Империя и варвары. Христианство 200 — 400 годов». Бросается в глаза то, что в советском издании христианство сделано стержнем, вокруг которого строится все изложение последнего периода римской истории. Этот стержень настолько выпячен, что даже заслонил собой историю борьбы империи с германцами. Она изложена в советском издании очень коротко, но зато история христианства изложена очень пространно.

В издании 1923 года введен параграф «Религиозные верования в эпоху Антонинов». Излагается этот параграф почти на 4 страницах, тогда как соответствующий материал в издании 1913 года («Чужие обычаи в империи») изложен меньше чем на половине страницы.

Далее, в издании 1923 года Виппер переходит к изложению христианской догматики с многочисленными текстами из сочинений отцов церкви. Тут мы встретим и Юстина, и Тертуллиана, и Оригена, и многих других. Ученикам вколачивается мысль о том, что «душа наша от природы — христианка». Виппер вводит особый параграф—«Ереси и образование вселенской церкви», где он трактует ереси не как своеобразное отражение классовой борьбы, а как результат включения в христианскую церковь представителей других народов, кроме иудеев. В учебнике 1913 года такого подробного и, главное, такого лакейского по отношению к буржуазии изложения истории раннего христианства нет; изложение этого вопроса в учебнике 1913 года дано гораздо более прилично чем в советском издании 1923 года, хотя и его мы не можем использовать.

Но не только в этом разница между двумя изданиями: материал последней главы значительно ухудшен по сравнению с дореволюционным изданием. В главе X издания 1913 года мы имеем интересно составленный очерк политической, культурной и экономической жизни римского общества I и II веков нашей эры. Здесь выясняются и самое понятие «принципат», и отношения принцепса к римскому народу, и описания театральных представлений и цирковых зрелищ, и небольшие, но очень интересные картинки из литературной истории Рима и т. д. Очень наглядно и образно описывается экономическая связь и товарообмен различных частей империи. Императоры упоминаются немногие, о чем я говорил выше.

В советском издании эти моменты даны разорванно (часть материала отнесена к главе IX) и некоторые, очень важные моменты, как например описание экономической связи различных частей империи, опущены вовсе. Помимо этого Виппер в советском издании отошел от своего прежнего изображения истории: теперь он дает гораздо больше мелких фактов и имен чем раньше. Он подробнее говорит об императоре Тиберии, приводит безумного Кая Калигулу, о котором раньше не говорил вовсе, приводит факты о смерти некоего сенатора Тразеа Пэт, который «принял предсмертное напутствие от странствующего проповедника, киника Деметрия» (стр. 175), и т. д.

Преподавателю можно найти коечто интересное для учащихся в главах X и XI учебника издания 1913 года (это картины бытовой, политической, культурной и экономической жизни), в издании же 1923 года такого материала почти нет.

Из изложенного выше мы видим, что учебник древней истории Виппера может дать преподавателю ряд характеристик, интересных описаний и сопоставлений, но этого положительного материала преподаватель найдет

гораздо больше в издании 1913 года чем в издании 1923 года.

4

Два учебника проф. Виппера по истории средних веков (Краткий учебник истории средних веков. 7-е издание. Гиз. 1923, и Учебник истории средних веков. 4-е издание) ставят перед собой различные задачи. В предисловии ко 2-му изданию полного учебника, подписанном автором к печати в 1905 году, сказано: «При составлении отдельных глав и очерков вовсе не имелось в виду втискивать их в размеры, удобные для так называемого заучивания». Вследствие этого об'ем учебника оказался очень большим: на историю Западной Европы от 600 года до конца XV века, вместе с историей Византии и арабов, пошла 291 страница убористой печати! Это сделало полный учебник неприемлемым для средней школы. Поэтому автор переработал его в краткий, приспособив к программе средней школы. Приспособление это выразилось не только в уменьшении об'ема, но также и в том, что проф. Виппер, согласно требованиям программы, ввел первую главу, которую он озаглавил: «Начало средних веков» («Германцы и Римская империя от 100 до 600 г. до Р. Х.»).

В основу своего построения проф. Виппер кладет культурный момент. «Может быть, не найдется столетия, когда бы образованность в Европе стояла ниже, чем в VII в. (600 — 700 гг.) по Р. Х.» [1],—писал Виппер. Таким образом, Виппер считает началом средней истории наибольший упадок образованности, приходящийся на VII век нашей эры. После этого века образованность начинает подниматься и начинает складываться «культура нового европейского общества» [2]. В этих установках проф. Виппера ясно выражена буржуазная теория цикличности исторического процесса, которая, как мы видели, была положена в основу и учебника древней истории. Виппер берет исходным моментом для истории средних веков не революцию рабов, не крушение рабовладельческой формации, а самый низкий уровень образованности.

Это неверно и фактически. После падения Западной Римской империи (476 год) мы наблюдаем в жизни Западной Европы прогресс: растет население, прежде пустынные земли заселяются, распахиваются новые участки. Все это свидетельствует о прогрессивности феодализма по сравнению с рабовладельческой формацией. Но Виппер не хочет видеть этот прогресс, так как это нарушило бы его теорию цикличности, которой он подчиняет изложение исторических фактов. Поэтому он и пишет: «Между той порой, когда жива и сильна была культура древняя, и тем временем, когда начала подниматься новая, лежит большой промежуток огрубения» [3]. Это является основной неверной методологической установкой Виппера.

Глава I в кратком учебнике механически привязана к остальному материалу, чтобы открыть учебнику доступ в гимназии и реальные училища. Если опустить эту I главу краткого учебника, то структура краткого и полного учебников одна и та же: глава I — «Арабы и Византия от 600 до 1100 года»; глава II — «Западная Европа от 600 до 1100 года»; глава III — «Западная Европа в XII — XIII веках» (в кратком учебнике при том же названии параграфов эта глава называется иначе: «Города, папство и крестовые походы») и, наконец, глава IV — «Новые государства и новое просвещение».

При внимательном анализе учебника Виппера мы заметим ряд особенностей.

Так, § 3 краткого учебника Виппера (§ 2 полного) носит название просто: «Византия». Пропуск в названии этого параграфа слова «славяне» тем более странен, что все события, касающиеся истории восточных и южных славян, даны. Однако в дальнейших главах это отношение к судьбам славянских народов приобретает совершенно определенный политический ха-

[1] Учебник средней истории. 4-е изд., стр. 1.
[2] Там же.

[3] Там же. Сравни в кратком учебнике, стр. 5: «Но для большинства европейских народов эти средние века—не что иное, как их древность, потому что в древней истории народов Средиземного моря они не участвовали».

рактер, об'ясняющий этот, на первый взгляд, странный факт.

Так, в кратком учебнике, на странице 63, в параграфе «Германия и Италия в X и XI вв.», проф. Виппер пишет: «В течение 100 лет (919 — 1024) королями были герцоги Саксонии — страны, которая была ближе всего к границе с венграми и славянами. Король Генрих I, прозванный Птицеловом, все правление свое провел в борьбе со степняками, стараясь загородиться от набегов постройкой бургов на границе». (В полном учебнике вовсе нет фактов, касающихся отношений Германии и славян в X и XI веках).

Мы видим из приведенной цитаты, что Генрих I на славян не нападал, а только оборонялся. Возьмем для сравнения соответствующее место из учебника другого буржуазного профессора, Виноградова [1]. Он пишет: «В сторону славян немецкая граница отодвигалась все далее к востоку. Главным орудием борьбы против них было, как в свое время против саксов, н а с и л ь с т в е н н о е о б р а щ е н и е в х р и с т и а н с т в о (подчеркнуто Виноградовым. — *М. З.).* Война велась с беспощадной жестокостью. После покорения одного племени, например, все взрослое мужское население было перерезано, женщины и дети обращены в рабство. На месте разоренных славянских поселений возникали немецкие города и епископства» [2].

Ясно из этого, что Генрих I не оборонялся, а наступал, наступал с кровавой беспощадностью и жестокостью, используя для этого не только лучшее вооружение, но и такое орудие порабощения, как христианство. Но обо всем этом не считает нужным говорить либеральный профессор Виппер! Немецкие фашисты, став у власти, пытаются продолжить устремление на Восток — на СССР. В свете этих фактов приобретают совершенно определенный фашистский смысл эти высказывания проф. Виппера, который в учебнике, предназначенном для России, не говорит о кровавом завоевании и истреблении славянских племен немцами, а только об обороне немцев от славян.

Про Германию в XIII—XIV веках Виппер говорит, что «германская народность широко распространилась и заняла вдвое большее пространство, чем до тех пор...» [3]. Заканчивается это глухое обозрение следующей фразой: «Во всех этих областях германские колонисты сели в качестве господ и подчинили себе туземцев» [4]. Нет абсолютно никакого упоминания о классовой борьбе во всей решительно истории германской колонизации между Эльбой и Одером.

Но Виппер этим не ограничивается. На 79 и 80 страницах его краткого учебника дана идеализация разбойничьих рыцарских орденов. «Рыцари обязывались,— пишет Виппер,— также помогать бедным и больным богомольцам, охранять безоружных на пути к святыням». При изложении истории Тевтонского ордена, который, как известно, с величайшей жестокостью истребил полностью литовское племя пруссов, Виппер, обходя молчанием этот факт, показывает тевтонов в плане тех благочестивых рыцарских обетов, о которых говорилось выше. Другими словами, Виппер выполнил работу, за которую германские фашисты должны ему сказать большое спасибо.

В этом отношении опять-таки учебник Виноградова стоит значительно выше учебника Виппера. В учебнике Виноградова мы находим не только общее об'яснение причин победы немцев над славянами, но и попытку, правда, очень робкую, классового об'яснения причин разгрома славян. Вот что пишет Виноградов: «У самих славян стали появляться князья, которые принимали христианство, женились на немецких княжнах, заимствовали у немцев их обычаи» [5]. Эти слова в переводе на обычный язык значат, что социальная верхушка славянских народов — их князья и близкие им социальные слои — предала интересы славянского народа и этот переход господствующего класса к врагу есть одна из причин поражения славян.

[1] Учебник всеобщей истории. Составил Павел Виноградов. Ч. 2-я. «Средние века». Изд. 1911 года, стр. 64.

[2] Там же.

[3] Краткий учебник, стр. 116

[4] Там же.

[5] Учебник всеобщей истории. Составил Павел Виноградов. Ч. 2-я Изд. 1911 года, стр. 143.

Оба учебника Виппера (и краткий и полный) рисуют исторический процесс без описания острой социальной борьбы. Как в учебнике древней истории, Виппер, говоря о борьбе, имеет в виду лишь борьбу между государствами и народами. И эту борьбу, как мы видели на примере его изложения истории славянства, он рисует в очень смягченных тонах («германская народность широко распространилась...»). Почти совершенно обходит молчанием Виппер борьбу угнетенных классов. Так, в истории Византии и в кратком и в полном учебниках мы ничего не находим относительно восстания Фомы Славянина; в истории Арабского халифата ничего не сказано о восстании зинджей («черных рабов»), которые продержались около 15 лет против багдадского халифа; в истории великого переселения народов отсутствует даже намек на классовую борьбу (революция рабов!) и остается непонятной легкость завоевания германцами громадной территории с большим числом народонаселения к востоку от Эльбы (стр. 10—14 краткого учебника).

Слабо подчеркнуты классовая борьба в изображении крестовых походов и захватнические стремления крестоносцев (сказано только: «почти забыли о главной цели похода». Стр. 74—77 краткого учебника). Остались невыясненными социальный характер еретических движений (стр. 88—89 краткого учебника) и многие другие факты классовой борьбы. Невнимание к этим фактам и нежелание останавливаться на них — характерная черта Виппера.

Виппер сознательно вносит путаницу в определение класса. Так, на стр. 88 полного учебника мы видим, что Виппер различает два класса — «рабочий и военный». Далее (в полном учебнике, на стр. 147, и в кратком — на стр. 79) он говорит уже о «классе рыцарей» как о классе, отдельном от сеньоров, извращая, таким образом, основу классового деления. Классы, по Випперу, складываются и распадаются независимо от производства. Так например Виппер говорит, что класс рыцарей сложился в крестовых походах (краткий учебник).

В учебниках Виппера встречаются удачные картины, которые можно использовать нашим преподавателям (их гораздо больше в полном учебнике чем в кратком). К ним относятся, например, следующие места: эпизод с ковром (полный учебник, стр. 17), посольство из Медины (стр. 21), описание власти царя (стр. 35) и др.

Краткий учебник написан гораздо менее интересно: язык его сух и невыразителен.

Среди учебников истории Виппера учебники средней истории являются самыми плохими. В полном учебнике имеется много фактов культурно-исторического характера, но представление об историческом процессе он дает неправильное. В основу обоих учебников положена ложная буржуазная концепция исторического процесса как повторяющихся циклов. Этого никогда не должен упускать из виду преподаватель, использующий эти учебники.

В. Самойлов

ИЗ ИСТОРИИ СНОШЕНИЙ ЦАРСКОЙ РОССИИ С ЯПОНИЕЙ в конце XVIII века

Первое известие о Японии в Европу принес знаменитый путешественник Марко Поло, побывавший в XIII веке в Китае и наслышавшийся при дворе Кублайхана о сказочных богатствах японских островов.

Значительную роль в развитии торговых сношений Японии с Европой сыграли португальские миссионеры и купцы, появившиеся в Японии в 1542 году и затем голландцы, вытеснившие из Японии португальцев и монополизировавших внешнюю торговлю Японии с Европой.

Несомненно, что слухи о Японии проникли в Россию задолго до ее попыток непосредственно вступить в торговлю с Японией. Источниками этих слухов могли быть рассказы голландских и китайских купцов, торговавших с Россией.

Первые попытки сближения России с Китаем начались еще в середине XVI века, когда, по повелению Ивана Грозного, посланы были «проведывать за Сибирь государств» казаки Иван Петров и Бурнаш Ялычев, добравшиеся до самого Пекина, но не добившиеся аудиенции у богдыхана только из-за отсутствия подарков для богдыхана [1]. В конце XVIII века царская Россия впервые сделала ряд попыток для установления торговых и дипломатических сношений с Японией.

Однако попытки царского правительства в конце XVIII века установить связь с Японией оказались неудачными. Посланный в 1792 году в Японию, по указу Екатерины II, поручик Лаксман, который должен был доставить на родину живших в Иркутске японских моряков и попытаться подготовить почву для сближения России с Японией, по прибытии в Японию был встречен довольно вежливо, но договора ему заключить не удалось ввиду уклончивой политики токугавского правительства. Публикуемые документы, хранящиеся в подлинниках в костромском отделении Ярославского облархива, в фонде И. О. Селифонтова, отражают аналогичную попытку Екатерины II в 1796 году отправить на русском корабле в Японию потерпевших около Алеутских островов кораблекрушение японских моряков и подготовить установление торговых сношений России с Японией.

Значительный интерес для изучения этого малоисследованного вопроса представляет публикуемый ниже рескрипт Екатерины II от 28 июля 1796 года на имя иркутского и колыванского генерал-губернатора И. О. Селифонтова.

Не лишены интереса также публикуемые в этом номере рапорт И. О. Селифонтова на имя Екатерины II от 8 августа 1796 года и его письмо к М. Г. Толбугину от 27 ноября 1816 года, в котором Селифонтов несколько суб'ективно об'ясняет, почему в 1796 году не состоялась подготовлявшаяся в Японию экспедиция, и самоуверенно утверждает, что осуществить эту экспедицию не удалось якобы ввиду смерти императрицы и упразднения должностей генерал-губернаторов.

Неудача попыток русского самодержавия в конце XVII века установить взаимоотношения с Японией частично об'яснялась тем, что внимание царского правительства в значительной степени было отвлечено событиями в Европе в связи с французской буржуазной революцией, и тем, что предпринимавшиеся попытки завести торговлю с Японией столкнулись с упорным

[1] «Правительственный вестник» № 281 от 19 декабря 1893 года.

сопротивлением японского правительства, а также голландских негоциантов, видевших в русских купцах опасных конкурентов.

Только после 1853 года царской России удалось установить с Японией политические и торговые связи.

1) Рескрипт Екатерины II на имя правящего должность иркутского и колыванского генерал-губернатора И. О. Селифонтова от 28 июля 1796 г.

Господин генерал-поручик Селифонтов; известясь через рапорт дошедший к нам от Иркутского губернатора генерала майора Нагеля о вывезенных прошедшего лета в Охотск на судне Рыльского именитого гражданина Шелехова и Компании, пятнадцати человек японцев найденных по разбитии судна их на одном из Алеутских островов и желая доставить сих чужестранцев в их отечество, дабы пользуясь сим случаем можно было приобрести обстоятельнейшие о Японии сведения и способствовать распространению в том крае Российской торговли, повелеваем вам по приезде вашем в Иркутск учинить надлежащее распоряжение о возвращении помянутых японцев в отечество их на казенном или же на купеческом судне как удобнее и выгоднее случится, дозволяя на том самом судне отправиться и нескольким из купцов наших с товарами по тому точно примеру, как подобное отправление в Японию было сделано по указу нашему от 13 сентября 1791 года предместнику вашему данному на основании коего и потребное число денег как на содержание сих японцев, так и на прочие по сей экспедиции расходы можете заимствовать из доходов Иркутской губернии, доставя предварительно о всех таковых издержках надлежащее исчисление к нашему действительному тайному советнику и генерал-прокурору графу Самойлову. Об исполнении же сего и об успехе не оставите нам доносить.

Пребываем в прочем вам благосклонны.

В Царском селе июля 28 дня 1796 г.

Екатерина.

2) Всеподданейший рапорт правящего должность иркутского и колыванского генерал-губернатора И. О. Селифонтова Екатерине II от 8 августа 1796 г.

Высочайший Вашего императорского величества указ в 28-й день минувшего июля всемилостливейше мне пожалованный о учинении по приезде моем в Иркутск надлежащего распоряжений касательно до возвращения в отечество вывезенных прошедшего лета в Охотск на судне Рыльского именитого гражданина Шелехова и Компании 15-ти человек японцев на казенном или на купеческом судне, с употреблением на сию экспедицию денег из доходов Иркутской губернии, я имел счастие получить.

Воспользуясь примером прежде бывшего в 1792 году в Японию отправления, не премину, всемилостивейшая государыня, по прибытии моем в Иркутск во всей точности приступить к исполнению высочайшего вашего предписания и всеподданейше донести об успехе сей экспедиции. Между тем, входя в распоряжение высочайше данного мне вашего императорского величества повеления встречаются всемилостивейшая государыня нижеследующие обстоятельства:

Первое. Приготовить надежное судно с полным числом служителей и снабдить всеми нужными припасами, — но для сохранения казны вашего императорского величества хотел было я употребить на сию службу тот же самый брегантин, который прежде ходил в Японию, но получено мною сведение о ненадежности оного, надобно приступить к построению нового, ибо означенный брегантин построен более уже осьми лет и в первую его кампанию отправлен был с немалою починкою, следовательно ныне и не может быть к сему путешествию надежен; для построения же нового осмеливаюсь предоставить на благоусмотрение вашего императорского величества сделанный мною чертеж и примерное исчисление как на построение и вооружение, так и на покупку провианта, жалованье офицерам и служителям, на содержание в пути японцев и на прочие расходы. Все оное составляет 29 976 рублей.

Второе. Известно мне всемилостивейшая государыня, что в Охотске и в Петропавловском порте нет способного и знающего мореплавание штурмана, в чем наиболее удостоверился читая журнал[1] последнего путешествия к японским берегам, в коем никаких нет по должности искусного мореплавателя примечаний, то-есть, нигде не сделано астрономических наблюдений, ни подробного описания берегов, заливов и островов, и под какими лежат ширинами и протчее, кроме обыкновенного плавания какое бывает на малом расстоянии в виду берегов от Кронштадта до Ревеля, осмеливаюсь всеподданейше представить вашему императорскому величеству не благоугодно-ли будет повелеть Адмиралтейской коллегии для посылки в Японию, избрав одного искусного мор-

[1] Данный мне от ее величества веденный на брегантине св. Екатерины штурманом Ловцовым, карты Курильских островов, города Матмая, порта Хакодаде — но все они с картою г-на капитана Головина несходны, и записки Лаксмана (Примечание И. О. Селифонтова).

ского офицера и одного штурмана доставила ко мне в Иркутск.

Третье. Также для препровождения японцов и переговоров с их чиновниками нахожу весьма нужным отпразить человека расторопного, знающего часть коммерческую и который бы сверх торговых дел и политическое сношение иметь мог с народом для нас мало известным, особливо потому, что порт Нангазаки, назначенный японцами к принятию нашего корабля, занят, так сказать, ревнивыми и корыстолюбивыми голландцами, от коих первое прибывшее наше судно для разделения с ними торга не могли бы произойти каковых либо неприятностей, старался я избрать в Сибирском краю чиновника и находя к сему делу довольно способным тобольского казачьего войска и ясашных первого класса голову от армии капитана из сибирских старинных татар Мурзу Сабанака Кульмаметова, который при разных случаях был употребляем для переговоров с пограничными китайцами, так по знанию своему торговых сибирских оборотов и языков китайского и манжурского, особливо и личным его качествам, таковое препоручение исполнить может. Приемлю смелость представить о нем вашему императорскому величеству, потому наипаче, что сей человек исполненный усердия к службе вашего величества имеет в Тобольской губернии семейство и свои деревни, всемерно будет стараться исполнить возлагаемое на него препоручение к достижению желаемого предмета.

Все сие повергаю на высочайшее вашего императорского величества благоволение.

Августа 8 дня 1796 года.

Представление утверждено и куда следовало даны повеления, а Сабанак пожалован в майоры. С сего донесения сообщена копия к вице-канцлеру князю Куракину 1797 года февраля 9-го и апреля 4-го [1].

---

[1] Последняя пометка, равно как и выноска под строкою на предыдущей странице, очевидно, были сделаны в 1816 году.

3) Письмо отставного действительного тайного советника И. О. Селифонтова к М. Г. Тобугину от 27 ноября 1816 г.

Милостивый государь мой Михайло Гаврилович!

За доставление записок флота г-на капитана Головина, покорно вас благодарю, которые прочитал я с большим удовольствием, в них находил весьма много любопытного, но при том позволит мне г-н сочинитель об'яснить неизвестность ему, о которой он пишет (ч. 1 на стр. 17) почему покойная государыня Екатерина не приказала тотчас по возвращении Лаксмана отправить корабль в Нангазаки, полагая, что беспокойства произведенные в Европе французскою революциею были тому причиною; однако ж это не есть истинная причина и сия революция не препятствовала ни в чем императрице по принятым мерам делать что ей было угодно, поелику для усмирения сих безумных голов, по соглашению с другими державами назначена была 80 (тысячная) армия под начальством князя Суворова, которая отдельно сама собою должна действовать от Рейна, австрийцы из Италии и Швейцарии, англичане со стороны Голландии, гишпанцы от Пиреней на французские провинции, — следовательно Россия была от французов обеспечена, и с японцами производить переговоры ни что ей не мешало, а паче способствовало настоящее тогда время, занимающее европейские купечественные народы войною и не дозволяло им помышлять об отдаленных отраслях торговли. Великая Екатерина ни при каких случаях намерения своего не оставляла и только ожидала удобного случая, как из приложенных при сем бумаг изволите усмотреть кои прошу покорно сообщить г-ну Головину и открыть ему неизвестность одну ту, что с кончиною ее переменилось и обстоятельство: и вот как! В начале декабря 1796 г. отправился я в Иркутск, но доехал только до Тобольска, получил повеление возвратиться и присутствовать в сенате, ибо все генерал-губернаторские места упразднились. По приезде же моем в Москву сообщил я с данных мне высочайших указов, которые оставались без исполнения, копии бывшему тогда вице-канцлеру князю Куракину, чем японская экспедиция и кончилась, в прочем имею честь быть с моим истинным почтением милостивого государя моего.

27 ноября 1816 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Мишулин

О БДИТЕЛЬНОСТИ НА ФРОНТЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Известно, что фронт исторической науки благодаря притуплению бдительности коммунистов-историков был засорен различными проходимцами из контрреволюционного троцкистского охвостья. Враги народа Фридлянды, Ванаги, Зайдели, Анатольевы и другие были агентами троцкистско-зиновьевской банды на участке новой истории и истории СССР.

Подобные же контрреволюционеры и двурушники подвизались и на отдельных участках древней и средней истории. Здесь выступали такие оголтелые враги народа, как Пригожин, Быковский и Кипарисов, которые использовали Академию истории материальной культуры для своей подрывной, троцкистской работы. Эти, с позволения сказать, «историки», творя свое гнусное, контрреволюционное дело, вместе с тем руководили всем учреждением Академии материальной культуры, размножая свои «труды» и давая антиленинские установки своим сотрудникам. В ГАИМК, под крылышком врага народа Быковского и его друзей, затевались ненужные и вредные «дискуссии», посвященные усиленным отыскиваниям «противоречий» в докапиталистических обществах. Мнимые «разногласия» и «яростные» выступления друг против друга служили троцкистам простой маскировкой их контрреволюционной работы в стенах Института и сбивали с толку многих научных работников ГАИМК, которые в ряде случаев попадались на удочку этих троцкистов и повторяли вслед за ними антимарксистские, антиленинские «теории» и положения. Примером того, как наши отдельные историки благодаря притуплению бдительности попадались на удочку троцкистских «теорий», является доклад, сделанный в свое время в ГАИМК С. И. Ковалевым, в котором он отрицал за первобытным обществом право именоваться социально-экономической формацией[1].

В соответствии с этим утверждением им выдвигалось далее положение, что социалистическое общество в СССР не является новой общественной формацией и вообще какой-либо формацией. С. И. Ковалев утверждал, что «понятие общественной формации, сложившееся у Маркса и Энгельса целиком на материале классового общества и применительно только к нему, **не может быть механически перенесено на общество бесклассовое**» (подчеркнуто мной.—**А. М.**, стр. 6). Такой вывод, разумеется, не имеет ничего общего с марксизмом и является просто клеветой на марксизм.

Немало путаницы и грубых ошибок допущено и на участке античной истории, на котором мы и хотим остановить внимание читателей.

В связи с 50-летием со дня смерти К. Маркса ГАИМК издал сборник («Известия ГАИМК» № 90 за 1934 год). Троцкисты Пригожин, Быковский и другие не раз пытались использовать такого рода сборники для своих выступлений. Правда, в некоторых из этих сборников имеется много ценных конкретно-исторических исследований и статей видных советских ученых, но в то же время сборники, не говоря уже о писаниях троцкистских вредителей, содержат и ряд статей, в которых много ошибочных антимарксистских положений.

К числу последних должна быть отнесена и помещенная в названном нами сборнике статья С. И. Ковалева, посвященная «Проблеме социальной революции в античном обществе», в которой автор на протяжении 32 страниц (стр. 295—327) пытается не только поставить, но и разрешить все вопросы античной истории как Греции, так и Рима! Не удивительно, что при таком подходе к исследовательской работе мы сталкиваемся с крайне абстрактным социологизированием, в духе так называемой школы Покровского, осужденным постановлением партии и правительства от 16 мая 1934 года.

С. И. Ковалев в своей статье, во-первых, пространно доказывает то, что является бесспорным для историка-марксиста, а именно, что социальная революция могла быть и действительно имела место и в античном обществе. При этом он формулирует следующую неверную мысль: «Положение, что социальная революция есть историческая категория, означает, что в ходе все-

[1] «Доклассовое общество не является формацией». См. разбор этого положения С. И. Ковалева в «Сообщениях ГАИМК» № 8 за 1931 год в статье Смирнова «Против попытки ревизии марксистско-ленинского учения», стр. 5.

мирноисторического процесса она может развиваться от форм зародышевых, примитивных, генетических к формам все более полным и развернутым» (стр. 298). Другими словами, социальная революция свойственна античному миру лишь в «зародышевой», «примитивной» форме. Между тем С. И. Ковалеву должно быть известно, что в древнем мире имели место не «зародышевые», а самые настоящие революции рабов. После ряда известных высказываний на этот счет основоположников марксизма-ленинизма это положение вряд ли может вызвать какие-либо сомнения. Товарищ Сталин в своем историческом выступлении на с'езде колхозников совершенно ясно сказал, что революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся.

Характерна и самая манера аргументации С. И. Ковалева. Он с самого начала заявляет, что будет выставлять «диалектические определения, а не логические дефиниции» (стр. 295). На деле же вместо исследования живой ткани исторической действительности античной эпохи, на основе указаний, данных классиками марксизма-ленинизма, С. И. Ковалев занимается чисто априорными рассуждениями. Допустив априори социальную революцию в античном мире, он пишет: «Если с этой точки зрения мы уже априори (!) должны допустить, что если в рабовладельческой формации имели место социальные революции, то эти ранние революции должны были отличаться от более поздних» (стр. 298). Это называется «диалектические определения, а не логические дефиниции»! В конце концов, после всех пространных рассуждений Ковалева читателю не ясно — были ли в древности эти социальные революции или автор согласен только «априори их допустить»? Что конкретно значит «ранние революции должны были отличаться от более поздних»? Вместо конкретного анализа революции рабов автор впадает в «игру словечками», в схоластические рассуждения и ни к каким определенным выводам не приходит. Такие случаи у С. И. Ковалева далеко не единичны. Подобные же схоластические и путаные рассуждения автор приводит и дальше, стремясь доказать, что в эпоху Солона в древней Греции имела место классовая борьба. «Борьба (при Солоне.—**А. М.**), формально не будучи классовой, фактически была таковой и все более становилась таковой по мере того, как классы сбрасывали с себя свое родовое «обличие» (стр. 301). Это ошибочное и путаное утверждение автор выдает за изложение диалектических «противоречий античного общества» (стр. 307).

С. И. Ковалев явно игнорирует также и марксистско-ленинское учение о противоречиях в классовых обществах и пытается открыть какой-то особый закон противоречий в античном обществе. «Конкретной формой основного противоречия античного общества было противоречие между рабовладельческой собственностью, предполагающей простую кооперацию рабского труда, и индивидуальной собственностью, основанной на индивидуальном производстве» (стр. 312). Следуя в трактовке этого вопроса по стопам троцкиста Пригожина, С. И. Ковалев все противоречия древности сводит к отношениям собственности, вернее, к юридическим формулам, в которых эти отношения выражены. Между тем известно, что основное противоречие античного общества заключается в противоречии между производительными силами и производственными отношениями.

На вопрос о том, что такое «рабовладельческая собственность, предполагающая простую кооперацию рабского труда», сам С. И. Ковалев не дает ясного ответа, точно так же как и на вопрос о том, каким образом эта форма собственности противоречила «индивидуальной собственности, основанной на индивидуальном производстве».

Остается также неизвестным, какие классы стоят за открытым им противоречием? Автор не только не говорит по этому поводу что-либо вразумительное, но он даже находит возможным считать рабов представителями индивидуальной собственности. Такое утверждение является по меньшей мере странным, ибо для всякого сколько-нибудь грамотного историка ясно, что класс рабов не являлся носителем «индивидуальной собственности», а сам был предметом собственности в руках рабовладельцев, что, между прочим, неоднократно подчеркивал еще К. Маркс. Но высказывания К. Маркса С. И. Ковалев почему-то не принял во внимание, зато он цитирует германского буржуазного социолога Макса Вебера (стр. 309), замечания которого о рабах и рабской мастерской он и берет за основу своей ошибочной теории.

Мы задержались на этом вопросе, потому что ошибочное освещение его в юбилейном сборнике носит неслучайный характер. С. И. Ковалев свои неправильные, путаные формулы продолжает размножать и в своих учебниках [1].

Эти принципиальные ошибки об'ясняются тем, что автор не хочет изучать многообразную историческую действительность, он ее чурается, предпочитая пользоваться методами отвлеченных схематических рассуждений и оторванными от жизни формулами.

Третий вопрос, который в своей статье ставит С. И. Ковалев,—это вопрос о революции рабов и конкретных формах, в которых она протекала. Стремясь поставить на службу своей схемы некоторые исторические факты, автор и здесь делает недопустимые ошибки.

---

[1] «История древнего мира». Ч. 1-я, вводная статья. 1936 и «Рим», стр. 305—307.

После поражения спартаковского восстания наступает, как пишет автор, «политическая стабилизация», длившаяся до половины II века нашей эры. Этот период, так называемой «политической стабилизации», описан автором очень поверхностно, а между тем с точки зрения социальных сдвигов этот промежуток времени имеет огромное значение в истории древнего Рима. «Со второй половины II века нашей эры, с эпохи Марка Аврелия,— пишет автор,— временная «стабилизация» империи кончается. Революция рабов вступает в новую фазу своего развития, более страшную для античного общества, чем первая (стр. 312—319).

Казалось бы, историк должен был это положение подкрепить хотя бы некоторыми фактами. Но С. И. Ковалев этого не делает, ибо фактов, подтверждающих наличие в этот период «страшной революции» рабов, не существует. Очевидно, поэтому автор вынужден эту «вторую революцию» начать не с конца II века нашей эры, а с императора Максимина, который ко всеобщему удивлению под пером С. И. Ковалева превращается чуть ли не в истинного революционера! Так например на стр. 321 автор пишет, что император Максимин «правил по образцу Спартака и Афениона» (321 стр.).

Насколько беспочвенно это утверждение С. И. Ковалева, видно из его попытки подкрепить это положение ссылкой на одного античного историка (Юлий Капитолин), который ставил императора Максимина в один ряд со Спартаком и Афенионом. Но ведь автору должно быть известно, что когда рабовладельческие полководцы и императоры дрались друг с другом, они не раз в припадке озлобления называли друг друга «бандитом Спартаком». Цицерон в свое время сравнивал Марка Антония со Спартаком, но ведь никто не рискнет превратить на этом основании Антония в революционера. А какие же основания у автора для превращения императора Максимина в революционера?

После этой, второй революции С. И. Ковалев сообщает «в конце III и начале IV в., при Диоклетиане и Константине, еще раз наступил некоторый, еще более короткий период «стабилизации». Итак наступает еще новая «стабилизация»! После смерти Константина (337) «анархия» разгорелась с новой силой» (стр. 319—321).

Здесь непонятно, отождествляет ли автор «анархию» с революцией рабов? Но, к удивлению, и этот период под'ема заканчивается новой очередной «стабилизацией».

«Короткая передышка при Феодосии (379—395),— говорит С. И. Ковалев, — была последней» (321 стр.). Наконец, тремя строками ниже С. И. Ковалев без всякой аргументации заявляет: «Революция рабов окончилась!»

Такова «проблема социальной революции в античном обществе» в изложении С. И. Ковалева. Конкретное изучение истории социальной революции в античном обществе автор подменил вульгарно-социологическими схемами.

Высказывание товарища Сталина о революции рабов, ликвидировавшей рабовладельцев и отменившей рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся, не было разработано С. И. Ковалевым на фактическом материале. Вместо революции рабов у Ковалева получается буржуазная теория циклизма о «под'емах» и «стабилизациях», ничего общего с марксизмом не имеющая.

Нельзя не сказать попутно и об ошибочной статье С. И. Ковалева — «Великие восстания рабов II—I вв. до н. э.», помещенной в сборнике «Из истории античного общества» (ГАИМК. 1934).

В этой статье Ковалев развивает вредную теорию «пропасти» между рабами и крестьянством в период спартаковского восстания. С точки зрения Ковалева крестьянство — это чуждая революции рабов сила: оно якобы не могло выступать совместно с рабами. «При этом упускается из виду,—говорит Ковалев,— та пропасть, которая суб'ективно разделяла еще в эту эпоху свободного бедняка и раба, пропасть, исчезнувшая только во второй фазе революции рабов» (стр. 179). Автор не учитывает новые материалы, опубликованные о Спартаке, достаточно убедительно говорящие о том, что в войсках последнего были и крестьяне.

«Пропасть» между крестьянством и рабами, по мнению С. И. Ковалева, заключается в том, что «беднота вредила им (рабам.— **А. М.**) анархическими методами борьбы» (стр. 157), что у рабов была «легкая подверженность деморализации (грабежи), индивидуальные убийства, жестокости и т. п.» (стр. 180) — все это в изложении С. И. Ковалева превращает свободное крестьянство в контрреволюционную силу и принижает также движение рабов. Рассматривая причины поражения спартаковского восстания, С. И. Ковалев чересчур выпячивает моменты этнической и племенной розни в лагере восставших рабов. «...в лагере рабов начались разногласия повидимому на почве племенной вражды... Кельто-германская часть (30 000 чел.) во главе с Криксом отделилась» (стр. 166). Автора не смущает, что два наших основных источника, Аппиан и Плутарх, совершенно ничего не говорят о причинах разногласий. Аппиан настолько осторожен, что даже не упоминает вообще о разногласиях. Автора не смущает и то, что Синезий, например, прямо говорит, что в момент борьбы с рабовладельцами рабы всех племен об'единялись и забывали разногласия[1]. Ковалев не смог подняться до классового анализа разногласий в армии Спартака.

Разногласия и раздоры, сеявшиеся рабовладельцами между рабами разных

---

[1] Синезий «О царстве». 256.

племен и народов, забывались последними в момент восстания, и рабы пред лицом врага об'единялись для совместной дружной борьбы с Римом. Это обстоятельство было отмечено уже античным историком Диодором Сицилийским, в то время как С. И. Ковалев, не подозревая этого, об'ясняет причины разногласий среди восставших рабов племенной и этнической враждой.

Другая статья в сборнике, посвященном 50-летию со дня смерти К. Маркса, на тему «Рабские восстания II в. до н. э. как начальный этап революции рабов», принадлежит О. О. Крюгеру. Она отличается с внешней стороны более серьезным подходом к изучаемому вопросу. Однако и здесь имеется ряд ошибочных, немарксистских утверждений.

К числу основных ошибок относится принижение автором значения восстаний рабов II—I веков до нашей эры (стр. 380). Крюгер неправильно истолковывает Ленина, утверждая, что во все исторические периоды «рабы оставались пешками в руках господствовавших классов». Автор не оговаривается при этом, что это положение относится лишь к раннему периоду восстания, но когда рабы из «пассивного пьедестала» (К. Маркс) превращаются в активных борцов, они перестают быть «пешками». Известно, например, как Маркс и Ленин высоко ценили революцию Спартака в древнем Риме. Проводя свою точку зрения, автор совершенно упустил из виду слова товарища Сталина о революции рабов, ликвидировавшей рабовладельцев. Крюгер не об'ясняет, как эту революцию могли сделать «пешки»?

Нельзя преувеличивать суб'ективных устремлений рабов, но нельзя и принижать великие восстания рабов в древности и говорить, что «...рабы никогда не задавались целью изменить существующий строй» (стр. 380).

Второй ошибкой О. О. Крюгера является его утверждение, что «...классовой солидарности между свободными эксплоатируемыми и рабами не было и не могло быть» (стр. 380).

Исторически это совершенно неправильно, ибо всякий, знакомый с материалами о восстаниях рабов в Сицилии и италийском восстании Спартака, знает, что к движению рабов присоединились массы обездоленного свободного крестьянского населения. Таким образом, утверждение Крюгера может исходить из вредной, культивировавшейся в ГАИМК теории о том, что свободные крестьяне и несвободные рабы противостояли друг другу как чуждые силы.

Интересно, как в другом сборнике («Известия ГАИМК» № 76) Крюгер толковал и извращал сущность восстания рабов. Роль восстания рабов II—I веков до нашей эры он сводит к следующему: «...расшатать, поколебать это государство (римскую республику.— **А. М.**), толкнуть общество на создание монархии было делом прогрессивным, в этом заключалась роль рабских движений» (стр. 131). Это положение, по существу, остается в разбираемой нами статье (стр. 397). Таким образом, по Крюгеру, рабские восстания способствуют созданию монархии, причем эта последняя для рабов рассматривается как прогрессивный фактор. Надо ли говорить о том, что такая постановка вопроса перевертывает всю историю вверх ногами и опошляет героическую борьбу рабов против рабовладельческого строя и против римских императоров. Тенденциозное приписывание рабам борьбы за монархию извращает характер классовой борьбы угнетенных против своих угнетателей.

Автор статьи не ставит в какой-либо степени своей задачей об'яснить причины поражения восстаний рабов II—I веков до нашей эры. На этот интересный вопрос он нигде не отвечает. Однако Крюгер вкорне неверно пытается об'яснить разногласия в лагере восставших и цель самого восстания. Здесь он целиком следует по стопам С. И. Ковалева. «Цель восстания (Спартака.— **А. М.**),— говорит он, — не единая, она меняется в связи с этнической рознью» (стр. 392). Крюгер, как и Ковалев, не может подняться до классового анализа состава спартаковской армии и путем этого анализа установить основные, хотя и различные задачи, выдвигавшиеся в ходе борьбы. Все разногласия в войске Спартака он, как и Ковалев, сводит к этнической розни. «...этнический состав его,—пишет Крюгер,—был слишком разнороден... Спартак намечает одну цель: выход из Италии. Крикс со своими германцами стоит за борьбу» (стр. 397—392). Такие выводы являются, по меньшей мере, странными. Неизвестно, почему германцев Крюгер находит только у Крикса? Ведь они были и у Спартака. Далее, что значит «Крикс с германцами» стоит за борьбу? Ведь известно, что Спартак со всей своей армией также стоял за борьбу. Кому нужна такая идеализация «Крикса с германцами» впротивовес Спартаку?

Наличие такого рода антимарксистских ошибок в специальном сборнике, посвященном 50-летию со дня смерти величайшего основоположника научного социализма К. Маркса, нельзя рассматривать иначе, как издевательство со стороны ГАИМК над именем Маркса.

Ошибки, допущенные в этом сборнике, не случайны. Они повторяются, как мы видели, в сборнике «Из истории античного общества».

Так выглядят два сборника в тех частях, где разбирается вопрос о революции рабов в античном обществе. Основная установка по вопросу о революции рабов, данная товарищем Сталиным в его речи на с'езде колхозников, была искажена в этих работах.

Вредные теории, развиваемые на участке древней истории, должны заставить нас насторожиться и поднять большевистскую бдительность на должную

высоту. Соцэкгиз, печатающий продукцию ГАИМК, должен был отнестись более серьезно к издаваемым им работам. И Наркомпросу надлежит также более внимательно отнестись к работе ГАИМК и ликвидировать там те последствия вредительства, которые остались от прежнего троцкистского руководства.

Е. Адамов

Е. ТАРЛЕ. «Наполеон». Серия биографий «Жизнь замечательных людей». Москва. 1936. 624 стр. 4 р. 50 к.

I

В соответствии с общей задачей серии биографий «Жизнь замечательных людей» Е. Тарле поставил целью своей книги изобразить «возможно отчетливую картину жизни и деятельности первого французского императора, его характеристику как человека и как исторического деятеля с его свойствами, природными данными и устремлениями» (стр. 10).

Первые главы книги не дают, однако, достаточно отчетливой картины жизни Наполеона: из них читатель узнает о жизни Наполеона и о его личности не больше чем из сокращенного курса «Истории Западной Европы». Более подробную характеристику Наполеона мы находим лишь в особом «заключении», надобность в котором, видимо, и возникла потому, что автор превратил значительную часть биографии Наполеона в популярную и занимательно написанную историю наполеоновских войн. Собственно биографический характер имеют две главы: первая—«Молодые годы Наполеона» и последняя—«Остров св. Елены», но уже от первой главы создается впечатление, что о личности Наполеона автор рассказывает крайне неохотно: на десяти (из 624!) страницах автор сумел «покончить» с родиной и родителями Наполеона, с его детством, отрочеством, юностью и довести свое изложение до взятия Тулона. Детские годы Наполеона представлены автором крайне односторонне. Кроме того изложение автора страдает и фактическими неточностями:

«Наполеон рос ребенком угрюмым и раздражительным... В бриенском военном училище Наполеон оставался угрюмым, замыкающимся от других детей мальчиком... не искал ни с кем сближения, смотрел на всех без почтения, без привязни и без сочувствия» (стр. 13).

В действительности Наполеон в детстве был душой и коноводом в ребяческих играх и боях городских ребят с ребятами предместья. Мальчиком, в военном училище, он был инициатором, организатором и руководителем военных игр; у него были близкие товарищи и друзья: Демази, Данжей, Монтарби, Пансути, Бурьенн[1], — из которых последний затем заплатил предательством за неизменное покровительство и доброжелательство со стороны Наполеона. С другой стороны, нельзя утверждать, как это делает автор, что Наполеон учился превосходно, прекрасно изучил историю Греции, Рима и т. д. Наполеон действительно был лучшим математиком в школе, но в целом он учился отнюдь не превосходно и в школе по своим успехам был далеко не первым. Общеизвестно, что латынь и грамматика давались ему с большим трудом, да и по-французски Наполеон писал с ошибками до конца жизни[2].

На стр. 15, касаясь взглядов и склада ума молодого Наполеона, автор говорит: «Трудно установить, когда именно появляются в нем первые признаки того нерасположения к «идеологам» освободительной философии, которое так для него характерно. Во всяком случае, шестнадцатилетний подпоручик пока еще не столько критиковал, сколько учился. Это — тоже коренная черта его ума...»

Конспекты молодого Наполеона, знакомство с которыми для биографа Наполеона обязательно, свидетельствуют, что автор здесь несколько ошибается. В юношеских заметках его выписки из Руссо сопровождаются критическими примечаниями, заключенными в скобки: «Это неверно!» или «С этим я не согласен!» и т. д.

Автор пренебрегает не только конспектами и дневниками, но и письмами юного Наполеона. Игнорируя эти обязательные для биографа источники, он иногда подменяет угрюмой, неподвижной схемой живого Наполеона.

Обойдены также молчанием и некоторые другие важнейшие события в жизни Наполеона, в частности период восторженного преклонения его перед вождем корсиканских инсургентов Паоли. Весь корсиканский период политической деятельности Наполеона остается непонятным для читателя. Кроме недоумения читатель ничего не вынесет из такого туманного изложения: «В конце концов он (Наполеон. — **Е. А.**) стал подозрителен к (?) властям, так как сделал попытку завладеть крепостью (без распоряжения сверху). Он уехал во Францию, где ему необходимо было... оправдаться в своем несколько сомнительном поведении на Корсике» (стр. 20).

Обязанностью биографа было рассказать о таких важных эпизодах в жизни молодого Наполеона, как его работа в качестве секретаря клуба «Друзей Конституции» в Валансе, находившегося в сношении с парижскими якобинцами. Ни слова не сказано об опубликованной Наполеоном в 1790 году брошюре «О конституционной присяге священников», из-

---

[1] Кирхейзен. Т. I, стр. 60, 74, 77. Fain «Mémoires», p. 297. Paris. 1809.

[2] Fournier «Napoleon». B. 1, S. 8—9.

за которой он едва не был убит фанатичными корсиканцами. А между тем эти памфлеты дают возможность судить о политическом мировоззрении молодого Наполеона. Вместо этого автор определяет отношение Наполеона к революционным событиям 1792 года пересказом отзывов Наполеона о «канальях» и «гнусной черни» со слов Бурьенна, свидетельства которого не следовало бы считать точными данными.

Кто знаком с тогдашними заметками Наполеона о происхождении и социальной роли дворянства и монархии и с позднейшими его памфлетами, тот легко поймет, что, наблюдая парижские события 1792 года, 22-летний офицер говорил о трусости короля не с точки зрения роялиста, готового «смести пушками 500—600 человек». Автор и сам не приписывает роялистских настроений Наполеону, но зато интерпретирует наполеоновский «разбор» этих событий как проявление «инстинкта, заставлявшего Наполеона уже тогда думать о картечи, как о наиболее подходящем способе отвечать на народные восстания» (стр. 22). Очевидно, здесь имеется в виду наполеоновская картечь 13 вандемьера, но признать «народным восстанием» выступление монархической реакции в день 13 вандемьера могли только роялисты и роялистские историографы.

Характеризуя политическое настроение молодого Наполеона в это время, автор также игнорирует его якобинский памфлет «Le souper de Beaucaire» («Ужин в Бокэре»), ограничиваясь упоминанием на стр. 25 о «небольшой брошюре», в которой доказывается «восставшим на юге городам, что их положение безнадежно». Между тем суть этого памфлета заключается в том, что Наполеон в нем решительно и бесповоротно выступил против жирондистов и роялистов, в то самое время, когда его ближайшие сослуживцы-офицеры либо прочно связались с ними либо заботились главным образом о том, чтобы не скомпрометировать себя перед контрреволюцией. Как известно, эта брошюра Наполеона — по ходатайству О. Робеспьера — была напечатана на казенный счет и вскоре сделалась известной всему Конвенту.

С тулонской победы начинается описание военных успехов Наполеона. В изложении Е. Тарле причины военных успехов Наполеона не всегда ясны. Автор не пытается показать на примерах, в чем заключается военный гений Наполеона. Он уклоняется от задачи показать, что представляла собой наполеоновская армия и почему наполеоновские солдаты были неизмеримо боеспособнее чем крепостные ополченцы феодальной Европы.

Не показав на примерах отдельных кампаний, в чем заключался военный гений Бонапарта, Е. Тарле, естественно, излагает события так, что в отдельных местах история возвышения Наполеона приобретает у него полумистический характер. Так например на стр. 61 он пишет: «Все — и крупные, и мелкие условия так складывались в эту пору, что неудержимо несли его (Бонапарта.—**Е. А.**) на высоту, и все, что он делал, или что происходило даже помимо него, поворачивалось ему на пользу».

Появление Наполеона в Тулонском лагере и его роль в осаде крепости представлены как простая случайность и фактически не соответствуют действительности. «После долгого сопротивления и проволочек со стороны высших властей, не очень доверявших какому-то совсем неизвестному (?!) молодому человеку, случайно (?!) очутившемуся в лагере, новый командующий Дюгомье разрешил ему, наконец, привести свой план в исполнение» (стр. 23).

Как же Наполеон мог оказаться «совсем» неизвестным молодым человеком, «случайно очутившимся в лагере», если еще до осады Тулона Конвент знал Наполеона, если из-под Тулона комиссары Конвента писали в Париж Комитету общественного спасения, что Бонапарт — единственный офицер, у которого есть настоящий план операции, если, наконец, назначение Бонапарта начальником осадной артиллерии состоялось по приказу из Парижа?!

Нечего и говорить, что после взятия Тулона, этого важнейшего оплота интервенции и роялистского мятежа, имя Наполеона стало широко известным. Влиятельнейшие главари термидорианского Конвента Фрерон и Баррас отлично знали Наполеона по Тулону. И, тем не менее, автор представляет участие Наполеона в подавлении роялистского восстания 13 вандемьера (1795 года) как новую случайность:

«Итак, нужно было дать немедленно, через несколько часов, бой, но Баррас не был военным. Необходимо было немедленно назначить генерала. И тут Баррас совершенно случайно (?) вспомнил худощавого молодого человека в потертом сером пальто, который несколько раз являлся к нему в последнее время в качестве просителя». Так автор пишет на стр. 35, забывая, что на стр. 24 он сам же писал: «...тулонская победа, при всей своей сравнительной скромности, навсегда заняла в наполеоновской эпопее совсем особое место. Он впервые обратил на себя внимание. О нем впервые узнали в Париже» и т. д.

Таким образом, в критический момент, когда решалась судьба Конвента, такой прожженный, опытный политик, как Баррас, вручает неограниченную диктаторскую власть случайному, неизвестному «молодому человеку» из толпы осаждавших приемную Барраса просителей. Обилие «оживляющих пейзаж», но просто-напросто надуманных случайностей ставится здесь на место фактов, обстоятельств и условий возвышения Бонапарта.

О том, насколько Е. Тарле как биограф Наполеона упростил свою задачу, свидетельствуют следующие строки из его

книги, на которых мы позволили себе задержать внимание читателя. На стр. 40—41, коснувшись отношений Наполеона к Жозефине и к женщинам вообще, автор говорит: «Чтобы уже покончить с этим вопросом и больше к нему не возвращаться, скажу, что ни Жозефина, ни вторая его жена Мария-Луиза Австрийская, ни г-жа Ремюза, ни актриса м-ль Жорж, ни графиня Валевская и никто вообще из женщин, с которыми на своем веку интимно сближался Наполеон, никогда никакого сколько-нибудь заметного влияния на него не только не имели, но и не домогались... Беспрекословное повиновение и подчинение его воле— вот то необходимейшее качество, без которого женщина для него не существовала. Да и не хватало ему времени в его заполненной жизни много думать о чувствах и длительно предаваться сердечным порывам».

Наполеон по-разному относился к Ремюза, которая как раз домогалась всеми силами и способами влияния на него, и к Жозефине, которой он при несомненной «заполненности» его жизни в Италии писал, не щадя времени, длинные нежные письма. Для нее он устроил пышную резиденцию в Италии[1]. Известно также, что не столько Мария-Луиза «подчинялась» Наполеону, сколько Наполеон ради нее отказывался от своих вкусов и привычек. Биографу надо до крайности упростить жизнеописание Наполеона, чтобы так легко «покончить» и с Валевской, которой Наполеон в первом письме к ней дал обет полонофильства[2]. «Покончить» с этой стороной жизни Наполеона так, как это сделал автор, можно только ценой частичного умерщвления личности Наполеона.

Наиболее существенным недостатком книги Е. Тарле является слабое освещение автором двойственного характера бонапартизма. В главе «Восемнадцатое брюмера 1799» автор посвятил описанию государственного переворота Наполеона I свыше 22 страниц, но не указал, каково было классовое содержание этого переворота и какие социальные силы стояли за Наполеоном. Правда, автор, ссылаясь на высказывания Маркса в «Святом семействе» и «18 брюмера», говорит об этом ниже, в другой связи (стр. 322 и 565), но и здесь он не обращает внимания на самое главное и существенное, а именно, что после переворота 18 брюмера установившаяся диктатура Наполеона была фактически диктатурой контрреволюционной буржуазии.

А между тем на эту крайне важную сторону бонапартизма Ленин обращал внимание еще в 1917 году. В своей статье «За деревьями не видят леса» Ленин писал: «Но всякий, кто хоть чему-нибудь научился из истории или из марксистского учения, должен будет признать, что во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о *классах*: о революции какого класса идет речь? А контрреволюция какого класса?

История Франции показывает нам, что бонапартистская контрреволюция выросла к концу XVIII века (а потом, второй раз к 1848—1852 годам) на почве контрреволюционной буржуазии, прокладывая в свою очередь дорогу к реставрации монархии легитимной. Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»[3].

На процессе антисоветского троцкистского центра японо-немецко-троцкистские шпионы и диверсанты устами Радека старались «обосновать» свою контрреволюционную программу реставрации капитализма в СССР ссылкой на... Наполеона. Не кто иной, как враг народа Радек, со скамьи подсудимых утверждал, что Наполеон хотел «сохранить главные завоевания революции» и т. д. Это бесстыдное искажение исторических фактов, это наглое глумление над ленинским определением бонапартизма понадобились троцкистам не только для того, чтобы представить в «революционном» свете диктатуру Наполеона I, но и для того, чтобы «исторически» обосновать подготовлявшееся ими восстановление капитализма и диктатуры буржуазии в СССР.

К сожалению, эта сторона бонапартизма не получила должного освещения в книге Е. Тарле.

2

Стремясь занимательно и живо изобразить основные события эпохи, Тарле и в дальнейшем слишком далеко идет по пути упрощения и облегчения своей задачи. Автор относит перелом во франко-русских отношениях при Павле I к 1800 году и расценивает его как результат простой уловки Наполеона и примитивной податливости Павла. Если верить Тарле, Наполеону было достаточно дать Павлу знать, что он желает вернуть русских пленных, наговорить русскому уполномоченному комплиментов по адресу Павла, приказать обуть и одеть на счет французской казны этих пленных и вернуть им оружие, чтобы «все это совершенно пленило Павла. Из ярого врага Франции он внезапно обратился в ее доброжелателя...» (стр. 151).

В действительности отношения между царским правительством и его союзниками начали портиться уже в 1799 году. Рескрипт Павла Суворову от 31 июля 1799 года указывал ему на необходимость предохранить себя «от всех каверзов и хитростей Венского двора», а своему послу в Вене Павел предписал потребовать непосредственно от императо-

---

[1] Кирхейзен. Т. I, стр. 357, 360.

[2] Fr. Masson «Napoleon et les femmes», p. 202. Paris, 1902.

Вандаль «Наполеон и Александр I». Т. III, стр. 63.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 84.

ра Франца об'яснения по поводу оскорблений, нанесенных «русскому монарху и победоносному его оружию». Уже 8 октября 1799 года Суворов получил в Линдау рескрипт с указаниями на разрыв с Австрией и возвращение русской армии в Россию, 10 октября — инструкцию продолжать движение в Россию, не обращая внимания на австрийские предложения, и, наконец, 5 января 1800 года—уже в Праге — об'яснение новому курсу политики со ссылкой на «перемену», происшедшую во Франции.

Обращает на себя внимание при чтении страниц, посвященных Амьенскому миру (1802 год) и его разрыву, несколько одностороннее освещение английской политики: Англия-де вела войну оборонительную, защищаясь против закрытия рынков, против непосредственной угрозы английским берегам, против французской гегемонии на материке, которая «могла служить прямым преддверием к нашествию на Англию» (стр. 174—175). «Английская буржуазия и аристократия... были согласны в одном: не допустить подчинения Европы диктатору — Наполеону» (стр. 179). Однако это только одна сторона вопроса. Маркс поэтому поводу писал, что война Англии против Наполеона была войной «перепугавшейся» аристократии и плутократии, стремившихся захватить рынки и колонии, распространить британское владычество на морях, чтобы «притеснять торговлю всякого другого народа...»[1]. При этом со стороны фактической автором упущено значение спора о Мальте — и в политике Павла I и в разрыве Амьенского мира.

Разрыв между Наполеоном и Александром в 1811 году описывается так, что ни контрреволюционного мотива в царской политике, ни спора о Дарданеллах, ни англофильства русских помещиков, ни обоюдной династической обиды Александра I и Наполеона не видно, как не видно и военных приготовлений самого Александра к предстоящей войне.

Точно так же имеются погрешности фактического характера и в том месте книги, где автор описывает дрезденские переговоры между Наполеоном и Меттернихом в 1813 году, после отступления остатков наполеоновской армии из России в Германию. Е. Тарле воспроизводит описание эффектной сцены между Наполеоном и Меттернихом в Дрездене, игнорируя при этом главное — закулисную обстановку, без которой вся эта сцена совершенно непонятна. Это игнорирование дает автору возможность истолковывать дрезденские переговоры в том смысле, что «австрийская дипломатия, в сущности, не хотела ни окончательной победы Наполеона над коалицией, ни окончательной победы коалиции над Наполеоном... Меттерних выбивался из сил (?!), чтобы убедить его отказаться от Гамбурга, Бремена и Любека». Наполеон же ни от чего не хотел отказываться по той якобы причине, что если бы он капитулировал, то «во имя чего французская буржуазия и дальше переносила бы его неслыханный деспотизм?» (стр. 437).

Такая трактовка дрезденских переговоров далеко не соответствует действительности. Меттерних отнюдь не ставил себе задачи спасти от гибели Наполеона.

По признанию самого Меттерниха в его «Мемуарах», целью дрезденских переговоров, условленной между Меттернихом и Александром I, было «выиграть время» до того момента, когда «мы сможем начать наступление». И когда Меттерних с этой целью явился в Дрезден, Наполеон разгадал, что Австрия уже пришла к соглашению с Россией и Пруссией против Франции. Меттерних, по его собственным словам, выполнял трудную задачу: остановить молниеносное наступление Наполеона после его победы при Бауцене[2]. Вот откуда предложение перемирия и посредничества Австрии для заключения якобы мира на «самых умеренных» условиях; вот откуда «бешенство и ярость» Наполеона, так хорошо разгадавшего цель переговоров Меттерниха.

Как известно, Наполеон все же согласился на перемирие. Автор считает всю наполеоновскую дипломатию этого периода основанной на самоубийственном принципе «все или ничего». С этой точки зрения, казалось бы, что согласие Наполеона на перемирие является некоторым отступлением от этой губительной политики. Но биограф беспощадно критикует и этот шаг Наполеона, считая его «роковой ошибкой», потому что перемирие... «было одной из причин, побудивших Австрию выйти из своей посреднической роли и примкнуть к союзникам» (стр. 436). Это утверждение более чем рискованно. Переход Австрии на сторону коалиции определился *до* этого перемирия. Для Меттерниха вопрос заключался только в том, чтобы постепенно, «со ступеньки на ступеньку», перейти от союза с Наполеоном к союзу с коалицией. Также хорошо известно, что отказ Наполеона от перемирия означал бы для Меттерниха предлог для немедленного разрыва Австрии с Наполеоном.

Если верить автору, то у Наполеона был в 1813 году простейший выход из положения: заключить мир, который «после победы Наполеона под Люценом Меттерних брался (!!) восстановить между Наполеоном и союзниками» (стр. 433). И погубило Наполеона только то, что он не пожелал заключить мир. К этому, в свое время пропагандируемому Священным союзом тезису следовало бы отнестись с большой осторожностью. Меттерних писал в Вену, что целью предложения перемирия и мирного посредничества было «выяснить положение и вместе с тем — создать для себя оружие

---

[1] Маркс и Энгельс. Соч. Т. V, стр. 11.

[2] «Мемуары» Меттерниха. Французское издание. Т. I, стр. 139—140.

внутри нации»[1]. Таким образом, коалиция отнюдь не хотела мира, а стремилась использовать переговоры для выяснения положения во Франции и для того, чтобы широко оглашавшимися мирными предложениями мобилизовать против Наполеона общественное мнение Франции.

Ключ понимания исторической роли Наполеона автор нашел в том, что «в Наполеоне было не только честолюбие, но и властолюбие, которое далеко превосходило своей силой даже его жажду славы» (стр. 9), что «власть и слава — вот были личные, основные его страсти и при том власть даже больше чем слава» (стр. 595); Наполеон стремился ко «всемирной монархии, к которой он явно шел уже после Аустерлица... После Тильзита эти стремления обозначались все яснее и яснее. На этом пути он не мог не погибнуть—и он погиб. И удивительнее всего не то, что он погиб, а что он так долго сопротивлялся своей гибели...» (стр. 594).

Такое понимание исторической роли и причин падения Наполеона имеет то преимущество, что никого не поразит новизной и неожиданностью. «Амбиция сгубила его и Францию вместе с ним»,—таков приговор популярного энциклопедического словарика, «маленького Ларусса», издающегося для массового французского потребителя. Совпадение с приговором Е. Тарле полное. К этой характеристике Наполеона Е. Тарле добавляет: «Наполеон очень мало кого любил; еще меньше он кого бы то ни было уважал. В нем не было жестокости, а было полное равнодушие к людям, в которых он видел лишь средства и орудия, но когда жестокость, коварство, вероломный обман представлялись ему необходимыми, он их совершал без малейших колебаний» (стр. 594).

С вышеприведенной характеристикой личности Наполеона у автора связана и оценка исторического значения его деятельности.

В книге Е. Тарле эта деятельность во все периоды ее окрашена в один цвет, наполнена одним содержанием: деспотизмом. Выдвигая всюду на первый план деспотизм и властолюбие Наполеона, автор неизменно трактует важнейшие исторические события под углом зрения этого суб'ективного фактора. Такая точка зрения помешала автору с достаточной полнотой развить свой отправной, вполне правильный тезис, который гласит: «Только в наивные времена идеалистической историографии и особенно той разновидности ее, которая называется «героической школой», Наполеону приписывалась роль творца современной ему эпохи мировой истории, давшего этой эпохе и ее идейное содержание и ее общее значение в развитии человечества. Для нас наполеоновская империя — порождение упорной борьбы новых социально-экономических сил со старыми, борьба, которая не Наполеоном началась и не Наполеоном кончилась и основной смысл которой заключался в победоносном наступлении буржуазии на феодальный и полуфеодальный строй во Франции и во всей Европе» (стр. 9—10).

Обратимся в заключение к точке зрения автора на наполеоновские войны.

«В избавлении от Наполеона, — говорит на стр. 597—598 своей книги автор, — видели в 1813—1814 гг. свое спасение не одни только обломки (?!) дворянско-феодального класса. Буржуазия покоренных Наполеоном стран жаждала теперь сбросить путы, которые наложил на нее Наполеон и которые мешали ей развернуться. Буржуазия завоеванных Наполеоном земель очень хорошо понимала и больно чувствовала, как Наполеон планомерно и беспощадно эксплоатирует эти земли в исключительных интересах французской буржуазии. Правда, когда национально-освободительное восстание против Наполеона окончилось низвержением наложенного им ига, то воспользовалась этой победой непосредственно не буржуазия, а та же феодально-абсолютистская реакция...» В этом положении, безусловно, имеются вполне правильные мысли, но вместе с тем обращает на себя внимание ошибочное представление автора об удельном весе и роли дворянско-феодального класса. Разве можно говорить об «обломках» этого класса в начале XIX века, когда дворянско-феодальный класс занимал еще господствующее положение в России, Австрии и Пруссии?! Александр I, Меттерних, Фридрих I прусский и даже Веллингтон отнюдь не представляли собой «обломков» дворянско-феодального класса Европы.

Далее, при таком одностороннем взгляде на значение коалиционной войны против Франции, естественно, исчезает из поля зрения историка контрреволюционная роль русского царизма в Европе.

Автор, повидимому, ставит знак равенства между национально-освободительной войной порабощенных Наполеоном народов и вторжением во Францию войск реакционной коалиции. Еще В. И. Ленин в статье «Несчастный мир» подчеркнул контрреволюционную роль русского царизма в этом вторжении. Ленин писал, что Пруссия оправилась «в освободительной войне, не без помощи разбойничьих государств, ведших с Наполеоном отнюдь не освободительную, а империалистскую войну...»[2]. Между тем в изложении автора причины интервенции царской России во Франции об'ясняются не стремлением Александра I восстановить старый порядок в Европе и на этой основе утвердить европейскую гегемонию русского самодержавия, а желанием освободить Европу и обезопасить границы России.

На стр. 429 автор пишет, что «дать Наполеону передышку значило оставить всю Европу попрежнему в его власти, а

---

[1] А. Сорель «Европа и французская революция». Французское издание. Т. VIII, стр. 211.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 287.

угрозу на Немане сделать постоянной и неизбывной». Это об'яснение ничем не отличается от тех мотивов, которые были выдвинуты Александром I в его приказе по армии 25 декабря 1812 года, где говорилось, что русские войска переходят границу «не для завоевания или внесения войны в земли соседей наших, но для достижения желанной и прочной тишины—дабы доставить себе спокойствие, а им свободу и независимость».

Об'являя безоговорочно все войны против Наполеона войнами национально-освободительными, автор не учел высказываний Ленина по этому вопросу, где говорится о том, что «все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистскую и обратно. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми... А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона» [1].

Приведенная нами выше цитата из статьи Ленина «Несчастный мир» свидетельствует о том, как эта национально-освободительная война против Наполеона превратилась в свою очередь в империалистскую, когда войска коалиции оккупировали Францию, произвели реставрацию династии Бурбонов. Причем здесь важно было отметить, что самая почва для реставрации Бурбонов исторически была уже подготовлена бонапартистской диктатурой Наполеона I.

Несколько ошибочно, по нашему мнению, трактует автор роль Талейрана, Фуше и других в последнем акте наполеоновской трагедии: эти люди под пером Е. Тарле превращаются в «умных», «проницательных» политиков, прозревающих неизбежное будущее и благоразумно приемлющих его. Начало заговора этих людей против Наполеона обозначается у автора как некоторое расхождение во взглядах. «Бесконтрольная, абсолютно ничем не ограниченная власть императора над колоссальным конгломератом стран и народов... начинала смущать приближенных. Даже самое поверхностное знание истории и даже искусственно заглушаемый голос инстинкта (!) говорили им, что подобные мировые монархи недолговечны...» (стр. 276). Соответственно этому Бернадотт (ничтожество которого показано Энгельсом) у автора попадает в «умные честолюбцы», а не продавшийся реставрации Савари—в «немудрящие исполнители» (стр. 310).

«Инстинкт и разум говорили тем, кто обладал более широким интеллектом и образованием, например тому же Меттерниху, что великая империя Наполеона — явление недолговечное...» (стр. 354). Но как же «гениальный Наполеон» не видел и не понимал того, что «понимали инстинктом и разумом» Меттерних, Фуше, Бернадотт, а также самые глупые, самые невежественные агенты реставрации и европейской реакции? После подробного описания автором необычайного ума и гениальности Наполеона в конце книги обнаруживается, что у этого гения нет ни широкого интеллекта, ни разума, ни образования, ни «даже самого поверхностного знания истории», и естественно он ставит себе цели «чисто-фантастические и невыполнимые»! (стр. 594).

Характеризуя Талейрана, Фуше и других участников заговора против Наполеона как людей «умных и проницательных» да к тому же обладающих «более широким интеллектом и образованием», Е. Тарле упустил из виду здесь же добавить, что эти лица (в особенности Талейран) на протяжении долгого времени были прямыми агентами, платными шпионами европейской коалиции, что они систематически продавали оптом и в розницу важнейшие государственные тайны.

В своем докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года товарищ Сталин указал на методы шпионской и диверсионной деятельности различных европейских государств во времена Наполеона:

«Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона» [2].

Деятельность Талейрана, Фуше и других в последний период наполеоновской империи носила как раз тот шпионский характер, о котором говорил в своем докладе товарищ Сталин. К сожалению, эту сторону деятельности указанных лиц Е. Тарле как раз и не отметил, а из характеристики автора читатель может даже вывести заключение, что Талейран и Фуше как «умные и проницательные» люди действовали по идейно-политическим соображениям.

В заключение нам хотелось бы указать, что основную причину падения Наполеона следует искать не в его «чисто-фантастических и невыполнимых планах», а в том, что он вступил в компромисс со старыми, феодальными европейскими династиями. Энгельс по этому поводу пи-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 181.

[2] «Правда» от 29 марта 1937 года.

сал следующее: «Величайшей ошибкой Наполеона было то, что он соединился со старыми антиреволюционными династиями... что, вместо того, чтобы уничтожить всякие следы старой Европы, он старался вступить с нею в компромисс... Он опустился до уровня других монархов, он стремился к чести быть равным им, он преклонился перед принципом легитимности, — и вполне естественно, что легитимисты выбросили узурпатора из своей компании... Наполеон был свергнут союзом феодалов, или аристократов, и буржуа, торговыми средними классами Европы»[1].

Наряду с отмеченными выше серьезными недостатками книга Е. Тарле имеет и ряд достоинств. К числу их нужно отнести прежде всего живую форму изложения. Книга написана популярным, местами образным языком; некоторые удачно написанные главы читаются с неослабевающим интересом.

М. Баскин

А. ВАЛЛОН. История рабства в античном мире. Греция. Соцэкгиз. 1936. 311 стр. 7 руб.

Анри Валлон — буржуазный французский историк середины XIX столетия. По своим воззрениям это типичный буржуа, глядевший на мир сквозь призму капиталистических отношений. Не даром он был одним из творцов французской конституции 1875 года, которая, как и все конституции буржуазных государств, была создана на основе «убеждения о незыблемости капиталистического строя»[2].

На стр. 152—153 рецензируемой работы мы находим формулировку социально-политической программы Валлона. Автор утверждает, что естественное состояние человечества основано на принципах «свободы и равенства», причем тут же раз'ясняет, что понимает он под этим. Речь идет о таких отношениях, при которых рабочий класс из врага капитализма становится сторонником сохранения капиталистического порядка. В свете этого буржуазного «идеала» Валлон приступает к анализу античного рабства, об'являя его противоречащим естественным условиям существования человеческого общества. «...Рабство,— заявляет он,— как состояние противоестественное, по необходимости обречено на противоречие» (стр. 152).

Таким образом, критикуя рабство, Валлон критикует его с позиций буржуазного либерализма, притом либерализма весьма сомнительного толка, и заранее расписывается в своем бессилии подойти сколько-нибудь глубоко к подлинным противоречиям рабовладельческой системы. И все же Валлон неизмеримо выше современных фашистских мракобесов. Он открытый противник расовой теории. В его работе отсутствует та модернизация прошлого, которая отличает современных буржуазных историков, пытающихся увидеть в античном мире все новейшие признаки империалистической эпохи.

У Валлона античное общество хотя и не представляет собой особой формации, однако имеет специфические черты, качественно отличающие его от феодального и капиталистического строя. Он очень хорошо понимает все значение рабства для древней истории.

Валлон дает систематический обзор многочисленных античных источников. Особенно широко использует он произведения античной литературы, в частности античные комедии: он подвергает также критическому разбору и важнейшие работы Платона и Аристотеля. Не оставил Валлон без внимания и эпиграфический материал. Вот почему его книга представляет значительный интерес и может быть использована самыми широкими слоями советских читателей, в первую очередь студентами исторических факультетов и преподавателями средних школ.

Особый интерес представляет глава VIII, где специальный параграф (§ 4) посвящен революционным выступлениям рабов. Валлон, в противоположность большинству буржуазных историков, не только не игнорирует революционной борьбы рабов в древнем обществе, но и рассматривает ее как закономерное явление древнегреческой и древнеримской жизни. Он отмечает два метода борьбы рабов со своими угнетателями: прямое вооруженное восстание и бегство. Оба эти приема сочетались вместе и, по справедливым указаниям автора, наносили чувствительные удары «интересам хозяев». Он уделяет специальное внимание восстанию рабов в Лаврийских копях, говорит о выступлении рабов на острове Хиосе, упоминает о бегстве 20 тысяч афинских рабов к спартанцам в Декелею.

Далее Валлон сообщает о приемах борьбы рабовладельцев с восставшими рабами. Он отмечает старания рабовладельцев изолировать рабов друг от друга, лишить их возможности общаться, а часто и прямо подавить движение рабов путем применения самых суровых пыток. Тут Валлон приходит к любопытным выводам: он утверждает, что все попытки рабовладельцев подавить выступления рабов не могли принципиально привести к положительным результатам. «Разве ненависть к ярму и жажда свободы у порабощенных классов, — восклицает он,—не окажутся более изобретательны-

---

[1] Ф. Энгельс. Т. V, стр. 10—18.

[2] Сталин «О проекте Конституции Союза ССР», стр. 18. Партиздат. 1936.

ми и более плодотворными в создании своих военных хитростей? Насилие и все средства принуждения часто вызывали взрыв, тем более ужасный, чем дольше они применялись» (стр. 143—144).

Так писать мог лишь человек, переживший опыт революций 1848 и 1871 годов во Франции, сам принадлежавший к «партии порядка», однако вынужденный «признать» де-факто революционную борьбу трудящихся против своих эксплоататоров.

Несмотря на идеалистическое понимание истории автор вынужден признать классовый характер античной идеологии. Особенно большое внимание уделяет Валлон воззрениям Платона и Аристотеля. На основе соответствующих цитат он с большой убедительностью доказывает, что для Аристотеля рабство является чем-то абсолютно необходимым, что всякий выход за пределы рабовладельческих отношений кажется величайшему гению античности чем-то бессмысленным и противоречащим естественным и человеческим законам.

Переходя к воззрениям Эпикура и Зенона, Валлон подчеркивает, что и здесь рабство или открыто признавалось или молчаливо принималось как само собой разумеющийся факт.

В итоге Валлон приходит к такому выводу: «Рабство было санкционировано у греков самым фактом своего существования, законом и общественным мнением. По мнению всех, оно было необходимо; по заявлениям многих, оно было естественно. Немного голосов поднималось в защиту этих людей, у которых не хотели даже признать права на человеческое достоинство; большинство же старалось доказать в общем, что по своим нравственным качествам рабы стоят на более низкой ступени; а эта низшая ступень оправдывала презрение к ним и манеру обращения с ними; и нужно сказать, что те послабления, которые были введены практикой, не имели другого основания, кроме хорошо понятого личного интереса» (стр. 196).

Подобный подход Валлона к оценке античной идеологии, почти полностью совпадающий со взглядами Энгельса о классовом рабовладельческом характере античной культуры, делает автора предлагаемой книги головой выше значительной части других буржуазных историков, в особенности историков античной культуры, пытающихся видеть в античных мыслителях «абстрактных гуманистов», лишенных каких бы то ни было «классовых предрассудков».

Здесь же Валлон допускает нижеследующий экскурс в современность: «К сожалению, нет ничего более трудного, чем освободиться от предубеждений, продиктованных старыми обычаями или собственническими интересами; можно ли упрекнуть древнюю философию в том, что она защищала рабство в своих системах, когда в наше время, при господстве христианских принципов, широко применяемых в нашем законодательстве, можно было видеть, как в колониях, где имеются рабы, продолжало сохраняться это «естественное право» рабства, и оно удерживалось на этом проклятом участке жизни до того момента, когда государственное постановление, довольно решительное по существу, оставило за ним лишь ограниченное поле применения, со всеми оговорками, которые оно могло им предоставить» (стр. 196—197).

Так, сам того не замечая, Валлон выступает против своих собственных коллег, против самого себя и всех тех, кто и теоретически и практически никогда не выходил за пределы ограниченного буржуазного миропонимания.

На стр. 170 рецензируемого труда Валлон очень метко разоблачает расовый подход к проблеме рабства. В то время как рабство «унижало людей», античные философы превращали следствие в причину и видели в унижении основу для рабства. Вот почему учение о двух расах—«свободной и благородной» и «ничтожной и подчиненной» — является, по мнению Валлона, легендой, созданной в целях освящения этого классового института. Этим своим рассуждением автор попадает не в бровь, а в глаз современным «ученым расоведам».

Чрезвычайно любопытна судьба разбираемого произведения Валлона. В фашистских странах оно сознательно игнорируется; на родине Валлона о нем еще помнят, но почти не используют его. И только в стране победившего социализма «История рабства в античном мире» специально переводится на русский язык и выпускается 15-тысячным тиражом.

Написанная хорошим, популярным языком, удачно переведенная, книга Валлона, несомненно, получит широкое распространение среди советских читателей, занимающихся историей древнего общества.

Издана книга культурно, хорошо переплетена, не хватает только иллюстраций. Ничем не оправдывается отказ Соцэкгиза от печатания греческого текста с соответствующими акцентами.

В. Васютинский

В. В. СТОКЛИЦКАЯ-ТЕРЕШКОВИЧ. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV веках. Изд-во Академии наук СССР. 1936. 341 стр. 13 р. 50 к.

Немецкий город эпохи средних веков, который является темой исследования тов. Стоклицкой, отнюдь не представляет новой проблемы в исторической литературе. Вопросу этому посвящена не одна сотня томов; эту тему трактуют не только общие и сводные работы, но, как говорит автор рецензируемой книги, существует «обилие монографических исследований, посвященных истории немецкого города XIV—XV веков, имеется большое количество документального материала, извлеченного из архивов и опубликованного в печати» (стр. 13). Такое количество источников и столь обширная литература делают задачу исследователя особенно трудной: нужно сказать что-то новое, найти неизвестные доселе черты столь крупного в истории средневековой Германии явления, как город. В большинстве своем литература по данному предмету находится и по сие время под влиянием ложных и методологически ненаучных концепций, поэтому особенно сложной и ответственной является работа советского исследователя, стремящегося осветить этот вопрос под углом зрения марксистско-ленинского учения.

Труд тов. Стоклицкой-Терешкович, несомненно, вызовет большой интерес у советского читателя. Вместе с тем читатель пред'явит к нему и большие требования.

Разберем же конкретно, что собой представляет рецензируемая нами книга. Прежде всего необходимо отметить необычайно солидную базу, на которой она основывается: общее количество работ, использованных автором, превышает 150, среди них очень много документов, редкие для нас диссертации и ряд других полудокументальных и исследовательских работ. Можно смело сказать, что автор использовал почти все имеющиеся материалы. Являясь строго научным исследованием, книга тов. Стоклицкой-Терешкович заключает в себе сильную критическую струю: автор задается целью опровергнуть распространенную в буржуазной историографии теорию Карла Бюхера, согласно которой немецкий город в средние века был какой-то обителью социального равенства и благополучия. Но, критикуя Бюхера, тов. Стоклицкая-Терешкович сумела избежать модернизации города XIV—XV веков, столь соблазнительной для некоторых реакционных историков, вроде Зивекинга или Допша, для которых город этого периода представляется вполне капиталистическим явлением. Тов. Стоклицкая-Терешкович не пошла по этому пути и совершенно правильно разоблачает ненаучность этих концепций. В своих выводах и заключениях она исходит из марксистско-ленинской теории об общественно-экономических формациях и опирается на взгляды основоположников марксизма.

Рецензируемая нами книга распадается на семь очерков, рисующих отдельные стороны экономической и социально-политической жизни города XIV—XV веков (имущественные различия населения, хозяйственная организация и деятельность цехов, положение подмастерьев и рабочих, продовольственная политика города, классовая борьба в его стенах). Немецкий город этого периода отнюдь не представляет общины мелких производителей с более или менее равным достатком; наоборот, отмечает автор, громадное большинство горожан живет в жестокой нужде, которая неуклонно растет; одновременно с этим возрастает богатство небольшой кучки коммерсантов и предпринимателей. Это типичная черта не только крупных городов (Мюльгаузен, Констанц и др.), но и небольших, как например Дрезден.

С указанным выводом нельзя не согласиться, но при разборе фактов, которые приводит автор, хотелось бы знать, почему она не дает данных о больших и более известных городах, вроде Кёльна, Аугсбурга или Нюрнберга, тем более что в дальнейших очерках она останавливается главным образом именно на этих городах. Выводы, повторяем мы, убедительны, но при наличии приведенных автором данных они могут показаться в известной степени случайными. Мы полагаем, что в этом отношении следовало бы придерживаться большей последовательности в подборе материала, особенно если такой материал имеется. Вслед за тем возникает и другой вопрос: имущественная диференциация немецкого города была очень велика—это положение совершенно правильно, но что конкретно представляли собой эти классы городского общества, как распределялись доходы между ними? Энгельс в свое время в «Крестьянской войне в Германии» дал блестящий очерк городского общества в этот период. Нам думается, что тов. Стоклицкая-Терешкович могла бы нарисовать общественную структуру города в связи с доходами каждой из этих социальных групп. Без такого очерка картина социально-экономического состояния городского населения теряет в своей полноте и ясности.

Еще более наглядную картину средневекового города дает нам второй очерк рецензируемой книги, рисующий эволю-

цию ремесла. Автор показывает, насколько внешним являлось равенство в цехах, насколько формальной представлялась патриархальность отношений между отдельными представителями ремесла (мастер, подмастерье, ученик). Больше того: оспаривая взгляды Бюхера, тов. Стоклицкая приводит большое количество фактов о несомненном перерождении цехов: выросли цехи-предприниматели, с одной стороны, и развились в капиталистов отдельные мастера, закабалявшие своих товарищей по цеху,—с другой. В первом случае имело место закабаление одним из цехов данного производства остальных, во втором—небольшая группа членов цеха, превратившихся в купцов и организаторов производства, ставила в зависимость от себя прочих участников организации. И здесь и там наблюдалось постепенное превращение независимого производителя в рабочего рассеянной мануфактуры. Этот процесс, естественно, вызывал сопротивление со стороны нищавших мастеров: они пытались остановить его регламентацией и разного рода правилами против конкуренции. Но что может сделать юридическая норма перед безудержным напором новых экономических отношений?

Тов. Стоклицкую можно было бы упрекнуть в переоценке капиталистических элементов в цеховом ремесле, однако она справедливо оговаривается, что данные выводы относятся к крупным торговым городам, в мелких же подобные явления развивались медленно и капиталистические элементы наблюдались еще редко. Факты, приводимые в этом очерке, относятся лишь к текстильной промышленности таких городов, как Кёльн, Ульм, Страсбург. Жаль, что автор игнорировал другие отрасли производства: горное дело, металлургию. Здесь еще нагляднее можно было бы проследить противоречия в цеховых организациях и рост капиталистических элементов.

Однако мы позволим себе не согласиться с некоторыми положениями указанного очерка. Мы возражаем против употребления термина «кустарь» (стр. 88) в отношении рабочих рассеянной мануфактуры: ненаучность его доказал давно уже В. И. Ленин[1]. Точно так же неправильным является выражение «домашняя форма крупной индустрии». Вряд ли можно потом говорить о мануфактуре в отношении зависимости отдельных цехов одинакового производства от ведущего в нем цеха: здесь скорее мы имеем дело с тенденцией к мануфактуре. Явно неправильным нам кажется определение бегардов как «полумонашеского ордена с дурной репутацией» (стр. 77). Последние широко были распространены в ремесленных низах Нидерландов и Германии и монахами не являлись; «плохая» же их репутация установилась за ними в силу того, что бегарды разделяли своеобразные, расплывчатые коммунистические взгляды и старались даже провести их в жизнь. Естественно, «заслуженные братья», т. е. цеховая олигархия, стремились удалить их из цеха не за плохое поведение вообще, а именно за коммунистические взгляды.

Большой интерес представляет третий очерк—о положении подмастерьев.

Автор здесь показывает, как создавался этот слой рабочих средневековья, рисует условия их труда, рабочий день, формы заработной платы, зависимость от хозяина, приниженность. Хорошо обрисованы в очерке организации подмастерьев для борьбы за улучшение условий своей жизни: братства, содружества. Правильно отмечена их тенденция к слиянию в единый союз для активной борьбы и централизация таких союзов по областям. Интересны данные о стачках того времени. Очень любопытный факт—с'езд мастеров-портных 20 рейнских городов для борьбы со стачками подмастерьев[2]. В конце-концов с'езд вынужден был пойти на некоторые уступки. Автор правильно подчеркивает отсталость взглядов и настроений подмастерьев, отмеченную еще Энгельсом.

Признавая большие достоинства этого очерка, мы все же должны отметить в нем и слабые стороны. Автор неоднократно упоминает о восстаниях подмастерьев, но почти не останавливается на них конкретно. Наконец, абсолютно нельзя признать убедительным отказ тов. Стоклицкой выяснить реальную заработную плату ткачей. Ведь делали это с менее богатым, может быть, материалом Н. Грацианский в работе о парижских цехах, С. Крэмер об английских ремесленниках и Озэ—о французских. Автор рецензируемой книги жалуется на особые условия Германии, которые якобы препятствуют этому (разница в монете, ее порча, неопределенность бюджета подмастерья), но в других случаях все же берет отдельные города (см. очерк IV). Мы считаем, что и в этом случае можно было точно так же отказаться от выводов о заработной плате для всей Германии и остановиться на одном—двух городах, лучше других освещенных документами. Например Кёльн или Франкфурт — как раз два типа городов: средний и крупный.

Гораздо лучше обрисовано экономическое положение строительных рабочих. Здесь автор целиком базируется на оригинальных документах и делает как раз то, что упускает в предыдущем очерке. Прекрасно показана организация строительного производства: его крупный ха-

---

[1] Ленин. Собр. соч. Т. III, стр. 351—352.

[2] Вызывает недоумение дата этого с'езда: на стр. 155 указан 1452 год, в дальнейшем же везде 1457 год. Если это опечатка, то следовало бы ее оговорить.

рактер, черты капиталистического предпринимательства в нем. Автор подчеркивает, что следует отличать проводимую самим городом организацию строительных работ, как это было в Нюрнберге, от частной инициативы во Франкфурте и Регенсбурге, где капиталистические элементы производства проявились резче. Очень подробно и четко выявлены размеры заработной платы строительных рабочих и ее движение (к концу XV века она реально падала, хотя номинальная ее стоимость несколько возросла). Здесь в отличие от главы о подмастерьях показаны и бюджет рабочего, и рабочий день, и номинальная сумма получаемого строителями вознаграждения. Тов. Стоклицкая-Терешкович отмечает и здесь процесс диференциации между мастером и подмастерьем, постепенную пролетаризацию последнего, которая особенно проявлялась во Франкфурте и Регенсбурге (в этих городах мастера имели больше значения и веса и не зависели от городского совета, как например в Нюрнберге).

Картина представляется вполне ясной, хотя, на наш взгляд, о Регенсбурге следовало бы сказать больше. Кроме того сюда нужно было прибавить еще некоторые данные о других городах (трех городов недостаточно все же для характеристики этого вопроса). Но вот что кажется непонятным: автор говорит о борьбе с мастерами в строительном цехе, но не приводит ни одного случая такой борьбы, за исключением беглого упоминания о восстании 1349 года. Отсутствие подобных фактов, по нашему мнению, является большим упущением: мы не знаем ни о формах, в какие выливалась эта борьба, ни о степени ее интенсивности и количестве выступлений рабочих в свою защиту.

Большое место уделено в книге продовольственной политике города в XIV—XV веках (очерки V—VI). Автор, несомненно, прав, когда заявляет, что «в этой проблеме, как в фокусе, с увеличенной силой отражаются лучи, идущие из отдаленных уголков социальной жизни города» (стр. 204). Очерк этот распадается на две части: в первой из них рисуются торговые связи городов, их размеры, характер самой торговли; во второй нам показывают деятельность цехов по производству с'естных припасов, отношение к ним населения городов и городского управления, наконец, здесь же приводятся очень ценные данные о происходившей на почве голода и недостатка продовольствия острой классовой борьбе (гамбургское восстание 1483 года).

Первую часть этого очерка мы можем назвать полемической. Рядом иллюстраций автор показывает обширный радиус закупок и торговли зерном и мясом (например в сделках с зерном для Нюрнберга он равнялся 4800 км, а в сделках с мясом Кёльн имел связи с Московским государством, стр. 226 и 230).

Эти факты резко опровергают схему К. Бюхера: несостоятельными являются как его утверждения о том, что город тяготел в продовольственном отношении лишь к близлежащему округу, так и мысль о том, что город лишь закупал продовольствие в сельской местности и активно в торговле продуктами питания не выступал.

Во второй части этого очерка тов. Стоклицкая показывает роль городской олигархии в периодически возникавших тогда голодовках. Организация хлебных и мясных запасов находилась под контролем городского совета (аристократического по своему составу); последний делал ряд уступок торговцам с'естными припасами, мясникам и пекарям. Правда, под давлением широких кругов населения иногда принимались меры для борьбы с самовольным расходованием продовольствия (особенно во время войны), но делали это далеко не всегда решительно, часто смотрели сквозь пальцы на повышение цен на экспорт хлеба или мяса за пределы города для более выгодной продажи. Благодаря этому спекуляция особенно широко процветала в сфере торговли продовольствием. Под нажимом недовольного потребителя часто применяли репрессивные меры против спекулянтов: вводили регламентацию и таксу, взимали штрафы и допускали нарушение монополии «продовольственных» цехов. Но, как справедливо указывает тов. Стоклицкая-Терешкович, эти меры далеко не всегда помогали, и народные массы города, для того чтобы уладить продовольственный вопрос, бывший для них вопросом жизни и смерти, не раз прибегали к силе: подымали настоящие восстания, принимавшие политический характер. В книге отмечено два таких восстания: в Кёльне в 1481 — 1482 году и в Гамбурге в 1483 году. Последнее продолжалось 5 месяцев и превратилось в подлинную революцию городской демократии. Описанию этого восстания уделено значительное место, и оно представляет один из наиболее ярких моментов всей книги.

Заключительный очерк рецензируемой работы посвящен политической борьбе в Кёльне в XIV—XV веках. Это тоже одна из самых ярких глав книги. Обрисовав хозяйственное развитие и достигнутое Кёльном к середине XIV века могущество, автор останавливается на политическом строе этого города, выясняет борьбу партий, противоречия между патрициатом и цеховой демократией, раздоры внутри самой городской аристократии (группа старой аристократии и новой, связанной с купечеством). Антагонизм между патрициатом и цеховыми элементами, не имевшими никаких прав, привел в 1369 году к восстанию. Цеховая демократия совместно с купечеством победи-

ла, добилась некоторых для себя политических прав, но затем потеряла их благодаря предательству купцов, присоединившихся к аристократии. Вскоре противоречия проявились с новой силой и привели в 1396 году снова к восстанию. Цехи в этом случае добились решительной победы, и господству аристократии был положен конец. Но и в этом случае власть досталась не цехам, а купечеству. Быстрый рост капиталистических элементов в Кёльне неминуемо вел к подобным результатам, выдвинув вперед купечество. Только в XVI веке в связи с упадком торгового населения Кёльна цехи приобрели власть, да и то после двух восстаний (1482 и 1513 годов). Ярко и сильно автор набросал нам картину ожесточенной классовой борьбы в поздне-средневековом городе, показал ее характер, движущие силы и об'яснил результаты; некоторые места этой главы читаются с захватывающим интересом. Но все же один вопрос остается для читателя неясным: это вопрос о составе патрициата. По поводу происхождения его в научной литературе давно уже происходила дискуссия: В. Зомбарт видел в нем землевладельческие элементы, другой ученый, Штридер, связывал его с купечеством и ремесленниками, умножившими свой капитал. Своего отношения к этому вопросу тов. Стоклицкая-Терешкович никак не показывает, не дает она и удовлетворительной характеристики этой группы. «Предки их в большинстве случаев принадлежали к купеческим цехам» (стр. 284),— говорит она довольно голословно, не доказывая, однако, как могла произойти подобная эволюция в эпоху очень суженного круга экономических возможностей капитала до XIV века.

Итак, подведем итог всей рецензируемой книге. Несомненно, автору ее удалось основательно разбить «теории» Бюхера, Шенберга и К° и столь же удачно опровергнуть реакционных модернизаторов средних веков, вроде Зивекинга и Допша. Тов. Стоклицкой удалось также на конкретном материале показать проникновение в городское хозяйство капиталистических элементов, постепенно разлагавших феодальные отношения и подготовивших великие сдвиги XVI столетия, в частности Реформацию и крестьянскую войну 1525 года. Историк крестьянской войны в книге тов. Стоклицкой-Терешкович найдет об'яснение ряда событий той эпохи (1524—1525 годы). В целом работа ясно и четко выявляет основные черты немецкого города XIV—XV веков и дает действительно глубокий исследовательский анализ очень сложных вопросов.

Но вместе с тем нельзя не отметить некоторой отрывочности во всей книге, каких-то недостающих звеньев: не видно таких ярких фигур средневекового города, как патриции или купцы; не показаны их организации; почти не затронута политическая жизнь городов того времени (дан хотя и очень яркий пример, но только одного города—Кёльна). Да и по целому ряду других вопросов, уже отмеченных выше, есть пробелы.

Указывая на все минусы рецензируемой работы, мы должны тем не менее подчеркнуть большую эрудицию ее автора, очень точную технику исследования и марксистское освещение всех поставленных вопросов. В этом отношении тов. Стоклицкая-Терешкович показала, что можно успешно работать над темой, основательно изученной многими историками, и достигнуть больших результатов, открыв новые, неизведанные области в этом, казалось, столь разработанном вопросе. Книга тов Стоклицкой-Терешкович является ценным вкладом в историческую науку.

П. Е. ЩЕГОЛЕВ. Дуэль и смерть Пушкина. Журнально-газетное об'единение. М. 1936. 397 стр. 3 р. 50 к. 40 000 экз.

Книга П. Е. Щеголева — покойного биографа Пушкина — представляет одну из самых фундаментальных работ, посвященных последнему, наименее исследованному периоду жизни величайшего русского поэта. Несмотря на то что книга П. Е. Щеголева была задумана и выполнена в плане научного исследования, не преследующего целей популяризации, все же она, по справедливому замечанию автора предисловия М. Цявловского, «сделалась одной из самых известных, любимых в широких читательских кругах книг по биографии Пушкина».

В соответствии с задачами, поставленными автором этого исследования, книга Щеголева построена исключительно на архивных материалах, в значительной своей части не появлявшихся в печати; однако это отнюдь не значит, что «Дуэль и смерть Пушкина» написана сухим языком исследователя, бесстрастно комментирующего факты и документы: книга эта в живой, образной и яркой форме дает связное изложение последнего, трагического этапа жизни Пушкина. При всех высоких достоинствах работа Щеголева имеет и очень существенные недостатки, которые, в сущности, искажают фактическую сторону дела и представляют в неправильном свете главные причины гибели Пушкина: автор поставил своей задачей изложить последний период жизни поэта под углом зрения «только семейных отношений Пушкина», вне связи с историей взаимоотношений поэта с царским правительством и придворными кругами, которые и были основными виновниками смерти Пушкина. Благодаря такому подходу к исследованию гибель поэта как событие глубокого социального значения в значительной мере смазывается.

Настоящее издание напечатано в несколько сокращенном виде: опущены главным образом те места из книги Щеголева, которые не представляют особого интереса для читателя-неспециалиста.

А. ЧАПЫГИН. Разин Степан. Журнально-газетное об'единение. М. 1936. 542 стр. 5 руб. 40 000 экз.

Исторический роман А. Чапыгина «Разин Степан» принадлежит к числу наиболее удачных попыток представить в живой, образной форме жизнь и деятельность вождя крупнейшего крестьянского восстания XVII века — Степана Разина.

Книга Чапыгина знакомит советского читателя не только с личностью Разина, но и рисует разинское восстание на фоне конкретной социально-экономической и бытовой обстановки XVII века.

Крупным достоинством романа являются основательное знакомство автора книги с материалами того времени и отличное знание описываемой эпохи.

А. Чапыгин в художественной форме сумел воплотить весь тот большой документальный исторический материал, который лег в основу его произведения. Использованные автором записки иностранных путешественников и купцов, показания участников и современников событий, грамоты и донесения царских слуг дали ему возможность изобразить основные события эпохи и участников этих событий в ярких и правдивых образах.

Отступления от исторической правды в книге Чапыгина очень редки и нехарактерны для всего произведения в целом. Вводная, обстоятельно написанная статья А. Гайсиновича знакомит читателя с основными социально-экономическими чертами XVII века и дает краткий критический разбор литературы о Разине. Настоящее издание «Разина Степана» вышло с иллюстрациями и на хорошей бумаге.

«Исторические путешествия». Сборник составил В. Алексеев. Сталинград. Краевое книгоиздательство. 1936. 327 стр. 6 руб.

Составитель сборника В. Алексеев поставил себе целью показать прошлое нашей страны и прежде всего прошлое Сталинградского края в XV, XVII и XVIII столетиях в освещении иностранных путешественников, ученых-купцов и политических деятелей.

В настоящий сборник вошли извлечения из мемуаров и записок одиннадцати авторов: десяти иностранных и одного русского. О характере книги известное представление дает краткий перечень трудов, выдержки из которых помещены в настоящем сборнике: 1) А. Контарини «Путешествия Амвросия Контарини, посла Светлейшей Венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Узун-Гасану, совершенное в 1473 году»; 2) Антоний Дженкинсон «Путешествие от города Москвы в России до города Бухары в Бактрии»; 3) Адам Олеарий «Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах»; 4) Я. Я. Стрейс «Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия»; 5) Давид Бутлер «Копия с письма, писанного в Испагани 6 марта 1671 года, с описанием взятия Астрахани»; 6) Джон Белль «Беллевы путешествия через Россию в разные азиатские земли»;

7) Корнилий де Бруин «Путешествие Корнилия де Бруина через Московию»; 8) Ян Потоцкий «Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году»; 9) Петр Симон Паллас «Путешествие по разным провинциям Российского государства»; 10) Иван Лепехин «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук ад'юнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году»; 11) Самуил Гмелин «Путешествие по России для исследования трех царств природы».

В сборник включены только те отрывки из произведений перечисленных авторов, которые косвенно или целиком относятся к Нижнему Поволжью. Все мемуары и записки путешественников расположены в книге в хронологическом порядке. Краткие сведения об авторах мемуаров и ссылки на источники, откуда взяты материалы, помещены в особых титульных листах, предпосылаемых каждому отрывку. Вводная статья написана составителем сборника В. Алексеевым.

П. КЕРЖЕНЦЕВ. Ирландия в борьбе за независимость. Соцэкгиз. 1936. 245 стр. 5 р. 50 к.

Книга «Ирландия в борьбе за независимость» излагает национально-освободительную борьбу Ирландии, одного из британских доминионов, в период от 30-х годов XIX века до 1922 года—момента образования Ирландского свободного государства.

Используя обширный фактический материал, автор дает характеристику различных политических партий, принимавших участие в движении, рисует их борьбу между собой, характеризует вождей, знакомит читателя с тем, как национально-освободительное движение переплетается с борьбой ирландского фермера против английского лендлорда, с борьбой за землю.

Книга рассчитана на партийный актив, научных работников, студентов вузов и т. д. *.

Е. ИОГАН и О. ТАНИН. Когда Япония будет воевать. Соцэкгиз. 1936. 238 стр. 3 р. 60 к.

Авторы книги «Когда Япония будет воевать» поставили перед собой задачу — проанализировать условия ведения Японией подготавливаемой ею «большой войны» против СССР. Путем детальных подсчетов, на основе данных японской статистики и печати, авторы устанавливают уровень материальных и финансовых потребностей, необходимых для ведения «большой войны», и возможности их покрытия промышленностью, сельским хозяйством, финансовыми и прочими ресурсами страны *.

Документы и материалы по истории народов СССР. «Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI веков». Соцэкгиз. 1936. 153 стр. 2 р. 50 к.

Настоящее издание представляет собой сборник документов и извлечений из законодательных памятников, характеризующих феодальный строй Великого княжества Литовского в XV и XVI веках.

Сборник предназначен как пособие, рассчитанное на студентов — историков и юристов,—аспирантов и преподавателей истории *.

* Звездочками отмечены аннотации издательства, перепечатанные без изменений.

ПЛАН СТАТЕЙ „ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА“ на 1937 год ПО РАЗДЕЛУ „20-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“

Напечатано в №№ 1, 2, 3, 4:

1. Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы).
2. Партия большевиков в феврале—марте 1917 года.
3. Национальная политика Временного правительства в Узбекистане.
4. Партия большевиков в марте—апреле 1917 года.
5. Крестьянство в буржуазно-демократической революции 1917 года.
6. Большевики Украины в борьбе с пятаковщиной в период VII (апрельской) конференции 1917 года.

Дальнейший план статей:

1. Коалиционное правительство 1-го состава.
2. Стокгольмская (III Циммервальдская) конференция.
3. Красная гвардия в Петрограде.
4. Июньское наступление.
5. I всероссийский с'езд советов.
6. Июньская демонстрация в Петрограде.
7. 2-я общегородская конференция Петроградской организации большевиков.
8. Национальная политика Временного правительства по отношению к Украине и Финляндии.
9. Июльские дни в Петрограде.
10. Июльские дни в провинции.
11. «Правда» в июльские дни.
12. Ленин в подполье.
13. Иваново-Вознесенск в 1917 году.
14. Московская окружная конференция большевиков.
15. VI с'езд (статья и мемуары).
16. Смольный — цитадель большевиков.
17. Московское государственное совещание.
18. Корниловщина.
19. Петроградская и Московская городские думы.
20. Большевистская печать в 1917 году.
21. Красноярский совет рабочих депутатов.
22. Петроградский комитет РСДРП(б).
23. Аграрное движение в Саратовской, Волынской и других губерниях.
24. Армия и флот накануне Октябрьской социалистической революции.
25. Ташкентский совет Р. С. и Кр. депутатов.
26. Заседания ЦК РСДРП(б) от 10 и 16 октября.
27. Штрейкбрехеры пролетарской революции.
28. Борьба за Великую пролетарскую революцию на Украине.
29. Борьба за Великую пролетарскую революцию в Белоруссии.
30. Борьба за Великую пролетарскую революцию в Закавказье.
31. Борьба за Великую пролетарскую революцию в Средней Азии.
32. Ленин и Сталин — организаторы побед Великой пролетарской революции.
33. Вооруженное восстание в Петрограде (статья и мемуары).
34. Вооруженное восстание в Москве (статья и мемуары).
35. II всероссийский с'езд советов (статья и мемуары).
36. Международный пролетариат на защите Великой пролетарской революции (ряд статей).

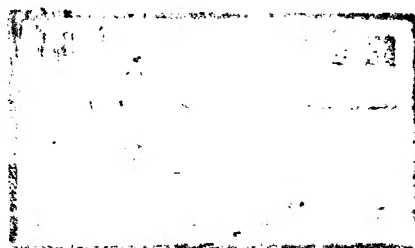
Редакция обращается к читателям и авторам «Исторического журнала» с просьбой дать свои замечания и дополнения по предложенному плану и принять активное участие в освещении намеченных тем.

Редакция

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в Издательство „Правда“. Адрес: Москва, 40, ул. „Правды“, 24, комн. № 216.

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**
Ответственный секретарь — **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № Б—10917 Изд. № 386 Зак. 568 Тираж 53 000
Материал сдан в набор 9/IV 1937 г. Подписан к печати 28/IV 1937 г. 8 бум. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва ул. „Правды“, 24.